

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

В.И.ВЕРНАДСКИЙ
•
ПИСЬМА
Н.Е.ВЕРНАДСКОЙ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АРХИВ АН СССР

В.И.ВЕРНАДСКИЙ
•
ПИСЬМА
Н.Е.ВЕРНАДСКОЙ
1886-1889

Составитель

Н. В. ФИЛИПОВА

Ответственный редактор

доктор исторических наук Б. В. ЛЕВШИН

МОСКВА

«НАУКА»

1988

Письма Н. Е. Вернадской (1886—1889) /В. И. Вернадский.— М.: Наука, 1988.—304 с.— ISBN 5-02-003183-6

В книгу вошли 166 писем академика В. И. Вернадского жене — Н. Е. Вернадской, которые публикуются впервые. Письма В. И. Вернадского, разные по форме (письма-автобиографии, письма-дневники, письма-исповеди, письма — отчеты о проделанной работе), всегда интересны и значимы по содержанию. Они насыщены фактами по истории политической, культурной и общественной жизни России, свидетелем, участником и комментатором которых был гениальный ученый.

Для историков науки, науковедов, геологов.

Ил. 2.

Рецензенты

Н. Ф. Овчинников, Г. А. Савина

В $\frac{1402000000-385}{042(02)-88}$ 103-87—IV

© Издательство «Наука», 1988

ISBN 5-02-003183-6

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя академика Владимира Ивановича Вернадского широко известно, но его творчество ученого-энциклопедиста до конца еще не раскрыто и не изучено. В. И. Вернадский настолько обогнал свое время, что лишь сейчас, спустя более 40 лет после смерти, постепенно вырабатывается понимание значения его творчества для будущего. Оценивая вклад в науку В. И. Вернадского, член-корреспондент Академии наук СССР С. Р. Микулинский писал: «Чем больше проходит времени, чем дальше продвигается вперед наука, тем ярче раскрывается значение, важность и глубина его идей, и притом не в историческом только аспекте, но и в поиске путей решения новых проблем. Из всех возможных критериев оценки труда ученого это, вероятно, самый безошибочный, по которому мы отмечаем великого ученого»¹

Большое научное наследие во многих отраслях знания оставил нам В. И. Вернадский. Помимо научных трудов, напечатанных как при жизни автора², так и после его смерти³, большую ценность представляет его эпистолярное наследие⁴.

Особое место занимают письма к невесте, а затем к жене — Наталии Егоровне Вернадской (1860—1943), с которой он прожил, по его выражению, «душа в душу и мысль в мысль» более 56 лет. В личном фонде академика В. И. Вернадского сохранилось 1586 писем объемом более 2000 с. за 1886—1940 гг., т. е. более чем за полвека. Это уникальный источник не только по объему, временному охвату, но и по содержанию. Он не только включает ценнейший материал для изучения биографии ученого, его научных исканий, но дает интереснейшие сведения о научной, экономической, общественно-политической жизни России и многих зарубежных стран.

¹ Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М.: Наука, 1981. С. 5.

² Полный список трудов приведен в кн.: Мочалов И. И. Владимир Иванович Вернадский (1863—1945). М.: Наука, 1982. С. 423—444.

³ В последние годы Архивом АН СССР, Институтом геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского АН СССР и Институтом истории естествознания и техники АН СССР были подготовлены и изданы научные труды В. И. Вернадского: Размышления натуралиста. Кн. 1. Пространство и время в неживой и живой природе. М.: Наука, 1975; Размышления натуралиста. Кн. 2. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1977; Живое вещество. М.: Наука, 1978; Избранные труды по истории науки. М.: Наука, 1981; Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М.: Наука, 1981.

Архивом АН СССР уже издано несколько книг из эпистолярного наследия В. И. Вернадского: Переписка В. И. Вернадского с Б. Л. Личковым. 1918—1939. М.: Наука, 1979; Переписка В. И. Вернадского с Б. Л. Личковым, 1940—1944. М.: Наука, 1980; Письма В. И. Вернадского А. Е. Ферсману. М.: Наука, 1985.

Владимир Иванович
ВЕРНАДСКИЙ

Наталья Егоровна в течение всей жизни была самым близким, самым понимающим, самым отзывчивым корреспондентом. Ей Владимир Ивановичверял все: и подробности научного эксперимента, и опасности политически неблагонадежного человека, и сомнения в самом себе, и разочарования в людях, и физические ощущения человека, карабкающегося в горах над пропастью, и новые, самые сложные научные или философские обобщения.

Дополнительную ценность письма приобретают от того, что они носят дневниковый характер, все события описаны очевидцем. В письме к невесте В. И. Вернадский писал: «Обыкновенно во время моих поездок я вел род дневника или летучих заметок о том, что приходилось видеть, теперь мне этого не хочется, а ужасно хочется передавать все это Вам, и я думаю (если Вы против этого ничего не имеете) излагать свой дневник к Вам в письмах, а другого не иметь» (с. 23).

Достоинство писем как исторического источника хорошо сформулировал советский писатель Ю. Нагибин: «Самые подробные, обстоятельные биографии, кропотливые исследования не создают иной раз такого "эффекта присутствия", как одно коротенькое письмо...»¹ С этой точки зрения письма В. И. Вернадского к жене — неисчерпаемый источник для исследователя.

Начало переписки относится к 1886 г. К этому времени В. И. Вернадский окончил физико-математический факультет Петербургского университета (октябрь 1885 г.) и был оставлен при нем для подготовки к профессорскому званию. В марте 1886 г. он был утвержден в должности хранителя Минералогического кабинета Петербургского университета. После смерти отца (1884 г.) получил по наследству (1885 г.) небольшое имение Вернадовку в Моршанском уезде Тамбовской губернии. Вернадовка давала средства, и В. И. Вернадский вместе с другом детства А. Н. Красновым (впоследствии крупный ботаник, основатель Батумского ботанического сада) решили отправиться в длительное заграничное путешествие. Впоследствии В. И. Вернадский вспоминал: «Я решил, но ничего не говорил матери, по окончании университета уехать за границу, кругом света — хотел видеть тропики. В семье я жил своей жизнью. И думал об отъезде надолго, даже об эмиграции, так как я тяжело переживал гнет самодержавных

¹ Встречи с прошлым. Вып. 5. М.: Сов. Россия, 1984. С. 15.

форм, которые казались порочными... Встреча с Натальей Егоровной Старицкой совершенно изменила мои, казалось, прочные планы»¹

Познакомился В. И. Вернадский с Н. Е. Старицкой зимой 1885 г. в группе по изучению и распространению народной литературы. Эта группа возникла в недрах студенческого кружка близких друзей, который впоследствии преобразовался в «Братство». Группа была создана по инициативе члена студенческого кружка Д. И. Шаховского, который считал, «что то или иное участие в деле просвещения масс — долг каждого члена интеллигенции»² Члены группы занимались изучением литературы для народа, подбирали библиотечки и высылали в провинцию, делали переводы иностранных книг. Постоянными членами группы, помимо студенческого

Наталья Егоровна
ВЕРНАДСКАЯ

кружка, в который входили В. И. Вернадский, братья С. Ф. и Ф. Ф. Ольденбурги, А. А. Корнилов, И. М. Гревс, Д. И. Шаховской, Н. Г. Ушинский, А. Н. Краснов, были несколько девушек: А. Н. Сиротинина, М. С. Гревс, три сестры Тимофеевы (Александра Павловна, Ольга Павловна, Наталья Павловна), позднее Н. Е. Старицкая и Е. С. Зарудная. Впоследствии И. М. Гревс вспоминал: «Обе вновь принятые девушки (Екатерина Сергеевна Зарудная и Наталья Егоровна Старицкая) внесли в компанию живые и привлекательные черточки личного характера, обе — тонкую живость и доброту, одна — художественный талант, другая — литературные вкусы, наблюдательность, горячий интерес к жизни; обе пылали идейною жаждою к хорошей жизни...»³

Н. Е. Старицкая родилась в Полтаве 23 ноября 1860 г. в большой, дружной семье. Ее отец Егор Павлович Старицкий — юрист по образованию, видный судебный и государственный деятель, член Государственного совета, дал всем своим детям прекрасное образование. Семья Старицких отличалась широтой интересов, духовностью. В личном фонде В. И. Вернадского сохранилось несколько тетрадей Н. Е. Старицкой с конспектами научных работ по политэкономии, истории, истории немецкой литературы⁴, которые свидетельствуют о широте и серьезности ее интересов. И. М. Гревс вспоминает, что Старицкая, помимо группы для изучения народной литературы, входила в кружок, «который

¹ Страницы автобиографии В. И. Вернадского. С. 50.

² Гревс И. М. В годы юности // Былое. 1921. № 16. С. 151.

³ Там же. С. 153.

⁴ ААН СССР, ф. 518, оп. 7, д. 4.

окрашен был “революционным социализмом”, но не народовольческим, а подходившим скорее к направлению старого “лавризма” (времен журнала “Вперед”), — изучали экономические сочинения Дюринга»¹ Кроме того, сохранились документы, свидетельствующие о том, что Наталия Егоровна была членом Общества для доставления средств Высшим женским курсам, действительным членом Комитета грамотности при Вольном экономическом обществе, членом районного комитета при Тверском попечительстве о бедных для устройства регулярных вечерних занятий с детьми всех служащих при университете в возрасте от 6 до 15 лет²

Наталия Егоровна хорошо знала иностранные языки и впоследствии помогала В. И. Вернадскому в переводе его трудов, издававшихся за границей, в переписке с иностранными учеными.

Скромная, добрая, широко образованная девушка, стремящаяся трудом приносить людям пользу, посильно улучшать жизнь народа, обратила на себя внимание В. И. Вернадского. А потом неожиданно пришло большое чувство. В письме к Наталии Егоровне он вспоминал: «...год [назад] разговор шел о любви, мое отношение к любви и ее силе было до тех пор вполне скептическое, я насмешливо улыбался, когда выставлялась сила этого великого чувства, когда говорилось о его значении... Теперь мне странны и дики эти мысли...» (с. 21). В мае 1886 г. В. И. Вернадский сделал предложение Н. Е. Старицкой. 1 июня 1886 г. в письме к В. И. Вернадскому она писала: ...с первого раза меня сильно повлекло к Вам, какая-то ужасная вера сразу явилась к Вам, вера в Вашу честность, искренность, отзывчивость, я могла сразу говорить с Вами как со старым другом, который все поймет и всему будет горячо сочувствовать (хотя вместе с тем казалось, что вся моя природа должна Вам представляться чуждой, может потому особенно, что сохранились обрывки того периода — недоверие к себе и т. д.)...»³ Несмотря на такое отношение к В. И. Вернадскому, Наталия Егоровна не сразу дала согласие на брак. Ее смущала разница в возрасте — она была старше В. И. Вернадского на 2,5 года.

Первые 20 писем были написаны до свадьбы (с 21 мая по 6 августа 1886 г.), когда В. И. Вернадский мучился неведением, какой ответ даст невеста. Письма были посланы из Петербурга (№ 1—3, 8, 9, 17), из Финляндии (№ 4—7), куда он ездил по поручению Петербургского общества естествоиспытателей для изучения месторождений мрамора в Рускеале и Вильманстранде и из Вернадовки и ее окрестностей, где он занимался делами своего имения.

Письма переполнены чувством. В них он пытается познакомить Наталию Егоровну со своей семьей, как он сам пишет, «набросать Вам род моей автобиографии... (№ 3—6) и планом будущей жизни: «Мне теперь уже выясняется та дорога, те условия, среди каких пройдет моя жизнь. Это будет деятельность ученая, общественная и публицистическая» (с. 29). Вернадскому 23 года, а он излагает довольно

¹ Гревс И. М. В годы юности // Былое. С. 151

² ААН СССР, ф. 518, оп. 7, д. 7.

³ ААН СССР, ф. 518, оп. 3, д. 252, л. 14.

зрелые мысли о семье, любви, положении женщины в обществе (№ 6).

3 сентября 1886 г. состоялась свадьба Наталии Егоровны и Владимира Ивановича Вернадских. Временной разрыв между письмами № 20 и 21 — девять месяцев, в течение которых супруги не разлучались. В мае 1887 г. Н. Е. Вернадская переехала с семьей своих родителей на летний отдых на дачу в Терноки, а В. И. Вернадский сначала оставался в Петербурге и продолжал работу в университете, а в июне уехал в экспедицию. Почти все письма за 1887 г. (№ 23—37) были отправлены Вернадским из экспедиции, которую он проводил по поручению Вольного экономического общества в Рославльском уезде Смоленской губернии. Вольное экономическое общество по предложению Д. И. Менделеева с 1865 г. начало научное исследование почв и способов их улучшения. По этой программе В. И. Вернадскому было поручено исследование фосфоритов в Рославльском уезде. За полтора месяца, которые он провел в экспедиции, им были обследованы места разработки фосфоритов — Несоново и его окрестности, определены границы распространения фосфоритов, новые точки залегания, указаны районы, наиболее богатые фосфоритами. Работа над фосфоритами была продолжена в лаборатории университета, и результаты этой работы и экспедиции были обобщены в большой статье «О фосфоритах Смоленской губернии»¹, о которой он не раз упоминает в письмах к жене за 1888 г. (№ 57, 85).

Оставшись в Петербургском университете для подготовки к профессорскому званию, В. И. Вернадский продолжал работу в общественных студенческих организациях. Он был председателем Совета объединенных землячеств (нелегальная студенческая организация), в котором активное участие принимали А. И. Ульянов, В. К. Агафонов, И. Д. Лукашевич, П. Я. Шевырев и др. Как вспоминал впоследствии В. И. Вернадский, Совет чуть ли не ежедневно собирался у них, так как после свадьбы они наняли квартиру близко от университета, на Васильевском острове². Продолжал принимать активное участие в заседаниях Научного совета Студенческого научно-литературного общества Петербургского университета. Секретарем общества был А. И. Ульянов. Общество было закрыто сразу после суда над покушавшимися на Александра III, так как все казненные 8 мая 1887 г.: А. И. Ульянов, В. Д. Генералов, П. И. Андреюшкин, П. Я. Шевырев были его членами. Вместе с Наталией Егоровной В. И. Вернадский продолжал работу в Санкт-Петербургском комитете грамотности при Вольном экономическом обществе. Общественная деятельность В. И. Вернадского обратила на себя внимание, на него поступил донос, и ему было предложено подать в отставку из Петербургского университета. Однако Е. П. Старицкий — отец Наталии Егоровны — добился предоставления В. И. Вернадскому заграничной командировки. К этому времени Вернадский «выдержал магистерские экзамены: минералогия — Докучаев, геология — Иностранцев, аналитическая химия — Меншуткин»³. В университете стремление

¹ Сначала было опубликовано: Краткое сообщение: (О фосфоритах Смоленской губернии) // Тр. Вольного экономич. о-ва. 1888. № 3. С. 84—85, а затем указанная статья: Там же. 1888. № 11. С. 263—294.

² Страницы автобиографии В. И. Вернадского. С. 54.

³ Там же. С. 55.

Вернадского получить заграничную командировку для подготовки магистерской диссертации поддержал В. В. Докучаев. В начале 1888 г. Вернадский получил от Петербургского университета научную командировку на два года.

20 августа 1887 г. в семье Вернадских родился сын Георгий (Гуля). В 1911 г. В. И. Вернадский писал в письме А. Е. Ферсману: «Гуля родился при условии, когда врач предупреждал, что может быть придется им пожертвовать для спасения жены...»¹ Вернадская долго и тяжело болела. Впоследствии в «Воспоминаниях» А. А. Корнилов писал о Наталии Егоровне: «...рождение первенца далось ей чрезвычайно трудно, а вскоре вслед за его появлением на свет у нее возобновилась старинная болезнь в почках, бывшая у нее когда-то в детстве — последствие скарлатины. Здоровье ее было так плохо, что несколько месяцев опасались за ее жизнь, так что не только не могло быть речи о кормлении новорожденного сына, но молодой матери скоро пришлось с ним разлучиться, оставив его у бабушки, а самой отправиться вместе с мужем, получившим тогда ученую командировку»²

Супруги выехали из России 17 марта 1888 г., в Неаполе были 1 апреля. В 1943 г. В. И. Вернадский, вспоминая о том времени, писал: «В Неаполе повидал старика А. Скакки, которого... ценил очень высоко как минералога, но который в это время уже не работал практически. Поэтому переехал в Мюнхен к Гроту»³ Из Мюнхена В. И. Вернадский пишет жене в Вильдунген, где она лечилась. В знаменитой лаборатории Пауля Грота В. И. Вернадский совершенствовал свои знания по минералогии и кристаллографии. В письме от 13 июня 1888 г. он писал: «я чувствую, что все более и более научаюсь методике, т. е. у меня появляются руки, а вместе с тем как-то усиленное и сильнее работает мысль» (№ 43). В Мюнхене Вернадский начал углубленное изучение химии и особенно органической химии. «Мне очень нужно знать органическую химию, потому что, я думаю, тогда можно совсем изменить систему минералов, да и работу над строением белковых веществ (в связи с генезисом жизни) я хочу рано ли, поздно ли начать» (№ 50).

В. И. Вернадский много и плодотворно работает в лаборатории П. Грота, слушает его лекции и лекции Л. Зонке (д. 35, лл. 4—6), занимается в библиотеках, читает неправдоподобно много не только по специальности, но, кажется, по всем отраслям знания и деятельности человека, о чем находим свидетельства в каждом письме. Кроме того, успевает следить за политической жизнью: «я вообще решил следить за газетами лучше: читаю русские, польские, итальянские, австрийские, французские, английские, американские и местные немецкие» (№ 44); «Читая газеты разных стран света, кажется, живешь вместе и чувствуешь всю вселенную, огромную, тесную, бессознательную и, может быть, бессмысленную связь свою со всем кругом находящимся» (д. 35, лл. 4—6). Вернадский в письмах к Наталии Егоровне не только информирует

ААН СССР, ф. 544, оп. 2, д. 5, л. 23.

ААН СССР, ф. 518, оп. 5, д. 68, л. 66.

Страницы автобиографии В. И. Вернадского. С. 60.

ею о событиях, прочитанных в газетах, но и дает свои оценки, характеристики, рассуждения, советует ей читать газеты разных направлений, чтобы узнать правду.

Уже в письмах, относящихся к началу научной деятельности, к годам молодости, выявляются характерные особенности творчества В. И. Вернадского: стремление к глубоким обобщениям и к научному синтезу. Это прослеживается не только, когда он пишет о своей основной специальности — минералогии, но и когда касается вопросов, связанных с другими отраслями знания. В предлагаемых читателю письмах он неоднократно обращается к размышлениям о науке, ее организации и преемственности, историческом развитии, о значении деятельности ученых в развитии общества, о труде ученого и т. д. (№ 14, 24, 32, 72, 81 и др.). Многие из этих писем — маленькие поэмы в прозе, с таким воодушевлением и темпераментом они написаны. В них мы находим не только большой фактический материал, свидетельствующий о значительных познаниях В. И. Вернадского по истории науки, но и его стремление нащупать, понять общие законы развития науки во временном и планетарном аспектах. В последующие годы им было написано много работ по истории науки, которые в настоящее время получили высокую оценку, а сам В. И. Вернадский признан одним из самых крупных историков науки XX в.¹

В июле 1888 г. Н. Е. Вернадская возвращается в Петербург к сыну, по пути заехав к мужу в Мюнхен. У В. И. Вернадского окончился летний семестр в лаборатории П. Грота и начались каникулы, во время которых он предпринял двухмесячную большую научную экскурсию. Начал он свое путешествие с изучения наиболее знаменитых в минералогическом отношении районов Швейцарии, он посетил Зальцбург, Цель, Зульбах, Инсбрук, Цюрих, Циллерталь, Пфин, Фасс, Ала, Шафгаузен, Базель. В середине августа в Базеле Вернадский встретился со своим другом с юных лет А. Н. Красновым и с ним продолжил путешествие. Они присоединились к группе швейцарских геологов и путешествовали с ними три дня по Юре. Побывали в окрестностях Мутье, Кура, Бьенна, посетили Берн, Цюрих, Интерлакен, Гриндельвальде, Фиш, Женеву. Из Швейцарии переехали во Францию и здесь начали путешествие из Лиона, исследовали вулканы в окрестностях Клермона, затем посетили Исуар-Лакель, область древних вулканических извержений — Мюн-Доре, пешком прошли вдоль Роны, где наблюдали область со своеобразной вечнозеленой растительностью, путешествовали по Оверни, заехали в Париж.

Из Франции В. И. Вернадский поспешил в Англию, где принял участие в работе конференции Британской ассоциации наук в Бате и IV Международного геологического конгресса в Лондоне. Вместе с английскими учеными он посетил Северный Валлис, о-в Англеси, Норфолк, Кембридж, Северный Уэльс, Кромер, Честер. Последняя экскурсия была организована конгрессом в Бельгийский Монс, где находились лучшие европейские залежи фосфоритов. Об уровне научных знаний В. И. Вернадского говорит тот факт, что он был избран англий-

¹ Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки.

скими учеными членом-корреспондентом Британской ассоциации наук. Подводя итоги поездки в Англию, ученый отмечает, что она много дала ему «... особенно для геологического образования и расширения умственного научного кругозора» (№ 98). В Лондоне В. И. Вернадский познакомился не только с иностранными учеными, но и со многими русскими. Во время экскурсий в Бате и Валлисе он встретился с профессором Московского университета А. П. Павловым, который предложил ему по возвращении из-за границы начать работу в Московском университете. Эта встреча в значительной мере определила всю его дальнейшую деятельность.

Летнее путешествие 1888 г. имело огромное значение в жизни и творчестве В. И. Вернадского. Особое место в этом путешествии заняли минералогические экскурсии, так как в российских университетах они не проводились. В письме от 1 августа из Инсбрука В. И. Вернадский писал: я, кажется, научусь здесь тому, чему до сих пор никак не умел научиться, да, впрочем, и не мог научиться,— это знанию минералов, уметь различать их не только друг от друга, но и определять местности, откуда тот или другой минерал происходит» (№ 71). Начав преподавать в Московском университете, В. И. Вернадский был первым в России, кто ввел в практику подготовки студентов минералогические экспедиции.

Во время путешествия по Швейцарии и Франции В. И. Вернадский постепенно выработал систему подготовки к минералогическим экскурсиям. Из писем видно, как он тщательно изучал в местных библиотеках литературу по определенному региону, а затем минералогические коллекции в музеях и высших учебных заведениях. Результаты сказались уже в Англии, откуда он пишет: «Поездкой своей в Бат я очень доволен, главным образом вследствие некоторых знакомств и очень доволен теми геологическими экскурсиями, которые я сделал с английскими геологами. Из всех таких экскурсий эти до сих пор дали мне больше всего, может быть, благодаря тому, что я научился больше, как с ними быть и лучше готовлюсь к ним» (№ 97).

Наряду с минералогическими и геологическими музеями, в которых он работает по многу часов, он изучает во всех городах, где только встречаются, зоологические, археологические, педагогические музеи, ботанические и зоологические сады, картинные галереи и др. В музеях его интересуют не только коллекции, но и кем был организован тот или другой музей, на какие средства, как осуществляется управление и т. д.

К началу нового семестра, к 1 октября, Вернадский вернулся в Мюнхен, где продолжал работать «у Грота по кристаллографии и минералогии, у Зонке — по капиллярным свойствам кристаллов и у Хаусхофера — по химическому анализу кристаллов под микроскопом и по паяльной трубке...»¹

В декабре 1888 г. Вернадский выехал в Вену навстречу жене и сыну. В Вене, верный себе, В. И. Вернадский изучал коллекции музеев, познакомился с минералогами. Из Вены В. И. отвез семью в Сан-

¹ Страницы автобиографии В. И. Вернадского. С. 65.

Ремо, где Наталия Егоровна продолжала лечение, а сам вернулся в Мюнхен. Здесь Вернадский исследования в лаборатории П. Грота оформил в начале марта в статью под названием «Ein Beitrag zur Kenntnis des hexagonalen Krystallsystems»¹. Работая с известным минералогом своего времени, В. И. Вернадский проявил полную самостоятельность научной мысли, чем заслужил уважение П. Грота, который не хотел отпускать от себя талантливого ученого и предлагал ему остаться у него, чтобы сделать вместе «большую работу». Завершением командировки в Мюнхен оканчивается предлагаемая читателю книга писем В. И. Вернадского жене. В нее вошло 166 писем, которые были написаны с 21 мая 1886 по 7 марта 1889 г.

Публикация осуществляется впервые по подлинникам, хранящимся в Архиве Академии наук СССР в фонде В. И. Вернадского (ф. 518, оп. 7, дд. 33—36).

Письма целиком ранее не печатались, но отдельные фрагменты из них использовались. К 85-летию юбилею В. И. Вернадского секретарь ученого А. Д. Шаховская подготовила публикацию «Из переписки В. И. Вернадского»², в которой были использованы цитаты из писем № 79, 111, 128, 133, 134, 138, 154, 158, 159, 161, 162, 166 (по нумерации настоящего издания). Отрывки из двух писем (№ 43 и 71) были опубликованы в материалах «Ученый—мыслитель»³, подготовленных к 100-летию В. И. Вернадского. Фрагменты из двух писем (№ 50 и 149) напечатаны в сборнике «Пути в неизвестное»⁴. В книге «Страницы автобиографии»⁵ использованы фрагменты из 20 писем (№ 3, 4, 6, 8, 9, 24, 38, 39, 43, 51, 60, 71, 72, 81, 133, 134, 138, 142, 148, 160). Купюры, сделанные при подготовке текста к печати, отмечены отточиями в квадратных скобках. Вычеркнуты отдельные фразы и места слишком интимного характера, многократно повторяемые нежные обращения и многочисленные ласковые эпитеты.

Письма расположены в хронологическом порядке. Им дана сквозная нумерация. Некоторые свои письма Вернадский нумеровал, номер письма Вернадского сохраняется, но оговаривается в комментарии. Обычно В. И. Вернадский указывает дату и место написания письма, но делает это не всегда и не одинаково. Для унификации в публикации каждое письмо имеет заголовок, куда входит число, месяц, год и место написания письма. Элементы, отсутствующие у Вернадского и установленные составителем, даются в квадратных скобках и оговариваются в комментарии. Все даты приводятся по старому стилю, даты писем, написанных за границей, приводятся также и по новому стилю. Сокращенные слова приведены в тексте полностью, специально не оговариваются. Слова, которые не поддаются точному прочтению, помещаются в квадратных скобках; слова, вставленные в текст составителем, — в угловых скобках. Все географические названия в письмах и коммен-

¹ Zeitschrift für Kristallographie. 1889. Bd. 15. H. 5. S. 473—486.

² Природа. 1948. № 9. С. 72—77.

³ Там же. 1963. № 3. С. 57—58.

⁴ Пути в неизвестное. М.: Сов. писатель, 1966. Сб. 6. С. 412—417.

⁵ Страницы автобиографии В. И. Вернадского.

тариях сохранены в том написании, которое употреблял В. И. Вернадский.

Многоточия В. И. Вернадского не оговариваются. Приписки, сделанные на полях, случаи дефектов подлинника и неразборчивых написаний оговариваются в комментариях. Комментарии к письмам отмечены в тексте арабскими цифрами и помещены после каждого письма. Слова, подчеркнутые в тексте В. И. Вернадским, выделяются полужирным шрифтом.

Сведения о лицах даются в комментариях лишь при необходимости дополнить информацию о них, включенную в «Указатель имен», а также для понимания событий, упомянутых в тексте.

Тексты подготовлены в соответствии с современной орфографией и пунктуацией, однако в некоторых случаях сохраняются особенности авторского написания.

К книге прилагается именной аннотированный указатель.

№ 1

21 мая 1886 г., [С.-Петербург]

Среда, 21 мая, 86

Сердечно благодарю Вас за Ваше письмо. Эти дни я был все сам не свой. Мне казалось, причиной всего так или иначе я, так как не убедил Вас поехать, а прошли Вы так много и долго пешком. Но я не знал.

Я старался забыться в работе, но работа валилась из рук, и с большим трудом заставил я себя все эти дни заняться самой механической работой — разными формулами да вычислениями. Результатов не знаю, да, должно быть, там ошибок страсть сколько.

Отъезд свой отложу до последней возможности и поеду сперва в Финляндию, где пробуду не более 3-х недель, а оттуда, пробыв сколько можно в Питере, отправлюсь в Тамбов; часть июля и август пробуду тут, так как много будет работы.

Поправляйтесь скорей, живей и бодрей. Нас не забывайте.

Вл. Вернадский

Д. 33, л. 1.

№ 2

24 мая 1886 г., С.-Петербург

Слава богу, что все кончилось так скоро и легко, и Ваша болезнь уехала далеко — пусть уедет так далеко, чтобы и не возвращаться, за тридевять земель в тридесятое царство. Получил я Ваше письмо и не все в нем понял — в конце стояло: вечером буду у «М»¹, а я сперва вообразил, что сегодня вечером, но потом, на досуге, хорошенько изучил письмо, я разобрал, что, должно быть, это будет во вторник вечером, а никак не сегодня, что, наверное, ни доктор, ни Ваши не выпустят Вас сразу в такую даль, как Васильевский остров, да и самого страх разбирал, как это Вы туда отправитесь, да опять заболаете, опять сляжете. А вначале задали Вы мне работу — найти предлог попасть к Гревсам, так как без предлога явиться я все еще не решусь и по моей сноровке, и по застенчивости, все еще у меня оставшейся, и по привычке скрытничать. Предлог нашелся, но потом я разобрал, в чем дело, и отчасти успокоился, отчасти и неприятно. Хоте-

лось Вас повидать, если не поговорить с Вами, а то эти дни уж больно много пришлось перечувствовать от незнания, что с Вами, от полнейшей невозможности хоть чем-нибудь помочь, хоть так иль иначе узнать, в чем дело. Приходилось пускаться на всякие выдумки, чтобы получить хоть какое-нибудь известие, принимать на себя холодный и важный вид, скромно и индифферентно выпрашивать о том, что в данную минуту не давало покоя ни голове, ни сердцу, что захватывало всего, сглаживало и уничтожало все другие мысли и помыслы. Притворяться вообще нелегко, скрывать то, что всю жизнь составляет, еще трудней, и невольно рождается эстетическое желание прекратить скорее такое притворство. Теперь, должно быть, оно скоро кончится.

Может быть, вследствие каких-нибудь обстоятельств нам и не удастся собраться перед разездом, а потому я решаюсь обратиться к Вам с просьбою, в которой Вы, может быть, мне не откажете. Я хочу просить позволения писать Вам во время моих поездок по Руси и не отказать мне в ответах. Конечно, многого в письмах не скажешь, конечно, мысль и чувство как-то обрезаются, складываются в письмах в какие-то форменные рамки, но все-таки многое может дать и письмо, много и оно может волновать, может дать для узнания человека, его деятельности, его душевной жизни, мыслей и мечтаний.

Написал я это письмо и хотел было послать его к Вам, да вдруг и явилась мысль, как Вы посмотрите на эту переписку, не причину ли я Вам этим каких-нибудь неприятностей. Но Вы мне это ведь прямо напишите или скажите, а я письмо это уже пошлю лучше так, чтобы оно пришло к Вам не раньше субботы утра. Была не была.

Вл. Вернадский

СПб., май 24, 1886.

Д. 33, лл. 2—3.

¹ Мария Сергеевна Гревс.

№ 3

29 мая 1886 г., С.-Петербург

С.-Петербург, май 29, 1886

Вы позволили мне писать Вам из моей поездки, но я решился написать Вам раньше. Не знаю, не понимаю, что со мной делается. Я не могу не писать Вам, не могу не видеть Вас, не слышать Вас. Мне хотелось сейчас же написать Вам, как только возвратился от Вас, все эти дни я никак не мог успокоиться, мне хотелось видеть Вас. И только боязнь сделать Вам неприятность сдерживала меня; могли возникнуть те иль иные неприятности для Вас, расспросы да разговоры, подвергать Вас которым я никак не хочу, да и не имею права. Я прекрасно понимаю, что из одной Вашей глубокой доброты Вы позволяете мне писать Вам и относитесь ко мне хорошо, и неужели мне за эту доброту подвергать Вас разным мелким, правда, но тем более сильным уколам, разным неприятностям. Я, впрочем, не знаю,

может быть, их не может быть? Мне вспомнились здесь несколько фраз, Вами сказанных в субботу, про Териоки¹, когда Вы заметили мне: «Вы боитесь приехать», и я Вам ответил утвердительно. Потом я сообразил, что мы друг друга не поняли, а для меня теперь кажется невозможною пыткой, чтобы Вы неверно думали или понимали то или другое из моих мнений, тот иль другой из моих поступков. Не то, чтобы я не решился приехать вследствие боязни разных светских стеснений и т. п., их всегда можно обойти или примириться с ними. Никогда конфузливость моя не доходила до того, чтобы я из-за нее отказывался от какого-нибудь нужного для меня или для других дела. Не доходила уже потому, что я никогда не обращал особого внимания на мнения окружающих, никогда не сообразовал свои поступки с их мнениями. Вы теперь одни, мнение которой, действительное или предполагаемое, может удержат, удерживает меня от тех иль иных поступков; да и это случилось со мной после страшной, мучительной борьбы, доводившей меня иной раз чуть не до иступления. Я боюсь приехать потому, что не могу полагаться на свою сдержанность, на ту силу выдержки, какой я еще недавно владел вполне, боюсь, что какое-нибудь слово, фраза доставит Вам неприятность, боюсь еще потому, что положение мое будет очень тяжелое, и после каждого такого свидания я долго не могу успокоиться, а это для меня невыносимо тяжело. Лучше ждать, пока определится для Вас Ваше отношение ко мне, тогда будет легко и не будет стоить говорить обо всех этих «боязнях». А покуда нет определенности, я буду «бояться».

Мне хочется переговорить с Вами о многом, мне даже кажется, что обо всем хочется переговорить с Вами, о всем узнать Ваше мнение, Ваши взгляды. И я готов забросать Вас вопросами, так как для меня, к моему удивлению, совсем иную получает окраску каждое явление, о котором я знаю Ваше мнение или то впечатление, какое оно на Вас произвело. Но лучше Вы напишите мне, что можете и хотите, что кажется Вам нужным. Мне хочется знать о Вас все — и что Вы делаете, и что думаете, и что занимает Вас. Все, все мне хочется знать о Вас.

Как-то Вы говорили, что мы мало друг друга знаем, что как-то нам, каждому, неизвестны и те условия, среди каких приходится жить, и то, среди каких обстоятельств складывался характер. А потому я хочу здесь набросать Вам род моей автобиографии; это так как-то легко мне писать для Вас, так как-то хочется передать Вам то, что когда-то волновало всего меня. Если для Вас это будет малоинтересно, Вы мне это, конечно, скажете иль напишите, но теперь мне почему-то ужасно хочется Вам передать все, что я знаю сам о себе.

Скоро 24 года, как я живу на свете и почти ничего нет такого, что сделал я и что принесло кому-нибудь более или менее видную пользу; все это время было временем подготовки, и только теперь начинается сама жизнь, и только теперь может определиться, упала ли подготовка на хорошую почву или пропадет даром. Критический момент; так сказать. Родился я здесь, в Петербурге, в начале 1863 года, отец мой тогда был здесь профессором в Лицее² и Технологическом институте и издавал экономический журнал³. Но я недолго остался

в Петербурге, и нет у меня почти никаких воспоминаний, связанных с этими первыми годами жизни. Как в тумане, вспоминаются мне Летний сад с памятником Крылова, вспоминаются и первые уроки грамоты, которой я учился тогда по деревяшкам и по заглавиям газет, вспоминается первая елка, произведшая на меня, по рассказам, такое впечатление, что я, никогда до тех пор не ходивший, сразу пошел, побежал; помнятся кое-какие первые встречи, как в тумане, неясно носятся какие-то образы, связанные с этими первыми годами жизни. Если порыться хорошенько в памяти, то можно вспомнить многое и другое, но относительно всего этого никак нельзя сказать, сколько здесь таких неясных воспоминаний пережитого и сколько воспоминаний о тех разговорах, о тех случаях, какие бывали со мной и передавались или мне самому, или при мне значительно позже. Мне кажется, что такие воспоминания, какие я пытаюсь здесь Вам набросать, интересны для каждого из нас и в другом отношении, они интересны потому, что с помощью их можно глубже проникнуть в тот чудный механизм, какой называют душой человека; они интересны потому, что дают одно из указаний на то, что сознание человека, личность человека, не есть что-нибудь резко определенное, цельное, а вечно меняется и не вполне однообразна; что, следовательно, она есть одно из общих следствий организма, а не есть что-либо внешнее, постороннее, какой-нибудь бессмертный дух, поселенный волею особого бога в наше «грешное тело», мне кажется, что подобными воспоминаниями укрепляется верование в подобную более верную постановку вопроса, и они, может быть, могут оказать влияние на хоть некоторое разъяснение вопроса о сознании, последнего пункта, на котором еще прочно держатся теисты (они, т. е. такие наблюдения, а также и исследования перехода от ясно колониальных организмов к таким, каков наш). Такое значение для каждого из таких воспоминаний мне выясняться стало, впрочем, только недавно, после просмотра не ахти какой статьи Рибо: «*Les maladies de personnalité*»⁴ Но возвращусь назад. По рассказам, я был здоровый, замечательно тихий и серьезный ребенок; любил спать, хорошо поесть, одним из моих любимых занятий было рассматривание разноцветных лоскутков и украшение ими своей собственной особы. Любил я рассматривать и раскладывать бумаги, и, курьезная вещь, я еще теперь, когда пишу, с каким-то удовольствием вспоминаю большую корзину под большим письменным столом (хорошие письменные столы были одной из причуд отца) в темноватом кабинете отца; помню, кажется перед отъездом в деревню, как я вытаскивал оттуда бумаги, и помню радость, с какой нашел там какую-то книжку с картинками, должно быть преискурант. Должно быть, однако, она доставила мне глубокое, большое наслаждение, так как эпизод этот силен и теперь у меня в памяти. В 1868 году, когда мне было не более 5 лет, мы должны были покинуть Петербург и уехали сперва в деревню, в Рязанскую губернию (имение моего брата⁵, которое отец после его смерти в 1874 г. отдал его тетке Гославским). С отцом от усиленной работы сделался удар, и он лишился возможности хорошо говорить (а он был, говорят, замечательным оратором), и доктора посоветовали ему уехать на юг. Он взял место директора конторы Государственного банка в Харькове. Для

того чтобы Вам было все ясно, я позволю себе сделать Вам несколько отступлений о себе и о нем, тем более, что семейные предания имели в детстве на меня довольно сильное влияние, и я думаю, что семья должна иметь известные предания, конечно, хорошее влияние может оказать семья только тогда, когда мало-мальски хорошие предания. Семья должна вырабатывать хороших работников на пользу человеческую, она должна дать счастье тем, которые составили семью, она должна связывать молодое поколение с поколением, кончающим жизнь. И никогда такая семья не будет существовать, если нет известных семейных преданий, известных общих целей, на которые положена работа и предков и будущих, подрастающих поколений. Мне кажутся неважными вопросы, имеет вся семья известный *raison d'être*⁶, нельзя ли устроить каких-нибудь лучших отношений вроде тех, какие предполагались в известном фаланстере Фурье⁷, неважными потому, что семью вообще уничтожить нельзя, ее можно только изменить. Уничтожить нельзя потому, что она органически связана как с человеческим организмом, так даже и с животными, никакие убеждения, никакие меры не могут прекратить ее существование, как не могут они прекратить способности любить, как не могут они прекратить желание людей жить вместе, а не порознь, поодиночке. Если семья имеет кое-какие дурные последствия, иной раз крайне важные, это зависит не от нее самой, а от тех условий, в какие она теперь поставлена, и от тех искажений, какие она сплошь да рядом получает по сравнению с тем идеальным типом, какой носится в наших головах. Не только искажений случайных, но и искажений самых существенных, самых серьезных. До сих пор если не *de jure*, то *de facto* господствует взгляд на главенство мужчины в семье как главного работника, мужчина, обыкновенно **устраивает** семью, он выбирает себе жену, обыкновенно гораздо моложе его самого, причем главное внимание обращает на ее красоту (оставляя в стороне такие прямые гадости, как женитьба на деньгах etc.). Между тем мне представляется семья могущей существовать и иметь значение только тогда, когда нет такого главенства ни с чьей стороны, когда лица, образовавшие семью, не расходятся в своих главных целях и идеях; в такой семье, где существуют дружба и полнейшая искренность с обеих сторон, где мужчина и женщина могут вместе работать на пользу общего, где дается возможность полному развитию всех сил и способностей, различных несколько для разных полов,— здесь могут вырабатываться хорошие люди и хорошие работнички, такие, которые могут легко найти себе счастье. Я не говорю уже о том счастье, поддержке, какие может и должна дать семейная жизнь и которые не может заменить никакая дружба. С такой точки зрения мне совсем кажутся абсурдными утверждения, что муж может быть лет на 20 старше жены и это будет хорошо, а жена если на 1—2 (года) старше,— нельзя быть семье. Ну, да возвращусь к прежнему. Семья должна да и, очевидно, вырабатывает известные предания, выражающиеся как в известных поступках лиц — предков, так и иной раз в кое-каких тезисах. Я хочу здесь передать Вам кое-что из тех семейных преданий, какие были в семье отца, и передать потому, что на выработку моих взглядов или, вернее, симпатий и характера они имели большое влияние. Наша фамилия (в начале просто Верна) про-

исходит из Литвы. Во время войн Хмельницкого против Польши⁸ литовский шляхтич Верна перешел на сторону казаков и с ними вместе боролся против панства. Не думаю, чтобы он сделал это вследствие убеждений, причины были, вероятно, более низменные, но факт остается фактом, и он имел большое влияние на все дальнейшее. Он был казнен поляками; потом его дети и потомки служили в казачестве Малороссийском и Запорожье; при уничтожении Запорожья⁹ Екатериной II¹⁰ мой прадед бежал в Черниговскую губернию и там, после нескольких лет тихой жизни, был выбран священником¹¹ — в Малороссии тогда еще сохранился старинный обычай русской церкви: выбор священников из прихожан. Однако в данном случае выбор этот оказался далеко не удачным. Священник-запорожец с прихожанами не ладил. Это был человек надменный и гордый, довольно хорошо образованный (он кончил курс в Киевской духовной академии — тогдашнем высшем учебном заведении в Малороссии¹²), он был страшным деспотом и в семье и по отношению с окружающими. От него сохранилась у меня только бумага, в какой он старался доказать свое дворянское происхождение, так как с моим дедом он вполне разошелся. Кончил он плохо; когда после каких-то разногласий с прихожанами он отказался крестить, погребать и запер церковь, его силою, старика лет 80, привели на кладбище для похорон, но со злобы или огорчения с ним случился удар, и он тут же умер. Мой дед, его средний сын, еще в молодости с ним разошелся; он хотел заставить его быть или священником, или военным, не знаю, но во всяком случае хотел, чтобы он пошел не по той дороге, по какой хотел. Это был тихий и скромный человек, с сильным желанием учиться; тогда был только один Московский университет, и мой дед ночью бежал от своего отца и пешком из глуши Черниговской губернии пришел в Москву, в университет; отец его после того не хотел видеть и не простил до самой смерти, мать же способствовала его бегству. В Москве он страшно бедствовал, но мало-помалу пробился, кончил лекарем и стал военным врачом. Во время наполеоновских войн он попал в плен, и это имело огромное на него влияние — несколько лет пробыл он во Франции и возвратился оттуда масоном и мистиком. Последние годы он пробыл в Киеве, где умер в 1830-х годах, будучи одним из самых деятельных членов кружка масонов, бывшего тогда в Киеве и главарем которого был тогда Пилецкий. Из его детей выжил только один мой отец. Это был, бесспорно, прекрасный человек, я его очень любил, хотя по характеру мы с ним не совсем и сходились и сходимся. Лицом я на него очень похож. Он был очень горяч и вспыльчив, особенно в молодости, но был человеком ясного ума, замечательно нежной, мягкой души; ему не доставало только силы и настойчивости в характере, и этот недостаток имел на него большое влияние. Он кончил Киевский университет и после недолгого учительства в начале 40-х годов был послан за границу, где пробыл 3 года; возвратившись, он был профессором политической экономии и статистики сперва в Киевском университете, потом в Московском¹³; в начале царствования Александра II он хотел более практической деятельности, перешел сюда в Министерство внутренних дел¹⁴ сперва, но там ему не особенно нравилось, хотя он принимал кое-какое участие во многих

реформах начала прошлого царствования; тогда же он был профессором политической экономии и занимался изданием «Экономиста» и «Политического экономического указателя»¹⁵ Он был женат два раза; первая его жена — Шигаева — умерла через несколько лет после женитьбы; она была, по рассказам, очень хорошая и умная женщина и на отца моего имела большое влияние¹⁶ От нее у него остался один сын¹⁷ Потом он женился на моей матери — Константинович. Но о матери, брате и сестрах я Вам напишу после, когда до этого дойду в своей «исповеди».

Удар с отцом совершенно разбил его жизнь, и я никогда не видел его вполне здоровым, это, очевидно, имело большое влияние на всю мою будущность. Лечиться сперва мы поехали в Рязанскую губернию. Здесь я довольно хорошо помню и усадьбу и сад etc., но пребывание в деревне связано у меня с неприятным для меня эпизодом. В детстве я был нехраброго десятка и, между прочим, ужасно боялся купаться; мать, желая уничтожить такое скверное качество, насильно меня выкупала. Я долго не мог успокоиться, и в ту же ночь все домашние были разбужены страшным криком, я, мальчуган лет 5, начал петь, представляя хороводы, кричать, бегать, стал лунатиком.

Ну, да и так написал страсть сколько. Если Вам интересно, напишите, буду продолжать.

Из Рускеалы и Вильманстранда мне придется присылать письма с финляндскими марками. Не может ли это вызвать для Вас каких-нибудь неприятностей, возбудив расспросы etc.? Напишите, пожалуйста, прямо, до получения Вашего письма я писать не решусь. Мой адрес: Рускеала (Ruskeala), окрестности Сердоболя (Sortavala), Выборгская губерния, до востребования. Из Териок Вам надо также посылать письмо с финскою маркою, так как Териоки в Финляндии.

Вл. Вернадский

Р. С. С нетерпением буду ждать ответа. Из Рускеалы напишу, куда писать после. В Рускеале пробуду недели 1¹/₂. Еду в пятницу утром. Ради всего святого, напишите.

В.

Д. 33, лл. 4—7.

Териоки — прежнее (до 1948 г.) название г. Зеленогорска в Ленинградской области.

² Профессором Александровского (ранее Царскосельского) лицея Иван Васильевич Вернадский был с 1861 по 1868 г.

³ И. В. Вернадский был основателем и редактором журналов «Экономический указатель» и «Экономист». См. комментарий, № 15.

⁴ Где была опубликована статья, установить не удалось.

⁵ Николай Иванович Вернадский.

⁶ Разумное основание, смысл (фр.).

⁷ Французский утопический социалист Фурье основной ячейкой будущего общества считал фалангу, состоящую из нескольких производственных серий. Каждый член фаланги имеет право на труд. В фаланге устранен калечащий человека узкий профессионализм; каждый член фаланги в течение рабочего дня несколько раз переходит от одного вида труда к другому, занимаясь каждым из них 1,5—2 часа. Благодаря этому труд превращается в потребность,

- становится предметом наслаждения. В результате общество достигает высокого уровня производительности труда и изобилия материальных благ. Распределение в фаланге осуществляется по труду и таланту. Основные труды Фурье: «Теория четырех движений и всеобщих судеб» (1808), «Теория всеобщего единства» (1822), «Новый промышленный мир и общественный мир» (1829).
- ⁸ Освободительная война украинского народа под предводительством Богдана Хмельницкого против шляхетской Польши 1648—1654 гг.
- ⁹ Точнее, Запорожской Сечи.
- ¹⁰ Ликвидация Запорожской Сечи была осуществлена в 1775 г., после подавления Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева (1773—1775), во время которой в Сечи происходили волнения. Запорожское войско было объявлено распущенным, а земли розданы русским и украинским помещикам. По семейным преданиям, И. Н. Вернадский был избран в священники в с. Церковницы в 1786 г.
- ¹² Числился учеником в 1742 г.
- ¹³ И. В. Вернадский в Киевском университете преподавал в 1846 г., а в Московском университете — с 1847 по 1856 г.
- ¹⁴ В Петербург И. В. Вернадский переехал в 1856 г.
- ¹⁵ «Экономический указатель» (1857—1858), позже имевший названия «Указатель политико-экономический» (1859) и «Указатель экономический, политический и промышленный» (1860—1861), еженедельный журнал, в котором И. В. Вернадский вел полемику с Н. Г. Чернышевским по вопросу об общинном землевладении. «Экономист» — приложение к «Экономическому указателю». Издание было посвящено политической экономии, статистике и вспомогательным наукам. С 1861 г. после прекращения «Указателя» выходил самостоятельно. В обоих изданиях И. В. Вернадский выступал как редактор-издатель.
- ¹⁶ Мария Николаевна Шигаева скончалась в 1860 г. Это была первая русская женщина-экономист. «Экономический указатель» И. В. Вернадский издавал при ее содействии. В нем она напечатала целый ряд статей, которые в свое время пользовались большим успехом. Самыми замечательными из них были статьи о женском труде, о котором Шигаева заговорила одна из первых. Позже эти статьи были собраны ее мужем и изданы под заглавием «Собрание сочинений покойной М. Н. Вернадской, урожденной Шигаевой». СПб., 1862.
- ¹⁷ Николай Иванович Вернадский.

№ 4

2 июня 1886 г., Рускеала

Рускеала, 2 июня, 86, понед.

Сегодня пришла почта, а от Вас письма нет, да и быть не могло; я не понимаю, как я ожидал его и чего волновался. Если Вы получили мое письмо, посланное Вам в четверг¹, то и тогда ответа быть не могло. Сперва я думал не писать Вам из Финляндии, так как письма должны быть с финскими марками и это могло бы вызвать неприятные для Вас дома расспросы, но потом, подумав, решил, что это-то для Вас беда невелика — такую самостоятельность Вы, должно быть, имеете, да иметь и должны, но, впрочем, не знаю, может быть, письма этого не пошлю, боюсь, не говорит ли здесь во мне эгоистическое чувство: не писать Вам я не могу, мне и так кажется, что целую вечность Вам не писал, тогда как написал Вам всего несколько дней тому назад, да еще не письмо, а письмище. Мне потом стало даже совестно, что утруждаю Вас такими сочинениями, и постараюсь больше таких длинных писем не писать. Если пошлю это письмо (почта отходит отсюда во

вторник), то Вы получите письмо не раньше четверга, а следовательно, срок между ними не будет очень короток.

В этом году мне снова пришлось проехать по тем самым местам, по которым ехал я ровно год назад, и, странное дело, места эти произвели на меня совсем иное впечатление, чем тогда, и я перед неизменившейся природой, перед картинами, мне знакомыми, вполне понял и почувствовал, до какой степени изменился я, как стал сам на себя непохож. И так скоро, и так вдруг. Вспомнился мне один разговор, который велся ровно год (назад) на палубе по Ладоге, разговор шел о любви, мое отношение к любви и ее силе было до тех пор вполне скептическое, я насмешливо улыбался, когда выставлялась сила этого великого чувства, когда говорилось о его значении; мне кажется даже, я и высказал это. В гордости своей я думал: нет того чувства, какого нельзя бы перебороть, нет ничего, нет никого, кто бы мог свернуть меня с дороги, ясно и резко поставленной; всякое чувство сломяу я своей волей, не преклонюсь ни перед одним человеком, что решил я, то и сделаю — хорошо ли, дурно ли **мое** дело, никто мне не будет судьей, ни на кого я не обращаю внимания при поступках своих. Теперь мне странны и дики эти мысли, чем-то далеким веет от них. И все произвело чувство, да, понятно, и то было чувство — чувство гордости, чувство чувством и вышибается.

И раньше моего были люди с моим характером и правом, и разное поступали они в разные времена. Я любил всегда в общих фактических картинах представлять себе, как они жили, как поступали в далекие и еще более далекие времена. И вот представляются мне средние века; я не помню, чтобы часто являлись мне в фантазии рыцари, было и их время, но прошло давно; меня больше всего прельщали рыцари монашеских орденов, бойцы так или иначе за идею, приносившие ей в жертву все и из-за нее все выносившие; целыми братствами они боролись за то, что считали тогда истинным, и представлялось мне, что я один из них, что я борюсь против любви и против других чувств, как против соблазнов дьявольских. И могли тогда такие люди или не могли превозмочь это великое, чудное чувство, становились жестокими и черствыми фанатиками или гибель находили в битве, в плену, в тюрьме. Представлялись мне потом другие люди времен Возрождения — чистые поклонники Эпикура или Лукреция; эти боролись словами за счастье людей, эти претерпевали от них насмешки и даже гонения; они из-за чистого, высшего «наслаждения», они, служа одной чистой истине, не ожидая никаких благ ни в жизни этой, ни в жизни будущей, приносили все в жертву и смело вступали в бой за правду, за истину, и их жгли на кострах, но за ними становились последователи; их гнали за проповедь истины, они отвечали за это миру открытиями, изобретениями, они не хотели связывать ничем мирским себя и далеко не всегда поддавались чувству любви, но если поддавались ей, то вполне, всей мерою. Но и для них чувство любви было чем-то побочным, чем-то таким, что стояло поперек их дороги. Представляется мне время иное, время будущее. Поймет человек, что не может любить человечество, не любя отдельных лиц, поймет, что не любовью будет его сочувствие к человечеству, а чем-то холодным, чем-то делан-

ным, постоянно подверженным сомнениям или отчаянию, что много будет гордости, много будет узкости, прямолинейности — невольного зла — в его поступках, раз он не полюбит, раз не забудет самого себя, все свои помыслы, все свои мечты и желания в одном великом чувстве любви. И только тогда в состоянии он без сомнений, без тех искушений и минут отчаяния, когда все представляется нестоящим перед неизбежною смертью, только тогда способен он смело и бодро идти вперед, все время и все силы свои направить на борьбу за идею, за тот идеал, какой носится в уме его. Суха и черства всякая религия перед этим чувством, и кажутся ее утешения, ее наставления чем-то таким деланным, если только нет в них любви, любви не умственной, любви не деланной, а любви беззаветной, которой легко принести в жертву все, самого себя, все, все. И для людей, которые не надеются найти лучшую жизнь за гробом, которые не хотят поступать здесь хорошо из-за цапек² будущей жизни, для таких людей необходимо это чувство, необходима поддержка, оказываемая этим чувством, без него невозможна жизнь для них.

Не знаю, хотите ли Вы или нет, интересно Вам или нет, но я чувствую потребность продолжать перед Вами свою исповедь. Если Вам не интересно, Вы отложите чтение, но когда-нибудь да прочтете.

Из деревни (Шигаевка) мы поехали прямо в Харьков. Это перемещение имело на меня большое влияние, детство на юге (природа на меня всегда имела влияние) и, наконец, та среда, среди которой пришлось жить, та обстановка, — все это имело громадное на меня влияние. Наша семья богатой долго не была, все приобретено было отцом, но с тех пор, как я себя помню, я жил в довольстве и даже в гораздо большем, чем следовало. Наряду с этим никаких замашек барства у нас не было, их не любил и страшно на них нападал мой отец, их не любила, да и не любит моя мать. Но чтобы Вам стало понятным все нижеследующее, я хочу Вас познакомить здесь с моею матерью. Человек она хороший, хотя отношения между ней и мною довольно странные и во всяком случае ненормальные. Родилась она в Киеве в помещичьей семье, уже тогда почти исключительно состоявшей из военных. Ее отец — артиллерийский генерал — был служака, но человек хороший, судя по рассказам, оригинальный тип старого малорусского казачества (он говорил почти только по-малороссийски). Особенное влияние имела на нее ее мать. Они были люди далеко не бедные, но после смерти отца их осталась большая семья, чуть ли не 12 человек детей, так что у них, у детей, уже ничего не было. Моя мать в молодости была бедовой девушкой, после смерти отца она захотела сама себя содержать и поступила в Москве классной дамой в Институт³, там пробыла недолго, обладая большими музыкальными способностями и чрезвычайно сильным голосом, она хотела поступить на сцену, но этому воспротивилась ее мать; приехала в Петербург, где тоже давала уроки, кажется, и здесь познакомилась с дальним своим родственником, моим отцом, за которого скоро и вышла замуж. Они любили друг друга чрезвычайно, я не помню никогда, чтобы между ними происходила ссора, да, кажется, ее и не было никогда. Я знал отца уже больным, как писал Вам, и в это время моя мать имела на него неоспоримое влияние, хотя далеко не

всегда. Не получив хорошего образования (она воспитывалась в каком-то, модном тогда пансионе в Киеве), моя мать значительно ниже стояла по образованию по сравнению с отцом, читала она также не особенно много; однако ум у ней очень хороший (теперь ослабел) и особенно замечательна та практичность, которой она отличалась перед моим отцом, в сущности большим фантазером и идеалистом, — практичность, довольно часто развивающаяся в женщинах. Я, по крайней мере, знаю несколько таких случаев — обобщить не могу, но указываю только на очень избитое выражение такого же наблюдения многими другими — у женщины-де ум более практический. Во всех подобных обобщениях (у нас с Вами как-то был разговор на эту тему) для меня неясно, сколько зависит от самой организации, от тех отличий, какие существуют между организмом мужчины и женщины, и сколько зависит от различия **воспитания**, образования и жизни, какие выпадают на долю обоих полов, ну, да об этом как-нибудь позже. До конца жизни сохранила она к отцу род некоторого обожания: он ей казался самым умным, самым ученым человеком, какой только может быть. Нас, своих детей, она любит страшно, но той любовью, какая мне кажется эгоистической. Преданность и самопожертвование — она совершенно расстроила свое здоровье — с какими она ухаживала за отцом во время его многолетней, страшно тяжелой для него и для окружающих болезни его, всегда представлялась мне удивительной. Наряду с этим в характере ее есть некоторые черты, которые не были мне симпатичны никогда, это: некоторая черствость по отношению к лицам, задевающим интересы семьи, черствость, всегда ужасно нехорошо на меня действовавшая, злопамятность, упрямство (последнее качество в значительной степени общее всем членам нашей семьи, и я думаю, что я имею его не в меньшей степени, чем она, хотя борюсь против него всеми силами) и т. д.; но всего этого придется коснуться дальше, и я буду иметь случай дальше изложить Вам все это, так как на меня это имело влияние большое и, думаю, нехорошее. Скрывать от Вас ничего я не могу.

Предстоит опасность, что и это письмо выйдет невообразимо длинным, и мне представляется то чувство страха, с каким Вы приступаете к его чтению, то чувство скуки что ли, нечто вроде того, с каким я приступал после первой попытки к чтению знаменитого Федоровского «Département français»⁴ Но, мне кажется, я Вам писать могу бесконечно долго и много, и для предотвращения подобных штук письмо это я сделаю все-таки короче предыдущего и, чтобы не завлечься, пишу на полулистике.

Обыкновенно во время моих поездок я вел род дневника или летучих заметок о том, что приходилось видеть, теперь мне этого не хочется, а ужасно хочется передавать все это Вам, и я думаю (если Вы против этого ничего не имеете) излагать свой дневник к Вам в письмах, а другого не иметь. Все равно, скрывать от Вас ничего не могу.

Опять мне приходится переправляться по Ладоге, по этому холодному, угрюмому озеру, занявшему огромную площадь на севере России. Берега его носят ясные следы ледниковой деятельности, гранитные скалы изглажены и в местах, открытых от покрова ягельями или мхами, блестят на солнце, как полированные, все горы имеют округлый вид;

громадный ледник, покрывавший многие тысячи лет тому назад всю Финляндию, весь север России и всю ее середину до самой Харьковской и Екатеринославской губерний, сгладил все неровности; Вы не увидите почти нигде здесь тех резких контуров, тех заостренных высот, какие видны в А⁵ и те большею частью ютятся у берегов. Блестит громадная зеркальная поверхность озера, изредка пробежит по ней волна, а иные места все время играют мелкою зыбью. И это чередование полос зеркальных и гладких полос, подернутых мелкою зыбью, производит особое впечатление: точно и в этой громадной массе жидкости есть стремление к определенной форме, точно и в ней скрываются силы, которые распределяют воду на разные полосы: и здесь происходит вечное движение, здесь вечное перемещение — но что за причина его как не причина причин, как не те бесконечные изменения сил, движений, какие мы видим всюду и везде. Бурной бывает Ладога, и тогда масса <людей> гибнет в ней, и эти волны погубили много жизней, много страданий принесли они людям, но зато сколько принесли и счастья. Еще больше они видели: они видели первых новгородских славянских купцов и разбойников, гнавших отсюда бедных тавастов и выгнавших их в Западную Финляндию, здесь скрывались первые отшельники, видевшие всю цель жизни в стремлении к тому, что ими считалось истиной, а между тем это ложь, и сколько за эту ложь принесено и приносится жизней, сколько претерпелось страданий, сколько и счастья дала эта, ложь, Блаженны неведующие, несомневающиеся...⁶

Д. 33, лл. 8—10.

¹ Т. е. 29 мая 1886 г.

² Цаца — прикраса (разг.).

³ Институт благородных девиц — закрытое учебное заведение в царской России для дочерей дворян в Москве. Институт был открыт в 1802 г.

⁴ Где была напечатана статья, установить не удалось.

⁵ Утрачено пол-листа текста.

⁶ Утрачено пол-листа текста.

№ 5¹

[До 3 июня 1886 г., Вильманstrand]²

Вообще из нескольких фраз в этом и прошлом письме мне кажется, что Вы меня слишком идеализируете, т. е. ставите меня в своих глазах не только лучше, чем я есть, но даже выше, чем я есть, и это для меня ужасно неприятно и страшно именно потому, что Вы легко можете разочароваться, и я неожиданно-негаданно полечу вниз; между тем как, в сущности, ничем такого падения не заслужил. Вообще боюсь я, не является ли вместо меня в Вашем воображении «я», Вами созданное? (вот так туманная фраза). И мне очень страшно, чтобы я так понапрасну и незаслуженно не полетел вниз.

Мне очень многое хотелось бы заметить еще по поводу одного Вашего выражения, именно выражения об «оторванности», которая мучит не одну Вас, а и многих других. Мне кажется, давно пора или отбросить,

или сузить этот фантом, сбивший с пути уже многие сотни сил, которые пропали даром. Но об этом в другой раз, а теперь мне хочется поскорее закончить Вам свою автобиографию, так как иначе вместо меня в Вашем воображении рисуется что-то другое. А я не могу, чтобы Вы меня считали лучше или выше, чем я есть, так как это выходит что-то вроде лжи, и я хочу, чтобы Вы меня знали, каков я есть. Продолжаю.

Мои религиозные воззрения в детстве развились сильным образом благодаря влиянию детской — няни, детей сторожей банка, с которыми я играл, и затем под влиянием чтения священных книг, причем особенно сильно на меня действовали тогда «Жития»³ и «Ветхий завет»⁴. В семье у нас царил полный религиозный индифферентизм; отец был деистом, мать была неверующая, я ни разу, например, в жизни не был на заутрене перед Светлым Воскресением⁵; каждый раз собираюсь, да все как-то нельзя бывает. Сильное влияние имела, должно быть, няня (она и теперь нянчит моего племянника у сестры и является другом дома), человек чрезвычайно хороший и положительно умный. Ей обязан я и резким порицанием барства, которое она очень не любила, впервые узнал про освобождение крепостных и помню в детстве ее выговоры, если, будучи избалованным ребенком, грубо или резко говорил ей или прислуге: «Что ты это, теперь нет крепостных, нет бар — все люди» и т. п. В эти первые детские годы все запечатлевается очень сильно, и я думаю, что эти слова, выражение которых не помню, но которые были резче и сильнее, действовали очень и очень сильно. Няня не была нашей крепостной, у нашей семьи (отца) никогда крепостных не было, и когда в начале 1850-х годов отец получил в приданое за своей первой женой имение, населенное крепостными, он их тогда же освободил (я думаю, что это было главным образом сделано по настоянию его первой жены М. Н. Вернадской — замечательно, по рассказам, чуткой и талантливой женщины; биография ее помещена в «Древней и новой России» за 70-е годы)⁶. Ну, заехал в сторону. Я любил всегда чудесное, фантастическое; меня поражали образы «Ветхого завета», и я теперь еще помню то наслаждение, с каким я читал историю Саула и Самуила, Авессалома и Давида; мне очень часто представлялся Авель и Каин и т. д. Эти образы вызывали у меня бесконечный ряд вопросов; я верил существованию рая и задумывался, где он находится, меня интересовали вопросы, как жили Адам и Ева, на каком они говорили языке etc. Среди мальчуганов, детей сторожей, с которыми я, несмотря на запрещение, любил играть, я слышал также рассказы, почерпнутые из апокрифических книг⁷, которые ходят и поныне в Малороссии среди народа; а рассказы о домовых, о чертях наполняли мою фантазию еще и еще сильнее. Я создал себе какую-то религию, полную образов, то страшных, то нежных, но которые жили везде и всюду. Помню, как глубоко и сильно меня интересовали вопросы о том, что делается с душою после смерти, и рисовалось мне, что она долго (40, кажется, дней) летает вокруг тел, не может попасть туда, и ей холодно, ей страшно тяжело, она видит, как плачут, как рыдают кругом родные, как ее тело предают земле. То слышал я, что и тело это еще долго слышит, хоть и не видит... Все такие образы все сильнее и сильнее смущали меня; я писал Вам, что я был в детстве

трусом, а тут кругом и всюду мне стали рисоваться образы домовых или мертвых, летающих душ, я боялся оставаться один в темной комнате, со страхом пробегал из одной в другую, потому что мне казалось, что я их вижу, что я их слышу. Иной раз ночью я просыпался, и мне казалось, что я слышу голос, звавший меня: Володя, Володя, Володя! Дрожа отзывался я: «Я здесь, господи», но все смолкло, и только, казалось мне, кто-то где-то захохочет, из одного угла перейдет в другой хохот, и я со страхом зажмуривал глаза, крестился, читал молитвы, с головой закутывался в одеяло... Я помню, как сильно на меня действовала смерть, я, казалось мне, видел этих мертвецов, мрачных, унылых, становившихся вокруг меня, и помню, как перепугал няню, с которой спал в одной комнате; ночью, проснувшись, я стал уверять ее, что ее брат, который недавно умер, стоит тут, в углу и грозит мне...

Между тем приходилось кругом слышать совсем иное, над верой в чертей смеялись, домовым не верили; когда я приступал с вопросами, или надо мною смеялись, или передавали, что ничего этого нет. Я помню, что брат мой был одним из первых, который стал уверять, что если мне кажется все, то только потому, что я трус, что надо присмотреться и окажется чепуха; что не было ни Адама, ни Евы, нет ада и не былорая... Разговоры с отцом и Е. М. Короленко о том же также подкрепляли это мнение, и Евграф Максимович на звездном мире старался мне сделать понятным единство, кое существует, которому он верил. Голова начала работать, преодолевая себя, я стал оставаться в темной комнате, хотя вначале очень часто удирал оттуда во все лопатки, присматриваясь к пугающим предметам, замечал, что остов составляло или платье, или сапоги, или другие какие-нибудь предметы. Помню, как вера в домовых была поколеблена тем, что за домового я раз принял кошку и вызвал компанию мальчуганов выгонять ее, они верили, что домовый принял вид кошки (черной), но я был положительно сконфужен, когда на другой день опять в саду увидел ту же кошку. Мало-помалу я привыкал оставаться в темной комнате (еще в университете, однако, бывали со мной такие минуты, когда меня разбирал страх, особый, но об этом я еще расскажу). Мне было 10 или 11 лет, когда я решился сделать окончательный опыт. Я вызвал черта. В темную июльскую ночь (мы жили в Осколе — имении известного малорусского писателя Квитко-Основьяненко) я пробрался далеко в сад и там, весь дрожа, на перекрестке двух или трех дорожек я повторил заклинание, которому меня научили, все было тихо, 2-й, 3-й раз — раздался где-то шорох, я помню тот ужас, какой охватил меня и с которым я справился не знаю как, когда лягушка прыгнула на дорогу. Я скоро оправился, взял эту лягушку, но и на следующий день у меня она жила — то был не черт, а действительно настоящая лягушка! Я был окончательно сконфужен и никому не говорил о своей попытке. Но как следы этого периода долго остался страх темной комнаты, и не знаю, не им ли приписать галлюцинации, которые иной раз бывают у меня. Это была сильная работа, так как я отдался раньше этой религии весь, до фанатизма.

Пишу из Вильманстранда, и письмо это придет, пожалуй, раньше

3-го, так как Вильманstrand с Териоками прямо соединен железной дорогой и письма приходят на другой день. Пишите же все, все, что хотите. Я буду в нескольких верстах от города и очень часто буду бывать в нем. На обратном пути буду, должно быть, проезжать Териоки.

Не знаю, получили ли Вы мое 3-е письмо (я их нумерую), но мне еще хочется Вас спросить: неужели Вы волнуетесь все еще, Вам еще страшно за будущее, если бы оно устроилось, как я хочу? Ответьте, потому что мне это не дает покоя. Не кажется ли Вам, что эти волнения напрасны, так как нет никаких данных у Вас предполагать возможность подобных несчастий. Пишите скорее.

Как Ваше здоровье?

Вл. Вернадский

Д. 33, лл. 21—22.

¹ Начало письма утрачено.

² Время и место написания письма устанавливаются по его содержанию: «Пишу из Вильманstrandа, и письмо это придет, пожалуй, раньше 3-го, так как Вильманstrand с Териоками прямо соединен железной дорогой...»

³ «Жития — «Жития святых» — вид церковной литературы, описывающей жизнь и «подвиги» христианских подвижников, церковных деятелей и т. п.; составляются с первых веков христианства и занимают десятки объемистых томов.

⁴ «Ветхий завет» — часть Библии, собрание иудейских «священных» книг, рассматриваемых как «священные» и в христианстве. «Ветхий завет» складывался в течение многих веков, его состав претерпевал различные изменения. По своему жанру книги «Ветхого завета» весьма разнообразны. Сюда входят старинные хроники, исторические повести, саги и мифы, победные, свадебные, похоронные гимны, притчи, молитвенные песнопения, религиозно-философские трактаты, любовно-эротические новеллы, правила жертвоприношений, ритуальной чистоты и т. п.

⁵ Пасха, церковный праздник.

⁶ *Быков П. В.* Русские женщины-писательницы: М. Н. Вернадская // Древняя и новая Россия. 1877. Т. II, № 7 С. 235—238.

⁷ Ветхозаветные и новозаветные произведения, не включенные в канонический текст Библии.

№ 6

6 июня 1886 г., Рускеала

Рускеала, июнь 6, 1886

Наконец-то сегодня я получил Ваши письма, дорогая Наталия Егоровна, и хоть немного пришел в себя. А то эти дни я был ни на что не похож, так нехорош, и работалось плохо, и думалось еще хуже. Экскурсия вообще едва ли приведет к большим результатам, но теперь я опять чувствую силы, я опять готов работать, и я добьюсь, чего только могу добиться. Бродя с проводником финном среди здешних скал и ломов, мысль неслася к Вам, и я не раз среди работы бросал все и задумывался бог знает над чем, я старался в уме вспомнить Ваше лицо (способность вспоминать, вызывать произвольно образы у меня развита чрезвычайно слабо), зато хорошо слышал Ваш голос, не скажу, чтобы я не боролся с собой, напротив, боролся упорно, сильно, но

не всегда удачно; моя записная книжка, в которой я веду результаты своих геологических наблюдений, носит ясные следы этой борьбы, особенно тяжел был вчерашний день, и я никогда не забуду, как три раза возвращался на одно и то же место, это полверсты по ужасной дороге, когда все время приходилось лезть, цепляясь за камни да за деревья, чтобы снять угол наклона одних и тех слоев мрамора; по рассеянности я все записывал и измерял неверно и вспоминал, только пройдя, пролазив достаточно; мой проводник думал, по-видимому, или что я сошел с ума, или, наверное, что-нибудь подобное.

Вас мучит что-то, что, может быть, хорошо сперва, потом принесет мне или Вам горе; конечно, никто из нас не может ручаться абсолютно, что ничего подобного не может быть, как не может ручаться, что сегодня на меня или Вас не упадет с неба метеорит и не убьет нас, но предполагать, что ничего подобного случиться не может, мы можем. Я как ни думаю, ничего не нахожу, чтобы могло привести к таким печальным результатам; и Вас, если я Вас верно понял, смущают главным образом те ужасные 2 года (как много!), на которые Вы меня старше. Но я никак не могу понять, причем тут эти 2 года разницы и как они могут так скверно повлиять на мою жизнь, как Вы это пишете. Неужели Вы думаете, что я могу увлечься, полюбить кого-нибудь другого? Не думаю. Я не могу любить нескольких одной и той же любовью и не думаю, чтобы кто-нибудь мог. Любовь — чувство цельное, она не допускает никаких сделок, никаких разделений. Я не понимаю, как, каким образом можно разлюбить человека, которого раз полюбишь, а мне кажется, что те, которые потом разлюбили, — никогда не любили: они увлеклись красотой или молодостью, может быть, иной раз, находились под впечатлением минуты, под влиянием целого ряда случайно сложившихся обстоятельств. Но они не любили так, как мне это чувство представляется: когда оно составляет все, перед ним исчезает все, оно обновляет, возрождает человека. И я на себе чувствую это возрождение, я уверен, верю, что не может оно пройти, так как слишком большую долю моей души оно заняло.

Я чувствую, что это не может успокоить Вас, раз Вы не поверите вполне всему здесь мною сказанному, всему, что вылилось прямо из души, но вылилось не ярко, не ясно, слабо — это я чувствую. До тех пор, покуда у Вас может быть сомнение в истинности чувства моего, покуда Вы будете думать, не обманываюсь ли я сам — Вы успокоиться не можете. И я не знаю, как Вас успокоить, а между тем я не хочу, чтобы Вы волновались, чтобы Вы мучились, потому что все же я причиной этого, и я не хочу, не хочу таких неприятных для Вас минут. Когда я в первый раз Вас увидел, я почувствовал, что Вы мне близки, мне никогда не казалось так легко и свободно говорить о чем бы то ни было, как с Вами. Но я сдерживался, я старался удалиться, старался не думать о Вас. И когда я стал чувствовать, что это невозможно, то точно 2 человека боролись во мне. Один говорил, что я должен это бросить все, если хочу познать истину, если хочу сделать что-нибудь, хочу пережить возможно больше; другой говорил, что я не могу познать истину, не испытав этого чувства, что странно и смешно и нехорошо жить одним умом и ему все приносить в жертву, что, наконец, тут я

рассуждать не могу, что иначе это чувство, так долго во мне дремавшее, меня сломит. Но я рассуждал, я старался победить в себе это чувство, и тут в моих поступках ясно начала проявляться двойственность: я стал чаще выдумывать предлоги, чтобы видеть Вас, и в то же время заявил дома, что, вероятно, осенью уеду за границу; я старался всеми силами отбояриться от предложенной мне экскурсии, чтобы иметь возможность летом скорее устроить свои финансовые дела и в то же время все более и более захватывал здесь дела, работал так, как будто предполагал здесь долго остаться. Как тяжело это время было для меня, Вы не можете и представить себе. Наконец, после одного разговора с Вами я почувствовал, что все точно порвалось во мне, что исчезли, побледнели все прежние мечты, все прежние желанья. Как в лихорадке, не помню где, бродил я несколько часов по городу, и, возвратившись домой, я несколько часов пролежал в беспамятстве. Тогда я понял, что все кончено и что переворот во мне совершился. Я понял все, понял, что ничто не может уничтожить это чувство. По характеру своему я довольно трудно поддаюсь каким-нибудь захватывающим всего чувствам или идеям, но если раз они овладели мной, то нужно много борьбы, чтобы они меня оставили. Я верю, что, когда Вы меня ближе узнаете, исчезнет в Вас сомнение в силе, искренности того, что я говорил Вам в тот вечер, сомнение, которое Вас мучит и которое, может быть, исчезнет, если мне удастся раскрыть перед Вами всю душу мою. Для меня нет ни малейших сомнений, что я не ошибаюсь в том, что говорил Вам тогда, да и даже как-то странно слышать такое сомнение. Мне хочется, чтобы и Вы почувствовали это, чтобы Вас оставили сомнения во мне. Поверьте, поверьте!

Наконец, еще несколько возражений могу представить Вам, возражений, которые мне представляются не имеющими никакого значения перед первым, но которые Вас, может быть, могут хоть несколько успокоить. Не представляется ли Вам, что эти два года, которые Вас смущают, есть простое следствие одного из тех предрассудков, которыми мы с детства окутаны. Если бы чувство какого-нибудь человека было слабо или он ошибся в нем, то он также легко может разлюбить и человека моложе его хоть на десять лет — и мы сплошь да рядом такие примеры видим. Мне кажется, что редкие случаи семьи, где женщина старше немного, есть главным образом следствие той подчиненности, той приниженности женщины, какая еще так сильна у нас. Затем и сама жизнь наша, кажется, должна исключить всякие такие сомнения. Мне теперь уже выясняется та дорога, те условия, среди каких пройдет моя жизнь. Это будет деятельность ученая, общественная и публицистическая. В разные эпохи разное может она выражаться, может преобладать та или иная сторона, но во всяком случае такая в сильной степени идейная и рабочая жизнь должна исключить все увлечения, все такие семейные драмы, которыми наполняют свои произведения французские и иные беллетристы и которые могут быть и бывают при малой искренности и незанятой голове тех, с кем они слушаются. Мне теперь как-то представляется такая моя деятельность в тесной связи с деятельностью Вашей; здесь возможна и должна идти совместная работа, и в этом, как я Вам писал, кажется, пред-

ставляется мне сила и значение семьи. При чем же тут 2 года разницы — ради бога, ответьте.

Конечно, в этой деятельности, при тех обстоятельствах, при каких мы живем, может быть и горе и несчастье, но их ведь Вы не боитесь? Их ведь легче переносить вдвоем. Я так долго распространяюсь об этом, потому что мне кажется, что чем скорее покончить с этими ужасными 2-мя годами etc., тем лучше, так как и мне и Вам будет лучше, а то и Вам тяжело, и мне так совсем мучительно.

Мне еще хочется продолжить Вам свою автобиографию и свои заметки из поездки, хотя все это необходимым образом выходит ужасно отрывочно. Ну, да не беда.

Жизнь в Харькове, где отец был управляющим конторою Государственного банка, представлялась в то время мне одной из самых лучших жизней, какие возможно желать. Жили мы хорошо, богато, все наши желания — детей — исполнялись очень скоро и даже слишком; никаких неприятностей нам испытывать не пришлось. Самыми светлыми минутами представляются мне в это время те книги и мысли, какие ими вызывались, и разговоры с отцом и моим двоюродным дядей Е. М. Короленко, помнится также сильное влияние дружбы с моим старшим братом¹ (он был значительно старше меня, родился в 1851 году). Я рано набросился на книги и читал с жадностью все, что попадалось под руку, постоянно роясь и перерывая книги в библиотеке отца, довольно большой, хотя и случайной, так как библиотека, которую он составлял всю жизнь, была частью продана, частью пропала во время его болезни в 1868 г. Книг было очень много у меня и у сестер², с которыми я жил не очень дружно. Характеры у нас были разные, я был больше флегматик (вскоре, однако, переменялся), они — живые, бойкие девочки, ужасно балованные. Я читал все, что попадалось под руку, но в эти первые годы я особенно помню разные географические книги, не только путешествия, но даже и довольно сухие и, казалось, мало-доступные для моего возраста, например Реклю: «Земля»³ и затем (вышедшие в издательстве) Лихачева и Суворина «Великие явления и очерки природы»⁴; последней книгой я положительно зачитывался и до сих пор помню страшно сильное впечатление, какое произвело на меня описание моря (кажется, из «Фрегата Паллады» Гончарова)⁵ Кроме этих географических книг, любил я стихи, рассказы, но терпеть не мог тех, которые плохо кончаются, и обыкновенно раньше просматривал конец, если плох — не читал (это, впрочем, и теперь осталось у меня); в это же время я зачитывался историей, главным образом греческой, причем источниками мне были Вегнера «Эллада»⁶, какая-то сильно растрепанная, сухая книжка, без начала и конца, которую я вырыл между книгами отца, затем Петискуса «Олимп»⁷ и т. д. Вообще я читал все, что попадалось, и для своих лет был довольно развит, я присутствовал при всех разговорах отца, очень любил слушать их, притаившись где-нибудь в уголке, и живо помню только про Амадея и Карлоса, а Гарибальди⁸ был одним из моих героев. Конечно, все это было так смутно, так неясно, но в то же время захватывало довольно сильно. Хотя я читал очень много, но учиться не любил, хотя по сравнению с сестрами в семье считался очень трудолюбивым; и действи-

тельно, я сидел над книгой, точно готовясь учиться, а фантазия моя в это время витала бог знает где, или я читал дальше то, что не надо.

Особенно сильное развивающее влияние на меня в это время имели разговоры со стариком дядей Короленко. Он жил в Петербурге, но очень часто приезжал и подолгу гостил у нас, уже непременно, каждый год. Это был оригинальный и довольно сильный человек. Самолюбивый в высшей степени, остроумный и обидчивый, он в то же время был человеком глубокой доброты. Он сохранил привычки александровских времен, хотя был еще очень молодым, когда умер Александр I, любил рассказывать, как во время восстания декабристов он и другие пажи (он воспитывался в Пажеском корпусе) бежали на площадь и как их поймали и заперли в карцер. Выйдя в офицеры, он за какую-то историю полгода просидел в крепости и затем бросил военную службу. Был человеком хорошо образованным, хотя образования себе сам добился благодаря главным образом влиянию своего отца, по рассказам, вольтерьянца pursang⁹ (этот человек имел большое влияние и на моего отца). Он мне всегда представлялся странным остатком старинных времен — человеком конца 18-го века, попавшим случайно в нашу эпоху. Он был самых либеральных убеждений, но в то же самое время был эгоистом и bon vivant¹⁰, и я помню, как он говорил, что никак не понимает, как можно было давать сжигать себя, как хотя бы Гус или Джордано Бруно. Он ставил обыкновенно в пример Вольтера и признавался, что если бы к нему пристали попы, он двадцать раз перецелует крест, а не даст себя сжарить. Попов он не любил от глупины души. Глубоко уважал Фурье и Сен-Симона, но считал это все очень далеким, недоступным; к современному ему социалистическому движению относился то скептически, то сердился, но глубоко уважал Герцена и Огарева, и первым моим знакомством с эмигрантами я обязан ему. Трусил всех обысков etc. безмерно, но когда представлялась возможность, не щадил насмешкой ничего и никого, и никогда я не забуду одной истории, случившейся значительно, правда, позже. Все равно я расскажу ее здесь. Мы жили в Петергофе, и у нас гостил один мой двоюродный брат (а со стороны матери у меня родичей неисчислимое количество и почти все военные), дело было после одной из историй конца 70-х годов, и мой родственник высказался в том смысле, что так и надо вешать и что если бы он мог, то он сам бы пошел etc. Старик вспылил (ему было тогда под 70 лет), я никогда не видел и не представлял его таким, и он чуть не выгнал его. Если так рассуждают молодые, так что же говорить нам, старикам, сказал он. Я, говорит, уже близок к могиле, я вижу, что почти ничего из того, чем я жил, для чего жил, не сделано, что все больше и больше совершается гадостей, будь я моложе, я сам бы пошел и силой стал бы добиваться лучшего. Так идите донесите на меня. А с рабом царя я знаться не хочу etc. Родственник этот больше у нас не бывал, но старик долго не мог успокоиться. Уже на старости лет он увлекся учением Дарвина и лет 15 был занят сочинением над происхождением человека, которого не кончил и рукопись которого хранится теперь у меня. Сколько энергии и труда ему нужно было потратить, сколько

сил — трудно сказать, он начал тогда же заниматься естественными науками, он перечитал, что мог, и смерть застала его над его любимым трудом. И все напрасно. Когда мне представляется, сколько даром гибнет людей при нынешнем устройстве общества и как редко, какие немногие из способных сделать действительно поставлены в возможность что-нибудь сделать, то как-то делается холодно. Сколько даром теряется сил, когда так необъятно поле, на котором нужны работники, когда так много надо сделать, когда так много важного не тронуто. И на каждом из нас, кто может работать, лежит двойная тяжесть, и за себя и за других должны мы сделать. Никогда не забуду я того влияния и того значения, какое имел для меня этот старик в первые годы моей умственной жизни, и мне иногда кажется, что не только за себя, но и за него я должен работать, что не только моя, но и его жизнь останется даром прожитой, если я ничего не сделаю. Вспоминаются мне темные, зимние, звездные вечера. Перед сном он любил гулять, и я, когда мог, всегда ходил с ним. Я любил всегда небо, звезды, особенно Млечный Путь поражал меня, и в эти вечера я любил слушать, когда он мне о них рассказывал; я долго после не мог успокоиться; в моей фантазии бродили кометы через бесконечное мировое пространство; падающие звезды оживлялись; я не мирился с безжизненностью Луны и населял ее целым роем существ, созданных моим воображением. Такое огромное влияние имели эти простые рассказы на меня, что мне кажется, что и ныне я не свободен от них. Эти рассказы, а также разговоры с ним, с отцом и братом впервые вызвали у меня религиозный скептицизм, работу мысли, но об этом я Вам расскажу в следующем письме.

А теперь о своей поездке. Курьезно, мое письмо каждое выходит точно журнал какой-нибудь: а) передовая статья (собственно письмо), в) биография etc. и с) путешествие. Никогда я не думал, что могу столько писать и что все будет еще хотеться писать больше и больше. А такой бочкой Данаид¹¹ и является мое к Вам писание. О стольком, кажется, хочется написать Вам, что не наполнится она никогда.

Пароходные спутники мне попались не ахти какие. Я вообще люблю разговаривать, потому что в это время обучаешься и в это время живешь иной жизнью; разговоры на пароходе и железной дороге интересны еще потому, что позволяют хоть по рассказам, живой речью знакомиться с жизнью не тех мест, где едешь, а других — далеких. Так, например, имели для меня значение разговоры прошлым летом с рабочими, возвращавшимися и шедшими на отхожие промыслы, на юге. Но здесь ничего подобного не представилось, и я остановлюсь только на одном лице, на ратмане¹² города Сердоболя¹³, с которым я познакомился. Эта часть Финляндии населена финнами, имеющими наибольшее соприкосновение с русскими, и здесь чаще можно встретить людей, знающих по-русски; торговля ведется главным образом с Петербургом, и даже товары местных финляндских изделий покупаются в Петербурге. Здесь, таким образом, образовался целый ряд купцов, торгующих с Россией, постоянно имеющих с ней сношения, одним из которых и был ратман Сердоболя — Тиайнен, а другим, с которым я знаком, мой рускеальский хозяин. Здешний купец совсем не напоминает купца русского, хотя, кажется, есть какое-то сходство между ними и между купцами Новороссии,

имеющими совсем особый характер. Но это общее есть, вероятно, один европейский лоск. Тийайнен не представил из себя ничего замечательного, разговоры с ним меня мало научили чему, но я не забуду той радушной любезности, с какой он дал мне нужные указания, и только благодаря ему я оказался в состоянии кое-что сделать. Он представляет из себя тип кареляка¹⁴, добродушного, очень веселого и чрезвычайно болтливового. Вся восточная часть Финляндии населена этим народом, радушие которого, действительно, поразило меня, так как, ехав сюда, я ожидал совсем обратного. На пароходе я больше всего разговаривал с одним купцом из Рыбацкого, а затем с петербургским булочником, а теперь открывшим мелочную лавку. Этот последний довольно интересный тип старика-петербуржца, довольно простоватого; интересно проследить по нему то влияние, какое оказало на всю их семью то, что его племянники (он бездетен) — один студент медик, а другой тоже хочет туда поступить; он говорил о своем ремесле как о деле полезном; он к монахам (кроме Валаама) относится скептически, особенно не любит ходить по монастырям; а поехал на богомолье от временного безделья. От него, между прочим, пришлось узнать кое-какие сведения о положении рабочих-булочников (он сам не хозяин, но нечто вроде главного приказчика; он прошел все ступени с самого начала, и сам говорит, что труд каторжный, почти не оплачивается — рублей 10—15 в месяц), особенно плохо и тяжело приходится мальчикам [...] Виноват, еще забыл одну встречу и очень интересную. На палубе в теплой ватной одежде не то дьякона, не то священника расхаживал какой-то человек; лицо поражало своей некрасивостью: слезливые глазки, все сморщается, сморщенный, переморщенный, с толстым синевато-красным носом, он производил на меня впечатление ошипанной хищной птицы. Оказалось, что это Понятовский — автор и издатель сочинения «Народное чтение», которое предназначено для всех и каждого. «Народом, — поучал он меня, — неправильно называют только простонародье; есть три отдела — народ, простонародье и чернь, как по-латыни *natio*¹⁵, *populus*¹⁶ и *plēbs*¹⁷. Вот и моя книга назначена для народа — *natio*. В этой книге есть все: и духовная часть, и история и т. д.»; ее покупали у него больше всего священники. Для меня разговор с ним был как с далеким отзвуком старых времен. Три писателя представлялись ему великими: Погодин, Полевой, автор знаменитой некогда «Истории русского народа»¹⁸, и Галич, профессор философии 30-х годов. Я поспешил от него избавиться, когда он заговорил о бытии божьем. Нет места¹⁹

Пишите. Адрес: Wilmanstrand, Вильманstrand, Выборгской губернии, до востребования. Еду туда завтра, буду в понедельник. Пишите.

Вл. Вернадский

Д. 33, лл. 11—14.

¹ Н. И. Вернадский.

² Ольга Ивановна и Екатерина Ивановна Вернадские.

³ Реклю Э. Земля: Описание жизненных явлений земного шара. СПб., 1872.

⁴ Великие явления и очерки природы: Географическая хрестоматия, составленная по сочинениям известных русских и иностранных ученых и путешественников. СПб., 1866.

- ⁵ Гончаров И. А. Фрегат Паллада: Очерки путешествия. СПб., 1858.
- ⁶ Вегнер В. Эллада: Очерки и картины Древней Греции. СПб.; М., 1901.
- ⁷ Петискус А. Олимп, или Греческая и римская мифология в связи с египетской, германской и индийской. СПб.: М. О. Вольф, 1861.
- ⁸ Амадей, Карлос, Гарибальди — участники политических событий в Европе в середине XIX в.
- ⁹ Чистокровный (фр.).
- ¹⁰ Кутила (фр.).
- ¹¹ Дочери египетского царя Даная — Данаиды — в Тартаре были осуждены наполнять водой бездонную бочку.
- ¹² Ратманы — члены городских магистратов и ратуш, а также управ благочиния.
- ¹³ Современное название Сортавала (Sordavala, Sortavala — фин.) — город в Карельской АССР.
- ¹⁴ Точнее, «карелы» (самоназвание — карьяла), народ, живущий в Карельской АССР.
- ¹⁵ Нация (лат.).
- ¹⁶ Народность (лат.).
- ¹⁷ Народная масса, простой народ (лат.).
- ¹⁸ Полевой Н. А. История русского народа. М.: Тип. Августа Семека при Мед.-хирург. акад. 1832—1833. Т. 1—6.
- ¹⁹ Так у В. И. Вернадского.

№ 7

13 июня 1886 г., Вильманstrand

5¹

13 июня 86, Вильманstrand

Плывя по Сайминскому² озеру, я видел, как крупные капли дождя, шума и звеня, мешались с волнами, как плескались волны, сталкиваясь и сбиваясь от ветра. И в шуме падающего дождя, и в плеске волн мне слышался Ваш голосок: «Ужасно, ужасно страшно». И я просил тучи, летевшие на юг, чтобы они у вас рассыпались дождем и чтобы в каплях дождя Вы услышали мою просьбу, мое поручение: «Он просит, чтоб она не боялась». Я просил волны, чтобы эту просьбу они передали, ударяясь, каменным берегам своим, чтобы те неслышным дрожанием передали ее цветам в Териоках и чтобы Вы, срывая цветы или вдыхая их аромат, слышали все ту же мою просьбу: «Он просит ее, чтоб она не боялась...

Сидя на смытой льдом скале в Нейшлоте, осторожно ступая по ее трещинам, покрытым мхом и желтыми камнеломками, я видел, как птицы кружились над старым шведским замком, я чувствовал ветер, качавший деревья. И в крике птиц, в завываниях ветра мне чудился все Ваш голосок: «Ужасно, ужасно страшно». И я просил птиц: «Летите на юг, оставьте развалины старого замка. Там есть замок моей волшебницы; вам будет тепло и уютно, она добра и приютит вас. А вы напевайте все время ей все ту же одну мою просьбу: он просит ее, пусть она не боится». И ветер просил я: «На юг, на юг полети и в завывании бури иль в нежном прозрачном дрожании летнего воздуха одну передай мою просьбу: он просит ее, пусть она не боится...

Разбивая в Ихалайси камни, сотни тысяч лет лежавшие нетрону-

тими, слыша шум пылавших в печах дров, мне казалось, что в треске разбитого камня и в шуме огня я слышу все тот же Ваш голос: «Ужасно, ужасно страшно». И я просил дым, что летел от огня, окутать туманом Ваш замок. Когда взойдет солнце, исчезнет туман — да также исчезнут и Ваши сомнения! — и убегающий туман пропоет Вам: «Он просит ее, чтоб она не боялась». Освобождая незримые, микроскопические кристаллики, что не видали свободы с рождения, я говорил им: «Я дал вам свободу, несите, куда лишь хотите, из одного планетного мира в другой, но раньше в Териоки летите, нет вам запоров, нет мест недоступных, всюду, везде вы можете быть, и пусть же всюду она от вас слышит одну лишь мою горячую просьбу: он молит ее, пускай перестанет бояться...

Дошел ли, сказал ли мою Вам просьбу хоть один из моих послов: дождь и цветы или ветер и птицы? А может быть, туман или мелкие, незримые, всюду бывающие молекулы? И мне точно кажется, что хоть один из них да дошел до Вас, что Вы его слышали, но захотели ли внять его просьбам? Ведь Вы волшебница — не шутя, мне так кажется — и в состоянии понять все, что Вас окружает; ведь то же и у меня вызывает мысли и чувства и разве не может это вызвать чувств одинаковых, когда мысли настроены и думают все об одном же?

Но не шутя, мне представляется иной раз, что Вы волшебница, что где-то далеко, далеко есть ручки, которые могут делать все с моим сердцем, и мне иногда кажется, что какие-то пальчики перебирают его, давят в груди моей, ему там тесно и хочется простора, хочется бесконечного моря, бесконечной степи. Но и там ему будет тесно, но и там не найдет оно спокойствия.

Вы сделали для меня, дорогой, дорогой друг, великую вещь. Не знаю, не могу понять, что в Ваших письмах повлияло на меня, но на днях с какой-то неудержимою силою, точно от Вас шедшею (неужели у Вас мелькала мысль об этом?), захотелось мне употребить все средства, чтобы устроить лучшие дружеские отношения с моей матерью, которая так меня любит, да и которую и я люблю. Я на днях написал ей длинное письмо, в котором высказал то, что пришлось пережить за последние годы (в одном из ближайших писем я напишу непременно Вам об этом) и что я так скрывал по своей гордости; я думаю, что письмо должно произвести на нее сильное впечатление и мне как-то легче стало, а то уже страшно тяжело становилось, гнетом ложилось на меня чувство, что человек страдает из-за твоей гордости или сдержанности, и ты ничего, ничего не делаешь, чтобы уничтожить эти страдания, и такой гнет, страшно давивший меня, я нес несколько лет. Мне так хотелось прочесть Вам это письмо, хотелось, чтобы Вы Вашей чуткой душой и нежным сердцем сгладили резкости, какие, вероятно, есть там и какие мало заметны моей, боюсь, грубой и резкой душе.

О скольком хочется писать Вам, просто, кажется, никогда конца не станет тому, что так хочется Вам передать. Но сперва, по порядку, относительно того, что Вы пишете в Вашем письме, последнем. Я очень хочу Вас видеть, мне очень хочется поговорить с Вами, но думаю, что едва ли до июля придется быть у Вас. Сегодня выезжаю я в Питер, окончив кое-как экскурсию, где не думаю пробыть больше недели,

а оттуда поеду в Тамбовскую губернию (кстати адрес: станция Вернадовка, Моршанско-Сызранской ж. д.). В эту же неделю никак не могу быть по самой прозаической, но, к сожалению, трудно поправимой в такой короткий срок, причине. У меня нет приличного летнего платья, а явиться в том костюме, в каком я здесь путешествую, совсем не идет. Согласитесь сами: высокие сапоги, блуза, горный компас и молоток за поясом, гуттаперчевый плащ-альмавива с капюшоном и такую же шляпоу на голове, да в довершение в руках здоровая палка. Явиться в таком костюме было бы очень оригинально, пожалуй, романтично, но думаю, меня бы, скорее всего, приняли бы за помешанного. Однако я постараюсь устроить как-нибудь, но если будет нельзя, то через месяц, думаю, явиться будет можно. Один являться я не особенно желаю, а надо прихватить кого-нибудь из компании.

Когда я думаю о своей экскурсии, то иногда не знаешь, что о ней думать, она мне представляется каким-то *saggière mûcher*'ством³, мне кажется непонятным, и зачем это все, отчего и для чего. Без всякого сомнения, покуда я не побываю несколько раз на экскурсиях, я не могу быть профессором. Я учусь на экскурсии, но, в сущности говоря, до этого *de jure* не должно бы было быть дела Обществу естествоиспытателей, которому я должен буду представить отчет и которое дало мне на это деньги. Сама экскурсия (Рускеала) была назначена сплеча, и хотя предлагали выбор, но я, как Вам писал, вследствие чисто внутренних причин нарочно тянул дело, да и мне тогда было все равно. Рускеала — одно из немногих мест в России, где есть мрамор (из него Исаакиевский собор в СПб. etc.), и вот для «решения» был предложен вопрос: как произошел мрамор? Вопрос подымался сотни раз, и никакого решения представлено не было. Я позволю себе здесь несколько коснуться моей экскурсии, так как мне ужасно хочется, чтобы Вы все, все понимали, что волнует и интересует меня самого.

Первые, самые древние организмы, какие известны на земле, являются очень сложными, очень совершенными: это разные моллюски, черви, раки и даже скорпион. Есть все данные предполагать, что они развились из более простых форм, но нигде, ни в Европе, ни в Америке, Азии или Африке, нигде не находят других, более простых остатков. Везде под слоями с этими остатками находятся мощные пласты пород, носящие на всем земном шаре один и тот же характер: это сланцы, слюдистые, тальковые и др. (в Териоках, когда буду, я Вам, если хотите, их покажу). И вот среди таких слоистых, не содержащих и следа каких-нибудь организмов, порой находятся мраморы. Этим слоям дают разное объяснение; одни их считают отложением первичного горячего моря, когда не было еще никаких организмов, когда наша планета неслась вокруг солнца, едва-едва начав охлаждаться, и вот будто из такого расплавленного моря и осаждались эти породы; другие считают, что и здесь были организмы и что эти осадки когда-то были похожи на те, какие мы кругом видим, но прошли миллионы лет, в это время постоянно и непрерывно действовала на них вода, размывая и осаждая в них разные вещества, сильное давление в много сотен атмосфер еще более изменяло их характер, и под влиянием давления, внутреннего жара земли, действия неизвестных нам сил, воды в многие-многое мил-

лионы лет эти слои получили совсем иной характер и приняли совсем другой вид. Кто же прав — покуда данных нет. Но вот среди этих слоев являются толщи мраморов, кристаллических известняков. Они состоят из тех же самых веществ, как и обычные известняки, содержащие окаменелости; но как произошли они? Все известняки (в том числе и мел) произошли путем деятельности организмов — это все скопления их раковин, створок, кораллов и пр. и пр. Если эти мраморы так произошли и если они произошли в одно время с этими измененными первичными сланцами, то, значит, тогда были организмы. Но для мраморов есть и другое объяснение, пытались объяснить их изменение действиями жара, воды. А давным-давно так думали, что в раскаленных массах они вышли изнутри земли. Но расплавить мрамор мы не можем, и все опыты были до сих ^{пор} тщетны, и есть некоторые данные думать, что должны быть тщетны.

Мне в Рускеале были поставлены вопросы: определить, есть ли связь мраморов с окружающими их породами, т. е. одного ли они происхождения или нет? И какие химические процессы происходили в мраморах? На оба вопроса я ответить кое-как, думаю, смогу и набрал материал. Главная же работа будет не теперь, а всю осень и часть зимы.

У меня тут явилась другая мысль, которой не хочу тут утомлять Ваше внимание, но которую все-таки хочется Вам передать.

Теперь еще на один вопрос хочется мне ответить Вам: понимаю ли я, что Вам трудно писать мне. Как Вам сказать? Иной раз мне кажется, что я прекрасно понимаю и Ваше отношение ко мне и то, что Вы должны чувствовать, а потом овладевает сомнение, и мне кажется, что я ничего, никак не могу понять. Вы видите, я не считаюсь письмами, я Вам поверил, что Вам приятно, что ли, получать мои письма. Иной раз мне кажется, что все, что так волнует Вас, происходит от призраков и страхов, созданных Вашими воображениями, иной раз мне кажется, что я все-все, что писали Вы мне, ложно, неверно понимаю, что я себя обманываю, читая то, чего там нет, и мне кажется тогда, что Вы это чувствуете, но не хотите прямо сказать мне. Я не могу и не смею требовать Ваших писем, но я могу просить хоть самых коротких записочек на мои письма. И их я прошу. В июле мы увидимся, не хотите ли, чтобы я не писал до тех пор? Ради бога, ответьте прямо.

Очень спешу, так как не укладывался, а теперь около часу (в 4 часа уходит поезд). Письмо это Вы получите, когда я буду проезжать мимо Те-риок. Мне хочется здесь сделать несколько замечаний по поводу моего практического **profession de foi** ⁴, если можно так выразиться.

Я хочу начать с того же самого выражения Спенсера, какое на Вас, говорите Вы, произвело такое сильное впечатление. Только я хочу рассмотреть подробнее и последовательнее. Пример хороший и который ясно выразит мое мнение.

Если ударять по листу железа, желая уничтожить небольшое на нем возвышение, мы, уничтожив это [небольшое] возвышение, вызовем в другом месте большее. Согласен, что это возможно. И это будет 1-й случай, самый печальный, какой только может быть при всякой работе (так ведь?). Но совершенно также возможно: 2) что уничтожив это небольшое возвышение, мы вызовем на нем образование

другого, не меньшего или равного, 3) что не вызовем почти никакого, 4) что если сил много, то появляющееся большое возвышение может быть сразу задержано, так как оно появляется мало-помалу и всегда почти может быть замечено. Вот главные возможные случаи (когда я читал Ваше письмо, я помнил еще какой-то 5-й случай, но его припомнить я не могу — спешу).

Но что будет, если мы не будем бить по небольшому возвышению на листе железа? Вы думаете, по-видимому, что останется небольшое возвышение и больше ничего не будет. А между тем на деле будет совсем не то; железо, как и общество, имеет свою структуру, оно всегда стремится принять наиболее устойчивую форму, число вещества (сил) в нем вполне определенное; поверхность же его при выдавливании увеличилась, и потому в одних слоях оно будет тоньше, а в других толще, одни слои легче будут подвергаться действию разных внешних и внутренних агентов, чем другие. Кроме того, в нем происходит вследствие такого неоднородного уже строения внутренняя ломка; ближайшие к месту возвышения частички начинают терять свою связь со всем листом и группируются вокруг нового центра. Удар спустя некоторое время по этому возвышению или какой-нибудь случай вызовет отпадение этого куска, дыру в листе железа, а это вызовет дальнейшее, более быстрое разложение всей той агрегации частичек, кристалликов, металлического железа, какую мы видим в листе железа. Так как для такой переработки нужно время, то при быстром уничтожении появляющихся возвышений могут быть временные ухудшения или изменения, но не может быть хронического изменения и вместе с тем распада. Поэтому гораздо-гораздо лучше бить. Чувствую, что я Вам неясно все это высказал, но прилагать все это к дальнейшему своему изложению мне не хочется. Да я вообще больше люблю образы.

Должен кончить письмо, так как иначе не успею уехать (а я сегодня только приехал из Нейшлота — более 100 верст и плохо спал ночь). Если бы получил Вашу, коротенькую хотя бы, записку (адрес: СПб., Надеждинская, д. 34, кв. 8). Это было бы счастьем для меня. А то одна мука. Напишите, писать Вам до июля или нет?

Вл. Вернадский

Д.33, лл.15—18.

¹ Номер письма, проставленный В. И. Вернадским.

² Точнее, озеро Сайма.

³ Топтаться на одном месте (фр.).

⁴ Символ веры, убеждения (фр.).

15 июня 1886 г., С.-Петербург

15 июнь, 86, СПб.

В Вашем плане дурно только одно, что это может повлечь для Вас такие неприятности, каким Вы подвергаться не должны и каким я Вас подвергать никак-никак не хочу. Не особенно приятно еще так или иначе действовать скрытно. Но это последнее — пустяки. Я должен уехать отсюда самое позднее через неделю; правду сказавши, я должен был бы уехать сейчас же, да все задерживает мысль, что так иль иначе удастся устроить себе возможность видеть Вас.

Я думаю, как-нибудь удастся дать своему костюму более приличный вид, и тогда я могу явиться к Вам; раз Вы хотите, чтобы я приехал один, то и то можно будет; немного сконфузишься, покраснеешь, промелькнет мысль об удивлении Ваших окружающих etc., но это такие в сущности пустяки, которые ничто в сравнении с тем, чему Вы можете подвергнуться, если принять Ваш план. Ведь можно так устроить, чтобы явиться, раскланяться, перекинуться обычными фразами и затем идти с Вами. Я употреблю все усилия, чтобы устроить это, а затем Вы найдете возможность сделать это как-нибудь проще. Приеду я как раз с тем поездом, какой Вы назначили, но когда, сказать не могу, и это будет зависеть и от того, что Вы напишете, во всяком случае это надо устроить между 18—19 и 20—22 июня. А видется нужно, потому что иначе уж больно все же мучительно и для Вас и для меня, а на бумаге нельзя совсем всего передать. И пора все разъяснить, чтобы это было просто, чтобы главное было между нами сказано; тогда ведь и легче будет нам переписываться. Я бы предпочел приехать так 20—22 июня, так как больше времени более прилично устроить свой костюм (вот никогда не думал, чтобы меня стал так интересовать костюмный вопрос, и с непривычки это все ужасно трудно, а тут еще сегодня праздник, а вчера весь день пробыл у сестры в Павловске). А может быть, удобнее приехать так к 1 часу, а уехать в 4? Впрочем, не знаю, как поезда. Во всяком случае Вы мне напишите, что обо всем этом думаете, и напишите скорее, потому что времени мало.

Да что Вы все про время, «которого я ужасно много потеряю», говорите. Неужели я потеряю время, когда увижу Вас, переговорю с Вами, неужели Вы не чувствуете, что для меня это ныне важнее, дороже всего на свете, что не только время, я готов потерять больше и потерять безвозвратно, лишь бы увидеться с Вами, лишь бы быть в состоянии хоть несколько покончить с теми мучительными сомнениями, какие тесной, вечно колыхающейся, неуловимой стеной меня опутали. Только после разговора с Вами исчезнут те последние следы дисгармонии, какие режут мне теперь ухо, какие поселились в душе моей, только Вы, одни Вы, в состоянии их уничтожить, сгладить. И Вы говорите о времени, которое я потеряю! Да на что же употреблю я здесь это время? Неужели Вы не чувствуете, что постоянно мысль моя следует за Вами, что я ловлю себя на этом на каждом шагу, что больше времени своего посвящаю я Вам, чем чему бы то ни было иному. Да разве есть для меня что-нибудь

дороже, что-нибудь ближе. И на что надо употреблять время? На ученье, на работу, на пользу человечества? Но разве можно работать на пользу человечества сухой, заснувшей душой, разве можно сонному работать среди бодрствующих и не только машинально, летаргически делать данное дело, а понимать, в чем беда и несчастье этих бодрствующих людей, как помочь им из этой беды выпутаться? Разве можно узнать и понять, когда спит чувство, когда не волнуется сердце, когда нет каких-то чудных, каких-то неуловимых обширных фантазий. Говорят: одним разумом можно все постигнуть. Не верьте, не верьте! Те, которые говорят так, не знают, что такое разум, они не понимают, что волнует, что интересует в этих работах, какие считаются одними умственными работами. Мне представляется разум и чувство тесно-претесно переплетенным клубком; одна нить — разум, а другая — чувство, и всюду они друг с другом соприкасаются, и когда одна из них бодрствует, а другая спит, тогда в этом клубке рядом мертвое и живое, разве может быть сила, разве может быть какая-нибудь работа с помощью такого помертвелого, чуть не загнившего клубка?

Да нет, нет. Мне кажется, когда Вы писали эти слова, Вы не то думали, мне кажется, Вы думали, что я так или иначе, по той или иной причине не соглашусь видеться с Вами. И мне кажется, что перед Вами мелькала моя застенчивость, моя неловкость в обществе, страх, что ли, или то чувство, о каком я пишу в начале письма — но только не это. Ведь правда?

Отвечайте скорее. На сегодня довольно, так как сейчас надо ехать в университет, везти туда камни, а писать вечером — Вы поздно получите письмо. Жду письма. Сегодня, если успею, забегу к Гревсам.

Вл. Вернадский

Д. 33, лл. 19—20.

№ 9

21 июня 1886 г., С.-Петербург

21 июнь, 86, СПб.

Сегодня, вернувшись из Павловска, нашел я у себя, моя дорогая Наталия Егоровна, Ваше письмо и очень ему обрадовался. Обрадовался тому, что, кажется, начинают исчезать в дивном тумане все построенные Вами, Вас и меня мучившие фантомы и другие подобные же создания Вашего воображения. Обрадовался и тому, что Вы вполне, кажется, почувствовали силу чувства и, мне кажется, не захотите и не сможете посадить его в известные, определенные, вследствие каких-то неясных опасений, рамки, поставить известный предел его силе, как Вы говорили еще на последнем свидании. Не сможете потому, что чувство сильнее нашей воли и что в нем вся жизнь, раз оно захватит вас в свою власть. Вернулся я домой тогда как-то очень усталым и очень мало мог о чем соображать: мне только хотелось еще раз Вас увидеть эти следующие дни и представлялось большое искушение снова поехать в Териоки и снова

быть около Вас. Употреблю все усилия, чтобы вернуться раньше, хотя, с другой стороны, и для нас с Вами важно устроить какой-нибудь *modus vivendi* ¹ с этой землей. Я не думаю, чтобы мне удалось устроить продажу, вероятно, придется сдать на год в аренду часть земли, а с крестьянами завести переговоры о продаже; переговоры эти будут тянуться довольно долго, так как я вообще очень плохой финансист и делец. Если же не удастся устроить так, то надо будет опять сдать в аренду какому-нибудь синьору и опять прямо искать покупателя. С моим жалованьем и с доходом с имения при самых худших условиях будем получать более 2000 руб. в год, чего не прожить, и несколько сот прямо (не тратя капитала) можно и надо будет употреблять на другое. Следовательно, Вы при искании дел прямо можете обладать на это известной суммой, и одно такое «дело» давно носится у меня в голове. Мне хочется, однако, сперва насколько возможно разъяснить себе, чего Вы собственно хотите и что под делом разумеете. С постановкой Шаховского я не согласен, как знаете, потому, что она мне кажется узкой и слишком теоретичной ²; не совсем согласен и <с> Вами выраженным мнением, что, может быть, было бы лучше и важнее употреблять вырученные деньги на месте.

При тех обстоятельствах, в каких ныне находится жизнь людей, чрезвычайно важной работой является работа людей, скученных в отдельных центрах умственной жизни, скученных отчасти поневоле и по необходимости самой работы. Я поясню это примером, так как теоретически разбирать вопрос сию минуту не имею времени (укладываюсь), а на это пошло бы много времени. Для Вас, моя голубушка, ясно, что учительство дело хорошее, но также Вы думаете, что им заниматься не имеете способностей; не приходило ли Вам в голову: не пропадает ли теперь значительная часть работы тех людей, которые жертвуют на это всю жизнь. Из тех результатов, какие достигнуты после довольно усиленной работы в течение почти четверти столетия, для меня это совсем ясно (пишу ужасно кратко и потому, может быть, неубедительно). Причина здесь следующая: учение прекращается после школы, а прекращается по 2-м причинам: 1-я — нет книг и 2-я — их трудно доставать. В последнее время, как знаете, сильно усилились старания горсточки людей улучшить народную литературу. До сих пор такое стремление было очень односторонним и как таковое опять-таки будет иметь очень малое влияние. Не было обращено внимания на популярную научную народную литературу. Ее надо поднять, и много сил направить на нее. Я говорил с Бирюковым, и, кажется, можно будет «Посреднику» ³ направить на это часть своей деятельности; думаю, можно будет прямо самим издавать — вот Вам одна **неотложная** теперь деятельность, которая непременно образом отнимет у Вас много времени и от которой Вы отказываться не имеете права. Если Вы будете чувствовать себя неподготовленной, то Вы весь свой век будете такой себя чувствовать, если не начнете работать по мере сил (сперва едва ли удачно) и возможности. Наряду с этим должна стоять прекрасно организация **народных читален и библиотек**, опять-таки на что должна пойти масса времени, энергии и веры, и это никак нельзя вести из закоулка провинции. Я не хочу яснее развивать сейчас ни ту, ни другую мысль; мне хочется, чтобы Вы подумали и представили мне свои возражения против той и другой, которые, по-моему, чтобы быть

успешными, должны необходимым образом идти **неразлучно вместе**. Мне кажется самым главным, чтобы человек никогда не падал духом, чтобы он вел смело, энергично и неутомимо каждую полезную работу, какая ему является возможной в данную минуту, чтобы он из-за **возможности** ошибки не относился вяло к какому-нибудь делу и, таким образом, по необходимости делал уже ошибку не возможную, а **реальную**. Если Вы хорошенько вдумаетесь во всякое полезное дело, то всегда окажется вероятность той пользы, какую оно принесет, большим вероятия ошибок. А все колебания, все падения духом, все терзания из-за возможности сделать злое вместо доброго должны быть выгнаны вон, должны быть отброшены совсем, совсем... Им нет места у того человека, который ясно понимает, что и все сомнения, все слабые действия его, все удаления от дела — есть уже сами по себе известные поступки, имеющие общественное значение. Он сам явился недаром и находится в постоянной, вечной связи со всеми окружающими. И особенно теперь, когда разгулялась реакция, когда и при большой энергии получаешь немного результатов, когда так мало людей, поставленных в условия, мало-мальски благоприятные для дела, и действительно что-нибудь делающих. Теперь нет права сомневаться, колебаться, теперь надо смело, упорно, во что бы то ни стало идти вперед и добиваться всякого полезного дела со всей возможной энергией и силой. И горе нам, если мы будем колебаться. Вперед, вперед и смело.

Когда я вижу, как колеблются, мне иногда просто хочется взять их в охапку, этих колеблющихся людей, и ринуться вместе с ними, чтобы они в горячке работы и среди получаемых отовсюду щелчков очнулись и поневоле энергично принялись за работу. Но Вы, моя дорогая, мое все, не колеблетесь. Вы ищите себе более подходящего, неотложно нужного дела. Ну, так теперь все подходяще, все неотложно нужно, и нужнее всего теперь горячая работа, смелая, гордая мысль и неутомимая, неукротимая сила порыва. И они у Вас есть и будут.

Всегда, когда я начинал какое-нибудь дело, у меня в голове проносилась старинная запорожская поговорка, с какой они бросались на какое-нибудь трудное дело: **«Або збуду, або дома не буду»**, и когда хотело напасть отчаяние, я повторял себе эту поговорку, и мне казалось, точно целая масса насмешливых голосов раздавалась кругом: «Эге, эге, гарный хлопец, та с першого ж разу и виру потеряв», «Та я ж думав, що вин и зправда що-небудь зробить, а вин тильки бреше» и т. д. И мне представлялось, среди каких невероятных усилий добивались люди своей цели, и мне становилось стыдно, далеко-далеко отгонял я от себя все сомнения и снова бросался на работу, и каждая неудача только больше подстрекала, подзадоривала меня, еще большую вызывала во мне энергию.

И то «дело», какое Вы ищите, найдется, и его Вы возьмете и проведете. И славно ж поведете, моя дорогая. Мне кажется, я Вас вижу, как, склонив набок Вашу голову (откуда у Вас эта привычка?) или подняв ее вверх (так как-то особенно Вам хорошо), Вы смело и безбоязненно, упорно и непреклонно ведете какое-нибудь хорошее дело. Вперед же, вперед!..

Мне хорошо теперь, когда Ваши слова рассеяли мои последние сомнения, все еще очень сильные, когда я убедился, что то, что казалось

такой недоступной мечтой, есть и будет, тогда как-то так хорошо, так хорошо стало у меня на душе. И я чувствую теперь себя гораздо сильнее, точно то, что связывало мои силы, исчезло по мановению какой-то новой лучезарной силы. Да будет же и Вам хорошо, и ничего, ничего, дорогая моя, не хочу я так, как этого, и верю, что это так. Ведь так?

Я говорил с моей матерью. Она очень хочет с Вами познакомиться, и я думаю, что Вы ее полюбите, да, полюбите, потому что у Вас так много любви ко всем, ко всем. Вы хотите знать, кому я скажу? Да никому теперь, потому что никого не увижу, но мать скажет сестре. Ведь против этого Вы ничего не имеете?

Пишите как только можете скорее. Я употреблю все усилия, чтобы быть здесь в июле. Адрес: Ст.Вернадовка, Моршанско-Сызранской ж. д.

Пишите обо всем, обо всем!

Вл. Вернадский

Д. 33, лл. 23—25.

¹ Образ жизни (лат.).

² В письме от 20 июня 1886 г. Н. Е. Старицкая писала: «А об деле (об деле жизни) — это <все> еще вопрос, об котором мы много, много должны поговорить, вопрос, который часто мучит, неотступно меня преследует... найти такое дело (для меня), так как у Вас оно есть, которое было бы **теперь** нужнее и важнее и которому я могла бы отдаться вся всей душой (и не учительство, так как я не хочу быть учительницей, мне иногда кажется, что я, значит, ни на какое настоящее дело не способна, так как это самое важное, бесспорно хорошее дело...), значит, непременно ценное дело, чтоб, как Шаховской говорит: “Уметь что-нибудь (конечно, хорошее и важное) делать”, — ремесло и, с другой стороны, чтоб через него в каждом часе и мгновении имелся б вечный смысл, дающий право жить...» (ф.518, оп.3, д.252, л.30 об.—31).

³ «Посредник» (1884—1935) — книгоиздательство культурно-просветительного характера. Возникло в Петербурге по инициативе Л. Н. Толстого. Руководителями издательства были В. Г. Чертков, П. И. Бирюков, а в 1897—1925 гг. — И. И. Горбунов-Посадов. Основная цель «Посредника» — издание для народа доступной по цене литературы. Издательство выпускало дешевые брошюры, в том числе серийные издания («Деревенское хозяйство и деревенская жизнь», серии по вопросам экономики и др.), художественные произведения (Пушкин, Короленко, Лесков и др.), религиозно-нравственные произведения Толстого, некоторые из которых были написаны им специально для «Посредника» («Два старика», «Свечка», «Много ли человеку земли нужно?» и др.).

№ 10

22 июня 1886 г., Вернадовка

Вернадовка, июнь 22, 1886

Дорогая моя, только сегодня приехал я в Вернадовку и спешу написать Вам, моя дорогая, мое все, не могу, не могу не писать Вам и буду писать часто. Уезжая из Петербурга по крайней мере на целый месяц, мне казалось, точно я отрываю себя от чего-то дорогого, от чего-то такого, что составляет для меня всю жизнь, перед чем меркнут все прочие интересы. Вчера, уезжая из Петербурга, я радовался, спокойно оставляя

я этот город, всей душой старался войти в облики новых мною видимых мест, старался войти в интересы, мысли и положение новых встречаемых лиц. А теперь все заслоняется Вами одной, и почти всю дорогу я продумал про Вас, мне хотелось знать, о чем Вы думаете, о чем Вы мечтаете, хотелось Вас видеть, проникнуть во все Ваши мысли, и меня пробирала дрожь, когда я вспоминал, что целый месяц не буду иметь возможности Вас увидеть, говорить с Вами, слышать ваш голос, видеть Ваше лицо и Ваш взгляд. Это невозможная попытка, и я употреблю все усилия, чтобы сократить этот срок; я не могу, не могу этого вынести. Да что ж это такое, в самом деле; что ж это за сила такая, которая так беспощадно ломит все, которая овладела всей душой и перед которой являешься бессильным, бессловесным, беззащитным как дитя. Да и нет охоты защищаться против нее, да и нельзя; ведь чувствуешь, точно когда сломишь эту силу, так сломишь самого себя, точно все, все существо, вся душа твоя сошлась в ней одной, в этой великой силе любви.

Я не в состоянии рассчитывать, сколько я здесь пробуду, право, мне кажется иной раз, что я теперь в тюрьме, что меня сюда завезли нарочно, чтобы мучить, терзать меня; да, точно, тюрьма кругом, и только один, небольшой узкий выход — это писание к Вам и особенно получение Ваших писем. Завтра их не может быть, но послезавтра, если, если только Вы вовремя получили и вовремя ответили на мое письмо, посланное перед отъездом, я должен получить ваше письмо. И опять мучение, опять тоска. Но это вовсе не тоска бессилия, апатии — вовсе, вовсе нет. Да и вы этого, конечно, не думаете, моя голубушка. Я никогда в жизни не чувствовал себя таким мощным, никогда мне не казалось, чтобы у меня была такая сила, какая точно растет у меня на глазах. Но я вполне сознаю и понимаю, что только Вы одни можете вызвать во мне эту силу и что без вас она плоха; что только мысль о вас увеличивает, усиливает мою деятельность, мою энергию, мое желание и способность работы. Без Вас я останусь ничтожеством, но я чувствую, что при вашей поддержке, при участии я в силах буду сделать что-нибудь, я, положительно, становлюсь и умней, и сильнее, и энергичней, когда у меня промелькнет мысль о вас, пронесется ваш неясный образ.

Я заявил здесь прямо, что более 3 недель пробыть не могу, и это крайний срок, я хочу кончить все скорей и уехать к Вам; ну, что же если потеряем известную сумму, но только зачем, за что так мучиться. Ведь надо же было всему этому так в одно время случиться. Мне кажется, что лучше всего будет (если Вы позволите) приехать в Териоки и сделать официальное предложение, просить вашей руки у ваших отца и матери. Ваша мать ведь знает о том, что я это хочу сделать; ведь вы ей все сказали? Ведь не может же она меня больше знать из-за того, что я три-четыре раза проторчу в гостиную? А между тем это будет гораздо проще, гораздо прямей; это сразу упростит наши отношения — ведь, не правда ли, это будет самое-самое лучшее. Напишите, как вы об этом думаете. А мне представляется нехорошим явиться в ваш дом как простой знакомый и украдкой (я не могу этого) видаться с вами, а я не могу разлюбить вас, и я вполне уверен, что и вы этого сделать не в состоянии, и не думаю, чтобы ваши отец или мать пошли против этого желания

нашего, потому что это дело касается вас одной и потому что здесь не может быть и речи и разговора о каких-нибудь меркантильных затруднениях; нужно только одно их согласие, нужно для того, чтобы вам не было горя и неприятностей. Напишите обо всем прямо, и мне кажется, что эдакий исход будет для нас обоих самым лучшим. О согласии моей матери, как я Вам, кажется, писал, нечего и говорить; она только один вопрос сделала мне: любите ли вы меня (à-propos ¹: ваши, так много меня помучившие «2 года и многое другое», не произвели на нее **никакого впечатления**). Она просила (опять не помню, точно я вам это писал) вам кланяться от нее, когда буду писать, и сказать, что она очень хочет с вами познакомиться. Когда приеду, я это устрою. Во всяком случае напишите, что вы об этом думаете[...] (позволяю себе уж слишком официальное «Вы» заменить менее, но все же очень-таки официальным «вы») [...] напишите скорей, скорей.

Здесь мне выяснилось дело приблизительно так: сдать крестьянам на год паровую землю (всей земли у меня более 500 десятин) и заведу с ними переговоры о продаже им земли, они соглашались дать за нее по 100 руб. за десятину (цена эта в этих местах невелика), но все затруднение представляет тот долг (около 9 500) Обществу взаимного поземельного кредита, который, кажется, не может быть на них переведен. На днях еду в Тамбов, чтобы разузнать все, и во всяком случае, моя дорогая, я не предприму никакого окончательного решения этого вопроса, пока не переговорю с вами; надо только устроить известный *modus vivendi* ², чтобы несданная земля была сдана etc. и чтобы в будущем году получить что-нибудь, что нужно и для нас с вами, и для дела. Получение же арендной платы для меня лично ужасно тяжело по чисто нравственным причинам, и это главная причина, почему я хотел и хочу развязаться с землей. Но мы об этом переговорим еще. О сдаче паровой земли в аренду я уже сегодня говорил одному крестьянину, что дам им знать, когда это будет (между прочим, я едва-едва не пропустил срока [...] недель позже уже сдать было бы нельзя, но теперь едва ли что потеряю, а если потеряю, так рублей 100), а когда с этим покончу, еду в Тамбов.

Мне хочется поговорить с вами еще о нескольких вопросах, которые интересуют одинаково нас обоих и где нужна наша посильная работа.

В Комитете грамотности ³ надо с осени опять поднять вопрос о библиотеках и читальнях; вопрос о библиотеках далеко не такой далекий и неважный вопрос, как с первого разу кажется. Комитет грамотности имеет возможность делать это при нынешних обстоятельствах лучше всякого другого отдельного лица. Между тем «за недостатком средств» (или «за недостатком энергии») Комитет прекратил почти рассылку библиотечек. Вопрос этот надо поднять следующим образом: 1) необходимо образовать известный фонд, а основание можно, я думаю, добыть даже и при паллиативном решении вопроса о Вернадовке, и для этого читать публичные лекции etc.; 2) необходимо заинтересовать важностью этого вопроса как Комитет грамотности, так и печать. Кетриц ⁴, с которым я говорил перед отъездом, составит статью и прочтет в Комитете грамотности сообщение о немецких библиотечках, а мне и вам хорошо было бы составить свод сделанного по русским и другим иностранным библиотеч-

кам — каждому из нас отдельно времени не хватит, а вдвоем сможем сделать — ведь правда? Необходимо для этого собрать тот материал, какой присылался в ответ на брошюру Шаховского⁵. Так и хранится у Яроцкого материал по пересланным братьями Ольденбург и К^о библиотечкам и который хранится в голове Федора⁶, материал по письмам из Ям, Вьсегонского уезда⁷, и то, что должен был узнать Шаховской, и это он обещал мне прислать, да не прислал. Очень было бы для этого важно изложить, что сделано для этого за границей; у меня собрана очень небольшая литература; надо будет ее разобрать и собрать больше*. Во всяком случае это дело необходимо двигать вперед, и из письма одного к К [омитету] чрезвычайно ясно, что много вредит его расширению незнание о том, что до сих пор сделано. Ведь мы сделаем? Да?

Другое дело гораздо труднее, и я думаю, чтобы мы могли, кроме ознакомления, что-нибудь теперь же для него сделать. Еще в прошлом году во время моих летних поездок меня положительно поразили 2 вопроса, тесно переплетенные и связанные друг с другом, и вопросы, имеющие огромный философский и чисто практический интерес, — это вопрос о массовых передвижениях, т. е. вопрос о перемещении и об отхожих промыслах. Значение этих великих агентов в жизни народной огромно, и именно здесь для урегулирования возможна и необходима работа интеллигенции, и между тем именно здесь ничего не сделано, а от отсутствия ее гибнут и мучаются люди. Для переселения было сделано много самых разнообразных попыток, и я в прошлом году пытался устроить даже кружок а) для ознакомления и б) для издания целого ряда популярных описаний мест, куда может идти переселение. Мера эта будет проведена в исполнение, и опять с осени примемся за дело. Другой вопрос, об отхожих промыслах, не менее важен. В прошлом году, году, таком неурожайном для юга, мне пришлось в Херсонской и Екатеринославской губерниях пробыть среди рабочих средней полосы России, пошедших на юг в надежде на заработок, они возвращались разоренными, нищими, наугад они бросались всюду, на всякую работу, их обманывали на каждом шагу, из них высасывали соки последние. И неурожай юга отразился страшно на благосостоянии всей средней полосы России, я потом узнал, что шедшие в разные стороны всюду потерпели такие же лишения. Масса несчастий была бы избегнута, если бы были хоть малейшие попытки упорядочить это дело, значение которого для чисто **духовной** жизни народных масс вам, конечно, ясно. Единственная мне известная общественная попытка упорядочить это дело — это попытка одного Поволжского земства в середине 70-х годов, где много потрудились и женщины. Я не могу теперь писать об этом подробно и еще не знаю, что предпринять можно для этого, так как очень мало известен самый вопрос (кроме довольно устарелых статей Чаславского⁹ и Воропанова¹⁰ есть кое-какие заметки у Янсона¹¹, но свода нет, а он теперь необходим); но узнать это необходимо. Вопрос этот положительно гнетет меня каждое лето. В связи с ним, как знаете, находится стремление масс в города, на фабрики etc. — всюду, всюду, где можно ожидать заработка, так как своего не хва-

* Посмотрите статью Янжула в его «Опытах и исследованиях»⁸. Годится ли или нет?

гают на прокормление и на уплату податей. В сущности говоря, эти передвижения составляют один из самых крупных культурных агентов, какие мы только знаем, и ознакомление с коими, посильная работа для их улучшения положительно необходимы. В последнее время масса народа шла на фабрики и в города, где прельщала та сравнительная легкость работы, но главным образом гнала нужда, так как надо было платить подати etc. Теперь, этим летом, совершается настоящее бегство назад, в деревню, и с этим бегством из СПб. мне пришлось столкнуться здесь, в вагоне. В СПб. в этом году пришло столько народа, сколько никогда не было, а работы оказалось мало; фабрики стали распускать значительную часть рабочих, так как нет спроса; цены на квартиры, углы страшно поднялись. Масса столпившегося и все шедшего из деревень народа, ищущего и жаждавшего работы, все увеличивалась, а работы нет, никто не хочет брать рабочие руки. Рассказывают, что на Никольском рынке (надо туда сходить или Федору, или Александру¹², или Ивану¹³), где нанимают рабочих, происходит плач и скрежет зубовой, что за бесценок просят и молят взять их в работу; на фабриках не пускают не только в коридор, но даже во двор; прежде очень частые сверхкомплектные рабочие теперь совсем исчезли, и прежний комплект уменьшен чуть не наполовину; в то же самое время усилились требовательность и строгость к предоставленной работе; за малейшее нечаянное попущение, на какое прежде не смотрели, ныне штраф или исключение. Кто мог, ушел назад из СПб. и возвращается ни с чем (как в прошлом году возвратились с юга ни с чем рабочие из средних губерний). Увеличилось в городе с голоду воровство, и полиция в один этот (июнь) месяц выслала назад, на родину, в деревни, до 1000 человек. Их ловят так: на Никольский рынок является переодетый полицейский в качестве нанимателя, нанимает рабочих, приводит их во двор, запирают и высылают. Делается все хуже и хуже, говорят сами рабочие. С одной женщиной и другими у меня был разговор на эту тему [...] Идти назад в деревню, где опять там нет никакой надежды улучшить свое положение. Иные поговаривают отправиться на юг, в Одессу, где будто бы лучше (хотя я знаю, что там еще хуже и оттуда высылают рабочих назад). Но что будут делать эти рабочие руки на местах, когда нет, над чем работать. И какое огромное значение должны иметь эти массовые движения на дальнейшее решение о выходе из нынешнего положения. Отсюда, из Моршанского уезда Тамбовской губернии, в этом году, после прошлогоднего бедствия, на отхожие промыслы отправились немногие, но здесь бедствуют, увеличиваются недоимки (в прошлом году здесь за недоимки стали применять неслыханную прежде тут меру — продажу крестьянского инвентаря — окончательное их разорение) К чему все это приведет, трудно сказать. Но с вопросом о народных массовых передвижениях необходимо познакомиться и надо узнать, что делается теперь в Питере. Кажется, точно скапливается та гроза, пока беспорядочно ищущая **свободного** выхода. Тем более, что вопрос это — не местный, а захватил всю Россию, и даже в Финляндии пришлось мне с ним столкнуться. Там прекратились последние ресурсы жизни для значительной части — нескольких уездов Выборгской губернии — все уменьшение работы на железоделательных заводах, а уменьшились они от наложения недавно пошлин на привозное заграничное железо

(пошлины наложены для «поднятия русской промышленности»). Между тем в этой части Финляндии вопрос о посторонней, не земледельческой работе, вопрос коренной, так как свойства климата и почвы позволяют пользоваться своим хлебом только до мая, а с мая по август — покупной (крупных землевладельцев здесь почти нет). Надо этот хлеб купить, а чем? Необходимо собрать об этом все, что только можно.

Что Иван с своей статьей об женских гимназиях?¹⁴

Пишите подробно и скорее все, все, что только хотите и можете. Для меня получение каждого вашего письма — большая радость. Сердитесь, не сердитесь, а я решусь здесь высказать одну свою просьбу, которую, вы, может быть, будете так добры, что не отвергнете. Не можете ли вы дать, прислать мне вашу фотографическую карточку, а если у вас нет — сняться. Я решаюсь просить вас об этом потому, что для меня это будет несказанной радостью и большим облегчением. Пишите скорей, скорей.

Вл. Вернадский

Д. 33, лл. 26—29.

¹ Кстати (фр.).

² Образ жизни (лат.).

³ С.-Петербургский комитет грамотности (1861—1895) — общественная просветительная организация — была создана при Вольном экономическом обществе (ВЭО). Программа, утвержденная ВЭО, предусматривала материальную помощь школам, издание книг, рассмотрение и рекомендацию учебников для начальных школ и книг для народного чтения, сбор сведений о народном образовании. В состав комитета входили Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, педагоги И. И. Паульсон, Ф. Ф. Резенер и др. В 1885—1886 гг. в комитет вошла Группа для изучения народной литературы, в которую входил В. И. Вернадский. Деятельность комитета вызывала широкую общественную поддержку. К 1895 г. число членов комитета достигло 1025 человек. Издательство выпустило (1894 г.) 449 000 экз. книг, был издан каталог лучших книг для народа и др. Царское правительство признало деятельность комитета «опасной» в политическом отношении, и комитет в 1895 г. прекратил свое существование.

⁴ Бернард Эрнестович Кетриц был членом С.-Петербургского комитета грамотности.

⁵ *Шаховской Д. И.* О народном образовании в Весьегонском уезде, Тверской губернии: Отчет кн. Д. И. Шаховского. Рыбинск, 1886.

⁶ Федор Федорович Ольденбург.

⁷ Весьегонский уезд Тверской губернии, ныне Весьегонский район Калининской области.

⁸ *Янжул И. И.* Очерки и исследования: Сборник статей по вопросам народного хозяйства, политики и законодательства. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1884. Т. 1—2.

⁹ *Чаславский В. И.* Земледельческие отхожие промыслы, в связи с переселением крестьян // Сборник государственных знаний. СПб., 1876. Т. II.

¹⁰ Где была опубликована статья, установить не удалось.

¹¹ *Янсон Ю. Э.* Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах: С приложением «Очерка правительственных мер по переселению крестьян после Положения 19 февраля 1861 г.». СПб.: М. Стасюлевича, 1881.

¹² Александр Александрович Корнилов.

¹³ Иван Михайлович Гревс.

¹⁴ Где была опубликована статья, установить не удалось.

27 июня 1886 г., Вернадовка

Июнь 27, Вернадовка, 1886

Дорогая моя, сегодня, наконец, я получил от вас весточку, очень и очень меня порадовавшую, хотя, конечно, очень и очень хотелось бы, чтобы она была подлинней, но тешу себя надеждой, что теперь идет от вас, находится в дороге, гораздо более длинное письмо. Где это оно теперь? И что вы поделяваете, о чем думаете. Как хочется скорей, скорей увидеться с вами, переговорить с вами и переговорить не урывками, не скрываясь и прячась, как тогда, а смело, спокойно. И мне кажется, нет и не может быть сил, какие бы решились стать между нами, и, несмотря на далекое расстояние, мы близки, близки друг к другу. Здесь целый день в работе я все чаще мыслью живу с вами и нетерпеливо ждал вашего письма, которое запоздало, а еще с большим нетерпением жду ответа на мое письмо, посланное отсюда, и нетерпение это, конечно, вполне, вполне понятно вам, моя дорогая. Я получил очень милое, теплое письмо от сестры, которой, как я вам писал, моя мать сказала обо всем, и мне хочется его вам передать, т. е. оно касается вас, да и вы по нему лучше узнаете мою сестру, если хотите, я его перешлю вам.

Мне хочется здесь рассказать вам все, что пришлось видеть, перечувствовать эти последние дни, и передать кое-что, по-видимому, оставшееся непонятным из ранее писанного. Почти наверное я около 15 июля буду в Питере и только на два дня (мог бы 13) отложу свой отъезд, так как хочется быть на земских выборах и познакомиться со здешними земцами, а выборы будут 9 июля. Для меня это все совсем новое, неизвестное или, вернее, известное по книгам да по разговорам. Еще недавно я почти был уверен, что буду земским деятелем, и я только мечтал о том, чтобы продать землю здесь и купить себе что-нибудь поужнее, в Малороссии, — обстоятельства сложились иначе, хотя, может быть, и можно будет через несколько лет устроить что-нибудь подобное, получив кафедру в одном из южных университетов. Говоря о продаже земли, я говорил о продаже не отдельному какому-нибудь лицу, а целому крестьянскому обществу, аренда отдельному лицу представлялась для меня промежуточной, временной мерой. Здесь крестьяне страшно нуждаются в земле; отсюда идут переселения, и из одного большого села — Липовки — в это последнее время переселилось до 300 душ — шли в губернии Оренбургскую и Бийский округ Томской губернии, земли мало как у помещичьих, так и у государственных крестьян — помещичьи (Нарышкина) получили полный надел, но этому прошло много лет, а государственные здесь оказались в худшем положении, чем те, так как государство здесь роздало все земли (интересно, как получили здесь землю Нарышкины, у них тут до 60 000 десятин*, а было до 120 000) ¹ Окрестные помещики не любят сдавать в аренду землю, а больше обрабатывают ее сами, что ставит крестьян в еще худшее положение. Делается так, что осенью или в это

* Надо будет справиться у Карновича: «Замечательные богатства частных лиц в России».

время они нанимают уже крестьян на весенние работы, давая им вперед деньги, за цену, само собой разумеется, очень низкую, таким образом, «рабочие руки» находятся в их руках и стоят им очень недорого (это явление общее, помещики новороссийские и курские иной раз предпринимают поездки далеко и нанимают за такую цену «рабочие руки» из далеких губерний — потом выходят столкновения etc.). Иные помещики, например мой сосед купец Рымарев, являются настоящими кулаками и держат в руках и в бедности целые деревни. Я теперь сдаю 146 десятин паровой земли крестьянам по небольшим участкам, и какая нехватка земли, можете судить по тому, что ее разобрали в один день, несмотря на то, что время пахоты пропущено и едва ли когда-либо им приходилось пахать в это время, когда начинается самое жаркое рабочее время. Цену я, правда, по здешним местам положил невысокую (10 руб. за десятину, десятин паровая обычно 13—15 руб.), но эта цена не за бесценок. Между тем мне теперь нет проходу, отовсюду наезжает все более и более крестьян и положительно молят, предлагают 14—15 руб., только бы сдал им землю, и не верят, когда я говорю, что у меня нету. Впопыхах я боюсь, как бы не сдал больше того, что есть, и должен прекратить раздачу до завтра. Голод и бедность не шутка, пускаются на всякие хитрости, чтобы получить землю (имейте в виду не задаром, а за деньги), уговаривают обмануть, и эти переговоры, разговоры тянутся целыми часами. Только что я вернулся с поля, где сдал 55 десятин земли крестьянам села Липовки. Это село самое старинное в здешней местности, уже около 300 лет стоит здесь и было когда-то монастырским. Народ рослый, сильный, много белокурых — совсем новый тип, произношение их резко отличается от произношения остальных крестьян — они говорят «що» вместо «что» и «е» произносят как «э», так что произношение напоминает малороссов, а лица двух-трех бывших солдат с выбритой бородой и длинными усами удивительно напоминают малорусских казаков; среди фамилий преобладают Поляковы, Брянчуковы (окончание на «чук» характерно для народных малороссийских фамилий), и очень вероятно, что они из Западной России, тем более, что браки между крестьянами различных сел здесь очень редки. Народ дерзкий, иной раз остроумный, то гордый, то приниженный. Вчера я толковал и ходил с ними по полю подряд 5 часов; они все хотели лучшей земли и никак не могли столковаться между собою. Надо иметь в виду, что общество здесь недружное и что мирское устройство нисколько не гарантирует от давления слабых сильными. Большая часть крестьян липовских *de facto* земли не имеют, хотя земля считается собственностью всей общины; и большинство взявших у меня землю или теперь приехавших (из 3 разных волостей) все именно такие фактически безземельные, а юридически обеспеченные землею люди. И такой пролетариат здесь составляет значительную часть крестьян, я думаю, больше половины. Делается это так, что он передает право продажи своей земли своему более зажиточному соседу в то время, когда зимою * надо денег, а их

* На уплату податей в декабре, в этом году, кто не взнес, во всей здешней «округе» продавали скот рабочий и озимый хлеб, по распоряжению правительства. Поневоле сдать так землю!

ист, и из года в год тянется такая кабала. Я вообще никогда не был поклонником общины, а из того, что вижу здесь, не могу им сделаться. Конечно, этот факт я не обобщаю. Сдается таким образом земля за 5—6 руб. десятина, тогда как настоящая цена на нее по здешним местам 12—15 руб., и такой, сдавший свою за 5—6, нанимает чужую за 10—15 — сосчитайте его убыток! Общество крайне недружное, при заключении условия я сперва спросил их, пойдут ли на круговую поруку, но они не согласились, прямо говорят, что как же — один не заплатит, а он будет отвечать за него; «Он не заплатит, а с моего поля нельзя будет свезти хлеб!» и т. д. Я на круговой поруке не настаивал, но трудно себе представить ту массу ссор, какие при этом происходят, и вы можете представить себе мое положение, когда они приходят просить меня так или иначе рассудить их. Я вообще очень немного в этом их понимаю и потому избегаю этой чести, елико возможно, но в иных случаях положительно нельзя ничего сделать: дело доходит чуть не до драки, и я, как вам сейчас расскажу, чуть не вызвал довольно серьезной истории; теперь я немного начинаю ориентироваться. Расскажу лучше по порядку; когда я приступил к раздаче земли, я сказал своему бывшему арендатору, что высокую цену брать не хочу, что деньги буду ждать до уборки хлеба, а теперь надо взять только задаток. Переговоры я просил вести его. Работающие у меня крестьяне села Подъемы были созваны, и мы с ними начали говорить о цене, он запросил сперва 13, потом 12, они давали 7. Дело ладилось плохо; мы ушли, и я ему сказал, что за такую цену отдавать не хочу, а что 10 руб. — цена невысокая и такая, за какую можно отдать. За эту цену мы и объявили. Записалось подъемовских человек 12, и они хотели известить других, которые придут завтра; думая, что подъемовские не возьмут много земли, я послал своего объездчика в другие окрестные деревни оповестить о раздаче, или, как здесь говорят, «продаже», земли — в Липовку, Красивку, Каменку... Все это, кроме Липовки, села бывших нарышкинских крестьян, а все в земле нуждаются, а к подъемцам я обратился раньше, так как веду с ними переговоры о продаже им 150 десятин совсем, особенно бедствуют крестьяне с. Каменки (где 3 кабака), где высасывает соки Рымарев, и только помощь сектантам [...] там живущим, от сектанта же помещика Аносова позволяет тем кое-как справляться. Уже скоро приехало верхом на лошадях 10 каменских крестьян, и я в первый раз в жизни повел с ними самостоятельно переговоры, они хотели уступки, но я заявил, что цена, как сами знают, невысокая и странно просить об уступке (указание с моей стороны на то, что цена божеская, не обидная, невысокая, почти всегда прекращало такие разговоры, и окружающие поддерживали меня против своего же товарища; как я заметил, торговались больше состоятельные, бравшие более, чем им нужно, для перепродажи другим)* С этими каменскими я отправился на поле отводить им землю, получить задаток; с ними покончил я скоро. Но недалеко, сбоку, появилась целая кавалькада — верхом человек 20—25 липовских крестьян, которые ехали нанять у меня землю. О цене спора не было, но зато о

* Покуда я не раскусил это, я так сдал десятин 5—6 — потом таких крупных <участков> этим спекулянтам я не давал.

земле начались споры; они непременно хотели землю, ближайшую к хутору, которая несколько (сомнительно) лучше и которую я обещал подъемцам. Все объяснения мои, что эту землю я обещал, что не могу им отдать, не приводили ни к чему, равно как и объяснения, что не могу же я не держать своего слова. Они упирали на то, что те взяли 15—20 десятин, а они берут больше, что те не давали задатка, а они дают etc. Я говорил им, что часть земли я там им дать могу, еще остается, но остальное не могу. «Тогда нам и не надо!» «Лучше в миру с нами жить, Владимир Иванович!» «Мы искони здесь пахали, к вам как к своему барину относимся, чего ж вы чужим, подъемским, отдаете!» Разговаривая то с тем, то с другим, я заявил, что все-таки могу дать только часть, а часть не здесь и что, наконец, если кто не хочет брать, я не неволю, пускай не берет, не все ли мне равно, кто возьмет — Иванов или Петров. Затем сразу шли отказы в круговой поруке, иные боялись вместе писать условия etc. Коноводами были 2 (Семен Гуляев etc.). Однако никто не уехал, и после 2—3-часовых споров они самым спокойным образом стали отсчитывать землю; раньше, когда никто не соглашался, этот Гуляев тихо, когда все отошли, обращается ко мне и говорит, что он и другой берут эти 10 десятин, но отдельно от других и вот задаток. Я взял. Между тем остальные сговорились, я с ними скоро совсем поладил, очень хорошо даже разговорились; перед отъездом толпа окружает меня и просит, чтобы я приказал Гуляеву и другим идти вместе с ними, а то он отобрал у них землю, что те забрали лучшую землю, идут против всего общества и т. д. Среди крика, перебранки и шума я заявил, что буду завтра утром и тогда посмотрю, а что теперь зашло солнце, поздно, и уехал. Сзади крики между ними продолжались и слышались угрозы Гуляеву, что они не допустят, что это не по-божески и что мир весь возьмет на себя, да не за 10, а за 11, лишь бы не был Гуляев и другой; от прибавки я отказался и, обращаясь к окружавшей меня кавалькаде, заявил, что завтра утром все разберем, а теперь — ночь. Сегодня утром Гуляев и другие выехали с сохами; отделавшись от массами пришедших за землей крестьян, так как земли почти не оставалось, я отправился в поле; здесь меня встретили выборные от липовцев и сами липовцы и опять стали требовать, чтобы Гуляеву я приказал идти вместе с ними или отобрал у него землю, что они и по 12 дадут, лишь бы ему не досталась земля; если я не соглашусь, они произведут скандал, отберут силой у него сохи, выгонят вон, что он взял, наконец, 10 десятин, а сам столько не обработает. Пришлось призвать Гуляева, и тут у нас начался разговор, перед криками Гуляев стушевался, и я заявил, что против мира я не пойду, что раз весь мир хочет идти вместе, так и они не должны выделяться, что земля та лучше, а цену я беру одинаковую и они должны делиться по жеребьям, что, наконец, раз сначала нанимались вместе, так и теперь нельзя отставать. «Так какой же ты будешь хозяин своего слова?» — спрашивает Гуляев. «Ну да, я не буду хозяином своего слова, взял задаток я, не зная, а теперь предлагаю тебе идти вместе со всеми или отказаться, и я возвращаю тебе задаток». Он согласился сперва. Затем начался дележ. Между собой их делить не стал, хотя, как теперь думаю, напрасно, так как они перессорились, и мне завтра придется посылать размеже-

вать 2 участка между 4-мя крестьянами, так как они не верят друг другу и думают, что каждый норовит обмануть один другого, и просят меня их поделить; сам я мерить не умею и пошлю им своего объездничего. Вообще ссоры теперь из-за земли почти все время, и недавно у меня был крестьянин С. Питим: просит защитить его от красавских крестьян, так как участки рядом, а ему земля попалась хуже. Завтра утром еду разбирать их.

Вы видите, дорогая моя, что я живу здесь в очень интересной, совсем новой для меня обстановке. Целый день я то в поле, то в селах, где буду заключать условия. В понедельник, самое позднее в среду окончу сдачу, а затем еду в Тамбов, чтобы справиться об условиях Крестьянского банка. Продажа земли крестьянам этой местности представляется мне делом, для них очень необходимым; сход их будет к началу августа, но мне надо раньше знать условия. Я было начал склоняться на временную сдачу в краткосрочную аренду одному лицу, но ваши слова, моя голубушка, славная вы моя Наталия Егоровна, вразумили меня, и я постараюсь найти иной *modus vivendi* ², хотя это будет трудно. Может быть, можно найти будет доверенное лицо, которое бы осталось на хуторе и заведовало б сдачей земли. Посмотрим. Проеду для этого в Липецк к одному знакомому. Пишите чаще, больше. Ваши письма для меня положительно необходимы. Как вы далеко, далеко!

Вл. Вернадский

Д. 33, лл. 30—32.

¹ Своим богатством Нарышкины были обязаны браку Наталии Кирилловны Нарышкиной с царем Алексеем Михайловичем в 1671 г. Обширные земли в Тамбовской губернии были пожалованы Дмитрию Львовичу Нарышкину Александром I. См.: *Карнович Е. П.* Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1874. С. 98—102.

² Здесь: образ действий (лат.).

№ 12

29 июня 1886 г. [Вернадовка]

29 июнь, 1886

Дорогая моя, сегодня получил я ваше письмо, и тем более было оно мне дорого, что я его не ожидал, хотя и была маленькая надежда, что вы будете такой умницей, что не ограничитесь маленькой записочкой 24 июня, и с этой надеждой я вот уже 2-й день марширую на станцию, но надежда казалась довольно призрачной, и велика была моя радость, когда она меня не обманула. Мне положительно не живется здесь, так и тянет поближе к вам, и я постараюсь устроить отъезд свой раньше и не поеду, может быть, на земские выборы; простое любопытство, так как делать я теперь здесь ничего не могу, так как почти ничего из здешней жизни не знаю, а посмотреть успею в другой раз, теперь же для нас с вами гораздо важнее устроиться как следует. Вы теперь получили мое первое письмо из деревни и можете, конечно, себе представить, с каким нетерпением жду я вашего ответа на него, так как ваш ответ сразу

определит для нас обоих все, как быть теперь в этом году. И чем более я думаю, то тем более прихожу к заключению, что такой путь, прямой и быстрый, есть единственный и самый лучший. Конечно, вы сперва переговорите с вашими отцом и матерью. Если бы ответ ваш был благоприятный моему желанию, я устроил бы свой отъезд отсюда очень скоро. Вообще числа 11-го я буду в Питере, постараюсь же быть еще раньше, мне только придется быть в Вернадовке еще раз — к самому началу августа, на какие-нибудь 1¹/₂ недельки, таким образом, дней через 10—11 мы, может быть, увидимся, моя дорогая.

Употребляю все усилия, чтобы устроить следующим образом: вся земля у меня, кроме огорода и десятин 2—3, а также лугов, находится в аренде у крестьян*; для этого, для раздачи etc. надо будет нанять простого приказчика, причем раздавать он будет под моим руководством. Может, будущим летом и вы захотите сюда приехать, посмотреть, хотя надо заметить, хутор находится верстах в 3-х от ближайшей деревни. В то же время надо вести переговоры с крестьянами о продаже им земли и, если продажу удастся устроить, продать все, кроме десятин 50 или, может быть, 200 (земский ценз), что оставить совсем, совсем не мешает (ведь так?).

Здесь все окончу к июлю 2—3; затем надо мне проехать в Тамбов, Липецк и Моршанск. Но я не выеду до получения от вас ответа на мое первое письмо. В Тамбове мне надо справиться об условиях продажи в отделении Крестьянского банка, в Липецке у меня есть приятель, который, может быть, может мне указать человека честного и годного в приказчики, а в Моршанске надо выдать одну доверенность. И тогда я свободен до 1 августа! Просто сердце радуется, когда подумаю, что я так скоро могу увидеть вас, могу говорить с вами, могу слышать вас, могу быть около вас... Только бы скорей был ваш ответ, моя дорогая, ненаглядная (ведь, вы не сердитесь на то, что я вас так называю, но если я, против своего желания, причиняю вам неприятность этим, то вы напишите, и я их буду давать вам только мысленно... Я так вас люблю, просто не знаю, ни что пишу, ни что делаю. Скорей бы все это кончилось).

Одно только придется отложить — это магистерский экзамен, ну, да это беда невелика: лучше приготовлюсь, да скорее и сдам. За это лето я ничего почти не успел сделать, да и в голову как-то очень мало лезут разные геометрические фигуры или оптические явления; и никак почти нельзя предаться изучению систематики геологических систем. В сущности говоря, я только выиграю от такого отложения экзамена, хотя, может быть, буде в течение года славно поработаю, успею и сдать его. А мне кажется, точно силы у меня удесятирились, точно ум мой прорвал какую-то тесно державшую его пелену и вылез на свободу, на свежий воздух. И вся невозможность систематической работы вполне, вполне временная, вполне, вполне исключительная: ведь теперь стараешься устроить все лучше для своей новой для нас обеих жизни, какую начнем мы скоро (ведь, скоро?), и дело идет не об одном дне или часе, а о всей жизни моей и того человека, дороже которого нет

* Сегодня сдал последнюю десятину паровой земли. Теперь остались одни условия.

у меня ничего на свете. Перед этим бледнеют все другие интересы, отходят временно на задний план и оставляют всю душу свободной этому чувству. Поэтому я очень скептически отнесся к выражению вашему, моя дорогая, что вы хотите **теперь** много сделать, постарайтесь меньше об этом думать... Я очень сомневаюсь в том, чтобы вы в душе были уверены в том, что пишете, а еще более в том, чтобы это вам удалось. Ведь правда? До скорого свидания, моя дорогая. Скорей бы, скорей бы пришел ваш ответ. Неужели вы его не послали, когда пишу это письмо? А что если письмо не дошло? Лучше повторю вкратце. Я писал, что думаю, лучше всего будет, если по приезде в Териоки буду официально просить вашей руки у ваших родителей, с которыми вы, конечно, заранее переговорите. И просил на это вашего позволения и спрашивал об этом ваше мнение.

Если вы получили письмо, то на это второе мое упоминание, конечно, не надо отвечать, но если нет — отвечайте.

Вл. Вернадский

Р. S. Мою мать зовут Анна Петровна, а сестер — Оля и Катя. Оля писала мне и просила передать вам, что если вы позволите, она готова вас полюбить, очень хочет познакомиться с вами. Да, ее письмо я вам позже перешлю или передам.

Д. 33, лл. 33—34.

№ 13

1 июля 1886 г., Вернадовка

Июль 1, 1886, Вернадовка

Сегодня получил ваш ответ на мое письмо, дорогая, родная моя. Я очень и очень рад, что вы говорили с вашими отцом и матерью — ужасно как-то не по душе, как-то больно, когда приходится делать что-нибудь скрываясь, утайкой — особенно больно это в таком, дорогая, важном для нас обоих шаге. Скоро, через несколько дней после того, как вы получите это письмо мое, буду я около вас; сегодня покончил сдачу земли крестьянам и с первым же, вечерним, поездом выезжаю в Тамбов, завтра буду там, потом в Липецк, Моршанск и 8 или 9 буду в Питере. Теперь скоро, скоро увижу вас, моя дорогая.

Сегодня едва ли напишу длинное письмо; еще столько дела осталось недоконченного, еще надо принять полный расчет за яровую, сданную крестьянам землю, надо еще устроить страховку здешнего дома и хозяйственных построек, распорядиться о ремонте двора, совсем покосившегося. Но ничем этим я не в состоянии заняться, пока не напишу вам хоть несколько слов.

Условие с крестьянами покончил гораздо раньше, чем ожидал. Мой бывший арендатор уверял меня, что с этим страшно много возни, что крестьяне не собираются вовремя; особенно же крестьяне с. Липовки (их здесь зовут лгунами); обыкновенно они не позволяют начинать пахоту,

пока не заключат условия; между тем я пахоту позволил начать сейчас же. И я очень доволен, что дело сделалось не так, как он предсказывал. Они все собрались, и когда я приехал — условие было уже готово с большинством крестьян, и только то, что писарь напился пьян и не хотел писать, не позволило и другим, остальным его приготовить. После окончания старик, который распоряжался этим, просил меня заехать к нему в сад напиться чаю, и я очень хорошо провел у него время, разговаривая с его дочерью и родственником, недавно возвратившимися из Иерусалима, куда отсюда ходит довольно много народа. Вообще мне кажется, что недоразумения с крестьянами при сдаче им земли происходят главным образом от высокой ренты, которую берут помещики, так что за свой труд крестьянину остается очень мало. Уже теперь иные просят меня, чтобы земля, им данная, и впредь осталась за ними — что, очевидно, самое лучшее. Ужасна только безграмотность их, ужасно только то вполне беспомощное состояние, в какое они поставлены, и те ссоры, то недружеское, эгоистическое чувство, с каким они друг к другу относятся: но это и понятно при бедности и неразвитости. Крестьяне одного села относятся скверно к крестьянам другого, и интересно слушать, как они стараются друг друга дискредитировать в моих глазах, очевидно, в надежде, что им земли больше достанется. А ссоры здесь очень часты, их приходилось видеть, о них на каждом шагу слышишь, и судятся они часто (вчера я просмотрел решения здешнего волостного суда — сколько дряг). Конечно, в этом году, этим летом, нельзя ничего узнать хорошо и завязать близкие с ними сношения, но я думаю потом это можно будет. Школы здесь есть почти в каждом селе, но устроены недавно; зато настоящее бедствие — это кабаки, и их теперь открывается все больше и больше; в последнее время здесь их стал распространять генерал — помещик, кажется, по фамилии Отрыгальев...

Дорогая моя, что-то вы теперь поделяваете? Странная вещь, я не могу мысленно видеть ясно ваш образ, но у меня мелькают иные, туманные ваши образы, и мне так ясны иные ваши привычки и особые, вам только свойственные манеры. Мне очень хочется сказать несколько слов по поводу приведенной вами выписки из письма Федора¹: она мне кажется не хорошо им продуманной, и такое отношение много вредит ему. Он говорит, что теория сказала все, что сказать могла, и советует не думать, а делать. Между тем уж из его слов ясно, что «теория» сказала очень мало или ничего не сказала, по крайней мере такого, что приложимо к жизни. Мне кажется, вся задача и состоит именно в том, чтобы «жить—делать» и думать, и его излишняя уступчивость и страсть к изменению компромиссом именно и происходит от ложного его взгляда. И он таким образом живя—делая, сделает меньше, так как будет слишком уступать, будет разбрасываться на ненужные мелочи. *А-προς*², и относительно меня у домашних сложился взгляд, что я витаю в облаках, что далек от действительной жизни, но это всегдашняя судьба всех, кто стремится устроить себе цель жизни, более или менее приближающуюся к истине, всех, кто только думает, кто только стремится познать правду. И все, что до сих пор ни приобретено людьми, приобретено людьми из того класса, который называли от жизни далеким. И не только научные истины, религиозные обобщения, но и вели-

кие промышленные и технические изобретения сделаны ими. Будет время, когда такого наименования не будет — это будет тогда, когда шире и глубже, постоянное и непрерывное будет образование, когда сильнее будет развита привычка думать. А Федор говорит совсем неладное...

Это письмо вы получите 5-го, а 6, самое позднее 7-го я уеду из Вернадовки, так что вы больше не пишите сюда, а пишите в мою городскую квартиру.

Посылаю вам письмо моей сестры³ ко мне. Скорей бы увидеть вас, быть около вас. Скорей, скорей бы.

Вл. Вернадский

P. S. У меня нет фотографической карточки, но в Питере я снимусь — здесь негде. А вашу я хочу иметь в полную собственность. Снимитесь.

Д. 33, лл. 35—36.

¹ Ф.Ф. Ольденбург.

² Кстати (фр.).

³ Ольга Ивановна Вернадская.

№ 14

3 июля 1886 г., Тамбов

Тамбов, 3 июля 1886

Несколько дней, дорогая, радость моя, я не буду получать ваших писем; будут они лежать на хуторе и ждать моего возвращения из моей «деловой» поездки. Но ваше последнее письмо поедет со мной, читал и перечитывал я его в вагоне, читаю и здесь в гостинице. Все как-то легче, все как-то лучше себя чувствуешь. Так страстно хочется скорей, скорей быть у вас, скорей, скорей увидеть вас и близко-близко около вас находиться. Мне дорог тот лес в Териоках, где мы с вами в последний раз виделись, и каждое проходящее стадо, звон колокольчиков напоминает мне ваших врагов, напоминают, как мы с вами храбро и не оглядываясь отступали перед натиском враждебного войска. Моя мысль работает над тем, чтобы как-нибудь сократить мое здесь пребывание, перед ней начинает даже колебаться мое упорство, и большой соблазн представляет для меня — не ехать в Липецк. А между тем туда надо, необходимо поехать. Там живет мой приятель — Земятченский (другой консерватор Минералогического кабинета), он здешний коренной тамбовец, и через него могу я найти честного приказчика, а кроме того, с ним надо сговориться по делам Кабинета, так как я не думаю теперь там летом особенно усердно заниматься. Зато, к великой моей радости, я думаю, можно оставить поездку в Моршанск, думаю устроить все здесь, в Тамбове, и если это удастся, я буду очень рад. Дело в том, что в конце июля и в августе я должен получить 1200 до 1700 руб. за яровую землю, а так как я буду опять здесь не раньше 6—11 августа, мне надо оставить доверенность на получение этих денег моему бывшему

арендатору. В Моршанске нотариус Коренев меня знает, а здесь никто не знает меня, но надеюсь, поверят моему совершеннолетию, вид у меня внушительный, серьезный, педантичный даже, говорят, а разве может быть педантом несовершеннолетний юноша, да и моя борода, самая длинная во всей Восточной Финляндии, чего-нибудь да стоит. Теперь 7 часов утра, а в 10 я отправляюсь на свои деловые похождения. Если удастся устроить здесь — а я решился в случае неудачи обойти всех тамбовских нотариусов и найти благоразумного человека (хотя едва ли кто из них откажется, ведь это отказываться от денег, а какой же практический, не парящий в небесах человек станет отказываться добровольно от денег, ведь деньги — все), то, наверное, днем 6-го выеду из Вернадовки. Мое отсутствие, значит, продолжаться будет всего недели 2—3. В Питере я пробуду почти целый месяц, и тут мы с вами, моя голубка, будем часто-пречасто видеться.

Все это время живешь точно в двух, совсем разных мирах. Здесь — среди самых обыденных, самых материальных хлопот, возни и где-то далеко там — среди идеальных мечтаний, в царстве фантазии. Каждую свободную минуту, иногда посреди работы здесь, забывается здешнее царство, и одно только то далекое, но славное остается. Мечтаешь о том, как устроим мы с вами свою жизнь, мечтаешь о том, что в Териоках теперь делаете, о чем вы думаете, и кажется, будто думаете вы о том же, будто мы, отделенные друг от друга таким большим пространством, умом, а следовательно и чувством, живем в одном мире, будто одинаково настроены, будто близко, близко друг около друга находимся. А я чувствую, что не могу долго спокойно или хоть так сдерживаясь, как теперь, далеко, не все время вместе с вами, находиться, и хочется, невыносимо сильно хочется, чтобы скорей мы и на деле устроили свою жизнь так вместе, как теперь, наверное, оба, рисуем ее в своей фантазии. И вполне убежден, что только в этом счастье для нас обоих, что в этом вся задача работать, жить, думать без тех подавляющих сомнений, какие необходимо приходится испытывать каждому мыслящему честному человеку нашего времени. Сомнение — великая сила, сомнение вызвало и создало то могучее, чудное знание, которое еще так малодоступно большинству человечества, но иной раз оно страшно тяжело ложится на отдельных лиц. Иной раз оно доставляет невыразимое удовольствие, но в другие минуты, когда беспощадно анализирует все созданные идеалы, когда всюду и везде все колеблет, оно давит, оно мучит. И в ту эпоху, какую нам приходится переживать временно, особенно тяжело должно быть действие сомнения. Приближается время, когда наука, когда знание человека достигнет многого, когда даст оно ясную цель жизни, но раньше, как все установится, страшно тяжело и трудно будет жить отдельным лицам, в такие переходные эпохи невыносимо больно бывает, оттого-то так много слабохарактерных, нервных лиц впадает в оптимизм или пессимизм, равно вредные, в сумасшествие, в грубый эгоизм и в ту «практичность», которая особенно вредна и особенно опасна; а еще стали появляться и признаки маниловщины (сюда и Толстой) Когда работаешь над каким-нибудь научным вопросом, в уме мелькают облики лиц, раньше над этим думавших, чувствуешь, точно какая-то неведомая, невидная цепь сильно связывает тебя с фи-

лософом-греком, средневековым монахом, арабским врачом или одним из великих ученых последних трех столетий — над тем же вопросом они работали, думали, на каждом шагу видишь следы их работы, их мысли и только дальше продолжаешь их, а твоя мысль сливается с их мыслью, и все вместе является общей непрерывной работой к неясному, но всем нам понятному идеалу, куда мы все неуклонно, сильно стремимся. И это не только в общих вопросах, но и в частных случаях. В последнее время я начал работать над вопросом о связи состава тела с геометрической их формой и их оптическими свойствами, вопросом, который, думаю, послужит темой для моей магистерской диссертации¹. И вот в этом вопросе мне кажется, точно я живу в далеких странах, в далеких временах, точно моя мысль как-то тесно сплетается с мыслью стародавних эпох и людей. Представляется великий средневековый мученик науки Роджер Бэкон; пытливым умом он один из первых заметил постоянство формы горного хрусталя, этого окаменевшего льда, как тогда думали; но долго бесплодны были все попытки проникнуть глубже в этот вопрос, и только в XVII столетии 3 человека сразу двинули вопрос по одной дороге, независимо друг от друга, и мне кажется, точно их работу я продолжаю, точно тесно и сильно меня обхватили остатки их мысли, носящейся еще теперь в человечестве. Это были англичанин Роберт Бойль, датчанин Николай Стенон и итальянец Гульельмини. Один из величайших умов человечества, основатель современной химии Роберт Бойль в туманной Англии пытался понять все происходящее всеми доступными ему средствами, во всех отделах знания видны следы работы его ума; он пользовался и опытами, и наблюдениями, и вычислением; он пытался найти истину и путем онтологическим, и углублялся в дебри теологии, и всеми силами и на практике проводил в жизнь, что считал истинным. Работая над солями, он первый сделал важное обобщение о том, что каждому составу, по-видимому, соответствует своя особая форма; все философское значение этого обобщения, кажется мне, и теперь еще не понято как следует. В далекой Дании в это время был великий медик, так много сделавший для анатомии, — Стенон, судьба перенесла его в Италию, и здесь он, перейдя в католицизм, сделался вскоре кардиналом; он глубоко задумывался над всем, что видел кругом, и в своей знаменитой работе «О твердых телах»² первый ясно указал историю земного шара, образование его поверхности etc., и здесь же он первый указал на правильность наружной геометрической формы тел, указал на общие законы симметрии, каким эта форма подчиняется, и дал, таким образом, новое указание на простоту основных положений разнообразных форм, такую простоту, которая позволяет нам в уме рисовать значительно раньше те фигуры, какие может образовать материя, значительно раньше, чем мы их видели. Путем вычисления мы находим, что такую или иную фигуру может дать твердая материя, а такую дать **не может**, и уже теперь мы имеем не один случай, когда блестяще оправдываются такие предсказания. В начале этого столетия немецкий ученый Науман начертил идеальную фигуру из 24 плоскостей, которая может быть найдена и через 70 лет, года три тому назад была она найдена австрийцем Чермаком и т. д. Почти в одно время со Стеном при одном из герцогских дворов Италии жил медик Гульельмини; он ра-

ботал над разными солями. Мне представляется, как в далекой башне герцогского замка сидит, следя пытливо за начавшейся кристаллизацией, Джузеппе Гульельмини; его считают за колдуна, и масса готова была побить его как страшного преступника; в кабинете набросаны и фолианты, и кости, и чучела, а всюду кругом разные вещества, добываемые им с помощью приборов — прототипов наших нынешних химических орудий. И мне кажется, будто его непреклонное стремление узнать внутреннее строение вещества сообщило тем веществам, над которыми он работал, частичку его мысли, и оттого-то, кристаллизуя это вещество, мне так страстно хочется проникнуть поглубже внутрь, узнать, что там внутри происходит, почему и чем вызывается эта правильность формы. А с тех пор непрерывно, всюду, видна и чувствительна работа массы лиц...

А если взять оптические свойства, то тесно и сильно связывают они меня с нынешними, средневековыми, древними учеными и с теми первыми пытливыми умами, которых поражала радуга и которые создали начало мифологии — это начало религии. Всюду, всюду непрерывная цель, всюду, всюду живешь в разных эпохах, в разных обстоятельствах, в разных странах, и такая тесная, такая глубокая является связь со всем человечеством, со всем земным шаром, а следовательно, и дальше, со всей вселенной...

И такую же цельную, ясную цель жизни, цель деятельности на пользу людей, на достижение известного идеала, я думаю, даст наука. Она должна дать такую цель, которая бы вполне удовлетворяла скептический ум, чтобы сомнение свободно здесь гуляло, а цель оставалась. В религии исключается сомнение, и потому она так мертва по своим продолжительным **положительным** результатам, в философии одно сомнение царствует, но, кроме него, целый ряд ложно установленных, вследствие недостатка знания, перегородок, а только в одной науке есть полная свобода сомнения наряду с положительными результатами. Здесь сомнение — сила созидающая.

Как-то в разговоре с вами или с Сергеем³, не помню, кто-то из вас выразился, что то, что желательно, то уже давным-давно выставлено Иисусом, или Сократом, или из моралистов древности, которые, однако, были людьми необразованными. Мне кажется, что тот идеал, какой рисовался в уме, что ли, Христа, не может служить новым идеалом теперь; он касается только одной стороны жизни, в нем недостает двух вполне необходимых для человечества сторон — развития и свободы деятельности умственной и эстетической; в уме таких реформаторов конечным идеалом являлось положение человека в виде чрезвычайно мягкого, славного, сытого стадного животного. Такой же идеал рисуется и у Толстого. Очевидно, такой идеал не может удовлетворить теперешнего мыслящего, образованного человека, а потому, мне думается, что видеть цель в доставлении человечеству жить по какому-нибудь из этих утопических идеалов — едва ли можно. Но положим на время, что желательный идеал установлен уже древними или новыми моралистами. Что же с этого? Как же быть дальше? Как достигнуть такого идеала? И это последнее положительно в состоянии указать одна только наука. Развитие науки в последнее время определило главные причины бедности и позволило вести борьбу против нее не какими-нибудь паллиативами или случайными

средствами, а позволило направить силы на самые коренные причины. Сбивая предрассудки, она доставила человеку большую свободу etc. Но дело не в том, что дала наука, важно то, что дает она не туманный желательный идеал, а указывает ясно причины, почему *de facto* нет того идеала, какой должен был бы быть *de jure*; на чем зиждутся противодействующие причины, какова их сила или их слабость; она дает уверенность, что недаром пройдет жизнь и что при продолжительном, определенном образе действий победа обеспечена. Конечно, много еще теперь неясного, неизвестного, но это неясное, неизвестное должно быть открыто при дальнейшем развитии науки.

Еще более того: она прямо указывает на невозможность или непрочность тех идеалов, какие строит жизнь человечества без соответствующего развития науки. Возьмем хоть бы учение Толстого. Положим: по широким степям и равнинам России все живут одним ручным трудом; каждый зарабатывает свой хлеб сельскохозяйственными работами, и все, что только вокруг него ни находится, он делает сам, всякий сыт, одет, хорошо спит... Ну, а дальше? Знание исключено совсем ведь; народонаселение все увеличивается, все места заняты, и надо или искусственным путем уменьшить прирост народонаселения, не сдерживая естественных склонностей человека как животного (мальтузианцы), или же воздерживаться от того, чтобы не было много детей, как теперь делают крестьяне в Нормандии и некоторых других областях Франции; но первое — прямо безнравственно с точки зрения Толстого, а второе необходимым образом ведет к безнравственности. Но положим, что так или иначе известный *modus vivendi*⁴, известное равновесие поддерживается, но другая причина остается: земля ухудшается, так как знания нет и можно только пользоваться дедовскими способами работы, необходимо или уменьшить народонаселение, или жить хуже. Ведь у нас, хоть бы в России, беда не только в том, что мало земли у работников, но и в том, что средства и способы обработки часто негодны, земля истощена etc., etc. Уже не говоря о том, что такие идеалы могут касаться только частей человечества, что они не могут быть проведены вследствие того, что построены абстрактно, вне внимания к нынешнему положению дел, они в конце концов приведут опять к прежнему, к анархии. Да, что и говорить. Не могут они привести ни к какой прочности. Так как и стремление к знанию, к наслаждению прекрасным — одни из коренных свойств человеческого организма, так как вызываются окружающей его природою...

Написал страсть сколько и чего только не написал; но, коли вам неинтересно или коли б в иных местах показалось что-нибудь несуразным, вы, не сомневаюсь, прямо мне это и скажете, моя голубушка. Только что пришел от нотариуса, который доверенность мне выдал, справился и в Крестьянском банке, так что все дела кончены и жду поезда, чтобы ехать в Липецк. Скоро, скоро увижу вас, моя дорогая, моя милая; все, все для меня. Только этой мыслью и живешь. Все она носится, неотвязная, да и прогнать ее не хочется.

Пишите на городскую квартиру. Скоро увидимся, так даже радостно.

Ваш всегда *Вл. Вернадский*

- Магистерскую диссертацию «О группе силлиманита и роли глинозема в силикатах» В. И. Вернадский защитил в Петербургском университете в 1891 г.
- ² *Стенон Николай*. О твердом, естественно содержащемся в твердом / Пер. с лат. Г. А. Становского. М.: Изд-во АН СССР, 1957
- ³ Сергей Федорович Ольденбург.
- ⁴ Образ жизни (лат.).

№ 15

4—5 июля 1886 г., Грязи

Грязи, 4—5 июль, 1886

Три часа ночи. Вы уже спите, моя дорогая, и далеко-далеко живете в вашем сне, а я сижу здесь вот уже три-четыре часа и жду поезда. Покончил удачно все и в Тамбове, и в Липецке и думаю, что устроимся так, как писал вам, без общего арендатора, а с мелкими съемщиками-крестьянами и с верным приказчиком, заведывающим хутором etc. Приказчика найти Земятченский обещал. Таким образом, 5-го вечером буду в Вернадовке, а утром 6-го я свободен и в 2 часа дня выезжаю в Питер. И скоро-скоро теперь увижу вас, моя дорогая. И этой надеждой, этим страстным сильным желанием живешь, о нем мечтаешь, оно заставляет сильнее, быстрее и неуклоннее добиваться намеченных целей. Вы мне напишете на городскую квартиру, когда приехать к вам и как это все устроить, все это вы мне напишете, и, может быть, застану я ваши дорогие, милые сердцу каракульки у себя дома; а теперь мыслится, что ждет меня в Вернадовке 2—3 ваших письма, ваша фотографическая карточка, и злишься на все остановки и замедления с поездом, и кажутся ваши письма вознаграждением за все труды и лишения. Так напишите же скорей, когда к вам приехать и какова в общих чертах должна быть форма моего официального прошения вашей руки (вот так выражение!), все-все напишите, а я в первый же день начну улучшать свой костюм и могу приехать хоть на другой день. Да и хочется, ужасно хочется скорей к вам, разлука истомила; да и вы, моя голубка, ведь тоже чувствуете. Скорей же, скорей! ¹

Д. 33, л. 41.

¹ Письмо написано карандашом.

№ 16

6 июля 1886 г., Моршанск

Моршанск, 6 июля 1886

Дорогая моя, вчера вечером вернулся я в Вернадовку и думал сегодня утром выехать в Питер; не понимаю, как, но я чрезвычайно быстро все делал — ночью ездил, а днем работал; я не могу здесь сидеть ни одного лишнего часа, так хочется, так тянет к вам, моя голубушка, «рыбка моя». Вот уже 3-ю ночь, что едва ли сплю больше 2—3 часов,

а чувствую себя физически сильным, хотя, кроме неспянья, мне не совсем здоровится. Первые две ночи не мог спать, так как через 2—3 часа приходилось менять поезд, а эту всю продумал про вас, меня сильно обеспокоило ваше письмо от 2 июля¹. Вернувшись часов в 9 вечера домой из Липецка, я получил ваше письмо, где вы пишете, что не получали моего письма уже 5 дней, а между тем, по моим расчетам, вы должны были получить одно, очень длинное письмо, где я подробно описываю все, что делал в деревне 30 или 1 июля, а другое, более короткое, 2—3 июля, затем 5 и после каждый день. Неужели они пропали, и меня мучает мысль, что если они все-все пропали. Дорогая моя, я не гадкий, как вы меня называли, а гадкий — почтамп или почтальон, которых, по-видимому, заинтересовали мои письма, и я злюсь на них страсть как; я вам писал очень, как видите, часто — из Вернадовки раза 4, из Тамбова, Грязей, а теперь из Моршанска. Но, нет — не может быть, чтобы пропали мои письма, вы их наверное, наверное, получите и теперь, должно быть, получили. А между тем все же мучаешься, все же грызет сомнение, а какое это мучение, я знаю по опыту, когда запаздывали ваши письма. Голубушка моя, это письмо придет и поздно, а хочется написать вам, что никакие болезни, никакая неприятность не могли бы меня заставить не писать вам; в болезнь написать вам было бы облегчением, а при неприятности у кого бы я стал искать поддержки или сочувствия, как не у вас. Так страстно хочется быть около вас, хочется не одними словами уверить вас в этом, хочется приглубить вас... Вечером же застал я и повестку на получение вашей карточки — я должен был ехать за ней в Моршанск, так как заказные письма иначе нельзя получить, а потому, чтобы не запоздать и 8-го быть в Питере, я решил ехать сейчас же — в 1-м часу ночи; лихорадочно став укладываться, уложился, ночью приехал в Моршанск и вот теперь, получив вашу карточку, пишу вам. Как я ей обрадовался, и мне эта карточка очень и очень нравится; так хорошо на ней уловлено то выражение вашего лица, которое я люблю на нем видеть. Я не знаю, как благодарить М. С.², и буду просить дозволения переснять себе эту карточку, хотя хочу, чтобы вы теперь снялись еще. Когда вы здесь снимались?

Теперь опять оживился; если вы получили 5-го мое письмо, то вы знаете, что я 8-го могу быть в Питере, то, следовательно, вы будете у Гревсов, написали мне записку, когда я могу увидеть вас, когда мне прийти туда, и эта мысль, мысль, что послезавтра, если вы умница, я могу вас видеть, не знаю как возбудила меня. Я знаю, что устану, а потому решил с Москвы ехать почтовым поездом, чтобы отдохнуть, чтобы приехать в Питер рано утром, а не днем, и там, должно быть, ждут меня дорогие каракульки ваши, и так я узнаю, когда-когда могу вас увидеть. Как время долго тянется. А мучает мысль, что если вы не получили письма, что если вы 8-го не будете у Гревсов, но нет, нет, этого быть не может — меня даже подмывало послать телеграмму, но этого я не могу. Нет! Хорошая моя, долго жить не вместе нельзя, и скорее-скорее надо все устроить. Мне очень жаль, что не застаю вашего отца, не буду иметь возможности переговорить с ним, и ведь неловко будет бывать тогда у вас, ну, да это как-нибудь устроится.

Вы пишете: хорошо ли «сильно-сильно любить» — да как же иначе

можно любить? Любить можно только сильно, а то будет не любовь, то будут какие-то игрушки, забава... Мне интересно, как вы все пытались и пытаетесь еще (хотя уже очень слабо?) положить известные пределы этому чувству, и как оно сильнее вас, и все ваши «добрые намерения» рушатся перед ним. Дорогая моя, если и могут быть неприятные минуты, вроде тех, какие вы переживали, не получая моих писем, то они неизбежны, но слабы перед теми хорошими часами, какие приходится и придется переживать; только при сильной, цельной любви возможна и может быть полная вера друг в друга, откровенность, поддержка; только при ней и возможна настоящая семейная жизнь. И я уверен, что хорошо знаю вас, уверен, что иначе вы полюбить не можете и что все являющиеся сомнения кажутся и вам самим очень слабыми, простыми шумихами, которые сильно пугали при зарождении этого чувства, а истинная природа всех этих страхов все ясней и ясней вам теперь выясняется. Если вы почему-нибудь 8-го не будете у Гревсов, то напишите, когда же я могу вас увидеть, моя радость, мое счастье. Но нет, я чувствую, что послезавтра увижу вас.

Мне очень и очень многое хочется передать вам, но не могу теперь ни о чем писать, хочется, страстно хочется вас видеть, болит сердце, что вы беспокойны, что вы волнуетесь. Скорей бы прошло время, и никак, никак нельзя поспеть раньше утра 8-го!

Сейчас уезжаю и завтра утром в Москве. До скорого, скорого свиданья. Не волнуйтесь. И никогда не имейте в мыслях, чтобы я не писал вам — письма, значит, не доходили, а не то, чтобы я не написал.

Крепко целую ваши ручки.

Вл. Вернадский

Д. 33, лл. 42—43.

¹ Ф. 518, оп. 3, д. 252, лл. 43—44.

² Мария Сергеевна Гревс.

№ 17

10 июля 1886 г., С.-Петербург

10 июля 1886, СПб.

Я знаю — я скверен, я гадкий, дурной эгоист. Я только об одном себе думал. Я не мог вспомнить о тебе. Дорогая моя! Теперь здесь мне представляется, как ты до 8-ми часов не евши, как ты ослабела, и я один, я один виноват — я дурной, скверный эгоист. Прости, прости меня, не буду. Я рассудил все, возвращаясь назад с вокзала, проводив тебя, дорогая; точно в голову вдарило — все так ясно и так сильно стало передо мной; мне не хотелось самому есть, мысль неотвязно летела к тебе, и я злился на себя, мне досадно было, что мне не хочется есть, а хотелось — чтобы голод мучил меня и чтобы я не обедал, чтобы хоть как-нибудь помучил себя за тебя. Дорогая моя, и ты не сказала, и ты молчала. Нет, нет... [...]

Д. 33, л. 44.

4 августа 1886 г., Вернадовка

4 августа 1886, Вернадовка

Дорогая, милая, славная моя Натуня, только что приехал и сейчас же пишу тебе — видишь, как я мало торгуюсь своими письмами, видишь, что я в своей гордыне не ценю их на вес золота и не выспрашиваю дозволения писать поменьше, как это делают иные наши общие знакомые. Только что приехал и, мне кажется, мог бы приехать несколькими днями позже; дожди вовсе не навредили так, как писал мне мой бывший арендатор, и урожай окупит вполне все, несмотря на то, что часть пропала; урожай же яровых хлебов очень хорош. Мне не хочется оставить получать с крестьян (до 1400—1800 руб.) этого бывшего арендатора, и потому завтра же вечером еду в Усмань, хотя, может быть, прогуляюсь туда задаром — не застану там Земятченского. Получение денег мне следует с крестьян главным образом с земли под овсом, просом, гречихой и горохом; в августе должна произойти уплата за овес, который уродился в этом году прекрасный. Очень трудно доверить получение и пересылку таких крупных сумм объездчику Лазарю; неужели придется доверить это получение бывшему арендатору Попову?

Если нет ответа от Земятченского, боюсь, что придется это сделать, хоть временно. Положительно не знаю, как устроить, тем более, что сидеть тут долее 10-го никак не могу. Так хочется поскорей-поскорей увидеть тебя, моя дорогая, моя Натуня. Еще теперь ничего решительного не предпринимаю, хотя, может быть, опять придется остановиться на временной, паллиативной мере — именно того разряда, который я не люблю от всей души. А между тем другого исхода я не вижу. Сегодня я телеграфировал в Липецк Земятченскому (и отчего я, душенька этакий, не сделал этого раньше — русский человек задним умом крепок) и вечером или завтра утром получу ответ, написал письмо главному арендатору — видишь, без дела не сидел. Вечером сведу счеты о поступавших деньгах (всего 50—60 руб.) и осмотрю яровые поля; завтра днем останется только осмотр, вечером уеду и вернусь сюда 7-го или 8-го, и тогда придется так или иначе порешить дело, так как получение денег, вся возня эта продлится до 15 сентября; поручить это дело Попову можно временно потому, что он мне должен уплатить до 15 сентября 1000 руб. и самое нахождение на хуторе (необходимое ему) находится в зависимости от меня... Ведь эти подробности мелочны, неприятны и скучны, а между тем мне хочется, чтобы ты все-все знала о том, что меня волнует теперь, чтобы помогла мне разбираться здесь своим чистым сердцем, своей славной, дорогой головкой, мне приятно думать, что тяжесть, какую наложила на меня судьба, разделяет со мной самое дорогое для меня существо, что вместе мы снесем ее, доведем до наилучшего исхода. Уже одно, головка моя золотая, Натуня моя, ты сделала, одно из паллиативных средств — сдача в аренду Попову (он предлагает 3000 руб., но возьмет, уверен, и за 3500) — будет мной отброшена благодаря твоим словам, твоему желанию, может быть, по слабости я, чтоб разделаться, согласился бы на такой **временный** исход. Но теперь,

хорошо подумав, я все более и более убеждаюсь, что в обыденной жизни, в повседневных, сереньких делишках одним из коренных условий нравственной, честной жизни является старание подыскать наиболее лучшие, честные временные разрешения вопроса, лучшие паллиативы и не оставлять без внимания коренного разрешения вопроса. Так и тут: с имением коренной целью является * обращение его в опытную мелкоземельную сельскохозяйственную станцию с народным училищем (сельскохозяйственным), библиотекой. Такой план все более и более развивается у меня в голове, его мы с тобой хорошенько разработаем (ведь так, дорогая моя?), и я в одном из следующих писем напишу тебе об этом подробнее. Мешает до сих пор провести этот план: 1) недостаток капитала, с каким надо начать дело (тысяч 20—30), 2) недостаток знаний и 3) необходимость пользоваться частью дохода, получаемого с имения: а) на жите и б) на те или иные необходимые дела (устройство запасного фонда etc.). Все эти противящиеся условия должны и будут уничтожены: дохода имение ежегодно приносит чистого около 2500, таким образом, в лет 8—10 данный, необходимый капитал будет составлен; знания начнем приобретать теперь же, а затем изучим и посетим учреждения сельскохозяйственные Германии, Австро-Венгрии и Франции (и, может быть, наиболее важное, С. Америки — а?) и средства брать из имения мало-помалу доведем до minimum'a, через 4 года ** **наверное** совсем брать не будем. Все это приводит к тому, что через 6—8 лет эта идея может быть приведена в исполнение, и вопрос состоит в том, как устроить дела в этот переходный период времени. Одним из таких мероприятий представлялась отдача в аренду земли на 6 лет Попову за 3500 руб. ежегодно — мера очень вредная и опасная, а другим — то, что хотели теперь сделать, т. е. мелкая раздача земли крестьянам за сходную цену и маленькое хозяйство (разведение сада фруктового etc.), первое легко, второе требует массы хлопот, времени, неприятностей, но первое дурно и второе хорошо, а коренная цель при сильном желании может быть проведена и тогда, и теперь. Это и есть тот выбор, какой дает жизнь, выбор между паллиативными, временными мерами. Но, как видишь, даже и такая временная мера является слишком далекой, обширной, отвлеченной, решив, что должно стремиться ко 2-му способу, жизнь представляет на разрешение опять новый выбор конкретных удачных решений, и где, на чем остановиться, опять не знаешь. Так-то, моя дорогая, славная «умница» (ведь так?).

И точно мой ум, фантазия приникает в душу мне родственную, мне открытую. Мне хочется тогда узнать, чем занята эта головка, мне хочется яснее взглянуть в скрывающиеся глазки, мне хочется понять, правду ли говорит ротик-выдумщик. И вот они рисуют мне ее. Только что она возвратилась из церкви, где она вся была далека от жизни житейской, где какой-то не то страх, не то трепет, какое-то неясное сознание силы, веры в людей и в себя и в то же время какое-то неудовлетворенное недовольство собой, сильное, страшно сильное чувство своих недостатков, вера в возможность их улучшения (все же **еще** боязливая

* Считая далеким идеал национализации земли.

** Профессура etc.

и полузакутанная) привели ее в какое-то странное настроение, совсем измучили ее, мою голубушку. Она вернулась домой и едва не отправилась к своим Маше и Ивану ¹, а если и отправилась, если видела их тотчас же, то не совсем следуя своему внутреннему, самому глубокому желанию — сй в душе хотелось пробыть одной, хотелось «разобраться» в хаосе теснящихся чувств и идей. «Разобраться» — хотя она вполне и ясно сознает невозможность сознательного разбора, ведь никогда ей сознательно не приходилось в них «разбираться», а стройный порядок устанавливался вполне бессознательно, самыми скрытыми, самыми глубокими колебаниями ее организма... То рисует ее моя фантазия в другие минуты, когда в ее головке роится ряд мыслей неясных, несвязных обо мне. В полусумраке комнаты свободно разгуливает ее сердце и рисует оно ей неясные, но знакомые, понятные, близкие образы, и ужасно любит оно представлять ей [...] как она будто бы обижала меня, и так сильно, сильно хочется ей тогда утешить обиженного, так ясно, так резко представляются ей тогда обиды, ею нанесенные. Не знаю почему, но мне кажется, что тебя теперь иной раз волнуют такие сумасбродные мысли, мысли, ни на чем не основанные, и мне хочется написать тебе, что это мысли, созданные силой воображения и ничего за собой не имеющие реального... То рисуется ей моя голова, большая и опухшая от ушиба, от которого не осталось и следа и о котором я забыл совсем... То... но довольно об этом, так как очень может быть (если я ошибся в чем-нибудь, хоть не думаю), в твоей головке промелькнет мысль: фи! гадкий, какой самоуверенный...

Пиши же и не забывай самоуверенного или малоуверенного, но всегда, всегда твоего Владимира. Жду твоих писем с нетерпением. Поклон твоим.

Р. С. Получил письмо от Сергея ² Деньги Зайцеву посланы. Была ли Марья Ивановна ³ (а может, и ты?) на квартире нашей. Пиши же и не забывай всегда твоего

Вл. Вернадского

Что [...] ⁴

Д. 33, лл. 45—46.

¹ Гревс.

² С. Ф. Ольденбург.

³ Старицкая.

⁴ Далее неразборчиво два слова.

№ 19

5 августа 1886 г., Вернадовка

Вернадовка. Август 5, 1886

Дорогая моя, славная Натуня. Пришла почта, а от тебя нет еще ни строчки, и вот уже 3-й день я ничего про тебя не знаю; думаю, что завтра придет-таки твое письмо сюда, но завтра меня здесь не будет —

я уеду в поиски за Земятченским. А надо его мне, кроме обещанного им человека, и для того, чтобы устроить себе время посвободнее от 20 августа (ведь оно будет гораздо лучше — так ведь?). Теперь хочу тебе рассказать все, что совершилось сегодня. Во-первых, на телеграмму получил ответ, что Земятченский уехал в Хомутовку, Усманского уезда, и сегодня вечером я туда еду, хотя очень неясно знаю, где находится знаменитая Хомутовка, думаю быть там завтра, т. е. 6-го, выехать 7-го назад, 8-го быть в Вернадовке и 9 или 10-го выехать назад в Питер; значит, в Териоках буду около 12-го числа, если от Земятченского не узнаю ничего утешительного, то деньги оставлю получать Попова, с которым уже говорил, а так как он должен их прислать к 20—22 августа, то ничем он меня надуть не может. С ним я говорил уже, что не хочу сдавать землю в аренду одному лицу и вообще в долгосрочную аренду. Разговор этот был довольно тяжелый, так как землю эту арендовал еще его дед, и он здесь прожил уже 18 лет... и теперь должен будет искать другое занятие. Я не совсем согласен с характеристикой и нелюбовью матери к Поповым и уверен, что она здесь ошибается, увлекаясь нелюбовью, несимпатичностью — одна из очень ярких черт ее характера. Что Попов не безусловно честный человек — это бесспорно, но это вовсе не мошенник, который стремится как бы надуть, да надуть — умом не отличается, но и не дурак — с некоторым лоском. Я думаю, переговорив с Земятченским, пригласить выбранного им человека к 1-му сентября, а теперь оставить на время Попова. Впрочем — увидим. *Qui vivat — vivat* ¹ Скоро, вероятно, приедет дядя Попова — главный арендатор, и с ним еще предстоит долгий и неприятный разговор. Увидим.

Не могу похвастаться своим настроением, моя дорогая Натуня. Точно вот взяли да <за> здорово живешь и окунули в холодную воду. Так кругом холодно, грязно, скверно... брр... никак не разберешься, как попал сюда, зачем, для чего приехал. А потом крайне неприятны и все такие чисто паллиативные, временные решения вопроса. Между тем ничего поделать нельзя. Присматриваясь ближе, думаю, неудобно даже пригласить сразу нового приказчика, так как заключил условия со сдачей ярового поля этот самый Попов. Ну, да бог с ними, подальше от этих всех дел, вернее, дрызг, надоевших хуже горькой редьки. Так и рвешься к тебе, в Териоки, серые, пасмурные, холодные, так и хочется идти в лес, сидеть с тобой рядом, вздрагивать и вслушиваться в каждый шум и шорох, острить над проходящими молодыми и старыми поколениями чухонцев или спастись бегством перед звон разносящим стадом рогатых коров. Бедные коровы! Кто же их сочтет теперь бешеными, безумными, кто же теперь наделять станет их умом, которого их все лишают, и видеть потерю ума только иными их индивидами. И иной раз мне кажется, что я слышу звон их колокольчика, иной раз мне представляется, будто шумит вблизи море, будто мы с тобой гуляем по серым песчаным дорожкам леса и я смотрю в твои правдивые глазки и оставляю без внимания уверения и отрицания твоей головки... А все это так далеко, почти тысяча верст отделяет меня от тебя — тысяча верст — шутка ли, двое суток должен я быстро ехать, чтоб увидеть тебя, быть около тебя, и мне хочется вместо Усмани, бросить все и ехать скорей, ехать к тебе, моя дорогая, моя единственная, моя радость, Натуня, милая моя...

А что в самом деле? Не знаю, устою ли... И вот в такие минуты какой-то насмешливый голос шепчет мне: «Напрасно, совсем напрасно уехал! Зачем тебе здесь быть? К чему ехать к Земятченскому, которого, может, там давно и нет? Брось же все, оставь и уезжай к себе назад, да хорошенько заруби у себя на носу: не спросясь броду — не суйся в воду. А что если, правда, так сделать? А? Но нет, нет... Так нельзя. Надо же устроить хоть какой-нибудь *modus vivendi* ² Нельзя же заочно нанять человека, нельзя же устраивать все с бухты-барахты, ведь дело это не тебя одного касается, ведь разница всего в 2—3 днях, и не умрешь же ты, не умрет же она от 2—3-дневной лишней разлуки. И стараешься подальше отогнать фантазию, стараешься не давать мечтам лезть в голову, не давать им рисовать твой нежный образ, твое лицо, твои слова и движения, стараешься занять ум чем-нибудь далеким, монотонным, методичным. И вот то разговариваешь с Поповым про хозяйственные дела, то, сидя в комнате, силишься читать, заставляешь себя сидеть над сухими, специальными трактатами. И вот я читаю вперемежку Roth'a «Allgemeine und chemische Geologie» ³, 2-ю часть, касающуюся одного из самых малообработанных и сухих отделов геологии — петрографии, и Rossi «La meteorologia endogena» ⁴, также 2-ю часть, касающуюся совсем нового отдела: микрoсейсмологии, т. е. учения о вечных, незаметных невооруженным чувствам нашим колебаниях земной коры, и стремишься уйти умом в эти далекие, но полные глубокой прелести факты и стараешься выжать из сухого перечня хоть какой-нибудь материал для разыгравшейся фантазии. И я успеваю в этом, по крайней мере, прочел более 100 страниц Roth'a, написанных ужаснейшим языком и сухо, сонливо до невозможности, прочел толково, медленно, иной раз даже с увлечением, так как совсем иное являлось мне среди хаоса фактов методического, пунктуального немца. Но иногда вдруг среди мечтаний о силах, изменяющих громадные пласты древних изверженных пород, о тех процессах, какие происходили и происходят в них в неисчислимые, долгие промежутки времени, мне является в голову какая-то головка с чрезвычайно болтливым ротиком, на меня смотрят чудные, такие искренние глазки, всю мысль мою охватывает чья-то чужая, но очень невыразимо близкая мысль, страшно сильная своей искренностью и цельностью. И все скрывается предо мной. Уходят далеко, далеко картины мощной, могучей жизни планеты, картины медленного созидания и разрушения, какие только что гордо и смело восстанавливал мой ум, — все это исчезает, и другие мысли, другие картины наполняют мою голову, теснятся, волнуют мою грудь. Как видишь, у меня еще в голове очень и очень неясно, как следует и выгодно поступить в этих наиболее частных случаях, но все-таки хочется написать тебе, держать тебя *an coingant* ⁵ всего. Сделаю так, как покажется мне лучшим, имея в виду быть скорее около тебя и желая, чтобы не пропали деньги. С тобой я силен, тебя я люблю, у меня ты одна, одна всего. Моя Натуня дорогая...

Всю дорогу я очень мало всматривался в окружающее, еще менее думал о том, для чего я еду, все это было мне противно, раздражало меня, так как отрывало меня от тебя, от тебя, которую я так сильно, горячо люблю. Я хотел забыться в чем-нибудь далеком и читал дорогой, пока мог, прочел «Conférences d'Angleterre» Ренана ⁶ (чрезвычайно ин-

тересная книга, вызвавшая много дум и мечтаний), газеты, рассказы М. Туэна ⁷ и некоторых других авторов. *À-propos* ⁸, попался один рассказ (очень небольшой) Гюи де Мопассана, очень удобный для народной переделки и даже, быть может, перевода — это «Симонов батько» ⁹ (кажется, так перевод «Le papa de Simon», что ли?), тема очень избитая, но очень хорошая — преследования ребенка, у которого нет законного отца, рассказ написан очень живо; помнится, у нас в народной и детской литературе есть несколько рассказов, мало удачных, на ту же тему. Вообще мне кажется, если ты будешь заниматься (а я думаю, что в этой работе ты можешь быть очень полезна) писанием для народа, то гораздо лучше такие переводы, чем сокращения больших романов, то была ошибка — взяться сразу за них; а из таких новеллистов надо познакомиться с молодыми французскими и затем с другими, о которых я говорил. Между прочим, есть подходящие в польской литературе [...] особенно некоторые этюды из сборника Г Сенкевича «*Szkice węglem*» ¹⁰ положительно прелестны; кое-что переведено даже на русский язык.

Очень хорошо бы просмотреть очерки из галицкой жизни Захер-Мазоха и Францоа; мне приходит на мысль издать сборник лучших новелл старинных итальянских писателей; это ведь и были те сочинения, какие лучше и легче еще до книгопечатания проникали во все литературы (в том числе и русскую и малорусскую), которые нравились народу, им передельвались. В минуты досуга надо будет просмотреть (у меня есть старинный сборник итальянских новелл от XII до XVIII века). Вообще в этом отделе иностранной литературы ужасно много можно взять, а этот отдел и есть один из тех, который наиболее требуется в народной среде, так как по размеру и содержанию ближе всего приближается к обычным лубочным листовкам. Отчего бы тебе не купить и не просмотреть собрания рассказов Поля Гейзе или деревенских рассказов Шпильгагена (жаль, что не любишь Ауэрбаха), де-Мопассана * и др. Если меня не обманывает память, много найдешь у Гейзе; хорошо бы просмотреть фламандские рассказы Климента, они переведены и на французский, и на немецкий язык (чуть ли не в «*Univers. Bibl.*»), вообще в этих мелких, новых литературах найти можно больше, так как тамошние писатели ближе других стоят и стояли к народу, а высокоталантливые всегда в них были. Просмотри Гейзе. Пиши больше и скорее, дорогая моя Натуня, и помни, что каждый день отсрочки, когда не получаю я твоего письма, очень и очень тяжел для меня. Как хочется скорее быть около тебя. Пиши же и не забывай всегда твоего Владимира. Поклон всем твоим.

Р. С. Скажи Ивану ¹¹, если увидишь, что он проиграл пари, так как сдал багаж, поспел на поезд, достал место в спальном вагоне и позавтракал у матери [...]

Твой навсегда *Вл. Вернадский*

* Кажется, один или 2 очерка из книжки **France'a** «*Les vassus pieds de Londres*» годятся. Книжка вообще заставляет много думать.

¹ Поживем — увидим; время покажет (фр.).

² Образ жизни (лат.).

Roth Ludwig. Allgemeine und chemische Geologie. B.: W Hertz, 1879—1893. Vol. 1—3.

Rossi Michele Stefano. La meteorologia endogena. Milano, 1879—1882. T. 1—2. В курсе дел (фр.).

Renan Ernest. Conférences d'Angleterre; Roma et le Christianisme Marc Aurèle. P Calmann Lévy, 1880.

Очевидно, в такой транскрипции В. Л. Вернадский дает фамилию Марка Твена. См., например: *Mark Twain's sketches, new and old.* Chicago: Amer Publ. Co, 1875.

⁸ Кстати (фр.).

⁹ На русский язык переводилось как «Отец Симона», «Папа Симона», «Семушкин отец», «Как Симон нашел себе отца» (М.: Посредник, 1901).

¹⁰ *Sienkiewicz Henryk.* Szkice weglem. W-wa, 1880.

¹¹ И. М. Гревс.

№ 20

6 августа 1886 г., Вернадовка

Вернадовка, август 6, 1886

Дорогая моя Натуня, только что, только что получил и прочел твое письмо, и мне очень многое хочется сказать тебе по его поводу, объяснить тут многое из того, что ты не поняла из моих слов и объяснений. И на первом месте тут вопрос о личной святости, вопрос об упрощении жизни и все другие, которые так или иначе заставляют нас волноваться теперь.

Мне кажется, что пререкания по этому поводу, какие происходят в нашем кружке, носят ужасно много формального, носят страшно много вздутого наподобие мыльного пузыря; гонятся за пустяками, за лицевой стороной, наполняют этим всю жизнь, все мысли и за этим ничего не видят и поневоле упускают более важное и серьезное. Это, конечно, не раз ты слышала от меня, но понимала, да и теперь еще понимаешь не совсем так — это и понятно, так как многие слова у меня имеют особенный смысл, не совсем им обычный (дурная привычка, всегда сопровождающая попытки мыслить самостоятельно, не следуя слепо за мнениями других и не обладая обширным, основательным систематическим знанием) Я попытаюсь здесь изложить возможно ясно и понятно (хотя за успех не ручаюсь) по крайней мере главные свои мнения и мысли об этом. Вдумываясь в то, что приходилось слышать по этому поводу от тебя, я думаю, что разница в оттенках наших мнений происходит главным образом от того, что у тебя больше знаний в одной области, а у меня в другой.

Я вполне убежден, что одним из необходимейших условий дальнейшего развития самого существования человека является то, чтобы каждый человек жил согласно своим убеждениям и наивозможно более работал на пользу общую; я считаю одним из важных условий такой жизни «личную святость» и только, как объяснял раньше, считаю безусловно вредной и *de facto* * невозможной одну или преобладание одной личной свя-

* Но вполне возможной *de jure* в виде деланности, привычках etc. обрядности.

тости, что так ясно сквозило в письме Шаховского. Но мне кажется, сама личная святость, как показывают наши теперешние знания, вовсе не такая простая вещь, какую можно доставить с бухты-барухты, по известному, общему для всех шаблону, да и едва ли она может подвергаться какой-нибудь общей мерке, как нельзя счесть равными и одинаковыми способности или здоровье людей и требовать от слабого физически человека, чтобы он снес ту многопудовую поклажу, какую снесет здоровый человек, требовать от честного, хорошего, но малоспособного человека, чтобы он сделал столько же, сколько сделал Галилей, или Лаплас, или Эйлер. Прочел я только что все, что написал, и понял, что из этого можно вывести еще заключение, какого я делать не хотел. А потому спешу объясниться. Отсюда следует **только** одно, а именно, что невозможно делать одну формальную мерку, какой и оценивать святость всех окружающих, и к чему есть поползновения у наших близких. Например (преувеличивая, но логически идя прямо):

Посылка: свят тот человек, который ест немного, **раз** в день обед из двух блюд, а затем только вечером и утром пьет чай.

Положение: Вернадский хочет есть **два** раза в день, дешево и просто, но с условием не чувствовать голода и без вреда для здоровья.

Вывод: Вернадский поступает или хочет поступить нехорошо, а потому я должен употребить все старания, чтобы убедить Вернадского поступать хорошо, т. е. есть раз в день, хотя бы для этого пришлось употребить целые дни и часы и перемучиться.

2-й пример:

Посылка: свято или хорошо поступает тот человек, который не носит фрака.

Положение: Вернадский согласен, чтобы не причинять горя людям, которых он любит и которые вполне невиноваты в своих мнениях, в которых эти мнения глубоко вкоренились и жизнь которых скоро кончится, надеть фрак во время венчания.

Вывод: Вернадский поступает дурно и должен употребить все усилия, чтобы не надевать фрака, а надеть сюртук и только подчиниться невозможности. Вообще пререкания, споры, все огорчения (отзывающиеся всегда страшно вредно и на физическом здоровье, особенно старых людей) и обиды, какие вы этим сделаете,— не беда, так как он стремился жить свято.

Таких примеров, немного преувеличенных, но по духу верных, можно было бы привести очень много из того, что пришлось нам пережить последние недели. Я все-таки написал ужасно неясно, туманно, скверно. Но из этого выяснилось все-таки два условия, обыкновенно забываемые:

- 1) различие организации разных людей;
- 2) узость взгляда.

Написал, а так и хочется зачеркнуть, так как это все не то, что носится в голове, совсем неясно выражает мою мысль. Подожди — понял, понял!!

Жизнь свят(ая) — есть жизнь по правде. Это такая жизнь, чтобы слово не расходилось с убеждением, чтобы возможно больше, по силам, помогал я своим братьям, всем людям, чтобы возможно больше хорошего, честного, высокого я сделал, чтобы причинил возможно меньше, совсем, совсем мало горя, страданий, болезни, смерти. Это такая жизнь, чтобы

умирая я мог сказать: я сделал все, что мог сделать. Я не сделал никого несчастным, я постарался, чтобы после моей смерти к той же цели и идее на мое место стало таких же, нет, лучших работников, чем каким был я, несколько...

Я думаю, что и ты ставишь тот же идеал личной святости и что мы не разойдемся в этих общих положениях. Из него прямо возникает важность того, чтобы обстановка нашей жизни не противоречила такому ясно сознанным и постоянному идеалу. В этом опять мы согласны, но тут начнутся пререкания. Дело в том, что в жизни часто одно из положений святой жизни становится в противоречие с другими, и потому на деле ужасно трудно бывает решить, как поступить верно, по правде, так как жизнь является крайне, чрезвычайно сложной и поступить по правде можно, обращая внимание на все последствия, на все стороны жизни, а не имея в виду одно только какое-нибудь положение. Разница у нас с тобой не в том, что значение хорошей, т. е. справедливой, обстановки для тебя или для меня важнее, а в том, что мы неодинаково сильно принимаем, знаем, чувствуем все последствия принимаемой нами меры. А эта разница прямо внешняя, которая необходимым образом исчезает при дальнейшем общении друг с другом, при дальнейшем развитии и образовании. Поэтому я думаю, что в жизни, желая не только по букве одной, но и в самой сути поступать хорошо и справедливо, нельзя никак пользоваться какими-нибудь отвлеченными от места, времени, людей формулами, вроде тех, в каких издавна любили моралисты излагать свои взгляды. Нельзя, например, сказать: надо есть один раз в день, не надо мягкой мебели etc., etc. Следуя таким правилам, ты, если ум и сердце твое не спят, очень и очень часто только обманываешь себя, только вызываешь тяжелые минуты раскаяния и муки в бессилии добиться нравственного удовлетворения. Или же такими мерами может притупиться нравственное чувство, может обратиться в ханжество, обрядовый формализм и в крайнем случае дать Тартюфов¹ или Фотиев Спасских². Но оставим пока в стороне эти возможности, эту дорогу вырождения, к какой легко может привести такая мелочность (и почему отчасти я так нападаю на нее), и перейдем к частному, для нас, однако, более важному вопросу — вопросу об устройстве обстановки и строя нашей будущей жизни.

Вопрос трудный, но решать его нам приходится теперь, придется всю жизнь, и, наверное, мы наделаем здесь много глупостей и ошибок. Но важно одно, чтобы с чистым сердцем и ясным умом мы все это делали, чтобы постоянно работал наш ум и не спало наше сердце. Тогда будет хорошо, тогда все исправим, тогда не будет розни у нас с нашими детьми или внуками. Времени мало, и я не могу разобрать этот вопрос так стройно, как этого хочется, мне хочется коснуться самого главного, но ты, наверное, поймешь мою мысль всю, целиком.

Мы воспитывались в среде, где, если был труд, так только труд умственный, где одним из стимулов труда и стимулом, несмотря на относительно высокий нравственный и умственный уровень наших семей, — сильным было добиться возможности доставить детям безбедное и даже богатое существование; в нашем кругу слишком много тратилось и тратится на обстановку, так много, что это скрывает многие другие интересы,

принижает человека. Вообще эта обстановка в связи с привычками, ее вызывающими, является вредной по следующим причинам и по следующим причинам должна быть изменена:

1. Она увеличивает до *plus ultra*³ потребности человека, семьи и заставляет рабочие члены семьи употреблять почти все свое время на удовлетворение этих потребностей. Он является рабом их и не в состоянии уже делать много на пользу общую, для саморазвития, для прочной установки семьи. Да это все понятно.

2. Богатство достается на счет других людей. Каждый может пользоваться большим от среднего богатства страны, только заставляя *volens-polens*⁴ других жить *minimum*'ом.

3. В этой обстановке воспитываются дети; с детства ложатся тяжело все привычки на их развитие, на склад их ума и характера. Не говоря уже о том, как вредно отзывается на них такое стремление семьи к приобретению земных благ etc.

4. Многие из таких привычек etc. прямо антигигиеничны и тем еще тяжелее ложатся как на нынешнем поколении, так и на потомках.

Отсюда ясно следует, что та обстановка, в какой живем мы, тот склад жизни, какой существует в нашей (да и во всякой) среде, не могут остаться без изменения и должны быть изменены. Но прежде чем касаться вопроса об изменении, укажу еще на крайне важный стимул для изменения его именно нами и на пределы, границы изменения. Очень важное значение в жизни русского общества может иметь фактическое изменение строя жизни * целым кружком. Это я прекрасно понимаю, отчего всегда стоял за братство и даже вовсе не против масонских атрибутов etc. Ну, да об этом не стоит, так как это для тебя также совсем ясно.

Гораздо важнее не упускать из вида те причины, которые могут приниматься в расчет при положении границ такому сокращению и изменению. Их немало.

1. Пределом всякого изменения является условие недопущения вреда для здоровья, т. е. гигиеничность обстановки. Это условие является для меня условием страшного, невыразимо громадного значения, и значительная часть пререканий между нами происходит от разной оценки этого условия, а разная оценка зависит от того, что мы более знаем в разных областях. Да это понятно, и об этом мы распространяться не будем, но в нескольких штрихах я попытаюсь изложить громадное значение этого условия. Не думаю, чтобы это мне удалось, но попытка не пытка. Дальнейшее развитие человека зависит от нас самих; на земле происходит вечное изменение, эволюция организмов, но вовсе не необходимо происходит дальнейший прогресс, улучшение, мы видим, наоборот, целый ряд, целые тысячи видов животных, подвергнувшихся вполне такому вырождению, у нас есть примеры вырождения животных позвоночных в беспозвоночные (аспидии) и т. д. Мы видим в человеческих расах примеры вырождения (например, индейцы С. Америки), а в развитии науки и искусства также такие приостановки и даже обратный ход

* При чем тут одним из наиболее важных изменений строя является энергическая, разносторонняя работа на пользу общую.

развития очень и очень заметны во многих случаях; у меня нет уверенности, что само собою будет продолжаться то развитие умственное человека, какое идет с XV столетия, оно будет продолжаться, если работать для этого будем и мы. Одним из существенных условий недопущения вырождения являются правильные условия питания, воспитания, работы — одним словом, всякая правильная постановка физической жизни человека, да собственно этим и достигается и правильное умственное развитие человека — *mens sana in corpore sano* ⁵ Всякое неисполнение такого условия прямо приводит и к умственному вырождению, и к физическому и приводит очень быстро. Дурные привычки делают то, что мы почти не знаем семей, где бы наследственная талантливость передавалась целыми поколениями (исключения представляют классики, Бернулли и др.), а в физическом мы замечаем быстрое вырождение в очень и очень короткое время, например в России фабричное население Владимирской губернии или то четвертое сословие ⁶ всех больших городов, существование которых является позором и страшным вредом в развитии человека. Я вполне убежден в полной невозможности дальнейшего развития и даже сохранения *status quo* ⁷ человеческим родом без помощи науки (об этом я тебе, кажется, писал), и одно из наиболее важных условий является деятельность науки на почве оздоровления человека, т. е. гигиены. Значение его тем сильнее вследствие существования наследственности.

Д. 33, л. 50—53.

¹ Герой комедии «Тартюф» (1664) французского комедиографа Ж. Б. Мольера. Имя «Тартюф» стало нарицательным — символ лицемерия и религиозного ханжества.

² Фотий (в миру Петр Никитич Спасский), будучи монахом, вел жизнь настоящего аскета — постился, носил вериги, ходил в летней одежде зимой. В жизни фанатик и изувер. Христианские добродетели не мешали ему добиваться власти, быть неразборчивым в средствах борьбы со своими врагами, знать цену деньгам и т. д.

³ До последней степени, до предела (лат.).

⁴ Волей-неволей (лат.).

⁵ В здоровом теле здоровый дух (лат.).

⁶ Купечество и мещанство; со времени Манифеста о вольности дворянства (1762) и Жалованной грамоты дворянству (1785) в России утвердилось сословное деление на дворян, духовенство, крестьянство, купечество и мещанство, просуществовавшее вплоть до Февральской буржуазной революции 1917 г.

⁷ Сущствующее положение (лат.).

№ 21

12 мая 1887 г.², Петербург

Дорогая Натуся, во вторник быть не могу — забыл, что в среду утром практические занятия, приеду в среду до субботы.

Твой Вл.

Целую тебя крепко.

На обороте: Ст. Териоки, Финляндской ж. д., Наталье Георгиевне Вернадской,
Дача Старицких

Д. 34, л. 2.

Письма № 21 и 22 были отправлены В. И. Вернадским из Петербурга, где он продолжал работу в университете, в Териоки, куда Наталия Егоровна с семьей своих родителей переехала на дачу.

² Письмо датируется по штемпелю на открытке.

№ 22

19 мая 1887 г., Петербург ¹

Дорогая Натуся, буду не раньше четверга или пятницы. В пятницу уже кончаются занятия, а теперь масса здесь подготовительной работы и экскурсий. Твое предчувствие о Маше ², как и следовало ожидать, оказалось совсем **неосновательным** — видел Ивана ³, он говорит, что Маша чувствует себя прекрасно, сейчас иду к ним. Ольденбург уехала. Целую тебя крепко. Поклон всем родным.

Твой Вл.

На обороте: Ст. Теориоки, по Финляндской ж. д., Наталье Георгиевне Вернадской, Дача Старицких.

Д. 34, л. 3.

¹ Письмо датируется по штемпелю на открытке.

² М. С. Гревс.

³ И. М. Гревс.

№ 23 ¹

4 июня 1887 г., Смоленск

№ 2 ²

Смоленск, 4 июня, 1887

Дорогая моя, родная Натуся, что теперь с тобой, как ты себя чувствуешь, что ты делаешь? Так сильно-сильно хочется узнать все это, хочется прижать тебя к себе, поцеловать, приглубить, и между тем я не могу, я далеко и несколько дней не буду иметь о тебе ни весточки. Я не знаю и не могу до сих пор рассчитать, когда получу от тебя или от кого-нибудь какое-нибудь письмо, которое бы рассеяло мое беспокойство, так как не могу выбрать ни одного пункта, где бы мог с уверенностью ожидать твоего письма.

В Смоленск больше не пиши, а пиши пока в Рославль, а потом напишу, куда писать.

Все эти дни, как я выехал из Питера, я почти не спал, но чувствую себя совсем бодрым и здоровым; экскурсия настоящая начинается только

завтра, и сегодня я хочу выспаться: завтра встану в 4 часа (сегодня встал в 3 часа утра, а лег вчера в 12 ночи), теперь 8 часов, часов в 9 лягу — высплюсь за все эти дни. В прошлом письме моем я писал тебе, отрывочно правда, моя дорогая, о своей дороге до Москвы; из Москвы я ехал в Дурово, в 7-ми верстах от Батищева, деревня Энгельгардта, очень неудобно: попал в вагон, наполненный евреями и немцами, немилосердно кричавшими, им от времени до времени подпевал хор маленьких детей, выражавших свое неудовольствие на беспокойную и неудобную поездку. Притулившись в уголку, я то дремал, то читал Энгельгардта³ и купленную в Москве книжонку: питомники при школах Вереяского уезда Московской губернии — дело последнее⁴ представляется мне отчасти дутым; вот где похвал и благодарностей, холопства — страсть! (Кстати вышла брошюра: Мичурин. В защиту книги «Что читать народу?», стоит всего 20 коп., поручи кому-нибудь купить для нас в городе — в Москве не было.)⁵ Мне хотелось знать, что делалось в Питере, хотелось знать, что Маша⁶ и не повредила ли ты себе волнениями о ней. Все такие мысли целой сумятицей, длинной цепью, непрерывным кольцом, теснились в мою голову, но я старался забыться, отогнать их от себя. Что пользы в таких беспокойствах? К чему и для чего они? Я теперь совсем, совершенно бессилен что-нибудь сделать, я могу быть только терпеливым зрителем всего происходящего, а исстрадаться из-за, может быть, пустых опасений не хочется и не след совсем.

И я думал забыться. В голове рождались и росли картины деревенской жизни, отчасти навеянные чтением Энгельгардта и тому подобного, навеянные теми рассуждениями, какие приходилось иметь в последнее время, мыслями, которые неотвязно, мучительно лезли в голову... Я обыкновенно думаю картинами, и фантазия представляла мне картины, где действующими лицами являлись то ты, то я, то близкие люди, я ставил нас в близкие сношения с жизнью деревни, с мужиками и во всех случаях представлял себе, что мы делаем, что мы хотим и что можем сделать. Меня давно тянет в деревенскую жизнь, мне давно хочется быть ближе к более нормальным условиям жизни и только раньше хочется больше узнать, передумать, пережить. Не хочется лезть неподготовленным. Но подготовишься ли, и в чем такая подготовка должна заключаться... Как быть с той землей, которая тяжелым камнем легла на нас, и какие мы скверные, что не умеем, не хотим устроить ее как следует. Не фарисеи ли мы — говорим на словах об одном, а на деле не сумели справиться и с тем, что нам дано и что мы можем поставить на свой новый лад. Я борюсь со своей слабохарактерностью, но слабо, так как живешь слишком интенсивно и разнообразно, а раз так, некогда думать и никогда долго не волнуешься и не оцениваешь вполне все свои поступки имышления. Но тем хуже и мучительнее иногда, когда вдруг рельефно и ясно представится все наше неверное и ложное положение относительно Вернадовки! Читал я Энгельгардта, читал об абсентеизме помещиков — тут еще ничего дурного нет, и о самом что ни на есть скверном типе абсентеизма — об управлении имениями с помощью приказчиков, большей частью кулаков. И такими абсентеитами мы с тобой являемся. Единственное, некоторое оправдание: он **только** раздает землю...

В Дурово я приехал рано утром, часов в 5. Маленькая полустанция

представляла из себя картину разрушения: она ремонтировалась, такая ремонтная происходит из года в год — выгодно и полезно для служащих. Вся станция заключалась в маленькой каморке, где помещался начальник станции, телеграфист, все эти люди суетились, бестолково сновали из угла в угол, все были заспанные, недовольные, что их разбудили в такой холод. А холод страшный; недавно был мороз и погубил огурцы. В легком летнем пальто и платье — блузе — мне холодно; лошадей не приводят. Из ближней деревни их приведут, они пасутся где-то далеко. Надо ждать и бродить бесцельно по платформе, приставая то к тому, то к другому служащему, станционному начальству, скоро ли приведут лошадей и приведут ли. Утешают, что приведут. Кроме меня, на платформе еще 2 пассажира: какая-то горничная, едущая к соседней помещице, и несчастная легавая собака, которая отправлялась в Смоленск и случайно заспанными кондукторами была высажена в Дурове. В последней я принял участие, убедил послать телеграмму, дать несколько более ей свободы; разговорился с начальником станции, говорили о разведении кур, о петухе, который недавно попал под поезд и покончил печально свою жизнь, а славный был петух и погиб лишь потому, что не хотел прекратить битвы со своим соперником... Но скучно и холодно; рабочие монотонно и вяло поправляют крышу, невдалеке из товарного поезда раздаются песни, там едут на работы нанятые рабочие парни и девки [...] Все серо и холодно. Темны, грязны наклонившиеся набок избы соседней деревушки, тощи и немощны глухие поросли, остатки могучего некогда леса, а вон белеет большое здание, при нем садик, при нем сарай и амбары — то кабак. Историю кабака я узнал от возницы. Дурово, хотя и полустанок, является довольно важным железнодорожным пунктом, здесь рубят и отсюда отправляют в Москву лес. Рубка леса дает работу летом и зимой здешним крестьянам, дает возможность им оставлять в кабаке выработанные рубкой деньги. Содержится кабак вдовой какого-то бывшего приказчика, оставшегося владелицей кабака и при нем 100 десятин земли по смерти мужа. У ней трое детей — надо их содержать, одеть, обути. Деревни кругом бедные.

Дорога из Дурова в Батищево к Энгельгардту ничего особенного не представляет. Мне казалось, что я давно знаю и давно видел все эти места и около Бахмута, и в Приволжье, и около Харькова. Всюду лески, несколько болотистые низины, поля. Форма всей поверхности — ровные, малые увалы — обыкновенная форма поверхности России, здесь видим мы результат медленной вековой деятельности проточных вод. Они нивелируют все контуры, делают их мягкими, переходы незаметными, и малоувалистой является поверхность матушки Руси, на взгляд, так совсем ровной она является. Мой возница — бывалый человек, он видел Турцию, был солдатом, служил в гвардии в Питере. Но теперь настоящий крестьянин и нетрудно, говорит, было перейти к крестьянскому хозяйству. Измала привыкши. Он шеголяет иной раз иностранными для русского языка оборотами, но добрый малый. С ним мы рассуждали о войне, он рассказывал свои похождения [...] Господа во время войны совсем иначе обходились с солдатами, чем во время мира. В гвардии, правда, не бьют и в мирное время, зато в армии бьют так, что страсть... Турки славный народ: как стали цепью, сейчас это наши идут в гости

к туркам и турки к нашим... И уже угощают турки наших, так угощают, что страсть. Табак какой у них хороший.

Разговорились об Энгельгардте, о его хозяйстве, о фосфоритах. Лучше Энгельгардта хозяина здесь нет; хозяйственный человек, стар только становится, а сын не в него, не доходит ни до чего, вот дочь та больше понимает... Но разговор скоро перешел на фосфориты; об них говорить начал он сам; он начал мне рассказывать, что вот стал Александр Николаевич ⁷ теперь камешком посыпать землю, и земля эта родит такую рожь, какой никогда не родила. Но на деревне никто не пробовал, поздно узнали об этих опытах (Энгельгардт ведет их с 1885 г. а деревня их перстах в 7—8), но ходить смотреть все ходили. Рожь такая высокая, что можно бояться, что она упадет. Но ему во всем удача — хозяйственный он человек; обо всем подумает, ну и знает. Тут рядом «студент» Мертвого работает — тоже хорошо работает; рожь у него растет, где прежде испокон веков было болото да мелкая густая поросль. Я позже узнал довольно интересное значение здесь слова «студент», крестьяне называют так некоторых только помещиков, держащихся не по-барски: так они называют студентом здешнего помещика адмирала Николаева и т. п.

Рожь действительно отличалась поразительной густотой и вышиной в тех местах, где было удобрено фосфоритом. На взгляд, резко и ясно проявлялась эта разница, и надо было видеть то глубокое, радостное удивление, какое выражалось на лице моего мужика, когда он мне показывал на эту рожь. Мы с ним согласились во мнениях, что не в одном доходе тут дело, а и в том, что веселит и дорог хозяину самый успех затеянного дела, как охотника веселит и радует удачная охота, а не то, сколько денег от этой охоты он получит; хотя и деньги не мешают.

Меня интересовало, как меня встретит Энгельгардт, смогу ли я сойтись с ним. Человек этот интересовал меня давно, и я с детства привык относиться к нему с большим уважением. Перед усадьбой нас прохватил дождь, и я довольно сильно промок от ливня, а ливень был холодный. Но приехали скоро (а à-propos ⁸, сегодня только заметил, что мое старое пальто, в котором я здесь езжу, все изъедено молью, в дырах — вот казус! оно лежало в шкафу, что стоит теперь на Литейной в передней, надо бы все осмотреть).

Дом Энгельгардта не имеет и вида помещичьего дома; во дворе службы, вход в дом через кухню; я прямо пришел в кабинет к Александру Николаевичу, встретившему меня в высшей степени радушно. Это высокий старик, с умным энергическим лицом, с седой бородой и с седыми до плеч волосами. Лицо мне его очень понравилось, мы с ним как-то быстро, просто и душевно разговорились. По-моему, это один из самых замечательных людей, каких мне только случалось видеть. Но поздно, напишу тебе подробно в следующий раз. Крепко, крепко целую тебя, моя дорогая. Береги себя. Поклон всем твоим. Когда-то получу от тебя весточку.

Весь твой *Владимир*

¹ Письма № 23—37 были отправлены В. И. Вернадским из экспедиции, которую он проводил по поручению Вольного экономического общества (1765—1919). ВЭО по предложению Д. И. Менделеева с 1865 г. начало научное исследование почв и способов их улучшения. Для этого особая комиссия составила программу проведения опытов в некоторых губерниях России, в результате которых был осуществлен физический и химический анализ почв и подпочв в Симбирской, Смоленской, Московской и Петербургской губерниях, изучено влияние туков на урожай овса и ржи и др. Первые успехи пробудили в Обществе сознание необходимости основательного изучения почв. Начиная с 1876 г. Общество постоянно и с большой энергией занималось русским почвоведением. В 1876 г. В. В. Докучаев выступил в Обществе с докладом «Итоги о русском черноземе», из которого вытекала необходимость основательного изучения чернозема как главной хлебобордной почвы России. В. И. Вернадскому было поручено исследование фосфоритов в Рославльском уезде Смоленской губернии. За полтора месяца, которые он провел в экспедиции, им были обследованы места разработки фосфоритов — Несово и его окрестности, определены границы их распространения, новые залежи, указаны места, наиболее богатые фосфоритами, сделан химический анализ обнаруженных фосфоритов и др.

² Номер письма проставлен В. И. Вернадским.

³ Очевидно, В. И. Вернадский имел в виду книгу: Из деревни. 11 писем (1872—1882) А. Н. Энгельгардта. СПб.: А. С. Суворин, 1882.

⁴ О какой книге идет речь, установить не удалось.

⁵ Мицурин А. В защиту книги «Что читать народу?». Тифлис: Тип. Я. Либермана, 1887

⁶ М. С. Гревс.

⁷ Энгельгардт.

⁸ Кстати (фр.).

№ 24

6 июня 1887 г Несово

Несово, июнь 6, 1887

Дорогая моя Натуся, вообрази себе, что я до сих пор не получил еще ни одной от тебя строчки и не знаю совсем, что с тобой, писала ли и что именно писала мне. Вместе с этим письмом я отправляю просьбу в Смоленский почтамт переслать мне сюда твои письма. Теперь я нахожусь в с. Несово, самом центре разработки фосфоритов, и туда же пиши мне, так как несколько дней я еще здесь пробуду (ст. Ивановская, Орловско-Витебской ж. д., с. Несово, Константину Васильевичу Мясоедову, для передачи В. И. Вернадскому); письма здесь есть okazия получать каждый день.

В прошлом письме я остановился на описании своего прибытия к А. Н. Энгельгардту, в знаменитое в летописях русской умственной жизни Батищево. Меня всегда поражало то, что человек, удалившийся так глубоко в глухую провинцию, сумел и смог влиять на жизнь и склад интеллигенции, на брожение умов, писавши очень, крайне мало. И мне казалось, что такой человек не пропал для родной страны, сделал свое дело для развития русского народа, а следовательно, и всего человечества. Мне казалось, что насильственная ссылка его в глухой провинции представляла здесь редкий случай отсутствия вреда. Вред, нанесенный ссылкой и заточением многих ученых людей, очевиден, вред такой вырванности из среды русского общества Радишева, Чаадаева, Арсеньева, Шапова, Чернышевского и т. п. более или менее ясен, здесь же

вред, нанесенный ссылкой на целые 11 лет (1871—1882) Энгельгардта, сделался мне ясен только теперь. Я увидел перед собой редкий тип мощного ученого профессора, способного завлекать толпы слушателей, направлять их на все доброе, хорошее, честное; человека, преисполненного редкой энергией, одаренного редкой привлекательностью, живостью ума и отзывчивостью. Такие люди рождаются не часто, и такие люди суть именно те, которые нужны теперь в центрах умственной жизни, где сходятся сотни и сотни людей, людей, которые разойдутся во все концы родной земли и там будут прилагать, там будут работать во имя того, что нашли они в этих центрах. Такую хорошую сторону видим мы в центрах умственной жизни во все время существования человечества; у древних ли философов Эллады и Греции времен римлян, когда сходились слушать тех или иных замечательных ораторов и философов толпы слушателей из разных концов Греции и римского царства; в Александрии, где происходил живой обмен мыслей, живые споры, диспуты между людьми разных верований, мнений, складов. Тот же характер носили университеты средних веков, когда тысячи слушателей сходились в Оксфорд или Париж, Болонью и т. п. слушать тех или иных знаменитых схоластиков. Тогда имело значение личное слово, влияние одного лица на массы входящей молодежи. Перед окончательным вступлением в жизнь и утопанием в ее мелочных интересах молодежь тогда проникалась теми или иными идеалами, интересами, которые связывали ее и между собой, и с прежней жизнью всего образованного люда. Нет ничего, чтобы действовало сильнее живого, свободного слова, слова человека, который верит всей душой тому, что он говорит, человека, который хочет, чтобы все те, которые слышали его, так же как и он, поверили тому, чему он верит, желали того, чего он желает, знали то, что он знает. Свободного слова нельзя заменить ни газетой, ни блестящим памфлетом, ни печатной статьей, как нельзя заменить пейзажной живописи фотографией или олеографией. У нас слишком мало обращают внимания на свободное слово, у нас слишком пренебрегают ораторским искусством, и в силу теперь косноязычность, холодный формализм речи или пресная изысканность салонной болтовни; между тем и у нас есть примеры влияния свободной речи — и у нас влияние Грановского, которое помнится до сих пор, пример Лассалья, удивительное искусство Тиндаля или Гексли указали на то, какое влияние имело и может и должно иметь ораторское искусство на распространение идей, на расширение и укрепление образования в массах, может и должно иметь на массы сила речи одного человека... Нет религий, которые распространялись бы исключительно путем брошюр, путем газет, печатного слова; и все секты даже теперь публичностью собраний, проповедями хотят заменить то недостающее, что замечается всеми ими без исключения, и я сомневаюсь, чтобы одним путем печати могло теперь, да и когда-либо, образоваться и сплотиться какое-нибудь религиозное общество, какой-нибудь союз людей, какое-нибудь братство, которое обнимало бы не десятки людей, а сотни и тысячи, а всех, возможно больше людей. Нужно слово, нужна свободная речь, нужна горячая проповедь. И положение университета, чтений в нем лекций таково, что если не будет таких выдающихся в нем лиц, не будет хороших ораторов, университеты не будут иметь никакого влияния,

университеты не будут служить тому, чему они должны служить, они не будут центрами, где бы охранялось искание правды, любовь к науке, прогрессу, человечеству, где бы возбуждалось и поддерживалось стремление к общей работе, сознание общей связи, близкой связи своей со всем человечеством. Наука одна, неразделенна, она дала и много даст, она не знает ни племен, ни сословий; она не знает и времени, так как в ней все преемственно переходит от поколения к поколению и память об этом ходе тщательно сохраняется. У нас таких людей нет, и они не являются. И мне кажется очень нехорошим занимать в университете кафедру, не обладая такой способностью... Одно только, что такие люди являются далеко не часто, их так немного. Энгельгардт именно такой человек, и, правду сказавши, я впервые встречаю человека, так цельно и полно выражающего этот тип. При виде его (больного — у него недавно было воспаление в легких, и теперь он себя чувствует не особенно хорошо) мне вдруг сделалось ясным, как много зла сделано всем, России, оттого, что такой человек был оторван от дела, ему сродного, и заброшен в отдаленную глушь деревни. И мне сделалось как-то больно и жутко. Всюду, везде натыкаешься на одно и то же, на какое-то бессмысленное, непонятное глумление над людьми, ни для чего не нужное их угнетение, их связывание. Точно у России так много хороших работников и людей, что их можно давить, как лишних, ненужных, негодных. И как ни отвертывайся — всюду, везде видишь, как давят людей. И мне иной раз кажется, что я слышу, как под безжалостной пятой, в казематах, тюрьмах, по разным городам мест отдаленных и не столь отдаленных, среди блестящей обстановки благородных семей или бедной народной нищеты бюрократией давятся людские души. И мне точно слышатся стоны, слыщится треск и стенание... И подумай, родная, сколько такого горя сделано и делается последние годы! Я помню одну немецкую легенду о белой даме, она дала завет девства и посвятила себя богу; запершись в часовне, она (в средние века) проводила дни в посте и молитве, прогоняла от себя как наущение злого духа желание быть матерью, необходимость детской любви, детской ласки, любви другого близкого человека. И много лет прошло, и она умерла, оставшись до конца верна своему обету, вокруг часовни, где погребено ее тело, раз в год слетаются с немой укором печальные тени; они всемером летают вокруг часовни — то семь детей, которых она должна бы иметь! если бы не дала и не исполнила своего обета... И они, бездушные, летают, не имея ни людских радостей, ни счастья, умерев, не живя. При всей ее наивности и такой чисто немецкой мечтательной слащавости эта легенда вспомнилась мне. Тут предо мной сидел человек, который бы породил своим примером, своим словом толпу учеников, его бы слово запало бы в душу не одного человека и не одного бы направило на ту дорогу, по которой шел он сам, шли другие до него и пойдут, будут идти всегда. И этот человек был заброшен в деревню, глушь. Конечно, он и тут сделал, но то, что он сделал тут — очень мало по сравнению с тем, что он мог и должен был сделать. В самом деле, он поставил на хорошую ногу свое хозяйство и потратил на это 15 лет — а после него оно, верно, распадется, не будет идти, как должно идти; никто из помещиков ни здесь, ни в других местах не следует его примеру, да и он сам сознает, что будущность предстоит не таким

хозяйствам, как его, а таким, в которых сам хозяин и работает. Его идеалом является интеллигентная деревня, где бы **семьи** интеллигентов, поселившись вместе в деревне, работали как простые крестьяне и своим примером, своей деятельностью направляли к лучшему и хозяйство крестьян etc., он проповедовал и словом и делом необходимость образования интеллигентных земледельцев — рабочих; к нему приходили молодые люди из разных мест и как простые рабочие работали на его землях — силы интеллигентов не ниже сил крестьян, их хватает для этого дела, но, научившись, почти все возвращались к прежней деятельности; наконец, с 1882 г., кажется, образовалась целая интеллигентная община, снявшая 100 десятин земли, но просуществовав всего 1½ года, она в 1884 г. распалась. И теперь около Энгельгардта ведет свое хозяйство только один человек из его учеников, но ведет хозяйство того же типа, какое ведется Энгельгардтом, и видит до известной степени в этих хозяйствах известную будущность. Энгельгардт не берет теперь к себе рабочих, но устроил так, что крестьяне берут их к себе в ученики-работники с платой от 3 до 15 руб. в месяц; таких работников всегда бывает летом несколько, но зимой все разбегаются. Энгельгардт остается зимой один в глуши, и он говорит, что чувствует тоску, которая гнетет и давит его. С 1884 г. после распада общины, он передал хозяйство своей дочери, а сам хотел заняться поездками по Смоленской губернии с целью изучения ее естественных богатств, но в первую же поездку, в том самом Несонове, его понесли лошади, чуть не убили, и последствия ушибов сильны до сих пор. И теперь он не может ездить так далеко. Мне кажется, что теперь он живет только фосфоритами, только это и поддерживает его — и все-таки это дело он начал в 1867, и оно было насильственно прервано его ссылкой, причем были **уничтожены** все им собранные коллекции — потеря невознаградимая; если, как это кажется, дело имеет будущность, оно было отсрочено на много лет. В Смоленской, да и в других губерниях много земель, заросших мелким леском и т. п., земель, которые дают урожай ржи сам-1—2, и своего хлеба крестьянам не хватает, между тем как при заправке тех же почв фосфоритной мукой с той же десятины зерна получается в 3 раза более (сам-6—7), следовательно, можно надеяться, что этим будет достигнуто то, что крестьяне будут иметь свой хлеб, не будут в этих местах чуть не умирать с голоду и всякое лето перебиваться невозможной вредной пищей. Это дело теперь только начинается и идет при сильной борьбе с целой массой противников. (между прочим, чиновниками министерства государственных имуществ), но результаты на десятинах, удобренных фосфоритом, у Энгельгардта видны всякому и удивительны.

Надо кончить; до следующего раза. Целую тебя крепко, много раз. Что ты делаешь? Что маленький? Что Маша¹ и пр., и пр., так и хочется завалить тебя вопросами, так хочется скорее быть вблизи тебя. Поклон всем твоим. Писала ли ты маме — я ей смог отправить всего одно письмо, она, верно, сильно беспокоится.

Твой *Владимир*

Д. 34, лл. 6—8.

¹ М. С. Гревс.

7 июня 1887 г., Несоново

7 июня 1887, Несоново

Дорогая моя Натуся, пишу тебе сегодня после довольно утомительной экскурсии — промочил меня дождь здорово, насквозь, да и лазить пришлось порядочно — на один глинистый обрыв сажен 10, а может быть, и больше влез, да и кубарем оттуда и скатился, картина, должно быть, была оригинальная; хорошо, что мягкая глина, не больно, но зато кое-что и интересного и нового увидел там. Завтра надеюсь получить от тебя письма и хоть что-нибудь узнаю о тебе, а если получу их не завтра, то послезавтра уж наверное — ведь ты мне писала в Смоленск — да?

С Энгельгардтом, хотя я пробыл у него всего день, я говорил много и об общем, и о нем, и о себе, и о деле — как-то все выходило с ним просто и хорошо. Он знал моего отца и был сотрудником в издававшемся им журнале; встретил он меня, как я и писал, чрезвычайно радушно и дал все необходимые мне указания, массу рекомендательных писем в разные концы Рославльского уезда. Разговоры у нас велись самые разнообразные.

8, июнь

Вчера не закончил писать — и сегодня со мной беда, дал высушить свои сапоги, а мне их сжарили! нельзя надеть, придется завтра ехать в Рославль и купить там какие ни на есть. Нельзя сказать, чтобы это было приятно — уж больно хорошие были сапоги.

До сих пор экскурсия не неудачна, хотя мне довольно трудно ориентироваться во всем, что приходится видеть, но, надеюсь, что я справлюсь с течением времени. Что ты, моя родная голубушка? Думаешь ли ты обо мне, что читаешь, с кем споришь, говоришь? Мне хочется все, все знать [...]

С Энгельгардтом говорил я, между прочим, и об издании популярных книжек для народа по сельскому хозяйству, он говорил, что стар, что найдутся другие, которые напишут без него, что ему страшно трудно писать, он подумывает писать записки — они должны быть интересны, потому что ему много интересного пришлось видеть. Мне, пожалуй, давно не приходилось вести такой массы общих разговоров и споров об общих вещах, как здесь, — с Энгельгардтом, Мертваго, с сыном Энгельгардта — ботаником. Это очень неглупый малый, много читающий, работающий — по воззрениям напоминает Лельку¹, большой поклонник Спенсера и Золя. С ним у нас споры бывают довольно частые. Живу я теперь у помещика Мясоедова, первого начавшего разработку фосфоритов, он старается нас угощать елико возможно и, к ужасу моему и моего спутника, все утешает нас, что покуда он один, но что нам не будет скучно — приедут гости и его «барышня» (так называет он свою дочь); сегодня приезжает его двоюродный брат — живописец, который будет рисовать здесь картину В общем Мясоедов — тип помещика, *bon vivant*²,

любит много и громко говорить о чем угодно, гостеприимный и скупой и одно и то же время, самоуверенный.

Надо кончать, так как сейчас идет почта. Завтра еду в Рославль и, думаю, там найду письмо [...] Целую тебя крепко, крепко. Поклон всем твоим.

Твой Владимир

Д. 34, лл. 9—10.

¹ Лев Александрович Оболянинов.
Кутила (фр.).

№ 26

10 июня 1887 г Несоново

Несоново, 10 июня 1887

Дорогая моя Натуся, вчера ездил в Рославль и только вчера получил там твою первую записку от 5 июня. Сегодня, сейчас я отправляюсь в окрестности Несонова и вернусь, должно быть, только к вечеру. Погода стоит невозможная: дожди, холод, так что очень неприятно и трудно экскурсировать, особенно среди глинистых и других подобных отложений. Покуда результатами похвалиться не могу.

Ты меня спрашиваешь, как я отношусь к жизни вместе с Гревсами, я ничего не имею против этого, и даже мне хочется такой жизни. Не то, чтобы я видел в этом что-нибудь особенное, нечто в виде следствия идеи братства ¹ и т. п. — вовсе нет, а потому что это будет во многом лучше и удобнее. Я думаю, что люди должны в конце концов жить по-братски, более близко друг к другу, чем теперь живут, но я не могу совсем заметить подобных последствий братства в жизни Гревсов с Ольденбургами. Это просто две семьи, более дружные между собой, которые зажили вместе; в семьях родных или близких мы встречали подобное сожительство всегда, и мне кажется неверным, что Сергей выставлял подобную жизнь как нечто совсем особенное, страшно важное, исполнение идеи братства на деле. Такое увлечение кажется мне крайне вредным, так как оно суживает идею братства и прививает ему все дурные стороны секты или семьи. Не в соединении одного, другого, очень близких друг к другу семей, а в отсутствии семейного эгоизма, в отсутствии противопоставлений интересов чужих семей, чужих лиц — интересам своей семьи состоит настоящее братское чувство. Братство должно охватывать возможно больше людей, оно должно развивать чувство терпимости к другим людям, должно развивать стремление находить в них хорошие стороны и не отталкивать, не бросать комком в человека, с которым приходится встречаться и с которым не вполне соглашаешься. А между тем общая жизнь Гревсов и Ольденбургов делала только то, что такое семейное чувство охватывало вместо 2-х людей — 4-х людей и не прививало им никаких лучших отношений к людям; я вижу и чувствую большую опасность в подобного рода устройстве жизни; больше всего на свете боюсь и не хочу я секты, я не хочу и счи-

таю страшно гадким известное себя превознесение, самодовольство, которое у нас развилось и которое всегда является следствием подобного устройства. Итак, не считая жизнь вместе осуществлением идеи братства, сомневаясь даже, что так мы приближаемся к этой идее, я все-таки хочу и могу жить вместе с Гревсами. Хочу я вот почему. Такая жизнь будет значительно, гораздо дешевле, тогда как никаких жертв, может быть, опасных для необходимых санитарных условий жизни, делаться не будет — это условие, крайне и крайне важное. Во-2-х, при этом будет тратиться гораздо меньше времени при сношениях с людьми и возможно устроить более близкие отношения между некоторыми людьми, которые должны *coûte que coûte*² сойтись; в-3-х, при общей жизни легче и свободнее становится положение каждого члена, в-4-х, при известной необщительности Гревсов трудно было бы поддерживать с ними такие же отношения, какие были теперь: у Ивана — экзамен, у Маши — школа и ребенок...

Но, однако, есть кое-что, что заставляет обдумывать это дело: 1) отношение твоих, и не причиним ли мы им этим большого горя, не вызовет ли это большого отчуждения, особенно если такое наше сожителство будет выставляться как нечто особое от семьи, более важное, во-2-х, я боюсь, что у тебя не хватит сил ухаживать за 2-мя детьми; особенно если у нас будет ребенок в середине августа, а Маша начнет ходить в школу в середине же августа; эта причина для меня страшно важная, и я думаю, что и ты не должна смотреть на нее так, как ты смотришь до сих пор; кроме маленького, твое здоровье и бодрость нужна для нашей общей жизни, а я думаю, что ты вполне приобретешь здоровье, если не будешь вначале сильно утруждать себя, и вполне потеряешь его, если сейчас же начнешь непосильную работу, а такой уход в связи с кормлением — работа тяжелая, в твоём здоровье — мое счастье, и я думаю, что едва ли могу приносить я его в жертву Машиным фанабериям; наконец, если так устроится — у меня относительно Маши **будет** неприятное чувство, и, я думаю, будет оно и у других. Наконец, я не чувствую себя вправе ни перед твоими, ни перед матерью удаляться опять так далеко. Крепко, крепко целую тебя, родная. Надо ехать. Маме своей не успел написать. Напиши, поклон всем твоим.

Твой Вл.

Д. 34, лл. 11—12.

¹ «Братство» — студенческий кружок очень близких друзей, искавших совместно смысл и цель жизни. Уже на втором курсе В. И. Вернадский познакомился с будущими членами «Братства». Это были студенты различных факультетов Петербургского университета: братья С. Ф. и Ф. Ф. Ольденбурги (востоковед и филолог), А. А. Корнилов, И. М. Гревс (историки), Д. И. Шаховской (историк и литературовед), Н. Г. Ушинский, А. Н. Краснов (биологи). В 1884 г. в кружке было 10 человек. К названным выше прибавились: Л. А. Оболянинов, С. Е. Крыжановский. А. А. Корнилов вспоминал впоследствии о кружке: «Связь наша сделалась тесной дружеской связью — даже и независимо от тех общих этических и общественных интересов, которыми мы увлекались. Мы еженедельно собирались, кажется, по четвергам, у Ольденбургов и иногда засиживались далеко за полночь и даже раза два до утра, беседуя, мечтая и споря об основах нашей будущей жизни и деятельности» (Корнилов А. А. Воспоминания о юности Ф. Ф. Ольденбурга // Русская мысль. 1916. № 8. С. 56). Члены кружка,

помимо составления рефератов и обсуждения их на заседаниях, стремились к практической деятельности. Ими была создана Группа для изучения народной литературы. Члены «Братства» поддерживали дружеские связи в течение всей их жизни.

Во что бы то ни стало, любой ценой (фр.).

№ 27

12 июня 1887 г., Несоново

Несоново. Июнь 12, 1887

Дорогая моя Натуся, нельзя, однако, сказать, чтобы ты баловала меня своими письмами, до сих пор я получил всего одно письмо от тебя, посланное 5 июня, а с тех пор нет от тебя ни слуху, ни духу. Пиши, хоть немного (адрес: ст. Ивановская, Орловско-Витебской ж. д., Константину Васильевичу Мясоедову, для передачи В. Вернадскому). Сегодня отправляюсь из Несонова на экскурсию и вернусь только дней через 5—6. Надеюсь, что к этому времени я застану от тебя какое ни на есть письмо. Эти дни все я ездил на целый день: уезжал утром, возвращался вечером. Не могу сказать, чтобы эти экскурсии дали мне много; они скорее дали очень и очень мало, и отчасти виною этому ужасная дождливая погода, крайне неблагоприятная для экскурсий.

Езжу я вместе с сыном Энгельгардта — ботаником, но мы ездим, если хочешь, с большими удобствами, но зато массу времени теряем даром: живя у помещика, невольно приходится выезжать позже, ждать обеда etc. В последние дни мы предпочитали поэтому выезжать на целый день.

В прошлом письме я писал тебе то, что думалось, о жизни нашей вместе с Гревсами, я ничего не говорил относительно одного — воспитания ребенка; здесь ты думаешь, что общая жизнь поможет нам, я, со своей стороны, сильно сомневаюсь в этом. Дело в том, однако, что мы проживем вместе с Гревсами едва ли больше года, а это время особенно важным для жизни педагогической ребенка быть не может. Ни в педагогические способности Саши Ольденбург, ни Маши я веры не имею, я думаю, что больше всех нас об этом знает и думал Иван, но он слишком резко судит в таком деле, которое надо вести слишком осмотрительно, так как, в сущности, многих основ здесь научных нет. В таком деле, где нужна такая осторожность в применении вычитанного из книг, я не считаю особенно полезным пример людей, которые, подобно нам, ниоткуда, как из книг, извлекать своих знаний не могут. Притом когда эти люди бесспорно хорошие, умные, обладают некоторыми субъективными качествами, которые заставляют опасаться за прямолинейность и верность такого применения; относительно Ивана я распространяться не буду, так как ты относительно него, мне кажется, делаешь неверную оценку, и мы не раз с тобой об этом говорили. Педагогических способностей Саши Ольденбург я не знаю и ты не знаешь; ее аккуратность (если она есть) теперь никакого значения не имеет; правду сказавши, мне очень не понравились ее письма к Маше, и мне казалось, точно она

искусственно возбуждает себя, 〈чтобы〉 приноровиться к мужу и Маше. Ну, да не в этом дело. Относительно Маши мы говорили, да притом со своей школой она едва ли будет **добросовестно** исполнять обязанности матери. Всякая работа над ребенком, всякое нововведение можно применять на нем только тогда, когда уверен вполне в его полезности и необходимости; здесь, кажется мне, меньше, чем где-либо, можно делать уступки; каждая уступка, которая не кажется тебе лично неизбежной для блага ребенка, не может быть применена к нему. Я положительно чувствую, что **не соглашусь** сделать что бы то ни было относительно ребенка, в полезности чего я не уверен, хотя бы все близкие и знакомые, Иван и Маша стояли за то, что это надо сделать. Относительно себя etc. я уступлю, а здесь я уступать считаю себя не вправе. Относительно Ивана я не боюсь, потому что он много знает и он может мне **доказать** мою ошибку, если она есть, с ним можно спорить на основании фактов, я не знаю, можно ли это и легко ли это с Машей, которая действует и думает больше по чувству, причем чувство ее очень сильное, делает ее очень односторонней: погнавшись за одним, она упускает все остальное, она прямо неспособна, занимаясь одним делом, понимать и другие. В этом есть и хорошие, и дурные стороны: это обыкновенная черта цельных, нервных натур, но черта эта очень страшна в таком деле. Вот почему я так скептически отношусь к полезности жизни вместе с Гревсами для лучшего воспитания ребенка. Может быть, я ошибаюсь, но я это пока считаю очень и очень вероятным. Я заметил уже, что не считаю вред, который может произойти, особенно сильным, так как первый год ребенка не так уже важен и потому, что думаю, что здесь сильно, так чтобы чувствовалась горечь, мы расхотеться с Иваном и Машей не станем. Влияние Саши Ольденбург я желал бы для своего ребенка меньше, чем чьего бы то ни было; я гораздо больше хочу влияния Маши, если уже это влияние необходимо, а считаю лучше, больше всего хочу твоего и своего влияния и не понимаю, что может быть тут дурного и нежелательного.

Крепко, крепко целую тебя, родная. Пиши же, а то я беспокоюсь. Поклон всем твоим. Так мало здесь времени, что едва успеваю писать. Здесь гостит замечательно симпатичный человек — художник Мясоедов, о котором напишу позже и с которым много разговариваем. Толстой и Фрей преследуют меня и здесь. Что мама — от нее нет ни письма.

Твой Владимир [...]

Р. S.¹ Все забывал послать тебе список книг для мальчиков; но здесь, к сожалению, составить его очень трудно. Приблизительно: **Липинский**: Погода ² (сам не читал — говорят, хорошая), **Фигье**: Жизнь насекомых ³, **Фриккен**: Определитель жуков ⁴, **Корш**: Определитель насекомых ⁵, **Степовик**: О вредных и полезных насекомых ⁶ По зоологии лучшие: Брем: Жизнь животных ⁷ Русских определителей грибов (кроме «Карманной книги для любителей грибов»), мхов нет; **Постель**: Определитель растений ⁸, **Фигье**: Жизнь растений ⁹ (из русских все-таки лучшее), **Сорокин**: Пресноводный аквариум ¹⁰ **Герд**: Определитель минералов ¹¹

Приписка сделана слева на полях л. 13.

О какой книге идет речь, установить не удалось.

Фигье Луи. Жизнь насекомых. СПб.: Ред. журн. «Всемирный путешественник», 1869.

Фриккен Вильгельм. Карманная книжка для собирателей жуков / Пер. с нем. М. Мелиоранского. СПб.: И. И. Паульсон. 1884.

О какой книге идет речь, установить не удалось.

Комаров А. Ф. [Степовик О.] Общепонятные рассказы о полезных и вредных насекомых: Пер. с малорус. Харьков: Тип. окр. штаба. 1882.

Брем Альфред. Иллюстрированная жизнь животных: Всеобщая история животного царства. Пб., 1866—1880. Т. 1—6.

* *Постель Эмиль.* Для ботанических экскурсий: Карманный определитель сосудистых растений, как дикорастущих, так и разводимых / Пер. с нем. М. Мелиоранского. СПб.: И. И. Паульсон, 1875.

Фигье Луи. Жизнь растений. СПб.: Ред. журн. «Всемирный путешественник», 1870.

О какой книге идет речь, установить не удалось.

Герд А. Я. Определитель минералов. СПб.: Д. Д. Полубоярников, 1885.

№ 28

17 июня 1887 г., Бельская

Бельская, июнь 17, 1887

Дорогая, родная моя Натуся, вот уже несколько дней, что я не писал тебе, и, кажется, так давно, так страшно («ужасно, ужасно») давно я не получал от тебя, моя голубушка, ни строчки. И правда, я получил от тебя всего одно письмо; надеюсь завтра или послезавтра, когда вернусь в Несоново, застаю там от тебя весточку. Минутами мне очень страшно, и я пеняю на себя за то, что уехал и оставил тебя одну[...] Мне так хочется скорее быть с тобой, хочется скорее видеть тебя, слышать твои умные речи — так хочется скорее покончить эту экскурсию. А между тем я, вероятно, буду ездить до середины июля и не раньше 15-го буду в Питере — еще, значит, целый месяц! Ужасно тяжело то, что ты так редко, так мало пишешь мне — что я ровно ничего ни о чем, что ты делаешь, как себя чувствуешь, не знаю, и поневоле иной раз приходят самые скверные мысли.

Теперь я вот уже 4 или 5 день выехал на экскурсию из Несонова и был в целом ряде деревень и сел в юго-западном углу Рославльского уезда; общий обзор этой, наиболее для меня важной, местности я окончу завтра или послезавтра и приеду в Несоново, откуда на другой день выеду дальше для осмотра юго-восточной части.

Пока все еще результатов получается меньше, чем ожидалось, и теперь вопросы начинают намечаться, и, думается мне, на многие можно будет ответить после лабораторных испытаний. Только бы хорошенько провести эти последние, но этого я ровно, совсем, не знаю, смогу ли, потому что слишком вдаюсь в частности и хочется слишком обширно завладеть предметом. Рождается здесь на месте масса вопросов о происхождении фосфорита, о тех процессах, какими он вызван, и какие процессы происходили в этой местности: здесь еще интересны кое-какие новейшие образования и удивительная масса археологических остатков.

Вот 2-й раз уже мне приходится быть в стране, где пробудился интерес к тому, чтобы узнать, что под землей, где чувствуется недостаток в одной земледельческой культуре и хотят найти какие-нибудь другие источники существования. Край здесь глухой, народ бедный, малоразвитой; земля выпаживалась сотни лет — эта местность одна из древнейших, заселенных русскими, и теперь отказывается давать достаточно хлеба, его не хватает на пропитание и приходится покупать. Очевидно, здесь плохи условия культуры, и вопрос состоит в том, будут ли в состоянии крестьяне ввести необходимые улучшения для культуры, я думаю, что здесь несколько меньшее, более временное, значение имеет количество земли, предоставленное крестьянам для запашки; эти вопросы, по всей видимости, сильно возбуждаются и в умах самих крестьян; очень многие из них пробуют удобрять фосфоритом, и в общем результаты получаются удовлетворительные. Когда едешь по деревням, всюду встречаешь самый радушный прием, все показывают, стараются, что возможно, узнать, просят, чтобы у них посмотреть хорошо: мы-де люди темные, а может, нам будет счастье; когда начинаешь работать, обыкновенно собираются крестьянские ребята и все указания даются с охотой, при этом, однако, стараются охотить то, что находишь у их соседей. Народ здесь темный, школ мало, и девочки в школах вовсе не учатся: засмеют на селе, если «девка» станет учиться грамоте: ребята и, однако, попадаются очень интеллигентные, читают с охотой. По-видимому, и здесь начинается брожение какое-то; дурные <дела> вызвали стремление узнать, что это вызвало, и ум начинает шевелиться. Уезд этот, кажется, главным образом помещичий, южная часть, по крайней мере; здесь сохранились многие старые помещики, но среди интеллигентов встречаются очень интересные типы. Я познакомился, между прочим, со священником в с. Новоселках, отцом Андреем; это очень интересная, симпатичная личность. Поборов с крестьян, по их рассказам, он не делает никаких, от бедных за требы ничего не берет, назад возвращает, от остальных берет, что дадут; в поле работает сам и плугом пашет лучше всякого крестьянина, он благотворителен, и крестьяне очень его любят, живет просто и даже бедно. Благодаря его энергии устроился здесь отдел «Общества улучшения народного труда», которого он состоит председателем; устроилась школа (судя по ученикам, которых я видел в деревнях, должно быть, идет прекрасно), и в эту школу ученики повалили; там до 90 человек; дети о. Андрея учатся там же. Но школа, по его мнению, никакого значения одна иметь не может; учитель должен быть в то же время и земледельцем, он должен на том же наделе, что и крестьяне, на 4 десятинах вести хозяйство улучшенным образом, прилагая все возможные указания науки, и так увеличивать в глазах крестьян значение науки (по словам о. Андрея), и в то же время школа должна помогать крестьянам в их бедах, должна войти в их жизнь. Для этого ему удалось отделить из церковной земли 4 десятины, которые должны были идти на него, и устроить, таким образом, образцовую ферму, это дело только что начинается, и еще трудно сказать, как пойдет, но очень важное, и ты понимаешь, как оно для меня интересно. Для школы ввиду недостатка здесь леса, обилия глины и пожаров о. Андрей выстроил здание из глины, глинобитную постройку, причем работал над ней сам, один, иногда

помощью одного крестьянина. Выучился глинобитной постройке по книгам; так же научился делать черепицы и приготовил их из глины сам. Его сын и племянник работают как простые крестьяне. Во всяком случае поп очень и очень интересный, и как-то легче делается, когда встречаешься с такими, как он, типами. К нему помещики относятся то насмешливо, то недоумевающе. Я буду с ним переписываться по возвращении в СПб.; такие люди нужны. Другой интересный, редко мне симпатичный человек, художник Мясоедов; с ним много говорили, и, между прочим, недавно был у нас длинный разговор о семье. До другого раза. Около 6 часов утра, мне в 8 надо выехать, а еще много писать своих наблюдений. Целую тебя крепко, крепко. Пиши, ради всего святого. Поклон всем твоим. Что Маша? ¹ Напиши маме хоть 2 слова, что получила от меня письмо. Пиши, моя рыбка. И не забывай твоего совсем Владимира [...]

Д. 34, лл. 15—16.

¹ М. С. Гревс.

№ 29

20 июня 1887 г., Несоново

Несоново, 20.VI 1887

Дорогая, родная моя Натуся, пишу второпях, несколько слов, потому что сейчас едут на почту. О Васе ¹ я писал вчера ² Теперь, завтра уеду опять надолго в Кочеву и на Ипуть к границам Черниговской и Могилевской губерний, так что решительно не знаю, как и когда могу писать; не беспокойся, если не будет долго писем; буду писать при первой возможности. Целую тебя крепко, крепко, крепко. Береги себя. Пиши и не забывай своего Владимира.

P.S. [...] Поклон всем твоим; напиши моей маме.

Д. 34, л. 17

¹ Василий Васильевич Водовозов. В 1880-е годы примкнул к революционному движению. В 1886 г. за издание в литографированном виде работ Шеффле «Сущность социализма» и Туна «История революционных движений» был арестован и сослан на 4 года в Архангельскую губернию. В письме от 13 июня 1887 г. Н. Е. Вернадская писала: «Напишу тебе только два слова, чтоб тебе сказать, что Вася будет скоро в Смоленской губернии, на зиму он должен ехать в Архангельскую губернию. Вот страшно за его здоровье. Пишу тебе скорее об этом, чтоб ты постарался его увидеть непременно...» (ф. 518, оп. 3, д. 253, лл. 13—13 об.).

² Письмо не сохранилось.

21 июня 1887 г [Несоново]

21 июнь, 87

Родная моя Натуся, пишу несколько слов, приехал сюда еще один геолог — Кудрявцев, и мы несколько изменили маршрут; мы объездим с ним опять прежние места и затем поедem в Брянск. Поездку на Ипать отложил дня на два. Пишу тебе несколько слов, так как сейчас выезжаем в Бутырки. Ты спрашиваешь, когда окончу я свою поездку. Я хочу 16—17 июля быть в Питере и сообразно с этим и буду ездить; здесь окончу все около 8—9 июля, а потом съезжу к Васе¹, Энгельгардту, в Вязьму. О Васе напиши **скорее**, говорили ли с его матерью — у него я могу быть около 10—12 июля. Экскурсию не могу счесть особенно удачной, какая-то в голове невообразимая кутерьма; массу времени приходится тратить даром. Целую тебя крепко, крепко. Береги себя. Пиши.

Твой Владимир

P. S. [...] Поклон всем твоим.

Д. 34, л. 18.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 29.

№ 31

22 июня 1887 г Несоново

Несоново, 22/VI 87

Дорогая моя Натуся, моя маленькая рыбка — все писать тебе приходится короткие письма, так как все едва-едва успеваешь написать до почты. Маме я давно уже не писал, но думаю, что она с тобой виделась и знает, не беспокоится про меня. Вот уже 2 почты, а от тебя нет ни слуху, ни духу. Может быть, моя дурочка сообразила, что если я ей пишу, что дней 5 не будет от меня писем, то и ей не надо писать — письмо не застанет меня. Но ведь письма идут 4—5 дней, и как раз ей надо писать. Или ты нездорова, чувствуешь себя нехорошо? Я все колеблюсь между этими 2-мя версиями и не знаю совсем на какой из них остановиться. Теперь я сейчас отправляюсь на экскурсию с Н. В. Кудрявцевым, о котором я тебе говорил в СПб., я сперва покажу ему здешние юрские отложения, а потом проеду с ним в Брянск, где он мне покажет типичные меловые отложения.

Вчера простился с Гр. Гр. Мясоедовым — художником. С ним мы очень сошлись, и я просил его быть у нас, когда он осенью приедет в СПб. Это человек очень подходящий и близкий нам по воззрениям, что крайне редко мне случалось (а и случалось ли?) видеть в человеке его возраста. Мы с ним много говорили, между прочим, про воспитание, про необходи-

мость и важное его значение, про трудность. Он мне многое рассказывал из того, что ему приходится видеть в своем маленьком 5—6-летнем сынишке. Личное его желание, чтобы сын сделался садоводом (он и сам страстный садовод), так как таким образом он меньше живет на счет других, совсем, совсем даже почти не живет; он не хочет, чтобы он был чиновником, чтобы так или иначе служил государству. Передо мной так и воскресли мои мысли о фермерской жизни в тропической Америке, далеко от скверных форм государственной жизни. Требуют письмо. Целую тебя крепко, крепко. Береги себя. Следующее письмо напишу из Брянска. Завтра еду опять к о. Андрею. Пиши, ради всего святого, моя маленькая Туття. Поклон твоим. Маме никак не успеваю написать.

Твой *Владимир*

Д. 34, лл. 19—20.

№ 32

23 июня 1887 г. Брянск

Брянск, 23 июня 1887

Дорогая, родная моя Натуся; сегодня от тебя опять не было письма; по дороге в Брянск я заезжал на станцию в Ивановку, думая застать от тебя письмо, но там его не было. Моя Туття стала что-то не особенно аккуратной.

Все это время, когда приходилось заполнять прорехи, сделанные во время первоначальной экскурсии, масса времени теряется и уходит даром, и иногда как-то невольно становится совестно, что так плохо умеешь распоряжаться временем, беречь его. Прорех в моих работах много; частью прямо неумение располагать хорошо экскурсией, часто неполнота моих знаний, особенно для меня чувствительная; все это заставляет меня сильно сомневаться в результатности моей экскурсии, и теперь мне представляется вся надежда на лабораторные занятия в СПб. Я вообще сильно сомневаюсь в своих научных способностях, и эта работа явится пробным камнем, который позволит решить мне, способен ли я или нет сделать какую-нибудь научную работу. До сих пор наблюдениями своими в поле я решительно недоволен, и мне кажется, сделал свое дело плохо. А поправить очень и очень трудно. Едва ли можно даже поправить; не говоря о недостатке времени, поправка потребовала бы и средств, значительно больших, чем те, которые отпущены мне Вольным экономическим обществом; она заставила бы меня захватить и больший район — поехать в Орловскую губернию; и теперь я сижу в Брянске, в губернии Орловской — здесь я на очень ненадолго; мне просто интересно было видеть более мощное и правильное развитие тех самых слоев, какие видел я в Рославльском уезде, и с этой точки зрения я доволен, так как многое мне она, думается, объяснит. О своей экскурсии я переписываюсь с Энгельгардтом — тот, по-видимому, по крайней мере в начале, был доволен моими результатами, но, по моему глупому характеру, его письмо вместо ободрения или самоудовлетворения вызвало больший критический анализ, какое-то неприятное чувство —

сознание, что он неверно понял меня и считает работу лучшей, чем она есть. Мне как-то не хотелось писать ему об этом, и я в следующем письме написал ему сводку моих следующих выводов со всеми ограничениями и сомнениями, какие они вызвали. Он пишет мне, что я сделаю хорошую работу, а я чувствую, что у меня выйдет очень, очень скверная работа; он советует мне взять эту работу магистерской¹, а я думаю, что и для отчета Вольного экономического общества она едва ли годится. Меня несколько успокаивает только то, что многое улучшение находится не в моей воле и невыполнимо при тех средствах, какие отпущены на экскурсию Вольным экономическим обществом. Другое, что мне неприятно, это то, что много времени ушло даром, и кажется, будто я сознательно, из лени, нерадения, много потерял его. Я думаю еще из Брянска съездить в Кочеву и Ипуть (что возьмет дней около 6), затем опять хорошенько осмотреть Несоново, некоторые его окрестности и затем, буде останется время, проехать к Десне, так что числу к 8 я выеду к Васе*,² около 11 буду у Энгельгардта и затем к 16 или 17 вернусь в Питер и увижу мою маленькую. Переедешь ли ты 15-го или еще нет?³

Ужасно, что у Маши так долго нет ничего⁴ — неужели доктора ошиблись на целый месяц, ведь это очень странно; но постарайся как-нибудь меньше думать об этом и меньше этим волноваться. Скорее бы, скорее бы это все кончилось, моя родная, бедная Туття [...] О чем ты теперь думаешь, как ты теперь себя чувствуешь, что ты делаешь — мне все это непременно хочется знать. Я чувствую, что буду сильно беспокоиться, когда не буду получать о тебе писем; завтра и, может, сегодня вечером получу еще их, а после почти целую неделю не будет ни одного, совсем ни одного письма от тебя. Ты пиши мне по прежнему адресу, только не выставляй на них Несоново, потому что я не знаю, буду ли я там или в другом имении Мясоедова — в Бутырках, а отправлять надо все на ту же станцию Ивановскую.

Письмо Шаховскому я все так и не кончил, совсем, совершенно забыл о нем и только недавно, случайно, нашел его, и мне хочется кончить его, но не хочется отправлять, пока ты не прочтешь его. Меня очень радует перемена с Катей⁵, мне очень и очень жаль ее было, и, правду сказавши, наряду с этим связывалась горечь сознания, что не она виновата, а виноваты близкие мне люди. Нередко являлись мысли, не виноваты ли самые основы жизни нашей, наши принципы. И делалось жутко, и страшно становилось при мысли о том, через сколько жертв приходится переступить для достижения в будущем чего-то, кажется, хорошего и нужного. Это выходит нечто вроде цели, оправдывающей средства, нечто вроде тех «железных» законов, о каких любят толковать иные люди, хорошо сумевшие соединить непримиримое. Но мне все не верится в то, что исход, который представляется тебе таким вероятным и которого хочет Н. Фед.⁶, действительно хорош для Кати. У меня прямо как-то на душе кажется, что этот исход не удовлетворит их обоих, и очень, очень жаль, что Маша и Иван⁷ повлияли тут. Это, по моему мнению, очень большая ошибка, следствие известной узости их мировоззрения.

* Ничего ты не пишешь про него!

Я делаюсь решительным пропагандистом известных отношений, более близких и братских. Теперь езжу с Н. В. Кудрявцевым, и мы с ним о многом говорили, говорили просто и тепло о близких нам людях, о семье, о всем том, что обыкновенно скрывается и скрывать чего я считаю, и все более в том убеждаюсь, одной из скверных сторон теперешнего устройства семьи. Для меня начинает выясняться необходимость такого общества и журнала, который был бы посвящен вопросам воспитания, где бы сходились люди, большей частью родители, и могли бы знакомиться как с обоюдным опытом, так и с теми данными науки, которые теперь все более и более начинают проясняться. Если не ошибаюсь, такое общество существует, и мне очень бы хотелось узнать о нем; эти знания больше всего теперь необходимы, и я все более и более убеждаюсь, что не мы одни их чувствуем, а что ту же потребность <чувствуют> и многие другие хорошие лица, и мне устройство подобного органа и общества кажется одним из важных средств улучшения самой семьи. Слишком мало у нас обращали внимания на подобные задачи и слишком мало обдумывали те средства, какие есть для лучшего устройства семьи и лучшей постановки семейного воспитания. Вот хорошо бы и создать такой орган, все органы вроде «Женского образования»⁸ мне не нравятся, они, по моему мнению, слишком узки, педантичны, в них нет живой мысли, философской жизни. В них как-то все вяло и сухо. Очень может быть, возможно присоседиться к какому-нибудь из этих органов, но еще лучше, если попытаться начать издавать небольшой, дешевый журнал, посвященный вопросам образования и воспитания. Об этом надо серьезно подумать. Напишу подробнее позже. Целую тебя крепко, крепко, моя родная Туття. Как ты себя чувствуешь, моя маленькая. Пиши и не забывай твоего Владимира.

От мамы я давно не имею писем. Что с ней? [...]

Д. 34, лл. 21—23.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 14.

² См. комментарий № 1 к письму № 29. Очевидно, письма, в которых Н. Е. Вернадская писала о Водовозове, пропали, так как в письме от 3 июля она писала: «Про Васю ты уже видно получил мои письма (ты спрашиваешь, когда он выехал), он должен был выехать 1-го или 2-го» (ф. 518, оп. 3, д. 253, л. 31 об.).

³ В письме от 5 июля 1887 г. Н. Е. Вернадская писала: «Мы решили не переезжать раньше 1-го августа, так как погода тут чудная, да и будет все, наверное, не раньше августа. Если ты приедешь, как предполагаешь в этом письме, 17-го, мы с тобою и с мамою вместе и переедем...» (ф. 518, оп. 3, д. 253, л. 33).

⁴ В письме от 27 июня 1887 г. Н. Е. Вернадская писала о М. С. Гревс: «Получила утром телеграмму от мамы: Поздравляю с племянницею, Маша здорова» (ф. 518, оп. 3, д. 253, л. 24).

⁵ Возможно, Екатерина Сергеевна Кавос (урожденная Зарудная).

⁶ Личность установить не удалось.

⁷ М. С. и И. М. Гревс.

⁸ «Женское образование. Педагогический журнал для родителей, наставниц и наставников», издателем-редактором которого был Василий Дмитриевич Сиповский, выходил в С.-Петербурге с января 1876 г. по 1891 г.

25 июня 1887 г., Бутырки

Бутырки, 25.VI 1887

Дорогая, родная моя Натуся, я сижу в Бутырках, и с утра, не переставая, монотонно идет дождь, и я не могу двинуться с места. Вчера, третьего дня была такая чудная, теплая, летняя погода, а теперь этот дождь положительно не дает ни малейшей возможности какой-нибудь работы; он наводит на меня какое-то отупение, тоску, бессильную злобу. Так хочется скорей все кончить, так хочется скорее быть с тобой, так досадно даром терять время, а между тем я наверное даром, совсем даром, потерял целую неделю из-за дождя... Вчера, наконец, получил еще весточку от тебя, мой голубчик, рыбка моя, и обрадовался ей; а все-таки беспокоюсь о тебе, а все-таки как-то легче, как-то спокойнее мне будет, когда буду возле тебя [...] И тут терять еще один день, целый день! Это положительно несносно! Я не мог сперва заставить себя чем-нибудь заняться и только теперь как-то успокоился, подчинился — а нет ничего неприятнее, хуже, как подчиняться чему-нибудь сильнее тебя. Я понимаю, что легко и возможно подчиниться чему-нибудь, что в твоей власти или что слабее тебя, но нет ничего хуже, неприятнее, тяжелее, как подчиняться, преклонять голову перед чем-то таким, что неизмеримо, гораздо больше, сильнее тебя. Это самое злое унижение, самая постыдная, тяжелая неизбежность. И тут так скорее хочется бороться с ней, с этой далекой, мощной природой, обезопасить себя от ее бесцельных, но смелых случайностей. И в этом интерес научной работы, тот огонь, который часто заставляет все приносить в жертву науке. Не преклонение перед ней, не восхищение ее псевдозакономерностями, а понимание, а получение возможности известным, мне желательным образом координировать ее явления, изменять и перестраивать их по своему плану и желанию. В этом большая прелесть научных знаний, отдельных опытов, наблюдений на месте. Но теперь мне <не> хочется писать тебе об этом; мне хочется написать тебе о тех выражениях, которые проскальзывают в том или другом письме твоём и, между прочим, в последнем, мною вчера полученном (от 21/VI). Ты пишешь, что ты была часто гадкая зимою, что я знаю, что ты часто была нехорошей, и т. п. Этого я не знаю. И мне кажется, что ты совсем напрасно рисуешь себе такие картины, которых никогда не было, придаешь слишком много значения каким-нибудь мелочным, совсем, совсем никому, кроме тебя, незаметным «грехам» вроде лишней конфетки, какую съела Туття, лишней слезинки, которую пролили ее глазенки по какому-нибудь чрезвычайно важному и серьезному поводу... Где эти грехи, где эти случаи, когда моя добрая Туття была скверной, злой или гадкой. Я этих случаев не знал и не знаю и как ни думаю, не могу узнать или припомнить. Да их и никогда не было. Это одно из следствий мышления и анализа, необходимых при том процессе, который ты теперь переживаешь. Ты стараешься восстановить, передумать о нашей жизни вместе этим годом, жизни, так хорошо, так несказанно счастливо (ведь да?) нами про-

веденной. При этом ты сравниваешь наши взаимные отношения и невольно строже, пристрастнее относишься к себе и легче, снисходительнее относишься к поступкам любимого тобой человека. Ведь это так понятно! Ведь разве ты не дороже мне меня самого, разве не кажется мне тяжелым проступком с моей стороны по отношению к тебе то, что от тебя перенести мне казалось бы так естественно и просто! Я вообще думаю, что такие сравнительные оценки надо делать очень осторожно, что они больше всего удаляются от истины, рисуют нам не то, что было в действительности, и выражают известное наше теперешнее душевное настроение. И как такое душевное настроение я принимаю твои слова. Это известная метафора любви, метафора, тем более дорогая и сильная, что она исходит не от мысли или от фантазии, а от сердца, а от ума и чувства вместе взятых, от всего организма. Но нехорошо, когда они для тебя имеют характер правды и истины. В стремлении к правде надо внимательно оценивать каждое свое суждение, и можно ли доверять здесь своим субъективным чувствам, своему субъективному размышлению о том, к чему не в состоянии относиться хладнокровно, спокойно, где холодный вид рассудка неуклюже надевает на себя горячее, пылкое чувство. Такое суждение не может иметь характер вечной правды и истины. Оно не может, не должно казаться тебе таким. А раз не может и не должно — нельзя допускать его мучить себя. Здесь скрыт самообман. И пусть твой «анализ» не обманывает тебя, и пусть Туттин умишко не старается найти какие-то грехи ее, злые поступки. Их нет, и это ненужное, **вредное**, занятие. Целую тебя крепко, крепко. Поклон твоим. Еду завтра дальше; не беспокойся, если целую неделю не будет писем.

Твой Владимир [. .]

Д. 34, лл. 24—25.

№ 34

28 июня 1887 Петраково

Петраково, 28/VI 1887, 7 ч. утра

Дорогая моя Натуся, только что узнал, что по дороге у нас будет почтовая станция и спешу тебе написать несколько слов. Пишу в деревне, по дороге на Ипать, куда приеду сегодня же через несколько часов. Погода стоит ужасная: холод, сумрак, грязь; дороги здесь не менее ужасные; есть такие, каких я никогда не видывал; например, ехавши сюда в Петраково, пришлось ехать по лесной дороге, где были громадные выбоины, заполненные водой, целые участки дороги превратились в настоящие болота, покрылись обыкновенными болотистыми растениями — здесь расплодилось масса белых *Aliema Plantago*, кое-где кустиками торчат страшно ядовитые болотные лютики (*Ran Sceleratus*), осоки с целой толпой обыкновенных болотных растений и водорослей покрыли сплошь всю дорогу; эти своеобразные искусственные водовместилища <за>селились целой массой самых различных видовых и

невидных жителей. Поездка по такой дороге, очевидно, никогда не высушающей, не обошлась нам благополучно. В одну из таких луж вывалилась наша телега с нашими вещами и с пассажирами — только один я успел вовремя прыгнуть, а кучер и М. Энгельгардт выкупались; к довершению всех благ это случилось во время холодного осеннего дождя. Вообще такая погода ставит в крайне тяжелое, неудобное положение экскурсанта, и так плохо, так трудно в это время работать. В следующие экскурсии надо снаряжаться иначе и лучше.

Мне так сильно хочется скорей быть уже с тобой, мой голубок, так много и часто я думаю о тебе, о моей бедной маленькой Тутте, которая теперь страдает где-то далеко, и с ней нет близкого ей человека, который уехал наслаждаться экскурсией. То, что теперь не так жарко — Тутте легче? Ведь да?

Относительно Шаховского и покупки им земли¹ — я этой мысли вполне сочувствую, как и говорил Федору² и тебе, и думаю, что на это можно потратить часть капитала уже прямо потому, что капитал не теряется, будучи вложен в землю. Разве ты не помнишь, что мы говорили об этом с тобой, и я рассказывал свой разговор с Федюшей, я ему говорил, что деньги у нас будут лишь осенью, но что, если надо, мне кажется, можно на это употребить капитал (заложить etc.) Так что я не вижу никакой надобности вторично писать об этом; ведь мне казалось, с Федюшей мы обо всем этом условились, если же у него или у Шаховской (А. Н.) есть известная неловкость поговорить с нами об этом, писать совсем лишнее — такие недоверия исчезают только со временем. Оно, это недоверие, часто мною лично чувствовалось и очень меня удивляло, так как я никак не мог себе объяснить и понять его. Может быть, впрочем, я ошибаюсь. Дело мне казалось совсем просто, а цирлих-манирлих я совсем не понимаю, раз их нет и не должно быть между нами в принципе. Я лично не уверен совсем даже, чтобы с их стороны было ко мне полное, братское доверие.

Что Вася?³ Выехал он или нет. Меня удивляет, что ты мне об этом ничего не пишешь. Напиши скорей.

Надо кончить — ехать. Поклон всем твоим. Как долго, еще несколько дней, не буду получать от тебя писем! Целую тебя крепко, крепко. Береги себя и не забывай любящего тебя Владимира. Ты мне не пишешь, что маленький — бунтует или нет [...]

Писала ли статью из⁴ Edinb. Review⁵

Д. 34, лл. 25а—25б.

¹ В письме от 23 июня 1887 г. Н. Е. Вернадская писала: «Получила письмо от Маши (Гревс.— *Ред.*), очень длинное. Она, между прочим, пишет, что Дмитрий Иванович (Шаховской.— *Ред.*), кажется, в довольно стесненных обстоятельствах и что она себе не представляет, откуда он возьмет остальные деньги (часть они с Ольденбургими послали) на уплату имения. “Может быть,— пишет она,— следует ему помочь? Я думаю, что если Владимир согласен, то не мешало бы ему или тебе написать Дмитрию Ивановичу или Федору (Ольденбург.— *Ред.*) и спросить их об этом. Мне кажется, нам надо знать наверно, нуждается ли Дмитрий Иванович в деньгах, и тогда помочь. Ведь, Владимир сочувствовал покупке имения” Что ты об этом думаешь? Напиши скорее...» (ф. 518, оп. 3, д. 253, лл. 22—23).

Ф. Ф. Ольденбург.

См. комментарий № 2 к письму № 32. В письме от 7 июля 1887 г. Н. Е. Вернадская писала: «Приехали сегодня Паша и Георгий (Старицкие.— *Ред.*), они вчера видели Васю, который должен был выехать только сегодня утром...» (ф. 518, оп. 3, д. 253, л. 38 об.).

Так в тексте.

Очевидно, «The Edinburg review or critical journal London», журнал, выходивший в Лондоне с 1802 г.

№ 35

29 июня 1887 г., местечко Разрытое

Местечко Разрытое, 29/VI 87

Дорогая моя Натуся, пишу тебе уже с Ипути и сейчас отправляюсь по реке на лодке — надо будет проплыть на лодке до 70 верст — вероятно, дня два. Экскурсия моя приходит к концу, а между тем результатами ее я не доволен и даже вовсе не доволен. И так кажется, потрачено много времени, а результаты такие мизерные. Ну, да что делать — ничего не поделаешь.

Из Ипути я вернусь опять сюда, в Разрытое (1.VII), и затем 3.VII и 4.VII буду в Несонове — только тогда получу твои письма и узнаю, что поделявает моя маленькая. 8.VII я выеду из Несонова к Васе¹, а 12.VII или 11.VII буду у Энгельгардта и оттуда прямо (заехав в Вязьму) приеду к тебе, моя маленькая. Мне хочется, чтобы все это время прошло скорей, больше всего хочется быть с тобой, возле тебя. А то все как-то не знаешь, ни что ты делаешь, ни что думаешь. Меня постоянно мучит мысль, не сильно ли страдаешь ты...

В Питере надо сейчас же приняться за занятия, мне надо так много перечитать по педагогике и о детях, надо готовить доклад Комитету грамотности о библиотеке для народа и надо готовить отчет в Экономическом обществе о своей поездке². Я не знаю и иногда думаю, не ложное ли и болезненное у меня это ужасное, тяжелое чувство вечного недовольства собой и не ложится ли оно скверно на самую деятельность мою и не отражается ли оно скверно на самих результатах. Теперь моя надежда на лабораторные занятия, и я должен хорошенько сделать их, но уже теперь у меня является сомнение в том, смогу ли я хорошенько провести их. Положительно нужна, необходима борьба с собой. Может быть, на этот раз удастся справиться с делом.

Я думаю, много повлияла и плохая погода и действительное незнание; ну, да довольно теперь об этом; я боюсь, что ты, мое неоценимое счастье, огорчишься тем, что я пишу, но как-то хотелось мне тебе написать об этом, потому что Туття, знаю, примет все это всей душой и мне как-то легче, когда ты, моя родная, знаешь и чувствуешь все, что и я знаю и чувствую, — ты же одна можешь помочь мне. Может быть, это и скверно, и эгоистично, но я как-то не могу не написать этого.

Из моего приблизительно верного маршрута ты можешь рассчитать, что пиши до 4-го июля по прежнему адресу в Несонову, а позже по

следующему адресу: ст. Дорогобуж, Московско-Брестской ж. д., Александру Николаевичу Энгельгардту, для передачи Вл. Вернадскому.

Пора ехать. Целую тебя крепко, крепко. Поклон всем твоим. Напиши маме; ей я не писал.

Твой Владимир

Р. С. Я думаю, лучше маме не писать, что я еду на лодке, так как она лодок до смерти боится и будет волноваться, что я утонул, тогда как я еду на очень хорошем, прочном баркасице; это самый любимый мой способ передвижения.

Относительно Шаховского я писал в прошлом письме ³ — что Маша ⁴? Целую тебя крепко, крепко — до скорого свидания [...]

Д. 34, лл. 26—27

¹ См. комментарий № 1 к письму № 29.

² См.: *Вернадский В. И.* Краткое сообщение о фосфоритах Смоленской губернии // Тр. Вольного экон. о-ва. 1888. № 3. С. 84—85; *Он же.* О фосфоритах Смоленской губернии // Там же. № 1. С. 263—294.

³ См. комментарий № 1 к письму № 34.

⁴ См. комментарий № 4 к письму № 32.

№ 36

30 июня 1887 г., местечко Разрытое

Местечко Разрытое, 30.VI 87

Дорогая моя Натуся, только что вернулся со своей экскурсии на Ипуть и завтра рано утром еду через Бутырки в Несоново заканчивать свою экскурсию, и недели через 2—2¹/₂ увидимся с тобой, моя родная, бедненькая Туття. Так, как хочется быть скорей с тобой, а завтра так жду твоих писем в Бутырках, так как я просил на станции пересылать их туда. Наверное, они там есть и не одно. Ведь да? Последнее письмо твое я получил от 23.VI и с тех пор не знаю, что моя дурочка делает, о чем она думает.

Поездка на Ипуть не дала того, что я ожидал, и я даже не спустился до Католина, как хотел раньше, а проехал только до станции Ширковской. Погода стояла неказистая, но хотя несколько раз шел дождь, мы выбрались все-таки довольно благополучно. Меня влекла мысль найти на Ипути объяснение возраста тех слоев, в которых лежит фосфорит в Несонове, и т. п. Фосфорит органического происхождения — он образовался на счет гниения животных остатков, скопавшихся на дне бывших когда-то здесь морей; в то время здесь скопавлись большие количества трупов разных животных — ящеров, рыб, сносились большими, когда-то здесь текущими реками деревья, здесь роились бесчисленные моллюски, росли кораллы, мшанки и губки. Прошли века, и от этих остатков не осталось почти следа, только изредка находим обратившиеся в фосфорит губки, кости. Иногда сохранили они

исполне всю свою внутреннюю структуру, и видим куски дерева, близкого к кипарисам, сохранившего вполне всю свою структуру; все эти куски дерева проточены моллюсками, что указывает на то, что долго плавали и носились они по морю, прежде чем попали на дно, занеслись песком и илом. Из этих остатков вода мало-помалу вымывала заключавшиеся в костях соли фосфорной кислоты; по неизвестным, нам непонятным до сих пор законам эти соли скоплялись в определенных местах, принимали причудливые формы, образовывали конкреции; и среди тонкого песка находим массу камешков особенной формы — это слои фосфорита, а камешки — самый фосфорит. В такой форме, в виде отдельных кругляков, он распространен на огромном пространстве, по всей Средней России, причем только в некоторых местах является отдельными плитами, более богатыми песком и бедными фосфорной кислотой. Кругляками он находится в Несонове. Эти фосфориты образовались в самых древних пластах меловой эпохи, эпохи, когда еще царила причудливая, нам дикий и непонятная фауна и флора, когда только-только начали выясняться зачатки тех форм, какими населена наша земля теперь. В это время фосфорит образовывался в местах неглубокого моря, с бедной морской фауной, он отличался в слоях песчаных, в песках, состоящих из кварца и из особого минерала, довольно плохо изученного, — лавконита, одного из переходных соединений, играющего большую роль в химической жизни земли. После этого неглубокого моря началось постепенное углубление; здесь — в губерниях Курской, Воронежской и на юге Смоленской и пр. — образовались целые скопления из остатков организмов, живущих в более глубоких участках моря, — кое-где простирались устричные мели; это углубление моря продолжалось и дальше и закончилось отложениями чистого мела — отложениями самых глубоких, нам известных, частей моря. Это отложения морские, но не океанические; есть все данные думать, что **никогда** не было океанов там, где теперь материки, и никогда не было материков там, где теперь океаны. Распределение суши и моря обуславливается какими-то глубокими, чисто космическими причинами; оно не изменялось существенным образом в те миллионы лет, в какие, мы видели, совершилось изменение органического мира; нигде не находим остатков океанического типа, типа, где царит своя жизнь, где все процессы совершались и совершаются под давлением многих атмосфер, где нет света, а сами животные и растения подают свой, своеобразный свет — разноцветный, фосфоритный. Вследствие каких-то причин нигде углубление моря не шло так далеко, и здесь скоро началось обмеление и опять появились устричные мели, только более редкие. Что было позже, мы не знаем на огромном пространстве, но вот в последние года в губерниях Черниговской, Полтавской, Харьковской находят и более новые пески с фосфоритом и лавконитом — это пески уже более новой, третичной эпохи, эпохи, когда в Европе уже жили главные типы наших млекопитающих животных. В это время опять видим отложения фосфоритов и лавконитов. Мне казалось, точно и здесь, в Рославльском уезде, я присутствую при следах того же вторичного обмеления, точно и здесь я вижу фосфориты не древнего мелового моря, а более новые, эоценовые. Энгельгардт считает их нижнемеловыми, я написал ему мои

сомнения, но ответа до сих пор не получил. У меня, однако, нет настоящих доказательств, у меня нет таких доводов, опираясь на которые, я мог бы сказать, что это так, а не иначе — у меня есть только ряд отрицательных доводов, заставляющих сомневаться в верности определения фосфоритных слоев Несонова за нижнемеловые. А эти доводы обманчивы, и так часто можно ошибаться, и я теперь все время бьюсь, чтобы разъяснить себе этот вопрос. Мне кажется, только одно может быть решение — это прямое наблюдение того, в каком положении относительно мела лежат рославльские фосфориты; если они лежат выше мела — они новые, если ниже — древние, нижнемеловой эпохи. Если они выше мела, в глуби земли здесь, в Смоленской губернии, лежат еще новые толщи фосфорита, если ниже мела — этих слоев здесь нет. Мел выходит здесь во многих местах, но все запутано, перепутано, я никак, никак не могу с этим разобраться. Я думал, что на Ипути я увижу эти обнажения, соотношение слоев мела с фосфоритом, но надежда моя оказалась тщетной — мел я нашел, а фосфорита нет. И придется уехать, не разрешив вопроса, а это как-то тяжело и неприятно, и меня постоянно мучит вопрос, как разрешить этот вопрос, что же я вижу перед собою. Иногда мне кажется, что я недобросовестно сделал, не дав Ферхмину поехать вместо меня; он больше меня знает, он лучше бы сделал это.

Однако поездка на Ипуть представляла некоторый интерес, но не геологический. Впрочем, это место еще не было посещено ни одним геологом, а потому тут имеет значение и отрицательный результат.

Ипуть — приток Десны, большая, лесная река, богатая рыбой, довольно глубокая и не мелеющая; она протекает по Рославльскому уезду Смоленской губернии и впадает в Десну в губернии Черниговской. В той части, где я проехал, она извивается, делает массу изгибов и пустынна...

Однако надо кончить! и нести письмо на почту. А то не успею. Целую тебя крепко, крепко, моя рыбка. Поклон всем твоим. Теперь скоро, скоро увидимся. От мамы я не получал почти писем, я хочу и ей сейчас написать. Переедешь ли 15-го в город¹, напиши, чтобы я знал, где ты, если случайно приеду около этого времени (еще надо к Васе, Энгельгардту и <в> Вязьму!); думаю дня через 3—4 выехать из Рославльского уезда; пиши к Энгельгардту (Московско-Брестская ж. д., ст. Дорогобуж, Александру Николаевичу Энгельгардту, для передачи Вл. Вернадскому). Целую тебя крепко [...]

Твой Владимир

Д. 34, лл. 28—29.

¹ См. комментарий № 3 к письму № 32.

1 июля 1887 г., Бутырки

Бутырки, 1/VII 87

Дорогая моя Натуся, только сегодня получил я твои записки от 25 и 26 и потому только сегодня могу ответить на них. Мне очень досадно, что ты не получила моего письма от 19.VI, хотя не припомню, что именно я писал в нем. Относительно Василия ¹ спрашивал, как относится его мать к моему посещению. Опасаясь пропажи, я имел предусмотрительность повторить тот же вопрос в одном из следующих писем, и ты, вероятно, мне на него уже ответила, если же нет, отвечай, как и писал, в Дорогобуж (ст Дорогобуж, Московско-Брестской ж. д., д. Батишево, Александру Николаевичу Энгельгардту, для передачи etc.), куда поеду раньше.

Мне помнится, что я писал тебе и мои желания, и мои сомнения относительно жизни вместе с Гревсами. Я лично хочу этой жизни, но боюсь, чтобы при тех условиях, при каких она устраивается, не было бы слишком многих нехороших последствий, главным образом для твоего здоровья. Очень может быть, я ошибаюсь и неверно представляю себе условия этой жизни, но мне кажется очень страшным уход твой, одной маленькой Натуси, за 2-мя маленькими — я боюсь, что, во-1-х, у тебя не хватит для этого сил и, во-2-х, будет занимать все твое время, так что ты не будешь больше в состоянии **заниматься** чем бы то ни было. А такой исход представляется мне **крайне плачевным** и неприятным; и я думаю, что подобный исход надо избежать во что бы то ни стало. Я не решусь на этом одном основании решительно восставать против нашей общей жизни, потому что это все еще одни предположения, которые могут вовсе не подтверждаться на практике. А потому, может быть, будет лучше, если мы оставим практике решить этот вопрос; но мне будет очень тяжело и неприятно, если ты вся уйдешь в возню с маленькими и забудешь при этом многое остальное и на это остальное у тебя не будет хватать твоих сил. Со всем этим еще можно было примириться и оставить практике решить дело, но мне представляется вполне невозможным, чтобы ты сейчас до и после родов принялась за эти ухаживания. У Маши классы начинаются 4/VIII, следовательно, уже с этого времени она не имеет свободного времени, а это время самое тяжелое для тебя, и ты едва ли без вреда для себя можешь начать настоящую возню раньше конца сентября или начала октября. Ты видишь, что все мои возражения сводятся не на возражения против жизни вместе с Гревсами, а против [...] Машиной школы; я объяснял тебе, что никак не могу понять ни возможности и значения этой ее деятельности, ни ее преимущества перед занятием с ребенком. Может, моя оценка и неверна, но пока я никак не могу понять вполне все ее такое большое значение и не могу счесть Машу хорошей матерью, если она будет бросать ребенка в первый год для школы, где вся ее деятельность никак не больше, если не меньше полезна. Итак, я боюсь, следовательно, главным образом непосильной для тебя работы, вредной для твоего здоровья или, если

для здоровья неврежденной, то такой, которая тебя будет утомлять до такой степени, что больше ты ничем, никаким **делом** заниматься не будешь в состоянии — а это для меня тоже **очень и очень** будет тяжело и вообще **очень нехорошо**. Относительно моих условий для жизни вместе я считаю условием *sine qua* поп² одно: **невысоко**, не **выше** нашей теперешней квартиры; с одной стороны, я не думаю, чтобы тебе было полезно всходить на высокий этаж, а с другой — это невозможно для моей матери, которая не может подниматься высоко, а я ни в каком случае не считаю себя вправе лишать возможности ее видеть своего внука или внучку. Это слишком жестоко. Расстояние очень далекое мне не хотелось бы, и я бы просил не нанимать дальше Среднего проспекта и нанять в линии, возможно близкой к университету, в 8-й ничего (конка), по словам моей матери, если бы нам жить на Васильевском, ей бы хотелось, чтобы мы жили возможно ближе к Неве, так как это значительно ближе, и я думаю, что тут дело не в 10 коп., о которых пишет Маша, а в больших или меньших страданиях при езде больного человека. Относительно совместной жизни я не знаю, как на это посмотрят мать и сестры, да, правду сказавши, это мне все равно — это наше личное дело, и я думаю, что никаких особых разговоров об этом не будет, а если и будут, ни к чему они не приведут, и я ни в каком случае не считаю себя вправе допустить их вмешательство в эту нашу чисто внутреннюю жизнь. Очень может быть, мама будет не особенно довольна, так как предубеждена против Маши (кем?), но я почти убежден, мне она ничего ни скажет, кроме простого вопроса.

Если Маша будет ходить в школу, придется во всяком случае держать 2 слуг (что, по моему мнению, очень гадко), и уже не кухарку, а еще нечто вроде няни или горничной. На два семейства это немного в денежном отношении, но как-то неприятно с чисто принципиальной стороны. Если же Маша не будет в школе, то одной Аксэньи достаточно. Еще одно условие, это, чтобы не были клетушки, я думаю, за это мы имеем право заплатить 5—10 лишних рублей в год — нас в этой квартире будет жить *minimum* 7—8 человек и два с нежным, едва развивающимся организмом, хотелось бы две комнаты побольше, одна для малюток, а другая — чтобы заниматься и иметь возможность принимать близких людей. Ни то, ни другое я не считаю неважным и думаю лучше сделать сокращение на покупках книг и т. п., чем на этом.

Наконец, последнее — это помесечное нанимание квартиры, так как, очень может быть, зимой я получу командировку за границу.

Я вполне сознаю массу хороших сторон такой жизни и искренне хочу ее; я думаю, что все дурные стороны прежней жизни Гревсов с Ольденбургами можно побороть, и одно из них прямо в нашей воле — это излишняя трата времени на болтовню, но это, надеюсь, удастся устроить лучше. Я согласен сделать попытку жить вместе даже и тогда, когда Маша будет ходить в школу, но не ручаюсь за то, что тогда жизнь пойдет хорошо и как следует, но это мы посмотрим на деле, и я буду очень рад, если я ошибаюсь. Мне — остановка

первыми месяцами, об этом я пишу сегодня или завтра Гревсам, но думаю, что ты можешь переслать им это мое письмо.

Я не мог ответить к 1-му июля, так как получил письмо только 1 июля, но, вероятно, это ничему не мешает, так как Маша ведь теперь не может больше недели встать с постели и придется все-таки искать квартиру позже 1-го, что ли, августа. Кстати — наша, верно, не сдана; если не сдана, надо как-нибудь устроить уплату (35 руб.) — нельзя ли через Пашу³, если заплатила мама, ей надо вернуть, так как не думаю, чтобы у ней было теперь много денег.

Целую тебя крепко, крепко, моя дорогая Туття. До скорого свидания. Окончу в Рославльском уезде все около 5—6 июля, следовательно, через несколько дней и меньше чем через 2 недели — увидимся. Поклон всем твоим. Маке⁴ отвечу на днях — но поблагодари ее за ее милое письмо. Меня беспокоит, что я давным-давно не получаю писем от мамы, ты тоже об ней ничего не пишешь — что с ней, отчего она мне не пишет? Целую тебя крепко. Береги себя.

Твой *Владимир*

Р S. Так рад и успокоился, что с Машей все благополучно⁵
Д. 34, лл. 30—31.

В. В. Водовозов. См. комментарий № 1 к письму № 29.

Непременное условие (лат.).

Очевидно, Павел Егорович Старицкий.

Очевидно, Мария Егоровна Старицкая.

См. комментарий № 4 к письму № 32.

№ 38

2 июля 1887 г., Несоново

Несоново, 2/VII 87

Дорогая моя, родная Натуся, сегодня получил я твои письма от 28—30 июня и спешу ответить на них, получил также письмо от мамы, которой, бедной, очень, очень тяжело. Мне на многое хотелось бы ответить тебе по поводу твоих писем. О жизни вместе с Гревсами я писал тебе вчера из Бутырок, и, надеюсь, ты получила это письмо, но вкратце повторю и здесь. Этой жизни я хочу, считаю ее вполне возможной, но вижу главное неудобство в Машинной школе, особенно чувствительное в первое время, когда ты еще не вполне оправишься, а Маша будет уходить на целые дни; условием *sine qua* поп¹ я ставлю только, чтобы квартира была не выше нашей теперешней и **прошу** нанять возможно ближе к набережной, ну, хоть между Средним и Большим проспектами. О том, что тебе, моей родной, будет легче выходить, я не подумал, а это правда, и это очень хорошо. Прибавлять больше, кажется, нечего по этому поводу. Знаешь, когда мелькает передо мной эта зима, мне почему-то вспоминается Рейтлингер и кажется, что так

горячо и полно понял он все и так хорошо ко всему относился и так к нему нехорошо и как-то холодно, гордо относились! Не знаю, отчего мне это вспомнилось. Так хочется связать ближе возможно больше людей, вдохнуть в них всю ту энергию, какую желаешь, чтобы была у них, заставить их сплоченным строем, дружной толпой работать для осуществления одной великой, общей идеи — счастья всего человечества... У Васи² буду непременно, я только и хотел узнать, возможно ли это для него; мне самому очень хочется повидать его, побыть с ним. Кроме личной любви и привязанности к нему, я вполне сознаю и горько чувствую, как мы все виноваты перед ним, как скверно, нехорошо с ним поступили. Буду у него не раньше 10-го июля.

Мне хотелось поговорить с тобой о моей магистерской³ теме; брать вопрос о фосфоритах мне не хочется, у меня не так уж сильно лежит душа к ним, гораздо больше лежит она к «схоластическим кристаллам». Я сознаю полную важность и значение этого вопроса для России и думаю, что он стоит на очереди, но это вопрос чисто частный и имеющий значение только благодаря своему практическому применению. Если его взять вообще, надо много, конечно, объездить, и я бы взял, может быть, его, если бы голова не была полна другими идеями и образами. Ученые — те же фантазеры и художники; они не вольны над своими идеями; они могут хорошо работать, долго работать только над тем, к чему лежит их мысль, к чему влечет их чувство. У них идеи сменяются; появляются самые невозможные, часто сумасбродные; они роятся, кружатся, сливаются, переливаются. И среди таких идей они живут, и для таких идей они работают; они совершают много сравнительно механической, временно нужной работы, но удовлетворить их она не может. Не может удовлетворить вольную душу художника составление рисунков для каких-нибудь народных изданий, не может удовлетворить ученого работа над каким-нибудь вопросом, который кажется теперь нужным и необходимым. Есть общие задачи, которые затрагивают основные вопросы, которые затрагивают идеи, над решением которых бились умы сотен и сотен разных лиц, разных эпох, народов и поколений. Эти вопросы не кажутся практически важными, а между тем в них вся суть, в них вся надежда к тому, чтобы мы не увлеклись ложным камнем, приняв его за чистой воды бриллиант.

Один из таких вопросов теперь мучит, всюду преследует меня; он снится мне во сне, он видится мне на каждом шагу; он рисуется мне в туманных образах моей необузданной фантазии. По природе я мечтатель, и это опасная черта; я вполне сознаю, что я могу увлечься ложным, обманчивым, пойти по пути, который заведет меня в дебри; но я не могу не идти по нему, мне ненавистны всякие оковы моей мысли, я не могу и не хочу заставить их идти по дорожке, практически важной, но такой, которая не позволит мне хоть несколько более понять те вопросы, которые мучат меня. Знаешь, нет ничего сильнее желания познания, силы сомнения; знаешь, когда при знании фактов доходишь до вопросов «почему, отчего», их непременно надо разъяснить, разъяснить во что бы то ни стало, найти решение их, каково бы оно ни было. И это искание, это стремление есть основа всякой ученой деятель-

ности; это только позволит не сделаться какой-нибудь ученой крысой, роющейся среди всякого книжного хлама и сора; это только заставляет вполне **жить, страдать и радоваться** среди ученых работ, среди ученых вопросов; ищешь правды, и я вполне чувствую, что могу умереть, могу сгореть, ища ее, но мне важно найти и если не найти, то стремиться найти ее, эту правду, как бы горька, призрачна и скверна она ни была!

Мы знаем только малую часть природы, только маленькую частичку этой непонятной, неясной, всеобъемлющей загадки. И все, что мы ни знаем, мы знаем благодаря мечтам мечтателей, фантазеров и ученых-поэтов; всякий шаг вперед делали они; а массы только прокладывали удобные дорожки по первому проложенному смелой рукой пути в дремучем лесу незнания. Я вполне сознаю, что только немногим из многих мечтателей удалось чего-нибудь добиться, и потому я говорю, что, может быть, я никуда не гожусь, и почему у меня являются дни отчаяния, дни, когда я вполне и мучительно больно сознаю свою неспособность, свое неумение и свое ничтожество. И тогда я не хочу быть ученым, я стремлюсь к другой деятельности, но и ее я рисую бурной, блестящей, иногда печальной, но бурной и огромной, потому что и в этих сомнениях я все же остаюсь тем же бедным мечтателем-сумасбродом. Часто все во мне клокочет, рвется, мне хочется высказать все, что волнует и мучит меня, а я не имею сил и возможности, у меня нет способности высказать ясно всем и каждому, что так ясно, рельефно и, казалось бы, полно я вижу в своих образах фантазии. И тогда становится еще тяжелее... Но бывают другие минуты, когда сильно и смело рвешься вперед, когда видишь, понимаешь все, что казалось раньше непонятным и недостижимым; тогда является вера в себя; тогда чувствуешь какую-то особую живую силу в себе, чувствуешь ясно связь свою со всеми, что было и **жило** раньше, что работало на **том же пути**, чувствуешь ясную, непонятную, невыразимую словами связь с тем, что будет работать на том же пути много позже... Но всегда у меня являлась одна мысль, и она разбивала все: никогда не сумел ты доказать, что то, что ты в эту минуту чувствуешь, не самообман, а правда. Не вернее ли, что это одно самовозвеличение, а не действительная сила, не настоящее чувство ее, этой силы. И все разлетается... Я хочу понять те силы, какие скрываются в материи, я хочу узнать те причины, которые заставляют ее являться в тех правильных, математически гармоничных формах, в каких мы всюду видим и чувствуем ее. И одно из звеньев этой гармонии материи — мы сами и все живые существа. Свойства одного сущего — одной материи — мы представляем себе в виде сил, в виде света, теплоты, электричества, магнетизма, и в последнее время магнетизм занял мое внимание; я много думал и мечтал над тем, что не могут дать никаких верных теоретических представлений о силах электричества и магнетизма, и мне кажется, что причина здесь только в логическом методе, только в том, что рассматривают эти силы в связи с субстратом, в связи с формой материи. И я остановился на магнетизме, и в уме пронеслись сумасбродные мысли, что магнетизм есть только частичка, маленькая частичка тех особых свойств, которых мы не знаем и которыми обладает материя в прямой зави-

симости от формы, — магнетизмов много... Много столетий тому назад заметили, что особый минерал — магнитный железняк — обладает способностью притягивать частички другого минерала — железа; это наблюдение положило начало всему учению о магнетизме, из него вышли все многочисленные его применения, позволившие нам глубже вникнуть в явления природы, страшно увеличившие силы человека. Затем нашли, что некоторые тела так же относятся к железу, другие наоборот, наконец, что тела — кристаллы — относятся к железу особым, непонятным образом и зависят эти явления от разных, вполне определенных направлений в кристаллах, от внутреннего строения, внутренней формы этих кристаллических тел. Отбрасывая термины, в которых излагается все учение, наблюдаемые явления представляют <из> себя именно то, что я пишу. Затем 2-й отдел явлений о магнетизме составило наблюдение, что свободно привешенные тела магнитные принимают особые определенные положения, одни и те же для каждого места, разные для разных, так как подобная определенность в положениях наблюдается при свободном висении 2-х магнитов, то землю рассматривают как магнит, в то же время здесь совершается малопонятное явление, совсем не аналогичное наблюдаемым в магнитных телах явлениям, — эти направления правильно меняются с течением времени. Наконец, 3-й разряд явлений — магнитная стрелка правильно располагается относительно тока, и движениями магнита можно вызывать в железной проволоке сильные электрические токи — эти наблюдения Эрстеда, Ампера, Ленца положили начало учению об электромагнетизме, невыразимо сильно увеличившем силы человека и в будущем обещающем совершенно изменить **строй** его жизни... Все это исходило из наблюдений над особыми свойствами магнитного железняка — тела, особенных свойств вообще не имеющего; и у меня является вопрос: нет ли подобных свойств у других минералов, нет ли взаимных притяжений и отталкиваний между ними и каким-нибудь другим веществом, кроме железа, и если есть, то не откроет ли это нам целый ряд новых **сил**, не даст ли нам возможности новых приложений, не удесятерит ли силы людей... Землю, которую рассматривают как магнит, едва ли можно так рассматривать, в ней видны какие-то неясные, но вполне, вполне ощутимые особые свойства; если так, то не располагаются ли относительно нее правильным образом не так, как железо или магнитный железняк, другие тела? И если они располагаются, не даст ли это нам возможности открыть в них новые свойства, целые новые, скрытые от человека силы? Есть старинные, забытые, заброшенные наблюдения, что минералы кианит (представляющий из себя соединение кремнекислоты и глинозема) и особенно касситерит (окись олова) располагаются особым, им только свойственным образом относительно земли; что палочки касситерита, или оловянного камня, располагаются в направлении, диаметрально противоположном тому, в каком располагается магнитный железняк или железо. Но каковы дальнейшие свойства их? Как изменяется с течением времени это положение под влиянием так называемых «магнитных» свойств земли — подобно железу и магнитному железу или нет? Мы знаем, что оловянный камень не притягивает железа, но почему ему не притягивать тел одинакового с ним строения — порошок оловя-

ного камня и т. п. А если так, то нельзя ли вызвать **невидимые, страшные** силы в разных телах простым движением около тех тел или иных других тел — разве нет в природе массы явлений, которые **никак** не могут быть объяснены, но отбрасывать которые как неправдоподобные, ложные, кажущиеся мы не имеем права, рассуждая научно и логически... Все явления в природе, по-видимому, зависят от внутреннего строения вещества, от формы, а на это до сих пор почти не обращали внимания, и нет еще отдельной отрасли знания, захватывающей этот отдел во всем объеме, и этот отдел должен быть создан...

Как часто являются подобные мысли, их не отгонишь, потому что они въедаются во все существо, потому что они проникают всего человека. Когда человек живет умом и фантазией, тогда такие мысли парализуют волю, они способны сделаться *idies fixes*⁴; они доводят или до успеха, или до сумасшествия. У меня лично есть одна черта — и дурная и хорошая, но для всего этого дела гибельная. Я имею привычку относиться хладнокровно-скептически к самому себе, я не могу вполне отогнать эти мысли, я могу отгонять их, могу не допускать себя тратить на их проверку время. И это я делаю. И это очень, кажется мне, нехорошо (?) и во всяком случае очень мучительно. Я думаю, однако, теперь потратить в этом году на это время, но мне хочется <знать> твое мнение, <нужна> твоя поддержка или чисто-сердечные твои сомнения. Поэтому я **не** могу теперь заняться фосфоритами; я чувствую, что если убежусь, что все мои идеи и фантазии (а их у меня масса!) в применении к естественным наукам неудачны, я брошусь, всей душой, всем существом брошусь в другие области, в деятельность общественную, или в философию, или юриспруденцию.

Здесь, в вопросе о фосфоритах — главная **суть** в лабораторных опытах: **все** может решить опыт; подвинуть дела может только опыт: и опыт на месте — агрономический опыт, и опыт в лаборатории — минералогический и агрономический. И мои надежды поэтому основаны на лаборатории не потому лишь, что неудачны наблюдения в поле, а потому, что в них вся суть. Для дела важно не определение всех условий залегания фосфоритов в Рославльском уезде, а изучение свойств вообще фосфоритов — их строения, состава, их физических свойств и отношения их к разным химическим агентам. А это до сих пор почти *terra incognita*⁵, и на это, хотя не вошедшее в прямые требования Вольного экономического общества, я нахожу нужным потратить возможно больше сил, времени и средств. Тратить на месте их для **дела** я не считаю здесь особенно важным; это вопрос более чисто геологический. Посещать больше мест я опять-таки не могу, так как у⁶ меня **нет времени**. Лучше сознаться в том, что эти [отношения] мне определить не удалось. Жаль только, что тут у нас разногласие с Энгельгардтом, который **не** сомневается в положении этих слоев. Ему я хочу писать еще раз, так как он меня не совсем понял.

[...] Целую тебя крепко, крепко, моя голубка. Меня очень беспокоит моя мать — ей кажется **очень** плохо и нравственно и физически. Поклон всем твоим. Пиши [...]

Твой Владимир

¹ Непременное условие (лат.).

² В. В. Водовозов; см. комментарий № 1 к письму № 29.

³ См. комментарий № 1 к письму № 14.

⁴ Навязчивые идеи (фр.).

⁵ Незнакомая область (лат.).

№ 39

4 июня 1887 г., Несоново

Несоново, 4/VII 1887

Дорогая моя, маленькая, милая Натуся, сегодня окончил все в Несонове и завтра отправляюсь в самую последнюю свою экспедицию по Рославльскому уезду; послезавтра вечером или, самое позднее, во вторник утром я выеду к Энгельгардту. Мне так сильно хочется быть скорей с тобой, быть ближе к тебе, моя дорогая, неоцененная Туття.

Я догадался теперь, какое письмо мое (от 19-го) к тебе не дошло, — это письмо, где я писал тебе о деревне, о кое-каких своих планах, но так как ты просила меня не писать тебе об этом, то я оставляю все эти переговоры до личного свидания [...]

Энгельгардт-сын уже уехал к своему отцу — ему отчасти надоела экскурсия, и я решительно и упрямо заканчиваю кое-как свои дела, не знаю, однако, каковы будут результаты этой работы, так как на месте никак нельзя решить их, и только одним я все-таки сильно недоволен — это тем, что я так и не смог определить взаимное отношение между слоями мела и лавконитовыми песками с фосфоритом. Сегодня осмотрел внимательным образом главный здешний овраг Меловку (я его прохожу уже 4-й раз), провозился там ровно 9 часов, не считая отдыха, и все-таки получил только подтверждение своих сомнений, получил новые косвенные доказательства и никаких прямых. А я так и не решусь утверждать на основании одних, хотя бы и многочисленных, косвенных доказательств — они всегда слишком **субъективны**, и я думаю, что они ни для какого прямого решения служить не могут; они могут только вызывать сомнение в правильности предлагаемого объяснения и больше ничего. Завтра я не надеюсь получить никаких новых данных для решения этого вопроса, и он так и останется нерешенным, если неожиданно не решит его изучение собранных окаменелостей, но это все главным образом остатки рыб и растения, которые одинаково жили и в меловую эпоху, и в эоцене; наконец, если я не ошибаюсь, то до сих пор эти животные геологически так плохо изучены, что определение возраста слоев по ним делать нельзя с достаточной вероятностью.

Сегодня тихая летняя ночь, та ночь, которые я так сильно и сильно люблю; уже видны звезды, хотя еще слишком светло, но это свет совсем особенный, зеленоватый, мерцающий, это свет непонятный для меня, и мне кажется, точно это мерцает так называемый зодиакальный свет, освещающий в это время фосфоритным светом южное полушарие и юг северного. Это мерцание как-то невольно бодрит человека, придает ему новые силы. Вообще тепло подействовало на меня хорошо.

И сегодня с 1/2 7-го утра на воздухе, проходил больше 10 часов и не чувствую ни малейшей усталости, головные боли, которые меня мучили несколько дней тому назад, прошли, перестала болеть и шея, которую я как-то умудрился частью застудить, частью на ней образовался большой нарыв, который я нечаянно раза 2 содрал. Теперь все это прошло, и я чувствую себя совсем бодрым и сильным. Вот тебе раз! Совсем становлюсь *pater familias*¹, жалуясь на разные боли, говорю и рассказываю своей дорогой половине о них, того и гляди, буду толковать о ревматизме и всех других неисчерпаемых «измах». Но бог с ними. Впрочем, нет — об одном «**изме**» я хочу толковать. Это **клерикализме** (не удивляйся!). Попы растут, растет и поповство, забирает власть и силу, к великому удовольствию Победоносцевых² и *tutti quanti*³ Попы здесь играют свою роль, и их лапки становятся, по рассказам, из года в год сильнее, могучее и длиннее... Вот несколько типов. Здешний поп — пьяница, но крестьяне относятся к нему довольно хорошо, это враг фосфоритного дела, и он раза 2 прогонял рабочих, запрещая им работать то в какой-нибудь праздник, то громко браня их за то, что они занимаются богомерзким делом, хотят подрывать церковь (залези фосфоритов у самой церкви) и т. п. Несколько дней тому назад он открыл где-то на чердаке у себя «чудотворную» икону, устроил празднество, молебен, ярмарку и «заработал» в этот день 25 руб. В общем от пьяниц он отличается, однако, оригинальными чертами: венчает кого угодно и вовсе не из-за денег. При венчании недели 4 назад случился следующий казус: он так напился, что падал, обводя кругом новобрачных, и громко приглашал прийти всех: «Приходите все, всех перевенчаю!»; недавно перевенчал каких-то офицера и барышню без бумаг, захотевших перевенчаться после знакомства на железной дороге, и т. п. Другой поп — в Кочеве — этот другого типа: он имеет привычку в проповедях нападать, чуть ли не называя их, на чем-нибудь ему ставших поперек дороги прихожан, начиная с помещика и кончая крестьянами; причем, конечно, держит их этим в значительном повиновении, и помещик попался такой, очень «набожный» (по мнению, приверженец господствующей ныне партии) и постоянно слушает эти проповеди. Не правда ли, точно какой-нибудь католический патер? 3-й — отец Дмитрий в Епишеве — «ненавистник бар», гроза помещиков — он их преследует, где возможно, для крестьян он устроил библиотеку, и она идет хорошо (напомни мне потом — мне надо написать ему и послать нашу программу), но, несмотря на все это, он, по рассказам, является кулаком и ростовщиком и держит всех крестьян, как какой-нибудь Разуваев⁴ В общем в захолустье начинает проявляться и чувствоваться влияние духовенства; к сожалению, среди него личности *a'la* о. Андрей исключительны. Кстати о нем (я у него буду завтра): на него собирается гроза; на этих днях едет к нему архиерей для следствия, и его, говорят, непременно переводят в другой приход, Архиерей находит, что он позорит священный сан, так как сам пашет и лепит. Говорят, будто ничего нельзя поделать. Его положение вообще, должно быть, тяжелое, так как **против** него **вся** его семья (кроме молодого племянника) и обозлен весь причт...

Вообще среда здесь незавидная, и уезд спит глубоким сном. Мне

как-то невольно припомнилась вся жизнь этого уезда, вся она, такая монотонная, бесцельная, горемычная и такая гадкая. Я прочел недавно книгу здешнего купца Рокачевского: «Опыт собрания исторических записок о городе Рославле» (Р., 1885)⁵, написанную без таланта, но очень поучительную. В ней рисуется чуть не 400-летняя жизнь города и уезда, жизнь миллионов людей, и при размышлении об этой жизни и о ее бесцельности, о ее заглушенности, о ее страдальческой спячке и толчении воды в ступе становится невольно как-то тяжело, грустно и ужасно. Это захватывает действительную историю, описывает то, как все эти явления, о которых мы знаем из книг, проходили в действительном уголке России, а как здесь проходили, так проходили почти и везде. Надо скорей, надо сильней, сильней работать. Но, боже мой, как мало работников, и как они разбросаны, как они бессильны. Они почти все принуждены быть ипокритами...

Целую тебя крепко, крепко, моя родная, добрая, милая, неоцененная, славная, хорошая, любимая Туття [...] Поклон всем твоим. Письмо получишь 7—8, следовательно, ответить мне можешь только так, что я получу 11—12, так что, верно, буду или у Васи, или по дороге к тебе. Значит больше не пиши. До скорого свидания [...]

Д. 34, лл. 36—37

¹ Отец (глава) семейства (лат.).

² К. П. Победоносцев в 1880—1887 гг. — обер-прокурор Синода.

³ Всех подобных (ит.).

⁴ Герой цикла «Убежище Монрепо» М. Е. Салтыкова-Шедрина. См.: Собр. соч.: В 20 Т. М.: Худ. лит. 1972. Т. 13. С. 265—404).

⁵ *Рокачевский Сергей*. Опыт собрания исторических записок о городе Рославле. Рославль: Тип. Ф. Н. Екимова, 1885.

№ 40 ¹

8 июня 1888 г., Мюнхен

8/VI 88, Мюнхен ²

Дорогая моя, маленькая [...] Натуся, так как-то скверно, странно без тебя, моя милая, маленькая рыбка, и так хочется, чтобы ты опять скорей была со мной. Возвратился только что от Гарольд и только брошу письма (от Маши ³ и Марии Ивановны ⁴ — такие скверные ты дала конверты) и лягу. Как ты доехала, моя радость? Так хочется скорей получить от тебя весточку. Взяла ли паспорт? Пиши скорей, скорей. У Гарольд было очень скучно, а Фетов ничего себе — имеет вид неудачника, может быть, мы будем экскурсировать вместе. Разговор самый бессодержательный: одно время только, когда Гарольд поймала профессора Купфера (анатома), разговор шел о Достоевском, и как странно было, что немцам Раскольников ⁵ и т. п. так же и даже лучше известны, чем нам. Крепко целую тебя [...] Пиши скорей. Береги себя и не делай экономии.

Твой Додя

Д. 35, л. 2.

¹ Письма № 40—68 В. И. Вернадский писал жене в Вильдунген. После рождения сына у Н. Е. Вернадской возобновилась старая болезнь почек, бывшая у нее в детстве (осложнение после скарлатины). Здоровье ее было так плохо, что несколько месяцев опасались за ее жизнь. Молодой матери пришлось оставить сына родителям, а самой вместе с В. И. Вернадским, который получил заграничную научную командировку, выехать сначала в Италию, в Сан-Ремо, а потом в Германию, в Вильдунген.

В 1888 г. В. И. Вернадский получил двухгодичную научную командировку с целью совершенствования в области кристаллографии и минералогии и подготовки магистерской диссертации. Начал командировку в Неаполе у итальянского минералога А. Скакки. В это время итальянскому ученому было 78 лет, и он фактически прекратил научную деятельность. Чтобы не тратить времени зря, В. И. Вернадский переехал в Мюнхен, где работал в лаборатории кристаллографа Пауля Грота. Из Мюнхена было отправлено большинство писем Наталии Егоровне в 1888 г.

М. С. Гревс.

Старицкая.

Герой романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866).

№ 41

10 июня 1888 г., [Мюнхен]

10.VI 88

Дорогая моя Натуська, только что получил твое письмо из Вильдунгена и очень рад, что ты устроилась. Сегодня я не получил письма от Марии Ивановны ¹ — верно, она уже писала в Вильдунген, а получено письмо из Италии ², в котором видно, что у них нашего письма нет, и сегодня же я отправляю карточку генералу ³ с просьбой справиться в почтамте в Варшаве и потребовать письмо; пришло затем толстейшее письмо Шаховского к Гревсам ⁴ от апреля, из которого видно, что был маленький инцидент Шаховского—Гревса, о котором мы не знали (письма я еще не кончил), но послать его не могу, так как у меня единственная марка, которую ты прислала, а сегодня воскресенье; пришло еще письмо Васи ⁵ и Андрея ⁶, и их я посылаю. Андрею я сегодня же утром отправил ответ; я не послал его тебе, потому что надо было отвечать скорей (что ты видишь и по письму, в общем хорошему) и <поэтому> я еще более считаю нужным сделать скорей, так как хорошо знаю Андрея, у него теперь сильная, напряженная работа; в длинном письме моем я ничего почти не писал о политических взглядах (напишу на днях и тогда пришлю тебе), я решительно, определенно и довольно резко возражал против его поездки на Яву, если он решил заняться не ботаникой, а географией; основывался я на том, что для географии он слишком мало знает и что, по моему убеждению, и Берлин, и Бреславль — чуть для географии, а также и Герланд в Страссбурге; можно изучать только для этого: антропологию и сравнительную историю религий и этнографию в Париже, тектонику земли в Вене, море — в Англии или Гамбурге. Ехать теперь и делать в ¹/₂-годовой поездке в тропики «наблюдения» à vol d'oiseau ⁷, когда «наблюдать» умеешь только самоучкой, — не след. Затем вкратце указал ему, что можно и ему найти школу вроде той, какую нашел я, и указал на то, что его «знание людей» я не ставлю ни в грош,

как не понимаю подобное знание и у других «знающих людей» (эти знатоки большей частью барышни, да некоторые юноши, а вредное влияние ты видишь на Андрея, где мысль суживается и вертится в круге). Я его приглашал в Вильдунген и просил написать тебе; мне кажется, теперь приходит то время, которого я давно ждал и хотел, когда Андрей может стать нашим. Мне хочется ему ясно, просто написать о братстве, хочется, чтобы ему пересылались общие письма (так, например, письмо Васи, Адино⁸ etc. пошли ему, **напиши**, и пусть он перешлет их тебе обратно)⁹ Еще перед отъездом я говорил с Иваном¹⁰ о том, что думаю, что Андрей будет очень скоро нашим, что он не так далек, как то думалось Ивану, и хотя Иван саркастически улыбался и возражал, но я этого **хочу**, понимаешь, **хочу**. Когда я получу тот ответ от Андрея, который он должен дать на мое длинное письмо, я напишу Ивану, и мы посмотрим, что Иван должен для этого делать¹¹ (об этом Гревсам не пиши). Напиши мне адрес Александра¹², так как я хочу Васе послать несколько интересных вещей, связанных с отставкой Путткамера¹³ Вот еще что: как ты расплатилась с хозяйкой? Я думаю, мне решительно невыгодно готовить дома, платить ей ежедневно 50 пф., а если чай утром и вечером — что надо? Напиши скорей.

Сегодня был с Юргенсоном в National Museum (у нас все дождь) и потом с ним и Майером в кафе и читал — «Петербургские ведомости»¹⁴, «Figaro»¹⁵, «Pall Mall Gas.»¹⁶, «New York Herald»¹⁷, «Allgem. Zt»¹⁸ Юргенсон предлагал мне займы, когда узнал, что у меня теперь мало денег, но я, поблагодарив, отказался. Очень все-таки с его стороны любезно. Целую тебя крепко [...]

Твой Додя

Д. 35, л. 3.

¹ Старицкая.

² Письмо из Италии принадлежало, вероятно, итальянскому минералогу А. Скакки или кому-нибудь из его окружения. В лаборатории у А. Скакки в Неаполе В. И. Вернадский начал научную командировку, но пробыл у него всего один месяц. См. комментарий № 2 к письму № 40. В архиве В. И. Вернадского сохранилось одно письмо от Eugenio Scacchi от 26.VIII 1888 г. (ф. 518, оп. 3^а, д. 273).

³ «Генералом» за внушительную внешность в шутку называли одного из самых старых членов «Братства» — Николая Васильевича Харламова.

⁴ Письмо не сохранилось.

⁵ В. В. Водовозов.

⁶ Андрей Николаевич Краснов. Письма А. Н. Краснова к В. И. Вернадскому за 1888 г. опубликованы в сборнике: Профессор Андрей Николаевич Краснов (1862—1914). Харьков, 1916. С. 114—132.

⁷ С высоты птичьего полета (фр.).

⁸ А. А. Корнилов.

⁹ В открытке от 13 июня 1888 г. Н. Е. Вернадская писала: «Я написала два слова Краснову и послала ему письмо Васи» (ф. 518, оп. 3, д. 254, л. 44).

¹⁰ И. М. Гревс.

¹¹ В своих воспоминаниях И. М. Гревс писал: «Сам (Краснов.— *Ред.*) отдался от кружка, отчасти разойдясь в исканиях и влечениях, отчасти чем-то обиженный против нас, задетый как-то в личном самолюбии или не захотев разъяснить какое-то происшедшее недоразумение: часто бывает, что мелочи

служат причиной порчи доброй связи между людьми» (Былое. 1921. № 16. С 147).

А. А. Корнилов. В открытке от 13 июня 1888 г. Н. Е. Вернадская сообщает адрес Корнилова: «СПб., Саперный переулок, д. 11, кв. 29» (ф. 518, оп. 3, л. 254, л. 44).

Роберт-Виктор Путткаммер с 1881 г. был министром внутренних дел Пруссии и вице-президентом. Во время выборов 1887 г. допустил грубое давление на избирателей, чем вызвал чрезвычайную ненависть к себе. В 1888 г. при Фридрихе III получил отставку.

«Санкт-Петербургские ведомости» — старейшая русская газета, основанная по указу Петра I, выходила с 1703 по 1917 г.

«Le Figaro» — ежедневная газета, издается в Париже с 1826 г. до настоящего времени. Одна из старейших и наиболее информированных буржуазных газет Франции.

«The Pall Mall Gazette» — английская ежедневная газета консервативного направления, выходила в Лондоне с 1865 по 1920 г.

¹⁷ «New York Herald» — ежедневная газета, основана в 1835 г. В 1924 г. слились с «Tribune». «New York Herald Tribune» — одна из ведущих ежедневных буржуазных газет США.

¹⁸ «Allgemeine Zeitung» — ежедневная газета, издается с 1850 г. до настоящего времени в Майнце.

№ 42

11 июня 1888 г., Мюнхен ¹

Дорогой мой, родной, славный цыпленок. Крепко, много раз целую тебя [...] Погода здесь отвратительная, холодно очень — неужели и в Вильдунгене то же самое, надеюсь, что там лучше. Сегодня (около 8 часов утра — иду сейчас в библиотеку) напишу еще, а пока пишу несколько слов. Работаю порядочно, и работа об оптических аномалиях оказывается интересной. Вчера Грот говорил, что хочет пойти на следующей неделе со мной в библиотеку, чтобы узнать «какие там есть русские журналы, чтобы я составлял рефераты для «Zeitschrift» ² Я очень поблагодарил его, но говорил, что я плохо пишу по-немецки и не лучше ли мне вместе с Юргенсоном, но Грот не согласился и сказал, что поправлять мы будем вдвоем с ним. Для работы дает мне книги, как он говорит, *privatim* ³ из своей библиотеки. Он говорил с Зонке, тот оставил мне место ⁴ Купил я вчера книгу или, лучше сказать, подписался на журнал, который выходит 4 раза в год, и плачу за каждый номер по 3 марки. Это: «Archiv f. soz. Gesetzgebung u. Statistik, vier teljarschrift zur Erforschung d. gesellsch. Zustände aller Länder» ⁵ Начал издаваться в этом году в Тюбингене, но главная редакция в Мюнхенской... ⁶ Хорошо бы по прочтении посылать в Россию. Это чисто научный журнал. Крепко, много раз целую тебя. Пишу каждый день. Пиши больше.

Твой Додя

Д. 35. л. 1а.

¹ Очевидно, письмо было написано 11 июня, так как в Вильдунгене Н. Е. Вернадская находилась с 9 июня (открытка Н. Е. Вернадской от 8.VI из Франкфурта), письмо В. И. Вернадского от 10 июня сохранилось, в письме от 13 июня В. И. Вернадский пишет о том, что 12 июня он не писал.

² «Zeitschrift für Krystallographie (und Mineralogie) — международный кристаллографический журнал, который издавался в Лейпциге на немецком языке, издателем его был П. Грот. В. И. Вернадский, находясь в Мюнхене, начал работу по подготовке реферативных обзоров новейших исследований русских кристаллографов. Возвратившись в Россию, он продолжил эту работу (ф. 518, оп. 7, д. 37, лл. 76, 105).

³ Частным образом (лат.).

⁴ Речь идет о месте в лаборатории Л. Зонке в Мюнхене, где осенью 1888 г. В. И. Вернадский изучал капиллярные свойства кристаллов, кроме того, В. И. Вернадский прослушал его курс лекций по кристаллографии.

⁵ «Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik, vier zur Erforschung der gesellschaftlichen Zustände aller Länder».

⁶ Одно слово неразборчиво.

№ 43

13 июня 1888 г., Мюнхен ¹

[...] Вчера не писал тебе, потому что был физически уставшим, хотя занимался все-таки довольно долго, до 1/2 2. Вчера кончил учиться с определением кварца с университетским прибором и сегодня начну работать с совсем новым для меня прибором — Total refractometer Кольрауша. Работа моя идет так себе, и я чувствую, что все более и более научаюсь методам, т. е. у меня появляются руки, а вместе с тем как-то усиленное и сильнее работает мысль. Вообще с головой моей делается странное, она как-то так много фантазирует, так полна непрерывной работой, как давно, давно не было. Минуты, когда ты обдумываешь те или иные вопросы, когда, соединяя известное уже ныне, стараешься связать эти данные, найти способ проникнуть глубже и дальше в строение вещества, в такие минуты переживаешь какое-то особое состояние, это настоящий экстаз. Я боюсь, что Грот меня примет за фантазера, потому что я постоянно все выдумываю новое. Вчера не удержался и еще ему наговорил. Ну, да все равно, потому что все это сильнее меня и я не могу не стараться познать. Вчера вечером особенно сильно работала мысль, и, продолжая дольше раздумывать над явлениями капиллярности (над чем буду работать зимой), мне пришла мысль, которая теперь мне кажется очень верной, а когда она явилась мне внезапно, как луч света, меня охватило какое-то волшебное состояние. Мне кажется, я нашел способ узнать настоящие расстояния между мельчайшими частичками твердой материи, проникнуть так глубоко, как еще не проникала до сих пор человеческая мысль, а это сделать опытом, воспользовавшись явлениями транспирации газов. Но я боюсь пока говорить об этом. Мысль подало чтение книги Роско ², которую я вчера-таки купил. В эту субботу буду в Тегернзее с Юриначем и другими из молодых людей, с которыми познакомился на первой экскурсии. Это очень милые люди — зоологи, а Юринач, посланный хорватами для приготовления к профессуре, мечтает о славянской федерации и особенно тепло ко мне относится как к брату-русскому. Мы говорили много — обедали вместе я, Юринач, Вольтер и Дриш (гамбуржец) — и о студенчестве, и о политике.

Твой Додя

Оля³ не шлет. Крепко целую.

Н. В. Не захватила ли ты письма Агафонова, а то не знаю его адреса⁴ Написал ему письма и не могу послать⁵

Р. С. Пиши чаще. От мамы нет письма. Верно, обиделась. Посылаю тебе 300 марок. Что такое за «Ladies plaid» по-немецки? ⁶ Плед это или нет? ⁷

Д. 35, л. 7

¹ Дата и место написания даются по почтовому штемпелю на открытке. Очевидно, одно из изданий «Химии». См., например: *Роско Генрих*. Химия/Пер. с англ. М. А. Антоновича. СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1879.

Очевидно, Ольга Ивановна Вернадская.

В письме от 14 июня 1888 г. Н. Е. Вернадская писала: «Адрес Агафонова: Островки (между Петербургом и Шлиссельбургом) у Фаминцына. Точный адрес он еще не знал».

Приписка слева.

Приписка на полях сверху.

Дамский плед (англ.).

№ 44

[14 или 15 июня 1888 г., Мюнхен]

Дорогая моя [...] Натусик [...] Только что вернулся из университета. Сегодня утром послал я тебе письмо Марии Ивановны² и Лидии Карловны³, а вчера Марии Ивановны и Маши⁴ Есть еще письмо Дмитрия Ивановича⁵, которое пришло завтра или послезавтра, так как буду, должно быть, отвечать ему, а посылаю письма О. П.⁶ и Лиды⁷ Работал порядочно после обеда и кончил измерять 3-е вещество и начал 4-е (Грот сказал надо 10—12!) и все утро работал с определениями оптическими, плохо выходило, и я страшно, как всегда в таких случаях, злился. Сегодня со мной скандал и пренеприятный при теперешних финансах сюрприз: иду в Академию — смотрю, локоть моего сюртука прорван до невозможности. Пришлось зайти в английский магазин и купить единственный пришедшийся мне впору (остальные велики) светло-серый сюртучок (3 марки!). Бруньятелли, впрочем, уверяет, что в Мюнхене это ничего (не знаю, замечает ли он, что у него локти также прорваны), но я шел в кафе «Луитпольд», и было неудобно (в «Луитпольде» оказались русские газеты — «Петербургские ведомости»⁸ и «Journal de [...] pb»)⁹, я вообще решил следить за газетами лучше: читаю русские, польские, итальянские, австрийские, французские, английские, американские и местные немецкие. Меню мое: утром чай, днем обед (сосиски, макароны, редька, кофе), каждый вечер картофель и какао — очень нравится. Сегодня разговорился с Бруньятелли — действительно, очень знающий и довольно интересен, хотя, кажется, итальянец с немецкой подкладкой. Статья Зимонсфельда¹⁰ довольно интересна, очевидно, он страшно добросовестный и знающий человек, но излагать не умеет, судя по статье, это симпатичный человек, так как я не люблю ученого самомнения и мне нравится осторожность настоящей эрудиции (впрочем, статью не кончил).

Целую тебя очень крепко [...]

Получил твои письма из Аугсбурга, Вюрцбурга и Франкфурта ¹¹

Д. 35, л. 4.

¹ Письмо датируется на основании сведений, имеющихсЯ в переписке Н. Е. и В. И. Вернадских. В письме от 13 июня Н. Е. благодарит Вернадского за присланное письмо и вложенное в него письмо Д. И. Шаховского (ф. 518, оп. 3, д. 254, л. 44); в данном письме имеется указание: «Есть еще письмо Дмитрия Ивановича, которое пришло завтра или послезавтра» (л. 204), а в письме от 17 июня он пишет о том, что письмо Шаховского еще не придет.

² Старицкая.

³ Возможно, Вульфорт.

⁴ М. С. Гревс.

⁵ Шаховской.

⁶ Возможно, Ольга Павловна Тимофеева — сестра Александры Павловны Тимофеевой (впоследствии жена С. Ф. Ольденбурга).

⁷ Личность установить не удалось.

⁸ См. комментарий № 14 к письму № 41.

⁹ О каком издании идет речь, установить не удалось.

¹⁰ Где была напечатана статья, установить не удалось.

¹¹ Фраза написана на л. 4 (об.) поперек текста.

№ 45

[16 июня 1888 г., Мюнхен]

Сегодня ждал от тебя письма [...] но его не получил, за что тебя надо хорошенько выдрать за уши, если только ты не больна. Сегодня вообще нет ни. одного письма, а получил я только «Известия Геологического комитета» № 1, из того, что Мария Ивановна ² не пишет сюда, я убеждаюсь, что она получила телеграмму, но меня беспокоит, что нет денег. Вчера я написал **пять** писем (Мелиоранскому о деньгах, Харламову, Скакки, тебе и Краснову) и сегодня буду писать, должно быть, Ону, Агафонову, Арцруни или Паше ³. Денег мне для житья достаточно, но придется, как получу (надеюсь, на днях), затратить 40—50 марок на книги и карты для занятий, да и для экскурсий придется. Я думаю, что это не будет лишняя трата, да я еще очень волнуюсь, что ты [...] сидишь без денег в Bad Wildungen'e. Сегодня работал порядочно; лег вчера в 3-м часу и проспал сегодня утром, так что попал в Академию только к 10 часам, затем до 12 часов занимался, 12—1 — лекция Грота (сегодня без демонстраций, и вся мне известная вообще кристаллофизика в том объеме, в каком он ее читает до сих пор, — мне все старое; вот только со следующей недели начнет он менее известный мне отдел), затем <от> 2 <до> 4 опять работал и <от> 4 <до> 5 — лекция Зонке, <от> 5 <до> 6 в кафе «Луитпольд» читал газеты (сколько везде выходит интересного, как бьется жизнь под ногами, кругом; читал газеты разных стран света, кажется, живешь вместе и чувствуешь всю вселенную, огромную, тесную, бессознательную и, может быть, бессмысленную связь свою со всем кругом находящимся) Сегодня имел, кажется, довольно важный разговор с Гротом, говорили о той работе, которую предложил мне Мутман и которая оказывается и более сложной, и более общей, чем я думал. Она касается,

как мне кажется, уже слишком раздутого вопроса, одного из модных вопросов науки — вопроса об оптических аномалиях. Вопрос состоит, в сущности, вот в чем (бедная Тутька!): в связи с известным геометрическим строением всякое вещество обладает определенным отношением к свету, строго зависящими от этого строения оптическими свойствами. Есть целый ряд веществ, которые составляют исключение из этого закона, в которых оптические свойства находятся не в такой связи с геометрической правильностью вещества, какую мы наблюдаем в других телах. Или та теория, тот закон, который мы думаем, что нашли, неверен (а он является одним из основных положений наших предположений о строении твердой материи), или такое исключение кажущееся. Такие тела называются обладающими оптическими аномалиями. Есть 2 теории: одна Малляра — указывающая на строение таких веществ вследствие правильного срастания кристаллических частичек меньшей симметрии, вследствие особых явлений притяжения какие-нибудь косоугольные таблички, срастаясь вместе, дают правильный прямоугольный кубик и т. п. (помнишь, я тебе говорил об этом, когда составлял реферат о работе Вырубова), и 2-я теория, объясняющая эти явления разными растяжениями etc. Грот, по-видимому, увлекается работой Малляра и Вырубова; он же боялся пускаться в этот вопрос, который мне казался очень трудным и искусственно запутанным. Надоело мне с ними и в СПб. Теперь Грот хочет, чтобы я работал над этим вопросом над органическим веществом (мысль вполне правильная, что можно решить его только в некоторых случаях и работая над цепными **рядами** соединений, над чем давно возится Вырубов). Затем, к моему удивлению и смущению, предложил одну работу сделать сообща с ним, над какой-то его мыслью — под влиянием давления на оптические аномалии * Вышло очень неловко, так как я сразу не разобрал, в чем дело. Я очень поблагодарил его, но сказал, что очень бы хотел, но не знаю, достаточно ли времени; что затем зимой не хотелось бы бросать капиллярности; я сказал ему, что думаю, что лучше (как неуклюже перо передает мою мысль) мне этот семестр работать у него; он сказал, что если я решил это, то он переговорит с Зонке, чтобы тот оставил мне для зимы место в физической лаборатории, и что я могу вести **обе** работы. Заниматься я могу начать с **сентября**. Мы говорили о плане дальнейших моих занятий: в Париж, он находит, что **необходимо** ехать; лучше всего там работать от **января**, и он думает, что я успею сделать обе работы до **января** и уехать в январе в Париж (я возражал против этого, так как я работаю очень медленно и торопливо делать работы очень не люблю), что он спишет с Фуке, чтобы мне приготовили там место (лаборатория Фуке — лучшая, но я и не надеялся туда попасть), и даст всякие рекомендации. Он советовал мне для петрографии ехать к Кочеку в Грейфсвальд, так как это единственный профессор петрографии — учитель, со своими учениками он сидит целый день и следит за их работой и прочим. Он очень хороший химик. Но потом Грот согласился, что мне лучше в Вену, куда он мне даст всякие рекомендации и указания. Так что я могу свободно работать у Чермака, да, кроме того, он напишет Бржезине, и я буду свободно работать в Mineral Hof. Kabinett — лучший в Европе, но куда попасть

«Das wird eine kleine, aber sehr schön Arbeit» ⁴.

трудно. Видишь ли, не правда ли, довольно важный разговор. Его любезность меня совсем смутила. Вообще странно. Надо подумать о зиме. Сентябрь — январь etc.

Твой Додя

Целую крепко, крепко.

Р. S. Пришли адрес Ивана⁵; как только получу деньги, куплю ему книгу (новая книга о происхождении семьи!)⁶, а также и Шаховскому («Schulwesenkunde»⁷, на основании австрийских школ — 5 марок, ведь не лишнее — напиши) [...]

Д. 35, лл. 5—6.

¹ Датируется по указанию в письме № 46 от 16 июня (см. с. 120).

² Старицкая.

³ Очевидно, Павел Егорович Старицкий.

⁴ «Это маленькая, но прекрасная работа» (нем.).

⁵ И. М. Гревс. В открытке от 13 июня 1888 г. Н. Е. Вернадская писала: «Адрес Ивана: Курская губерния, город Новый Оскол».

⁶ Возможно: *Engels Friedrich. Der Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staats*. Hottingen — Zürich: Verlag der Schweizerischen Volksbuchhandlung, 1884.

«Школьное дело» (нем.), автора установить не удалось.

№ 46

[16 июня 1888 г., Мюнхен]

Моя маленькая [...] рыбка — получила ли ты мое большое письмо, посланное сегодня утром [...] (так как вчера у меня не было марки, а мне хотелось, чтобы оно пошло сегодня в 7 часов), а также получила ли ты 300 марок? Сегодня, вчера у нас была премерзнейшая погода, теперь к вечеру лучше. Завтра праздник, я, может быть (если будет хорошая погода), отправлюсь на Шлирзее и Тегернзее, но не знаю как, так как до 12—1 часу буду работать — начну мою настоящую работу (об оптических аномалиях); сегодня кончил возню с рефрактометром Кольрауша, и случился маленький скандал: немного испортился Fadenkreuz, хотел отдать его починить на свой счет, но Грот не согласился, так как он был немного испорчен раньше. Сегодня я сделал покупку — купил сюртучок из настоящего тирольского сукна, очень хороший и для экскурсий, и для города (довольно дорого — 12 марок). Смерти императора Фридриха² здесь совсем не заметно: газеты ничего не пишут и о побитии Леопольда. Вот так свобода печати! История эта, однако, очень интересная. Весною унтер-офицер одного из полков, наказывая, искалечил солдата, так что солдат не может теперь работать (повредил ему ногу); при разбирательстве этого дела председательствовал принц Леопольд (сын регента), который обращался с солдатом бесчеловечно-грубо (заставил **стоять** больного!) и в конце концов присудил его к заключению. Мюнхенцы (простой народ) возмутились, устроили подписку и собрали солдату до 3000 марок, затем на принца Леопольда начались покушения, разбили

окна его дворца и т. д. Вчера было уже 3-е покушение; напали на него **рабочие**, разбили экипаж и изранили его, подоспевшие солдаты и жандармы выручили его из рук толпы. Во всяком случае это очень интересно и рисует жизнь не совсем с той стороны.

Получил письмо от мамы, она очень, бедная, больна. Напиши ей, пожалуйста. Ее адрес? ³

[...] Через 2 недели и 4 дня праздники. Читтель устраивает большую экскурсию, но я думаю, что приеду к тебе. Целую тебя множество раз. Пиши больше.

Твой Додя

Д. 35, л. 8.

¹ Дата и место написания даются по почтовому штемпелю на открытке.

² Фридрих III — король прусский и император германский (1831—1888), скончался 15 июня 1888 г.

В письме от 19 июня 1888 г. Н. Е. Вернадская писала: «Адрес твоей мамы — Павловск, Зверинская ул., дача Фотиевой» (ф. 518, оп. 3, д. 254, л. 88).

№ 47

16 июня 1888 г., [Мюнхен]

88, VI, 16

Дорогая моя девочка [...] Получил от тебя сегодня твои короткие, но славные каракульки. От мамы получил сегодня еще письмо, отправлю их и другие письма завтра. Крепко, крепко целую тебя, моя [...] рыбка. Сегодня погода очень холодная и пасмурная, идет дождь, а я не рассчитал, не заказал дома обед, приходится выходить!

На экскурсию поэтому я не отправился. Получил еще книгу от Сергея ¹ (а от него ни слова) и каталоги Панафидина ², из них увидишь, что вышла очень интересная книжка о воспитании первоначальном ребенка, составленная Оболенским и К^о ³, надо отдать им справедливость: в то время, как мы думаем делать, они делают. Книжка стоит всего 50 коп., и ты можешь ее, если интересно, выписать. Каталог посылаю.

Писал эти дни мало, как-то не пишется [...]

Крепко, крепко целую тебя, 'моя дорогая, маленькая Тутя, как хорошо, что ты не в Мюнхене — это преотвратительный город по погоде — лета совсем нет, а уже половина июня. Хотел сегодня на выставку ⁴, да засиделся, поздно (3¹/₂ ч.).

Крепко целую тебя, пиши чаще.

Будет хорошая погода, завтра поеду с Юргенсоном в Шлйрзее и Тегернзее. Юргенсон просил тебе кланяться.

Д. 35, л. 9.

¹ С. Ф. Ольденбург.

² Панафидин А. Я. Каталог книжной торговли специально для иногородних. СПб., 1888.

³ О какой книге идет речь, установить не удалось.

⁴ Очевидно, на национальную выставку картин и скульптурных произведений.

[17 июня 1888 г., Мюнхен] ¹

Дорогая моя [...] посылаю тебе письма О. Ал.² и Сергея³, а письмо Шаховского — еще не пришло — все не прочитал. Погода невозможная, уже дня 2—3 не видно солнца, все очень холодно и идет дождь. Ну, и климат в Мюнхене — как-то задумываешься перевозить Юрку⁴, хотя, говорят, зимой немного лучше. Недавно прочел статью Ганна⁵ (одного из лучших современных метеорологов) о температуре в Восточных Альпах и понял, что еще в Мюнхене лучше, в долинах Крайны и Каринтии зимы обыкновенно не теплее сибирских, там царит настоящий континентальный климат; только в южных долинах на южных склонах хорошо. Досадно, что в праздники такая погода, что едва можно высунуть нос из дому. Отвечала ли Краснову? Письмо его пошлю сегодня или завтра. Из твоих писем (пришли в одно время) вижу, что по одному — ты останешься, по другому — переезжаешь в другую виллу (что это за «виллы»? в Вильдунгене?)⁶, и я боюсь, нехорошо ли тебе утомляться, так далеко и много ходить. Отдыхаешь ли дорогой? И это ничего в хорошую погоду, а в дурную? Напиши, что Мария Ивановна⁷ пишет про Юрку — она наверное пишет, так как знает, что на водах одна ты еще больше будешь беспокоиться, просто, верно, письмо не дошло — они идут через Берлин, где теперь сумятица. Какие противные воззвания к солдатам и морякам нового императора⁸

Занимаюсь так себе, хотя на меня очень скверно влияет эта пасмурная, грозная погода, она как-то густой паутиной окутывает мысль, то ли дело когда ясное, живое солнце и кругом зелень! Из красновского кружка знаю всех, из них Владимир Храповицкий (брат тебе известного Александра), мой большой приятель, очень искренний, очень добрый человек, человек способный, но, по моему убеждению, не особенно умеющий продумывать свои убеждения, это человек очень хороший и, я думаю, довольно к нам близкий (2 пункта: славянофил немножко и прежде был православный ортодокс), когда один остается — плохой борец. Другой — «поросенок» (прозвала Александра Михайловна⁹) Кузнецов — его я физически не люблю, но, может быть, мы говорим на разных языках: боюсь, что он влияет на Краснова, а ему я не доверяю, но, может быть, ошибаюсь. Половцов — наиболее интересен из кружка, потому что, несомненно, человек с характером, очень неглупый и порядочный работник, много только у него барского и помещичьего — но сходит; Симонова знаю мало, но, кажется, безличность. Это тоже молодые люди, про которых говорил Фом.¹⁰ меня удивляет, что Андрей¹¹ не называет еще нескольких лиц, одно — молодой Ивановский, мой приятель, из кружка Васи¹², несомненно, человек недюжинный, если не по уму, то по характеру, я его ставлю выше, чем ставит его Вася, и думаю, что прав я. Прежде Андрей был ближе с Александром Храповицким, но потом разошелся. Этот кружок составил из людей, вышедших из разных кружков. Владимир Храповицкий и Половцов были в кружке Новгородцева, о котором я тебе говорил (в сильной степени по моему настоянию), но, к сожалению, события не дали им ближе связаться, а Половцов стал в очень неловкое положение.

Крепко, крепко целую тебя, моя родная, милая Тутик.

Пиши мне чаще и больше, береги себя и ничем не занимайся. Что ты ешь — напиши подробно.

Твой Додя [...]

Д. 35, л. 10.

¹ Датируется по ответу на это письмо Н. Е. Вернадской от 18 июня 1888 г., в котором она пишет: «Получила сегодня твое письмо от вчерашнего числа» (ф. 518, оп. 3, д. 254, л. 5).

² Личность установить не удалось.

³ С. Ф. Ольденбург.

⁴ Георгий Владимирович Вернадский.

⁵ Где была напечатана статья, установить не удалось.

⁶ В письме от 18 июня 1888 г. Н. Е. Вернадская писала: «... не разобрал, остаюсь я или переменяю комнату. Я остаюсь и очень этим довольна... Ты спрашиваешь, какие у нас виллы? Настоящие виллы — дома-особняки, окруженные садом» (ф. 518, оп. 3, д. 254, л. 5).

⁷ Старицкая.

⁸ «Сумятица», о которой пишет В. И. Вернадский, была вызвана смертью Фридриха III (15 июня). На престол вступил его сын Вильгельм II, который в тот же день обратился с воззванием к армии и флоту, указывая в нем на неразрывные традиционные связи своего дома с военным сословием. Только 18 июня, через 5 дней, появилось его послание к народу.

⁹ Калмыкова.

¹⁰ Личность установить не удалось.

¹¹ А. Н. Краснов.

¹² В. В. Водовозов.

№ 49

[18 июня 1888 г., Мюнхен] ¹

Дорогая моя Тутька — потерял или не записал адрес Андрея, а потому посылаю это письмо через тебя; пришли мне его адрес ² [...] Относительно знания людей ты все-таки меня не поняла, не понимаю, отчего я стал так темно писать (сам это чувствую). В газетах прочел (в русских), что Потапов, инспектор студентов в Казани, которого побили, назначен товарищем попечителя — вакханалия, по-видимому, продолжается. Вчера был на выставке ³ Очень интересно, и сожалею, <что> не захватил каталога — только немцы со своими военными и патриотическими картинами тошнят. Из мюнхенских новостей: по Neuhauser str. ходит конка (и вообрази — ай да немцы — с бубенчиками!). Зимонсфельд выпустил толстое 2-томное сочинение ⁴; в объявлении помещена и реклама, восхваляющая и его, и его труд, нашел я еще одну издающуюся здесь социал-демократическую газету: «Recht auf Arbeit» ⁵ — по-видимому, очень интересная, главным образом по хронике; как-то умышленно другие газеты обо всем этом молчат.

Крепко, крепко целую тебя, моя маленькая [...] рыбка. Пиши больше.

Твой Додя

Долго ли шла? не пишешь?

Д. 35, л. 11.

¹ Датировано А. Д. Шаховской.

² В письме от 22 июня 1888 г. Н. Е. Вернадская писала: «Адрес Краснова: Albrecht strasse, 20» (ф. 518, оп. 3, д. 254, л. 11). С мая по 1 июля 1888 г. А. Н. Краснов находился в Берлине.

³ См. комментарий № 4 к письму № 47.

⁴ Очевидно: *Simonsfeld Henry. Der Fondaco dei tedeschi in Venedig und die deutsch-venetianischen Handelsbeziehungen. Stuttgart: J. G. Cotta, 1887 Bd. 1—2. «Das Recht auf Arbeit»* — газета, выходившая в Мюнхене с 1884 г.

№ 50

20 июня 1888 г., Мюнхен

20.VI 88, Мюнхен

Дорогая моя, милая, родная Тутя [...] Я думаю, что на Петра и Павла ¹ я приеду к тебе, тем более что Циттель едет в Зальнгофен в эту субботу и воскресенье и это последняя экскурсия Циттеля, придется отказаться от приглашения Зимонсфельда, хотя мне очень хочется у него быть.

Погода сегодня чудная, ясное синее небо, и солнце так светит, что чудо, хотя я чувствую какой-то странный оттенок, точно не верится, что после этих мерзких дней опять наступило лето. Работа моя идет понемножку, вещество очень интересное, и я, вдумываясь, вижу, что может выйти интересная работа, более даже, чем сперва казалось — только может выйти и казус. Я подозреваю, что один молодой итальянец (Пиутти) в Сардинии работает над тем же вопросом *, и вчера Бруньятелли написал ему, чтобы узнать — а то выйдет, как с Сергеем ² Мы решили с Мутманом, однако, продолжить работу. Я очень усердно теперь принялся за химию и за органическую и очень этому рад, потому что тут масса таких живых, горячих вопросов, так хорошо, когда ум углубляется в эти интересные вопросы, когда мысленно анализируешь строение материи, ищешь законы. Мне много даст книжка Меншуткина («Очерк развития химических воззрений») ³, затем читаю Роско ⁴ (хотя, как теперь оказывается, я гораздо меньше забыл из химии, чем думал, и это заставляет меня несколько сомневаться в моем положении, что экзамены и хорошее к ним готовление — значения не имеют), а сегодня Мутман обещал мне принести 2 органические химии, по его мнению, лучшие — одна американца Ремсена ⁵, другая шведа ⁶, и он, несмотря на некоторый немецкий научный шовинизм, должен был признаться, что лучшие книжки — американца и шведа. Мутман мне все больше нравится, и как-то смешны Майер и Юргенсон, которые его ужасно мелочно не любят (они мне напоминают тогда шавок). Мне очень нужно знать органическую химию, потому что, я думаю, тогда можно совсем изменить систему минералов, да и работу над строением белковых веществ (в связи с генезисом жизни) я хочу рано ли, поздно ли начать. Сегодня на секции, по поводу работы Кюри, Грот говорил о явлениях капиллярности в кристаллах, говорил, что изменения (которые я и хочу сделать) еще не сделаны ни одним человеком, но что

* Его химическая работа над этим веществом очень интересна, и — комизм — он встретился на том же пути с немцем, который работал, не зная о его работе, и часть потерял даром.

по теории они **несомненно** должны существовать. Он пришел к этому мнению совершенно из других соображений, чем я, и дал некоторые выводы, которые я сам не делал, но теперь вижу, что эти его выводы являются частными следствиями моих предположений, и я начинаю понимать, какой это важный, **коренной** вопрос. Если это, как думает Грот, удастся, получатся поразительные результаты — как-то боишься и мечтать — я начал теперь читать довольно внимательно по капиллярности и как-то, мне кажется, на меня приятно подействовало, что в первый раз человеческий ум познал существование капиллярных сил под чудным небом дорогой мне Италии и человек этот был один из самых лучших людей, величайших гениев — ученый, художник и общественный деятель Леонардо да Винчи... Тутя! Если бы больше мне сил и знания!..

Сегодня в «Nature» прочел очень интересную заметку о практическом воспитании; это изложение автором работы его ⁷ Автор — американец Charles Leland — напечатал в Лондоне в этом году книгу «Practical Education» ⁸, где он на основании опытов над 2000 детей пытается дать научные основы воспитанию ума и познания. Он горячий поклонник новейшей науки и считает, что память может развиваться очень сильно и что хорошее воспитание имеет целью развитие памяти в связи с развитием мышления (соображения). Он видит могучий рычаг этому — в ученье рисовать, пластике etc. Эта мысль гораздо серьезнее и важнее, чем она вначале кажется; я впервые узнал о ее существовании в прошлом году, знакомясь вкратце (по поводу проекта о промышленном образовании Вышнеградского ⁹) с этим сравнительно новым методом, который особенно развился (и могуче) в Америке, и меня тогда очень поразило это на первый раз простое явление. Я думаю, что эту книжку очень интересно потом (когда ты выздоровеешь) иметь и хорошо прочесть. Леланд расхваливает (ставит наряду с Гексли, Спенсером etc.) сочинение совсем мне неизвестного автора David'a Kay'a ¹⁰ о памяти. Вышла очень по теме интересная книга Моро: «La Folie chez les enfants» ¹¹

Сегодня у нас — у Юринаца, Дриша и меня — шел отчаянный спор о том, можно ли или не надо иметь на родных языках научные вещи. Мы с Дришем стояли за один научный язык, Юринац согласился, если только это будет латинский язык, а мы оба ставили английский, Дриш — даже французский. Во всяком случае это в немце очень интересно. Юринац с гордостью хочет, чтобы наряду с необходимыми для всех языками стоял и один славянский (русский). Вообще это очень милые люди, и я думаю, что с Дришем мы в очень, очень многом сойдемся. Мне нравится его стремление к науке и то, что он стремится к обобщениям и к вопросам общеинтересным (он ученик и страстный поклонник Эрнста Геккеля). Интересно, чем кончится новая эра в Германии. Курьезно: здешние баварцы-студенты держатся совсем в стороне от северных германцев. Как жаль, что мы теперь не в Риме, где теперь такие интересные движения и такая горячая уличная жизнь. Обратила ли ты внимание на торжество в Болонье — на тамошние депутации студентов, на речи там итальянских и немецких ученых о необходимости разоружения, мира — о приветствии **немецкими** студентами студентов французских и о греческих студентах. Здешние газеты стараются представить это как апофеоз Германии, но, читая это, видишь всю натяжку.

Крепко, крепко целую тебя [...] Береги себя, скорей поправляйся, не жалея денег. Отчего ты не поешь, что ты ешь, меня это немножко наводит на подозрение. Не понимаю, отчего ты не получаешь моих писем. Пишу каждый день (некоторые писал: *poste restante*) ¹². Получила ли и отправила ли мое письмо к Андрею (его адрес?) ¹³ и к маме *) ¹⁴ (ее адрес?).

Крепко, крепко целую тебя, моя родная рыбка. Пиши больше.

Твой Додя

* Пошли скорей, а то она огорчится.

Д. 35, лл. 12—13.

¹ Праздник святых апостолов Петра и Павла приходится на 29 июня.

² Личность установить не удалось.

³ Меншуткин Н. А. Очерк развития химических воззрений. СПб.: Тип. В. Демакова, 1888.

Роско Генрих. Химия / Пер. с англ. М. М. Антоновича. СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1879.

⁵ Возможно: *Remsen Ira*. Введение к изучению органической химии или химии углеродистых соединений / Пер. с англ. и предисл. Н. С. Дрентельна. СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1887; или: *Remsen Ira*. An introduction to the study of the compounds of carbon: or organic chemistry. Boston: D. C. Heath, 1887.

⁶ Возможно, В. И. Вернадский имеет в виду книгу шведского химика Берцелиуса. См., например: *Berzelius Jöns Jakob*. Die Anwendung des Löthrohrs in der Chemie und Mineralogie. Nürnberg: Y. L. Schrag, 1844.

Leland Ch. God. Practical Education // *Nature*. 1888. Vol. XXXVII. April 12. P. 562—564.

⁸ *Leland Ch. God*. Practical Education. L.: Whittaker and Co, 1888.

⁹ Член совета министра народного просвещения Иван Алексеевич Вышнеградский в 1884 г. составил проект “нормального промышленного образования”

¹⁰ *Kay D*. Memory: What it is and how to improve it. L.: Regan Paul Trench and Co, 1888.

¹¹ *Moreau Paul*. De la Folie chez les enfants. P. Baillière fils, 1888.

¹² Фраза написана на полях.

¹³ См. комментарий № 2 к письму № 49.

¹⁴ См. комментарий № 3 к письму № 46.

№ 51

[20 июня 1888 г., Мюнхен]

Дорогая моя [...] удивляюсь, отчего ты не получаешь моих писем — пишу каждый день, а сегодня второй раз. Сегодня получил диссертацию Клейбера (а раньше Левинсона), начал было читать, но слог очень плох. Тезисы мне его очень не нравятся, так взял вопросы, в которых или никто не сомневается, или решить хоть немного достоверно нельзя пока. Погода начинает проясняться, и может быть, надо надеяться, будет хорошо. Сегодня Зимонсфельд пригласил меня к обеду в воскресенье — надо будет пойти, хотя, кажется, будет экскурсия Циттеля вместо Петра и Павла ² в эту субботу и воскресенье. А на Петра и Павла я тогда приеду к тебе. Здесь уже снят траур ³, открыты сегодня королевские театры, и я было думал пойти на Вагнера, но жаль денег, хотя, надо думать, как-нибудь

пойду. Бедные зоологи совсем промокли, хотя поймали 20 горных саламандр и черепах. Я с ними вместе обедал, они указали ресторан, где можно обедать дешево и хорошо, хотя со всем, с пивом, с прислугой обходится не меньше 80 [пф.] — 1 марки, а вся еда стоит мне не меньше 2, 2 с небольшим марок. Ужасно это скверно, а никак не могу лучше устроиться, потому что я не Сергей ⁴. Утром пью какао (остатки; чай вышел) с хлебом и молоком; потом обедаю, т. е. ем одно, иногда 2 блюда, потом кофе (в кафе, это, как выйдет какао, изменю, так что буду пить в кафе утром), потом что-нибудь холодное — сыр или колбаса и опять какао, да еще вишни. И все это очень дорого. Да и за квартиру плачу дорого, и нанять теперь другую нельзя. Ну, да не беда.

Отчего ты не пишешь мне, что ты ешь, я так боюсь, что ты на этом будешь делать экономию, потому что ты пишешь, что у тебя так много денег. А из Питера мне не шлют; что это значит, верно, перепутал имя, отчество Мелиоранского.

Послал тебе брошюрку о ребенке (кажется, пустячная) вовсе не для того, чтобы ты занималась, а так, для твоей библиотечки — я понимаю, как приятно получать книжки по интересующему вопросу. Ивану ⁵ непременно пошлю.

Крепко, крепко целую тебя, мой родной, ненаглядный цыпленок [...]. Здоровый. Пиши больше твоему Доде.

От мамы письмо какое-то нехорошее по духу.

Д. 35, л. 14.

⁴ Письмо датировано А. Д. Шаховской.
См. комментарий № 1 к письму № 50.
Траур по умершему императору Фридриху III.
С. Ф. Ольденбург.
И. М. Гревс.

№ 52

[21 июня 1888 г., Мюнхен] ¹

Дорогая моя девочка, крепко, крепко целую тебя, моя родная [...] очень сильно люблю тебя. Меня очень не радует, что у тебя болит бок, ты, может, не бережешься. Сегодня послал тебе плед, т. е. собственно из магазина обещали послать, но вот еще, я не взял никакой квитанции и боюсь — вдруг они не пошлют. Напиши мне скорей, когда получишь. Плед большой — серый в больших клетках. Боюсь, что не по вкусу. Мешочек атласный при пледе — мой подарок не в счет абонемента. Тутя моя [...] любит всякие мешочки. Сегодня не посылаю тебе писем, но скоро пришлю — есть еще письмо от Сережи ². Сегодня был у Мутмана — захотел взять книгу, он очень славный малый, но много немецкого, много спорили и об искусстве: он не ходит на выставки и в оперу, потому что не любит людей в цилиндрах. Библиотека у него очень порядочная, большинство книг по физике и химии, но есть и по философии (Вундт, Ланге и т. п.), и беллетристика.

Крепко, крепко целую тебя, моя родная [...] Береги себя. Не жалея

денег. Что ты ешь? Отчего ты об этом мне не пишешь. Пиши мне больше. Получила ли книжку и письмо к маме. Письмо Андрея ³ (я получил тоже) хорошее. Он теперь тебе совсем предан.

Твой Додя

Д. 35, л. 15.

¹ Дата и место написания даются по почтовому штемпелю на открытке.

² Сергей Ефимович Крыжановский.

³ А. Н. Краснов.

№ 53

22 июня 1888 г. Мюнхен

22.VI 88

Дорогой мой цыпленок, еду завтра с Циттелем на 2 дня в Зольнгофен и пишу теперь несколько слов, так как надо встать завтра в 4 часа утра. Крепко, крепко целую тебя, моя маленькая девочка — в следующую субботу, может быть, буду с тобой на 1—2 дня. Мне так хочется скорей увидеть тебя [...]

Меня удивляет, что ты не получаешь моих писем; пишу, положительно, каждый день (теперь 2 дня не получишь) [...] Получила ли плед? — пиши все время. Получил письмо от Андрея ¹ и очень недоволен им — такую чушь он делает с этой географией ² Отчего ты не написала, согласна ли с моим письмом к нему; посылаю теперь другое, пошли ему немедленно — может, и он приедет к Петру и Павлу ³ Целую тебя много раз.

С Циттелем далеко — 7 часов по железной дороге.

Твой Додя

Д. 35, л. 16.

¹ А. Н. Краснов.

² См. письмо № 41 и комментарий № 6 к нему.

³ См. комментарий № 1 к письму № 50.

№ 54

[23 июня 1888 г., Вассертрудинген] ¹

Дорогая Натуся! Пишу несколько слов с экскурсии. Очень было хорошо. Теперь возвращаемся в Гумпенгаузе спать и итальянцы (двое с нами) [...] Целую тебя крепко-крепко. Береги себя.

Твой Додя [...]

Д. 35, л. 17.

¹ Дата и место написания даются по почтовому штемпелю на открытке.

24 июня 1888 г., Зольнгофен

24.VI 88

Дорогая Натуся! Пишу тебе несколько слов — мне хочется, чтобы ты получала и эти дни от меня письма, хотя я лишен удовольствия читать каракульки моей маленькой девочки. Поездка была очень удачная, и я имел несколько довольно интересных разговоров — между прочим, с японцем-геологом и американцем — оба довольно неразговорчивы. Со мной разговорились как с соседом, и мы чувствовали себя, действительно, ближе, чем к немцам. Еще один интересный разговор (научный) с бароном Толем, который был с Бунге на Новосибирских островах, то, что узнал я от него про занятия географией (он из Берлина), еще более *убедило* меня в моей правоте¹ Напиши мне и об этом твое мнение.

Крепко, крепко целую тебя, мой дорогой Тутик.

Твой Додя

Д. 35, л. 18.

¹ См. письма № 41, 53, 58.

№ 56

25 июня 1888 г., Мюнхен

25.VI, Мюнхен

Дорогая моя [...] пишу несколько слов. Сегодня опять начал заниматься — надо бы писать письма и т. п. — да лень и только тебе напишу несколько слов [...] Какую книгу выслать Марии Ивановне¹? Не знаю. На какие вопросы я не отвечаю? Сегодня получил письмо от «генерала»². Варшавский почтамт послал официальное требование в Неаполь о выдаче денег. Не понимаю, отчего нет денег из министерства. Завтра буду вторично писать. Вчера был интересный разговор о свободе и республике. Борелли (зоолог) — отчаянный республиканец — вступил в спор с немцами, в котором и я принял участие, потом спор перешел на Францию (за нее стоял Борелли и [М...] ³, я, Юринац и Дриш, а против два немца), а затем с медиком, о котором я говорил тебе, — о грамотности. С Дришем сегодня очень интересный разговор; у него интересно идет теперь ускоренно работа — говорили мы немного о социализме, свободе и милитаризме.

Крепко целую тебя.

Твой Додя

На обороте: Frau Natalie **Vernadsky**, Brunnen Str. Villa Schreiber, **Wildungen Waldeck**.

Д. 35, л. 19.

¹ Старицкая.

² Н. В Харламов (см. комментарий № 3 к письму 41).

³ Фамилия написана неразборчиво.

№ 57

26 июня 1888 г., [Мюнхен]

26.VI 88

Дорогая моя Тутя, пишу тебе сегодня несколько слов. Работа моя идет понемножку, и тема оказывается очень интересная. Вчера в новой рабочей газете (выходящей в Нюрнберге и очень хорошей)¹ прочел интересную заметку о социализме в Мюнхене — собрания там запрещаются, но <число> социалистов в Мюнхене все увеличивается, что показывают выборы. Статья заканчивается, что о их силе в Мюнхене скоро узнают. Здесь сегодня опять дождь.

Крепко, крепко целую тебя, моя дорогая рыбка. Не понимаю, отчего нет денег, и сегодня послал заказное письмо Мелиоранскому, а завтра заказным пошлю к Богушевскому — с просьбой справиться о деньгах и о статье²

Крепко целую.

Твой Додя

На обороте: Frau Nathalie Vernadsky, Brunnen Str. Villa Schreiber, **Wildungen** (Bad) **Waldeck**

Д. 35, л. 20.

¹ О какой газете идет речь, установить не удалось.

² Очевидно, речь идет о статье: *Вернадский В. И.* О фосфоритах Смоленской губернии // Тр. Вольного экон. о-ва. 1888. № 11. С. 263—294.

№ 58¹

[29 июня 1888 г., Мюнхен]²

Тутька [...] читала, читала мою переписку с Андреем³ и ничего не поняла. Ведь я в немногих словах говорю следующее. Если Андрей хочет на **вновь** учрежденную кафедру географии, то он **не имеет права** ставить главным предметом своих занятий физическую географию. Для этого есть уже кафедра, раньше основанная, а на новой кафедре должно читаться новое, и для этого нового Андрей много еще должен учиться. Андрей хочет на вновь учрежденную кафедру географии, а между тем готовится по физической географии — я ему говорю, что я считаю это **общественным грехом** и не могу принимать во внимание ничего, что полезно для физической географии (да и для физической географии профессор раньше тропиков должен знать основы методики, чего Андрей не знает). В этом весь разговор, и как надо тут действовать — ясно,

что география — философия естествознания. Это немножко trop fort⁴, что в географии есть известные обобщения — несомненно, но целые отделы географии и по своей методике, и по своей обработке совсем к естествознанию пока не принадлежат; каким образом география будет обобщать данные наиболее развитых естественных наук: физики, механики, химии, астрономии и пр. — решительно не знаю. Вообще это очень опасное мнение, так как легко приведет к чтению легкого, популярного попури — что особенно легко, когда лектор талантлив, а основ методов и продуманной переработки материала у него нет. Тропики я считал и считаю очень важными, но когда мне надо делать какое-нибудь дело и я, не зная первых условий этого дела, поеду под тропики — я считаю легкомысленным; для меня лично очень важно побывать под тропиками, оно будет, вероятно, нужно и для одной работы, о которой я давно думаю (назову минералогической географией) — но теперь ехать было бы с моей стороны бессмыслицей. Совершенно то же и со стороны Андрея. Завтра еду к тебе, моя рыбка, и буду в пятницу около 6 часов вечера в Вильдунгене (постараюсь попасть с другим поездом и тогда приеду в 12—49 дня, только от Ульма во Франкфурт с курьерским⁵). Крепко целую [...] У меня несчастье с костюмом. На экскурсии порвал брюки, а вчера в лаборатории сжег сюртук (новый английский) и едва не сжег рубашку!

Целую тебя крепко, крепко, скоро свидимся.

Твой Додя

P. S. Завтра снимаюсь в группе с Циттелем и другими участниками экскурсии.

Д. 35, л. 21.

¹ Письмо написано карандашом.

² Письмо написано, очевидно, 29 июня, так как он пишет: «Завтра еду к тебе, моя рыбка, и буду в пятницу около 6 часов вечера в Вильдунгене». Пятница в конце июня 1888 г. приходилась на 31 число (см.: *Селешников С. И. История календаря и хронология*. М.: Наука, 1972. С. 199). Второго июля утром Вернадский уже вернулся в Мюнхен.

См. письма № 41, 53, 55 и комментарии к ним.

Слишком (фр.).

Вписано над строкой чернилами.

№ 59

2 июля 1888 г., Мюнхен

2.VII 88, Мюнхен

Дорогая Натуська, пишу из Мюнхена — утром, так как во Франкфурте на вокзале нет почты и я ни в буфете, ни в окрестных лавках не мог купить писем. Представь себе — в буфете вокзала я в 9 часов вечера не мог достать кофе! Доехал хорошо и сейчас иду в Академию. Крепко, крепко целую тебя, моя дорогая, маленькая девочка.

Еще не был дома. Пиши скорее и хорошо ешь. Моя радость и счастье.

Твой. *Додя*

На обороте: Frau Nathalie Vernadsky, Brunnen Str., Villa Schreiber, Bad Wildungen Waldeck

Д. 35, л. 22.

№ 60

3 июля 1888 г., Мюнхен

Дорогой мой цыпленок, моя миленькая драгоценная славная девочка, посылаю тебе письма Сережки¹ и Маши Щербацкой, письма очень хорошие, хотя с Сережкой я в корне не согласен — я писал о ближайших друзьях, а не о стране. А стремление к образованию всеросс. всечеловеч.² считаю очень вредным именно потому, что оно **возбуждает** национальную вражду. Да и вообще я не понимаю, как он не видит того, что de facto его теория ни к чему, как и национальная вражда и борьба, не приведут. Ему я буду отвечать. Относительно М. Щербацкой не согласен потому, что не согласен с исходным положением³ Я не смотрю на народ как на зверя с дурными инстинктами, которого сдерживает от дурных поступков религия — это очень обычное в пользу религии положение никогда не было проверено и исходит из обобщений, которые приняты быть не могут. Так называемое религиозное чувство и есть сумма нравственных стремлений, которые могут облекаться в те или иные формы — но самые формы имеют очень малое значение. Существование «религиозного» чувства есть прямое следствие общественной, не одинокой жизни — оно сильнее всяких религиозных форм и для народных масс может иметь значение и все то, что есть и для образованных людей — никаким зверем они не сделаются. Понимаешь, жизнь вместе, в одном обществе, постоянно питает «религиозное чувство», и они, т. е. хорошие нравственные отношения, не могут исчезнуть, каковы бы ни были формы. Взгляд на такое значение религии, какое высказывали в 18-м столетии еще Вольтер и другие, кажется мне в корне недосказанным и весьма вредным, так как ведет к распространению веры. Крепко, крепко целую тебя, моя родная, ненаглядная Натуся.

[...] Вчера была хорошая вечером погода, а теперь с утра дождь. Целую тебя крепко.

Твой *Додя*

3.VII. 88. Мюнхен. P. S. Денег до сих пор нет!

Д. 35, л. 23.

¹ С. Е. Крыжановский.

² Так в тексте.

В письме от 5 июля 1888 г. Н. Е. Вернадская писала: «То, что пишет Маша Щербацкая о невозможности разрушать религию в народе, я как-то всею душою разделяю, да ты это знаешь...» (ф. 518, оп. 3, д. 254, л. 149 об.).

№ 61

4 июля 1888 г., [Мюнхен]

4. VII 88

Дорогая Натуська, только что получил твою коротенькую записочку о Сергее¹. Очень хорошо, что все хорошо. Я переселился в новую комнату — устроился хорошо. Работа моя идет хорошо, но вчера, кажется, случилось маленькое несчастье — я потерял свою тетрадь с результатами наблюдений по приборам, тщательные поиски мои, Мутмана, Бруньятелли не привели ни к какому результату. Придется все делать снова, что очень и очень неприятно, так как около недели работы, да и на другом кристалле у меня получаются результаты еще более интересные — нельзя сравнить. Надеюсь, что не пропала. 28 июля по поводу столетия Людвига² официально кончается летний семестр. Крепко, крепко тебя целую.

Твой Додя

Денег до сих пор нет — это меня начинает удивлять. Я решительно не могу понять, в чем дело. Напиши твоим, чтобы выслали скорей, так как можем очутиться в очень неприятном положении. Во всяком случае, это черт знает что!

На обороте: Frau Nathalie Vernadsky, Brunnen Str., Villa Schreiber, Bad Wildungen Waldeck

Д. 35, л. 24.

¹ С. Ф. Ольденбург.

² Очевидно, Людвиг I, Карл-Август (1786—1868) — король Баварский (1825—1848), который в 1826 г. перенес университет из Ландсгута в Мюнхен.

№ 62

5 июля 1888 г., [Мюнхен]

Дорогая моя Тутя, моя славная, милая девочка — пишу немного, так как спешу в Академию — уже 9-й час утра. Вчера свою Notizbuch¹ нашел — и был очень рад, по ошибке ее захватил Майер. Вчера весь вечер прокутил: приехал из Петербурга Введенский — читает в университете и на женских курсах физиологию, и мы вместе с ним были у «Иза-ра», а вечером в английском кафе, где порядочная музыка, но как-то все по-бюргерски. Введенский, знакомство с которым у меня было шляпочное, довольно интересный человек, но неприятно действует его высокое

о себе мнение, которое проскальзывает все время, человек он, впрочем, кажется, не дурной. Он сообщил мне приятную новость, что Книпович в СПб.² — получил разрешение туда вернуться; незадолго перед отъездом Введенский его видел — он нашел на первое время какую-то корректуру. Надо бы ему написать, но не знаю адреса. Целую тебя крепко, крепко, моя маленькая, дорогая, славная девочка. Здесь погода тоже ужасная. Пиши мне больше. От Ани³ получил письмо, где она пишет, что Егор Павлович⁴ думает выплатить 1500 руб. долга (кратко-срочного) в банк из твоих денег и спрашивает мое мнение. Я хочу отвечать, что мы об этом и раньше думали и что вообще даю ей *carte blanche*⁵, так что если хочет, то может выплатить, может и нет.

Целую тебя крепко, моя родная, ненаглядная Тутя.

Твой Додя

5.VII 88.

Д. 35, л. 27.

¹ Записная книжка (нем.).

² Николай Михайлович Книпович в 1886 г. был арестован за революционную деятельность.

³ Анна Егоровна Старицкая.

⁴ Старицкий.

⁵ Предоставлять полную свободу действий (фр.).

№ 63

6 июля 1888 г., [Мюнхен]

6.VII 88

Дорогая моя, родная, славная Тутя — получил сегодня твою коротенькую записочку и очень удивился, что ты пошла пить воды — ты мне писала, что тебе нельзя пить [...] Напиши. Сергею¹ пишу сегодня. Эти все дни был в какой-то кутерьме и частью сильно уставал. Денег до сих пор нет, и это решительно меня удивляет, во всяком случае со стороны Мелиоранского большое свинство — если вышло какое-нибудь затруднение, то должен был бы написать. Подожду несколько дней и напишу Саше², чтобы он отправился и разузнал. Написала ли своим о деньгах? Крепко целую тебя. Скорее была бы ты тут.

Твой Додя

На обложке: Frau Nathalie Vernadsky, Brunnen Str., Villa Schreiber, Wildungen Waldeck

Д. 35, л. 25.

¹ С. Ф. Ольденбург.

² Очевидно, Александр Сергеевич Зарудный.

6 июля 1888 г., [Мюнхен]

Моя дорогая радость [...] так хочется [...] поговорить с тобой и так недостает, что тебя нет возле меня. Хотел сегодня написать тебе довольно много, но не успею тогда бросить, а потому лучше напишу несколько слов. Погода ужасная. Получил письмо Андрея ¹ — ответ, что ты думаешь, я думаю, что **надо** помочь ². Ответ скорее. Денег до сих пор нет! Введенский говорил, что он думает, что задержка в том, что их вносят в смету, но отчего не извещают! Он был так любезен, что предлагал мне денег, говоря, что я ему вышлю, как получу, но у меня еще есть. Меня беспокоит, как будешь ты. Написала ли своим? Ответ. Есть два письма от сестер ³ — мне как-то все это неприятно — Катиного письма еще два дня не прочел — неприятно. Мне не нравится, что ты ко многому согласна с Сережкой ⁴ — я отвечу тебе, и ты пошлешь ему; мне кажется, вы недостаточно серьезно относитесь к моему мнению, между тем это одно из очень немногих убеждений, относительно которого я **уверен**, что ближе к правде, чем вы все (может, за исключением Шаховского, Кати ⁵ etc.). Так много я не только передумал, но и перестрадал по этому вопросу. А как Сережка фельетонно легко отнесся к вопросу о Достоевском и чувству поляков! Мне кажется так ясно, что вы непоследовательны и стоите за такое **насилие**, перед которым остановится и иной последователь теории насилия (мне вспомнились твои слова в последний приезд, что в школах на чужом языке является страдательным одно поколение — точно этого мало! Да это и неверно). Пока довольно — напишу скоро: завтра весь день буду писать. Так хотелось бы, чтоб ты была тут у меня, моя ненаглядная [...] девочка. Целую тебя.

Твой Додя

6.VII 88.

Д. 35, л. 26.

¹ А. Н. Краснов.² Речь идет о материальной помощи. В письме от 24 июля 1888 г. А. Н. Краснов писал: «Благодарю тебя за обещание устроить мне заем. Тогда мы могли бы устроить совместную экскурсию...» (ф. 518, оп. 3, д. 851, л. 56).

Екатерина Ивановна и Ольга Ивановна Вернадские.

С. Е. Крыжановский.

Возможно, Е. С. Кавос.

[8 июля 1888 г., Мюнхен] ¹

Дорогая моя, радость моя, моя неоценимая, ненаглядная Натуся — так, так сильно люблю я тебя, что ужасно сильно хотелось бы, чтобы ты была возле меня [...] Писем я писал мало в последнее время, написал только письмо маме, Сергею ² да начал Докучаеву. Меня начинает брать злость, что не шлют денег! Писал мало писем, потому что был с Введен-

ским и не было времени заниматься, а сегодня, например, воскресенье провел следующим образом: утром кое-что читал, затем отправился в Английский парк и там штудировал статью Маллэра об оптических аномалиях³ Во 2-м часу пошел обедать, а оттуда зашел в кафе и читал газеты. Туда пришел Дриш, Юринац и молодой румын — зоолог Антипа, который хотел перед отъездом (в Иену) поговорить со мной; мы были в кафе, потом гуляли, и я много говорил, особенно с Дришем — выпили на брудершафт **водой**. Проводили Антипу и в ¹/₂ 8-го отправились закусить, и после отправился я с Дришем домой, но вместо дома попали в Английский парк и проходили там часа два, и теперь, вернувшись (11 часов ночи), пишу тебе. Говорили мы сперва о психологии и самых выпретенных вопросах философии, а затем разговор сошел на более простую почву — мы говорили о братстве, я ему много рассказывал о том, что мы устроили и переживали в СПб. Это человек замечательно близкий по воззрениям к нам; он говорит, что от социализма в том виде, в каком он есть в Германии, его отвлекает только то, что он стеснит личную свободу, которую он высоко ставит, и может привести к падению науки. Дриш говорит, что его мнение — почти нет лиц в Германии (ему не встречались, кроме 2—3 лиц [...]), и я убеждаюсь, как велико брожение и богатство мысли в России. Он жил в Гамбурге со своею матерью, по-видимому, чрезвычайно замечательной женщиной — она переживала все с ним и по мере того, как он переходил из религиозного фанатизма, который у него был, к увлечению Дарвином и тому подобным — **то же самое** переживала его мать. Когда она умерла, она говорила ему, что не верит в бессмертие души, но что ей не страшно умирать и что ему она может желать такого же спокойствия, когда придет его конец, так как она ясно чувствует и сознает общую связь свою с миром и вечное перерождение природы. Настоящий пантеизм (немка!!). Мы говорили очень, очень много, и я ему много говорил про тебя. Пиши.

Твой Додя

Р. S. Написала ли про деньги своим? Ответь. А то для лечения. Для меня у меня еще есть. Пиши, моя маленькая, ненаглядная девочка, больше [...]

Д. 35, л. 28.

¹ Очевидно, письмо было написано 8 июля, на которое приходилось воскресенье (см.: Селезников С. И. История календаря и хронология. М.: Наука, 1972. С. 199), так как в письме В. И. упоминает: «...а сегодня, например, воскресенье провел следующим образом...».

² С. Ф. Ольденбург.

³ См.: Mallard Ernest. Prenom. opt. Anormaux // Ann. d. Mines. 1876. N 10. P. 143.

№ 66

[10 июля 1888 г., Мюнхен]¹

Дорогая моя, маленькая девочка, крепко, крепко целую тебя — меня очень беспокоит, что тебе не хватает 20—40 марок, я подожду еще один день и тогда займу (20 марок могу и так прислать) и пришлю.

« этими деньгами в самом деле поступают бессовестно, и я решительно не могу понять, в чем дело, хотя бы ответил — отчего не присылает, и то так это настоящее свинство. Я написал сегодня Александру ², чтобы он пошел в Университет и справился. Пиши и скорее приезжай, моя родная, неоценимая [...] девочка — я не понимаю, каким образом тебе хватит денег — наверное, экономничала. Это просто ужасно [...] Завтра утром или сегодня вечером вышлю 25 марок, которые у меня есть. Крепко целую тебя, рыбка. Пиши [...]

Твой Додя

Скандал: не знаю адреса Александра — напиши скорей.

На обороте: Frau Nathalie Vernadsky, Brunnen Str., Villa Schreiber, Bad Wildungen, Waldeck

Д. 35, л. 29.

¹ Дата и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке. Возможно, Александр Сергеевич Зарудный.

№ 67

[11 июля 1888., Мюнхен] ¹

Дорогой мой, маленький, милый цыпленок! Вчера послал тебе 25 марок, которые у меня были, но все ужасно боюсь, что ты в последние дни наделала массу глупостей и слишком берегла деньги. Теперь так скоро будем вместе, моя дорогая, золотая рыбка. Я, правда, не исправился — да не знаю, эта противная погода совсем не дает мне работать, и голова что-то болит последние дни. Работа моя подвигается понемножку. Письма Шаховского не послал, потому что скоро все равно приедешь. Относительно космополитизма etc. мы поговорим. Мне кажется, у вас о космополитизме какое-то очень странное представление. О хохламонстве ², мне кажется, тем будет яснее мое отношение: я всюду стою за такие движения (вспомни об армянах etc.), и если буду жить на юге, то, конечно, буду принимать участие в национальном движении — на Кавказе — местных народов, в Малороссии — украинцев etc.

Целую тебя крепко [...]

Достану [монетов], приеду ³

На обороте: Frau Nathalie Vernadsky, Brunnen Str., Villa Schreiber, Bad Wildungen, Waldeck

Д. 35, л. 30.

¹ Дата и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

² Так в тексте.

Приписка на полях слева.

[12 июля 1888 г., Мюнхен] ¹

Дорогая моя девочка. Пишу тебе только несколько слов, чтобы сказать, что люблю тебя и жду. Вечером в субботу встречу. Получила ли деньги? А денег все не высылают!

Целую тебя крепко.

Твой Додя

На обороте: Frau Nathalie Vernadsky, Brunnen Str., Villa Schreiber, Bad Wildungen, Waldeck.

Д. 35, л. 31.

¹ Дата и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

[31 июля 1881 г., Зальцбург] ¹

Дорогая моя Натуся. Пишу тебе из Зальцбурга, выезжаю сейчас отсюда и еду в Цель, чтобы посетить, если возможно, Зульцбах — одно из самых замечательных по минералогии мест Зальцбурга. Здесь страшно жарко, и я вспоминаю тебя, бедненькую, в дуином вагоне с массой дам (собственно говоря, я думаю, что самое ужасное — ездить в таком обществе), бедненькая моя девочка — теперь ты, должно быть, подъезжаешь к Вене.

Крепко целую тебя, моя дорогая, пиши мне. В Инсбруке надеюсь получить твое письмо. Краснову послал деньги и телеграмму, а также Харламову. Был в музее — очень много интересного, да и устройство самого музея — очень интересно. Пиши.

Крепко тебя целую, моя ненаглядная.

Твой Додя

На обороте: Наталье Георгиевне Вернадской, Ст. Териоки, по Финляндской ж. д., дача Старицкого, Russland, vie St. Petersburg.

Д. 35, л. 57.

¹ Дата и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

31 июля 1888 г., Цель ¹

Дорогая моя Натуся. Сейчас (впрочем, недобровольно) выезжаю в Инсбрук. Начал было свои экскурсии очень удачно; здесь (очень хорошенькое местечко) нашел интересные образчики минералов и было собрался сделать большую экскурсию (через Зульцбах, в Зальцбурге,

и Циллерталь и Пфин в Тироле), как все пришлось изменить. Полез я на гору Шмиттенгофен — лез уж $\frac{3}{4}$ горы (она вся до 2000 <метров>), как сломал очки, и пришлось возвращаться назад, и теперь еду в Инсбрук, где куплю очки, и если будет малейшая возможность, то сделаю ту же экскурсию с другого конца, т. е. Циллерталь и Пфин и Зульцбах. До 7 августа у меня еще есть время, а это одно из лучших мест по минералам. Все-таки досадно, так как с Шмиттенгофена прекрасная панорама, и она только-только начала мне открываться!! Крепко целую тебя, мою дорогую, родную, берегись. Мой сердечный поклон всем. Теперь, как я пишу, ты должна быть в Варшаве. Моя дорогая Натуська.

На обороте: Наталье Георгиевне Вернадской, Териоки по Финляндской ж. д., дача Старицкого, Russland, via St. Petersburg.

Л. 35, л. 58.

Дата и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

№ 71

1 августа 1888 г., Инсбрук

Инсбрук, 1 август, 88

Дорогая моя, маленькая, милая Натуська, меня очень беспокоит, что от тебя нет письма — сегодня бы оно должно было быть, и я решительно не понимаю, отчего нет его — благополучно ли ты доехала до Питера?

Погода отвратительная, и я застрял в Инсбруке и решил ждать, если будет время, лучшей погоды. Все время идет дождь, и даже Инсбрук не удалось хорошенько осмотреть. Но пока еще есть время ждать, и мне не хочется упустить времени и побывать в Циллертале, куда иначе придется ехать, так как Циллерталь и Пфин — классические места для минералога в Европе и не побывать в них, бывши так близко, совсем будет не хорошо. Я оставлю тогда для отдельной поездки Фасса и Ала, которые или посещу в сентябре в виде отдельной экскурсии из Мюнхена, или позже, так как они лежат на границе и частью в Пьемонте. Если погода будет хорошая, то я, кажется, научусь здесь тому, чему до сих пор никак не умел научиться, да, впрочем, и не мог научиться, — это знанию минералов, уметь различать их не только друг от друга, но и определять местности, откуда тот или другой минерал происходит, — например, различать друг от друга какие-нибудь кварцы из Каррары, Альп или Кавказа и т. п. До сих пор все это знание чисто эмпирическое, достигается оно больше всего опытом и умением хорошо изучать данные образчики, т. е. навыку глаза к различию блеска, различному цвету, различию в группировке минералов друг с другом. У меня не доставало до сих пор этого умения наблюдать явление, и теперь мне приходится учиться ему, учиться тому, чему я должен был бы научиться с детства. Странная вещь — у нас так немного способов узнавать окружающее, у нас так немного разнообразия в каждом органе чувств, что грешно нам не пользоваться

ими во всем их объеме. Между тем мы доживаем до конца жизни и научаемся пользоваться только одной маленькой частью — теряем и то небольшое, что врождено нам природой. Много говорят о порче зрения нашей системой, или, вернее, организацией (так как система предполагает что-нибудь строго осмысленное, имеющее ясно определенную цель, чего в нашей «классической системе» совсем нет), образования, о целом ряде физических уродств и расстройств организма, ею вызываемых, но это только одна сторона дела; другая — что из тех средств, которые предоставляет человеческий организм, она целой массе не дает развиваться. Глаз не умеет ясно и тонко различать оттенки, связывать их с другими свойствами тел мы почти не умеем; осязание не в состоянии большею частью ясно различать разные свойства различных веществ и т. п. Между тем в природе этих чувств скрыта возможность широкой ориентировки их среди сложных условий внешних явлений, и, может быть, они способны к огромному развитию не только в отдельном организме, но и во всем человечестве. Смотри на то или иное вещество так, как я привык все рассматривать, или с некоторым усилением, заставляя себя пользоваться всеми чувствами, я выношу совершенно разные впечатления и разное понимание явления. Для меня ясно, как много я **потерял** оттого, что наблюдать явления я не умел. А я в этом случае не представляю исключения — большинство нас таково. Школа и домашнее воспитание должны развивать эти чувства во всем объеме, ум должен образовываться среди самого разнообразного пользования органами чувств, среди самых разнообразных оттенков впечатлений. Общение с природой, изучение ее или умение видеть, чувствовать ее — лучшие средства для этого. Я — натуралист, вот уже 7 лет так или иначе занимаюсь естественными науками и только в последнее время начинаю овладевать этим методом и начинаю сознавать и чувствовать значение этого умения для моего общего развития. Между тем целые годы, когда складывался мой ум — он складывался под впечатлением плохо наблюдаемых, грубых впечатлений, он складывался под влиянием явлений природы, которые я видел в пелёне, в тумане, в неясных контурах. В этом одна из очень важных, труднооценимых бед нашего воспитания — и не только реального или классического, а всего, «среднего» воспитания во всем его объеме. Лично для меня, мне кажется, я могу теперь ясно сознать заглушение и возрождение этого умения. В детстве я обладал некоторой способностью довольно тонко наблюдать явления окружающей природы, я помню, какое сильное впечатление производили на меня различные оттенки цветов и блески, я помню мои старания различать разные шумы, мальчуганом меня преследовала мысль воспользоваться слухом для большего познания явлений, и я мечтал придумать инструмент, который бы по данному шуму определял то явление, которое его производит, и те тела, какие при этом принимают участие (мне кажется и теперь, что неумение пользоваться слухом лежит главным образом в том, что наше общее воспитание не приучает нас ценить это чувство, и взрослыми большей частью мы идем по проторенной дорожке исследования, где слуху нет места; впрочем, в последнее время начинается поворот, например, применение телефона к исследованию нервных явлений; мне кажется, что, например,

резонаторам Гельмгольца в измененной форме предстоит великая будущность). Знаешь, теперь в Альпах я начинаю вспоминать, как много и тогда понял и чувствовал здесь мальчуганом, и мне иногда кажется, точно я просыпаюсь ото сна. Совсем поворот произвело во мне увлечение историей — война сербов с турками и пр., во все гимназические годы после 1876 года я ничему не научился, если не считать огромного, теперь большею частью забытого количества исторических фактов и некоторых взглядов и идей, порядочно, но раздельно продуманных. В университете я набросился с жадностью на естественные науки, но больше читал, чем наблюдал, и настоящим образом начал наблюдать, мне кажется, только в прошлом году, просматривая некоторые силикаты нашей университетской коллекции, теперь этому я все более и более научаюсь — по крайней мере мне так теперь кажется. Но я увлекся в сторону, одна из задач моей летней поездки в Альпы — это узнать минералы Альп, суметь отличить их от других минералов. По совету Грота я для этого просматриваю коллекции местных собирателей и при этом покупаю немногие; пока нашел одного только в Целе и, просматривая его товары, проверяя его обозначения местностей, научился гораздо больше, чем сидя долго в кабинете. Знание этого — практической минералогии — мне нужно для того, чтобы быть хорошим хранителем музея, да чтобы читать хорошо минералогию, оно очень важно и практически — во всех вопросах, касающихся рудного дела. Раньше я совсем почти не интересовался этим, потому [так] ясно сознаю, как трудно теперь на этом пути связать явления. Теория здесь невыразимо трудна, нужен гениальный ум, чтобы связать эти отдельные, беспорядочно собранные факты, это заставляло меня держаться в стороне от этих явлений, и теперь я хочу их изучить, только поскольку это нужно для кафедры. Собирать же факты, как они собираются теперь — без программы, без сознания зачем, к чему — перспектива далеко не интересная. Задача, которую здесь разрешит когда-нибудь человеческий ум, однако, чрезвычайно интересна. Минералы — остаток тех химических реакций, которые происходили в разных точках земного шара; эти реакции идут согласно законам, нам неизвестным, но которые, как мы можем думать, находятся в тесной связи с общими изменениями, какие претерпевает земля как звезда. Задача — связать эти разные фазисы изменения земли с общими законами небесной механики. Мне кажется, что здесь скрыто еще больше, если принять сложность химических элементов и неслучайность их группировки в группе так называемых редких минералов церитовой группы. Тогда происхождение элементов находится в связи с развитием Солнечной или звездных систем и «законы» химии получают совершенно другую окраску... Для этого нужны страшные знания и такой смелый ум, какой верно еще не скоро явится.

Здесь, в Зальцбурге и Инсбруке, я просматривал еще коллекции минералов, но, к сожалению, их не удалось хорошенько просмотреть, так как минералы находятся под стеклом, я вижу так далеко плохо, а минералогов ни Фуггера в Зальцбурге, ни Пиклера в Инсбруке я не застал. В Инсбруке 3 коллекции минералов — две в университете и 1 в Фердинандеуме — я видел только последнюю, а 2 первые пока видеть не удалось, так как никак не мог дозвониться — не было ни про-

фессоров, ни слушателей — вакации. Если буду здесь завтра, снова пойду. Самые музеумы — зальцбургский и инсбрукский — чрезвычайно интересные учреждения. Оба они созданы по почину частных лиц — теперь зальцбургский принадлежит городу, а инсбрукский находится в ведении особого общества; оба явились вследствие пробуждения местного чувства, вследствие того «возрождения национальностей», которое является логической необходимостью развития демократии и любви к народу, которые, говорят, «характеризуют наше столетие» (по-моему, не совсем верно). Оба музея имеют задачей — собрать все важное для истории, современного состояния, природы родного края: один — Зальцбургского епископства, другой — Тироля. Они являются типом тех естественноисторических музеев, о которых я много с тобой говорил в прошлом году, только дело здесь поставлено шире. Мне кажется, однако, что в таких музеях оно должно быть поставлено еще шире, и некоторые стороны такого расширения, мне кажется, начинаются в минусинском музее. Они должны служить средством и для изучения природы или истории, археологии, этнографии края, а следовательно, должны иметь и коллекции для сравнения типичного из других частей земного шара. Изучать геологию края нельзя, не имея типичных образцов пород или окаменелостей из разнообразных других местностей, также нельзя изучить и археологию или развитие искусства etc. В Зальцбурге, впрочем, начинается расширение музея, но случайное и потому носящее не тот характер, какой нужно, — здесь довольно большая картинная галерея самых разнообразных школ (большинство — тиролец) и этнографическая коллекция, очень случайная. Меня больше всего заинтересовали, кроме естественноисторических коллекций (очень богатых), археологические. И Зальцбург, и Инсбрук заключают многочисленные римские памятники. В Зальцбурге находятся особенно большие остатки, и даже части домов (à la Помпеи) были раскопаны (там, где памятник Моцарту, — неужели они их закопали! — в музее слепки и мозаика). Сохранились мозаичные полы, статуи etc. Все это производит особое впечатление после посещения Помпей и Рима. Здесь, так далеко (особенно это было далеко в то время, когда не было железных дорог), была когда-то также цивилизация, какая была на юге Италии, мысль людей здесь находилась в тесной связи с мыслью Рима, и обычаи, образ жизни в общем были те же. Сознаешь и понимаешь великую силу Рима и всемирное значение его империи, захватившей Испанию, Францию, Британию, значительную часть Германии, протянувшейся на юг России, за Малую Азию и на всю Северную Африку. И теперь, видя, как постепенно в различных местах из его общего наследства развивались, коверкаясь частью, отдельные государства или народности, сознаешь ту потерю, какую понес мир от его гибели. Многие дурные стороны жизни и теперь — следствие его падения. Только в последнее время, когда Америка, Россия начинают принимать живое участие в культурной жизни человечества, когда начинается пробуждение мысли, работа людей науки в далеких колониях Англии, на севере Африки, в старинных цивилизациях Азии, — начинается сравнительно большее число людей, ищущих правды и знания, чем могло их быть при нераздельном существовании Римской империи. Падение ее вообще интересно во многих от-

ношениях: местная народная жизнь, местные учреждения были сильны, могучи, хороши до самых последних ее дней; они почти не погибли и развились почти непрерывно в современные нам учреждения. Погибла общая связывающая их цепь, погиб тот класс людей, который среди порочных, может быть, преступных действий охранял все то, что особенно дорого нам в древней цивилизации: они охраняли науку, искусство, философию... С их гибелью рушилось и это все. На меня страшно сильное впечатление (странно, только теперь начинаю я в нем разбираться) произвело посещение римских музеев, где я сразу как-то очутился в двух разных мирах — среди произведений искусства, следовательно, среди понятий древнего античного общества, и среди остатков христианского искусства — среди эпохи так известного падения искусства. Было ли, действительно, такое падение? Мне кажется, что такое «падение» совсем сомнительно — наряду с прекрасными статуями существовали безобразные провинциальные божки, наряду с изяществом домашней утвари и украшений сохранялись аляповатые, безвкусные обиходные украшения провинциальной утвари — в Помпеях такое различие с Римом сильно чувствуется, в музеях Рима — много таких безвкусиц из провинции, а здесь еще больше. Развилось в христианском искусстве — это безвкусье, узкое, провинциальное, а погибло вместе с богатыми классами то, что теперь кажется нам выражением античного искусства и произведением. Те понятия красоты и гармонии, которые так сильно поражают нас и так сильно, хорошо на нас действуют. Много веков и работы прошло, пока мы опять пришли почти к тому же. Мне представляется это явление очень важным во многих отношениях: нет ли и теперь того же, не связано ли, действительно, и теперь все это, для меня самое ценное на земле почти неразрывно с существованием богатых классов? Связь эта несомненна, она существует, и только одно средство существует предотвратить падение науки и искусства при том или ином очень возможном социальном изменении (все равно кем оно будет сделано: церковью ли, той или иной династией или народной революцией) — это всеми силами и всякими жертвами стремиться расширять образование и глубже заставлять проникать его в народные массы; не сторониться от могущих произойти социальных изменений, не идти против них, а тесно связать их с развитием искусства и знания, увеличение средств достижения истины (музеи, лаборатории, университеты), как бы дорого оно не стоило, всегда полезно; еще одно — это возможно большее расширение европейских, вообще культурных влияний в других частях света и увеличение обмена между народами.

Народная жизнь в общем везде одинакова — между их интересами мало антагонизма. Не знаю — отчего она одинакова, всегда ли это будет, или это следствие малой культурности, узости интересов? А интересы узки. В прошлом году, читая в Рославле историю города, написанную местным купцом Рокачевским¹, меня взяла дрожь от сравнительной бесцельности и незамеченности в течение целых веков этой народной жизни; теперь, читая истории Зальцбурга, Пинцгау, Тироля, совсем то же получается впечатление, и видишь небольшое различие, и то не качественное, а количественное. И то же было почти везде... Может быть, распространение знания и искусства в народные массы

внесет больше разнообразия, не будут даром пропадать огромные силы, скрытые в массах, для развития, и, может быть, сохранится отсутствие антагонизма между интересами разных национальностей или государств, которое сильно среди правящих, культурных классов. До сих пор я встретил очень мало людей, у которых малозаметен такой антагонизм, и, к сожалению, они составляют меньшинство и в нашем близком кружке.

Видишь, как много написал, моя дорогая, милая Тутя,— целое, довольно, впрочем, несвязное сочинение. Мне хотелось дать тебе понять то, что я переживал эти дни и о чем мечтал. Погода все еще не совсем хорошая, но лучше, и я думаю ехать в Циллерталь и сегодня выеду в Чембах.

Крепко, много раз целую тебя, мою дорогую. Интересно, как ты нашла Юрку? ² Очень хочется иметь от тебя весточку — пиши чаще (теперь в Базель). Адрес мамы моей не знаю, напиши. Мой сердечный поклон всем. Крепко тебя обнимаю.

Твой Додя

P. S. Знаешь, Фринкенштейн, которого ты кажется, читала, издает теперь «Zeitschrift für Agrarpolitik» и, кажется, в духе или католического социализма, или что-то в этом роде. Впрочем, не знаю. Сегодня прочел о ближайшем открытии Сибирского университета ³. Ты не можешь себе представить, как я этому рад.

Твой Д.

Пиши чаще, моя дорогая рыбка.

Д. 35, лл. 59—64.

¹ См. комментарий № 5 к письму № 39.

² Г. В. Вернадский.

³ Речь идет о Томском университете, решение об открытии которого было принято в 1878 г., заложен он был 26 августа 1880 г. и открыт 22 июля 1888 г. с одним медицинским факультетом.

№ 72

4 августа 1888 г., Цюрих

Цюрих, 4/VIII 88

Дорогая моя, милая девочка, моя славная Натуся. Вот уже второй день, что я в Цюрихе, думал завтра выехать, но останусь еще, так как тут замечательно большие, просто чудные коллекции. Погода стоит отвратительная, ночью, когда я ехал из Инсбрука в Цюрих, все время шел дождь и был такой холод, что я продрог в своей тирольской куртке, пальто и пледе; вчера был очень скверный день — и холодно, и дождь, сегодня все утро было очень холодно, дождь, туман, но вечер, хотя холодный, но гораздо лучше. Сегодня в первый раз я увидел перистые облака, и если вся эта погода была произведена циклоном или целым рядом свя-

занных друг с другом циклонов, что возможно предполагать, то, может, начнется хорошая погода, так как перистые облака — самые высокие и они двигаются, когда проходят последние, самые высокие части циклонической воронки. В эти 2 дня я успел осмотреть здесь: ботанический сад, зоологический музей, зоологическую коллекцию позвоночных Швейцарии, антикварный музей с очень интересными остатками свайных построек доисторической археологии вообще, педагогический музей, аквариум. Был два раза в минералогическом музее, сегодня три часа проработал в нем, но не знаю, когда с ним покончу — такая масса в нем чрезвычайно для меня важного материала. По образчикам — это один из первых музеев Европы. К сожалению, и здесь я не застал проф. Кеннгота, и приходится смотреть что выставлено — но выставлено с такой любовью и знанием дела, что видеть есть очень много, да и устройство такое удобное, что я могу прекрасно смотреть и видеть и с моими глазами. А то в Зальцбурге и Инсбруке — хоть в бинокль смотри. Систему занятий в музеях [таких] я, впрочем, выработал только теперь и действительно могу научиться минералогии Альп. Мне хочется изучить одну целую географическую область — ту горную цепь, которая, начинаясь на юге Франции, по-видимому, непрерывно идет к горным хребтам Азии и дальше. В последнее время начинают приходиться к заключению, что ее расположение обусловлено определенными законами, она лежит в определенном круге и тесно связана с происхождением континентов, которые почти не изменялись в своих основах в течение всего нам геологически доступного времени. Самое их расположение, т. е. расположение глубин и высот на земле, математически строго определенное и, раз оно было неизменно, находится в связи с законами планетного мира. Интересно, что для некоторых минералов, например окиси олова, можно также заметить строго определенное математическое распространение. Сiju я в музее, окруженный минералогиями Швейцарии, Тироля и Зальцбурга, свержу и читаю про всякое месторождение, заново новое или то, что приходит в голову. Я уверен, что, основательно просмотрев таким образом 3—4 коллекции, я буду очень хорошо знать главные образчики минералов Альп; к сожалению, у меня нет под руками минералогий Пьемонта, Штебермарка, Коргентии и вообще Австрии, юга Франции, да и сводки, какие есть, устарели, и работа, самая простая, пока хорошо не сделана. Работает масса людей, но все разрозненно, без ясного плана, и потому многого нужного нет, а много никому не нужного делается. Организация научной работы очень нужна, но какая? Здесь тоже теперь один из очень важных вопросов дальнейшего развития, и надо как-нибудь его разрешить так, чтоб сохранилась индивидуальная свобода инициативы — так как известное дело, как легко впадают «люди науки» в педантизм и узкую специализацию и какой они обладают нетерпимостью. Для целого ряда отделов науки такая организация есть единственный залог успеха, мне представляется, что такова судьба почти всех так называемых нравственных и политических наук и значительной части тех отделов естествознания, где преобладает наблюдение или где наряду с опытом возможно приложение сравнительного метода (эти части родились в последние 10—15 лет) в виде сравнительной физики, физической химии, к ним примыкает опытная геология etc. — оригинально здесь

столкновение этих двух методов и то быстрое накопление фактов, которое здесь происходит, тем более что самые логические пути не оформлены. Я еще непременно хочу осмотреть геологический музей, где собрано много по тектонике Альп, и энтомологический со знаменитой коллекцией Освальда Геера, одного из замечательных ученых нашего столетия, восстановившего с удивительной силой воображения третичный мир. Я видел в ботаническом саду его бюст (он умер 4 года тому назад и был выходящим из ряда вон ботаником, энтомологом и геологом) — какое прекрасное лицо. Он так и напомнил тот образ швейцарских ученых, какой рисуется при знакомстве с их работами, кажется, в них соединились вместе, слились хорошие черты французской и немецкой национальности; много зависит здесь и от того, что нигде, кажется, нет такой последовательности выдающихся талантов в целых поколениях, какая наблюдается в Швейцарии, — здесь находятся целые ученые династии: Бернулли — с 17 века (теперь почти вымерли), Соссюры, Декандоли, Сорэ и т. п. Для меня швейцарские ученые и их деятельность кажется очень важной еще и потому, что эти единственные почти (если не считать Австрию, университет которой я плохо знаю) живые источники, которые могут поддержать немецкие университеты от падения. Теперь опять — новая история! — в Берлинском университете — не выбрали в ректоры Вирхова по «политическим» причинам, т. е. потому, что он является представителем противной Бисмарку партии — так называемой *freisinnig*'ов¹; даже консервативные органы признают, что это так. Как легко какая-нибудь прочная организация является проводником хорошего и дурного; в былое время существование немецких университетов во многих государствах являлось одним из важных условий поддержания духа свободы и искания лучшего в европейском обществе; в последние 20 лет внешне достигли немцы того, что они под свободой понимали, и значительная часть немецких профессоров явилась людьми с мнениями немецкого общества, а что это такое — мы знаем. Связь между немецкими государствами Швейцарии, Австрии и Германии сохранилась, и в Швейцарии и Австрии немецкие профессора стремятся проводить свои идеалы. Германия теперь ограждена пошłościю от профессоров с нежелательными ей мнениями — но Швейцария, Австрия принимают немецких профессоров всяких мнений, и, таким образом, теперь продолжается влияние той же организации в другую сторону. Немецкие профессора в Швейцарии или Австрии стремятся к идеалу своего *Vaterland*'а² (что очень хорошо проявилось в *Deutsch-nationale Verein*³ Австрии; здесь явились бурши с их дуэлями — так что не привыкшие к таким явлениям швейцарские университеты должны были прибегнуть к исключительным мерам (в Цюрихе один из таких немецких *Verein*'ов на днях распущен университетским сенатом); здесь же такие профессора и во всех других вопросах тянут большей частью к идеалу Германии). Интересно, чем все это кончится? Одно только, несомненно, составляет большую силу — это связь немецких и французских швейцарских университетов и та любовь к науке, которая так сильна во многих швейцарских семьях и развилась поколениями — это сила великая предания. Характерно, что и другая культурная сила играет ту же роль — это немецкая печать. Она является чрезвычайно централизованной, главным образом в Лейпциге и отчасти Берлине,

и издания тех же мнений распространяются очень быстро и всюду: прославления Бисмарка, апотеозы ⁴ Вильгельма, разные немецкие патриотические брошюры ты найдешь и в Австрии, и в Швейцарии. Оригинально, что в последнее время они и выходят главным образом в Берлине и Лейпциге и издаются лучшими фирмами: швейцарские издания далеко не так распространены в Германии. Немецкая печать вообще играет довольно печальную роль во все это время; периодическая со знаменитым Reptilienfonds ⁵, неперIODическая со своим узким патриотическим направлением.

В свободное время теперь я с наслаждением читаю Марка Аврелия: Самонаблюдения ⁶. Какая чудная вещь, как много в этом сочинении человеческого, сильного, как много, много мыслей рождается при ее чтении. Я помню, во время одного из последних наших разговоров тобой и англичанином кто-то из вас, кажется ты, указала, что в стоицизме главное внимание было направлено на выработку физической закаленности. Я возражал, так как в былое время, когда стоицизм казался мне самым чистым и высоким идеалом, увлекался той чисто нравственной и умственной выработкой человека, какая им дается. Но, кроме такого впечатления, очень общего, я не мог ничего сказать тогда, потому что **не знал**. Вообще иногда становится жутко, когда умом анализируешь свои мнения, когда собираешь pro и contra ⁷ тех своих убеждений, которые считаешь верными — очень часто не находишь тех фактов, которые послужили к их выработке — они забыты. На их место появились новые факты, иногда гораздо, несравненно менее важные. Это тем более тяжело, что в знании многих фактов есть своего рода красота, прелесть, что один и тот же факт в разное время дает разное. Необходимое ли это следствие умственной работы или просто следствие неумения распоряжаться своим мышлением? Самонаблюдения императора Марка Аврелия я прежде вполне не читал; теперь, после этого разговора, и особенно здесь, на местах, на которых более 1½ тысячи лет тому назад начал писать этот человек свое сочинение, мне особенно хотелось прочесть их. Я скоро их кончу; отмечаю на полях все, что мне интересно, и на днях пришлю тебе книжку — мне **очень, страшно, ужасно сильно** хочется, чтобы ты прочла эту небольшую книжку **скорей** со свободным, смелым, не предупрежденным взглядом и чтобы скорей, даже до ее окончания, написала мне свое о ней мнение. Заметь, что это все написано врагом христианства, написано, по-видимому, раньше, чем было написано какое-нибудь из произведений Нового завета — Марк Аврелий писал, несомненно, в середине 2-го столетия, а относительно книг Нового завета сомнительно или по крайней мере спорно, появилась ли которая-нибудь из них раньше 2—3 столетия ⁸. То, что он говорил, вовсе не было что-нибудь новое в греческой философии — это были взгляды и мнения, которые не раз высказывались и выливались в греческой философии, и все то, что ты считаешь специфически новым для христианства, ты найдешь здесь сказанным: главным поводом действия и здесь является любовь к людям. Вообще для меня все более и более является сомнительным, было ли явлением прогрессивным победа христианства, не кажется ли это нам таким только оттого, что лучшие произведения древней, античной мысли и творчества до нас не дошли? Посмотри на все это,

голубушка моя, дорогая Тутя, смело, безбоязненно — это так, так важно, чтобы человек **свободно** жил в мире идеалов. Как хорошо об этом сказано у Марка Аврелия. Еще одно пока напишу (когда кончу книгу — напишу подробно) — страшно много дает для развития уже факт, что это было написано так давно и человеком, более могущественным, чем кто-либо из современных нам людей. Книжку сохрани: там пометками на полях я еще хочу воспользоваться. Знаешь, я начинаю понимать греческие статуи — это все то же, все то же великое стремление к идеалу, к истине, к лучшему... Пора кончать.

Как ты доехала, моя радость, мое сокровище, получил только твою записку из Вильны и еще не знаю, как ты встретилась с нашим маленьким богатырем.

Вот тебе несколько фактических новостей. Вышло сочинение Martig. Anschauungspsychologie mit Anwendung auf die Erziehung. Bern, 1888⁹ (3 fr. 50). В Германии уже 3-й год выходит журнал: «Die Jugend und Volksliteratur. Ein Rathgeber und Warner», издается Mullermeister'ом в Аахене, стоит пустяки (2 марки), я просмотрел за 1887 год — очень интересно, выпишу на имя Kalmork (кстати, напиши ей, что ты приехала — она теперь скоро в городе). Из немецких педагогических журналов — для нас подходящих нет (я просмотрел почти все). На днях читал о [Васе] — довольно верно. Да вот еще что: узнай и напиши мне, что с народными библиотеками¹⁰ в Петербурге, что с женскими курсами¹¹ (достань и позже пришли мне брошюру Пиклер)¹². Маме написал в город (дай ей знать). Получила ли мое большое письмо из Инсбрука? Адрес Агафонова? Крепко целую тебя, моя дорогая, родная рыбка. Пьешь ли коньяк и вообще **подробно** обо всем, что с тобой. Как сильно люблю я тебя, мою радость. Мой сердечный привет всем. Когда Анина свадьба?¹³

Твой Д.

Из Цюриха проеду в Базель или через Ригу, или через Цафгаузен. Подумываю вернуться не через Германию, а через Пьемонт и Северную Италию — хочется посетить итальянский университет и Циммерталь и Фосса. Сегодня в концерте слышал сцену из «Мейстерзингеров». Вагнера — пролог, что ты [слышала].

Д. 35, лл. 65—68.

¹ «Партия свободомыслящих» была организована в 1884 г. из слияния части национал-либеральной партии и прогрессистов.

² Отечество, отчизна (нем.).

³ Немецкий национальный союз.

⁴ Обогащение человека.

⁵ Секретный фонд для вознаграждения продажных журналистов, агентуры (нем.).

⁶ Размышления императора Марка Аврелия о том, что важно для самого себя. М., 1888.

⁷ За и против (лат.).

⁸ Римский император Марк Аврелий Антонин жил с 121 по 180 г. В Новый завет вошли религиозные тексты различных авторов и различных эпох — от середины I в. до середины II в.; процесс формирования канона продолжался еще несколько столетий и завершился лишь ко второй половине IV в.

Martig Emanuel. Anschauungspsychologie mit Anwendung auf die Erziehung. Bern, 1888.

Далее письмо написано на полях л. 66 об. — 69 об.

В. И. Вернадский спрашивает о Высших женских курсах (высшее женское учебное заведение в царской России), которые были закрыты в 1885 г. Это было одним из проявлений реакционной политики министерства народного просвещения. Предлогом для закрытия послужило создание при министерстве народного просвещения особой комиссии для рассмотрения общего вопроса о женском образовании. На время деятельности этой комиссии по распоряжению министра народного просвещения Д. А. Толстого был прекращен прием слушательниц на курсы, т. е. фактически курсы прекратили свою деятельность, которая была возобновлена под давлением передовой общественности России и профессорской коллегии. В письме от 10 октября 1888 г. Н. Е. Вернадская писала: «Женский университет процветает: занятия уже начались и, кажется, очень идут удачно, по крайней мере профессора и ученицы в бодром настроении и очень довольны. Твой Земятченский, который прекрасный человек, но порядочный кисляй, по моему туда вовсе не годится, и я совсем не сочувствую твоей страсти его пихать всюду» (ф. 518, оп. 3, д. 254, л. 141).

О какой брошюре идет речь, установить не удалось.

А. Е. Старицкая; ее свадьба с М. М. Любошинским состоялась 6 ноября 1888 г. в С.-Петербурге.

№ 73

5 августа 1888 г., Цюрих

Цюрих, 5/VIII 88, воскресенье

Дорогая моя Натуся. Завтра выезжаю отсюда в Шафгаузен и послезавтра буду в Базеле. Все никак не могу покончить с минералогической здешней коллекцией: сегодня просидел за минералами семь часов и не кончил! А <на> энтомологическую даже не удастся, вероятно, и взглянуть. Погода такая отвратительная — холодно и идет дождь, что ни о какой экскурсии в горы нечего и думать. По-видимому, придется совершенно изменить весь план экскурсии — об этом в Базеле с Андреем. Ездить по университетам и смотреть коллекции — не стоит, так как мне довольно просмотреть хорошенько несколько больших, зимой просмотрю Мюнхенскую, а затем ознакомлюсь с Парижской, Венской, Лондонской, таким образом, из больших коллекций Европы останутся мне неизвестными только коллекции Берлина, Болоньи, Бонна и Стокгольма, да еще несколько меньших с течением времени осматрю (в Базеле: где их 2, и прочие). Особенно вдаваться в эту область не стоит — много тут спорта, а обобщения здесь сделать, связать теперешнюю безалаберную кашу — не по Сенке шапка. Если не Швейцария, то у меня рисуетя несколько планов поездки: 1) Лондон, 2) третичные вулканы Оверни и древняя вулканическая область Эйфеля, 3) Пиренеи, 4) Эльба, Каррара и другие области Италии.

Еще не знаю: будь больше времени можно бы съездить в Северную Африку (стоит это вдвоем не дороже поездки в Италию etc.) — на фосфориты etc. Одним словом, пока еще не знаю (как жаль, что я оставил свои тетрадки — там у меня выписки по всем этим поездкам! И фрак! Где он — не у хозяйки ли? Напиши), но оставаться тут и сидеть в гостиницах совсем негоже. Для меня эта погода — одна маленькая,

пустышная загвоздка, да и не важная, а кругом, здесь, это несчастье: на горах снег, и в «альпах» (горных пастбищах) скот голодает, кругом наводнения, хлеба пропадают, и не только в Швейцарии, но и в Германии, как-то в России — ничего не знаю (напиши). В здешних газетах появились известия, что над Цюрихом пролетели дикie гуси на юг — предвестье холодов, а в метеорологических бюллетенях пишут, что есть вероятность холодной осени и зимы (впрочем, это «вероятие» имеет, конечно, одно теоретическое значение, так как это не что иное, как логический вывод, принимающий одинаковую возможность обоих событий, что, конечно, в природе не так).

6.VIII

Только что окончил совсем с минералогической коллекцией, хотя конец сделал очень спешно, геологически же осмотрел совсем бегло, между тем она чрезвычайно интересна. Гейм, профессор геологии здесь, один из самых лучших и широких современных геологов, и здесь собрана единственная почти (кажется, есть подобные же в Эдинбурге и в 2—3 музеях Америки) коллекция влияния горообразования на разные породы, окаменелости etc. Это один из очень важных шагов вперед в геологии, который был доказан главным образом Геймом несколько лет тому назад, его поддержали главным образом шотландские геологи, и только в самое последнее время он получил еще большее развитие благодаря работам Зюсса в Вене и Чверульда, Брёггера и другим скандинавским геологам. Между тем все эти идеи имеют огромное будущее. Земля понемногу остывает, и, остывая, ее кора под влиянием тяготения сжимается; на ней в определенных местах появляются складки, сдвиги — горы. В этих местах под влиянием давления происходит целый ряд химических и физических изменений пород; простые известняки, песчаники кристаллизуются, всякие химические процессы идут особенно сильно, и в результате является образование руд, выделение целого ряда кристаллизованных, превосходных минералов etc. Эта идея, логически развитая, обусловленная целым рядом опытов и точной переработкой материала, может дать много для минералогии (теперь она стоит от минералогии совсем в стороне). Вообще мне кажется, система минералов должна быть совсем, коренным образом изменена...

Удивительно богатство коллекциями, превосходное, почти роскошное устройство Цюрихского политехникума и университета, тем более, что это вовсе не государственные учреждения в нашем смысле слова — это учреждения кантональные, из бюджета Швейцарии на них ничего не тратится: некоторые кантоны не очень многочисленны; а между тем лаборатории, музеи в Цюрихе несравненно лучше Петербургского университета, который обставлен еще лучше других; в Базеле, по-видимому, устройство еще лучше: и здесь, и там выстроены лаборатории, особые здания, приновленные ко всяким современным требованиям, а в Петербурге лаборатория помещается почти в подвале, совсем плохо приновленном для занятий, или как у нас в Минералогическом кабинете, — помещена в коридоре. И вовсе это не нечувствительно для Швейцарии — страна вовсе не так богата, но здесь совсем другая трата денег,

и, например, из бюджета Женевы 10% идет на университет — и все эти деньги идут на университет, на науку, тогда как у нас и из тех крох, сравнительно, какие идут на высшее образование, добрая доля идет на траты, с образованием и наукой ничего общего не имеющие, вроде содержания педелей, тайной и явной полиции.

Д. 35, лл. 69—70.

№ 74

6 августа 1888 г., Шафгаузен

Замок Лауфен у Шафгаузена, 6/VIII 88

Дорогая моя Натуська. Уже давно не имею от тебя писем — верно, ты писала в Базель, где я буду только завтра в 6 часов вечера, так что завтра или послезавтра получу твои записочки (вероятно, не письма). Пока последнее известие имею из Вильно, да «генерал»¹ написал из Варшавы. Погода все скверная, да, главное, холодно; начал было писать тебе письмо (1 послал из Инсбрука, 2-е из Цюриха), но уложил его, и все вещи остались в Шафгаузене. Теперь жду $1\frac{1}{2}$ 10 вечера, когда водопад будут освещать электричеством. Пиши в Базель, а не в Женеву, так как если погода не переменится, я совершенно изменю маршрут своей поездки.

Крепко целую тебя и карапузика нашего: не забудьте сняться. Мой сердечный поклон всем. Из Базеля напишу подробно.

Твой Д.

На обороте: Наталье Георгиевне Вернадской, Ст. Териоки, по Финляндской ж. д., дача Старицкого, Via St. Petersburg

Д. 35, л. 71.

¹ Н. В. Харламов (см. комментарий № 3 к письму № 41).

№ 75

[9 августа 1888 г., Базель]¹

Дорогая моя, радость моя Тутя — получил я здесь 2 твои письма и очень, очень был им рад. Меня удивляет, что ты не получаешь моих писем. Сейчас с Андреем² едем в Мутье, где думаем догнать экскурсию швейцарских геологов (Андрей перепутал несколько, и мы опоздали). Из Мутье, если их догоним, с ними пройдемся по Юре, а оттуда через Berner Oberland пройдем в Biesenthal и Церматт и затем проедем в Женеву, пиши теперь в Женеву, хотя ужасно неприятно, что так долго не буду получать от тебя писем; с дороги напишу, куда еще можно писать, напиши все-таки одно письмо в Берн и Лозанну, где я, вероятно, остановлюсь, чтобы осмотреть музей. Пиши мне обо всем, моя дорогая. Сегодня второй хороший день, и это даст мне возможность надеяться,

что погода переменится, и мы можем хорошо поездить. Сейчас Мутье и спешу кончить. Крепко целую вас обоих. Мой сердечный поклон всем.

Твой Д.

На обороте: Наталье Георгиевне Вернадской, Териоки по Финляндской ж. д.,
Russie, via **St. Petersburg**

Д. 35, л. 72.

¹ Дата и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

² А. Н. Краснов.

№ 76

11 августа 1888 г., Бьенн

Бьенн, 11.VIII 88

Дорогая моя Натуся, не знаю, получаешь ли мои письма, а я еще долго не получу ни одного твоего, так как буду в Лозанне или в Женеве только 12—20 августа, а так хочется знать о тебе и о всем. Экскурсией с швейцарскими геологами очень доволен. Все 3 дня была превосходная погода, и в Юре мы видели очень много; теперь выезжаем из Бьенна в Берн; завтра из Берна отправимся в Интерлакен, из Интерлакена перейдем пешком через Фурку в долину Роны, а затем в Бонн и затем по железной дороге через Лозанну в Женеву. Мы почти решили отправиться на конгресс французских геологов (в Куртене 19 августа), а затем через Овернь поехать в Лондон; по словам Маржеро, с которым здесь познакомились, экскурсии конгресса чрезвычайно интересны, и стало очень жаль пропустить их. Между швейцарцами и немцами разница громадная. Мне здесь нравится.

Крепко целую вас обоих, мои дорогие; мой поклон всем. Пиши все пока <в> Женеву, а потом напишу, куда — в Лион или Куртене. Крепко, много целую.

Твой Д.

На обороте: Наталье Георгиевне **Вернадской**, Ст. Териоки, по Финляндской ж. д.,
Russie, St. Petersburg

Д. 35, л. 73.

№ 77

11 августа 1888 г., Берн

Берн, 11/VIII 88

Дорогая моя, радость моя, моя маленькая ненаглядная Натуська — так давно, страшно давно не получал я от тебя ни одной строчки [...] И еще несколько месяцев пробуду я без тебя, но с радостью жду я, когда приеду в Женеву или в Лозанну и там получу твои письма.

Меня очень беспокоит, не утомило ли тебя путешествие, не очень ли устала ты с дороги, моя радость, ты — мое сокровище, которое я люблю больше всего на свете, и как я счастлив, что так сильно и горячо люблю тебя, верю в тебя — как ты мне нужна, дорогая, какое ты мне дала хорошее и славное счастье. И никогда не думал я, чтобы я мог так сильно, так неэгоистично полюбить кого-нибудь и чтобы это было так хорошо и так глубоко-сильно. Моя родная, маленькая, милая, бесконечно добрая, дорогая Натуська. Теперь я сижу в Берне. Прошло уже несколько дней, как я не писал тебе письма и давал о себе знать только открытыми карточками. Последний раз писал я тебе из Цюриха, да из Базеля письмо в чемодане уехало в Женеву, где, как знаешь, буду не раньше 19 августа, и я тебе напишу обо всем, что было со мной с Цюриха, — а в это время я побывал в Шафгаузене, Базеле, где встретился с Андреем¹, из Базеля проехали в Мутте, Кур — дня 1 1/2 проходили в окрестностях, пересекли цепь Юры и осмотрели окрестности Бьенна и частью Бьеннского озера, а затем теперь проехали в Берн. Цюрих, как я писал тебе, мне очень понравился. Не знаю почему, с детства у меня о нем осталось впечатление грязноватого города (осталось еще впечатление, как мама боялась, чтобы мы там говорили по-русски — из-за русских «нигилистов» и пр.), между тем это город с прекрасным местоположением, расположенный на берегу одного из самых живописных озер (какая прекрасная вещь вообще озеро и какую прелесть придает оно пейзажу). Очень недурно отстроенный и вообще очень и очень миленький городок. Цюрих как бы то ни было должен быть дорог русскому, который не чужд тех умственных движений, которыми жило или живет русское общество. Какие бы излишества не происходили в том движении и среди тех людей, которых называют «цюрихскими студентами» или «студентками», все это движение все-таки носит характер страстного, горячего движения людей к знанию, приобретая это знание из-за той [нестойкой] стены, какой окружено его получение условиями жизни или управления на родине. И в это тяжелое время (а теперь наступили еще более тяжелые времена, еще труднее добиваться знания, учиться) многие русские люди нашли приют в Цюрихе, где им был открыт доступ к тому образованию, которое было недоступно им на родине. Меня поразило в Цюрихе, как часто слышу я русскую речь: в музеях, на улице не раз слышится русский говор, вечером несутся русские студенческие песни. По-видимому, теперь сюда съехалось еще больше русских, они приехали раньше, так как гимназии окончились теперь только, и ждут начала лекций; да этого и надо было ожидать при затруднениях, какие поставлены теперь получению образования. Очень бы было интересно проверить это впечатление — верно ли оно? Цюрихский политехникум по устройству своих музеев, лабораторий несравненно больше и лучше поставлен, чем Петербургский университет, а Петербургский университет в этом отношении [почти] богаче всех других. Мне представляется, что в сильной степени здесь зависит все от того самоуправления, какое предоставлено цюрихскому политехникуму и университету и от малой доли бюрократичности в их управлении. Вообще еще одна сторона в швейцарской жизни — жизни университета — дорога и нравится мне в Швейцарии — это тесная связь его с местностью, это постоянное,

непрерывное участие кончивших курс во всех судьбах своей родной alma mater. Вообще и все городское население относится с большим интересом ко всему, что совершается в жизни университета: есть общество, которое помогает ему своими средствами, и т. п. В Цюрихе я обратился с вопросом, как пройти на вокзал к простому, по-видимому, старичку рабочему, и он мне говорил с гордостью о том, что Цюрих является умственным центром всего Bund'a, о том, какие они построили теперь лаборатории (видел ли я их), указал библиотеки и говорил, что много к ним приезжает учиться. На геологической экскурсии я встретился, кроме профессоров, с целым рядом ученых, которые прекрасно знают свою местность, но которые не что иное, как купцы, мелкие помещики, аптекари, учителя, почти в каждом городке (я видел такие музеи в Шафгаузене, Бьенне и пр.) найдешь ты музеи, особые здания, которые поддерживаются, улучшаются местными горожанами; вообще нигде до сих пор меня не удивляло то широкое распространение умственной жизни и такой широко распространенный интерес к науке, какой я встречаю в Швейцарии.

В Цюрихе и потом позже окончил я своего Марка Аврелия² (пришлю из Женевы) и теперь начал читать «Essais» Монтеня³, хотя теперь, когда погода стоит такая чудная, читать мало времени. Мне не хочется теперь писать тебе о Марке Аврелии, так как уже после того в эти несколько дней я видел слишком много другого и не могу еще разобраться в этом материале.

Надо мне кончать, так как выезжаю часа через 3—4 из Берна в Интерлакен (а если там теперь слишком дорого — все туристы теперь бросились в горы, то в Бриенц), а мне еще надо осмотреть музей, где нас ждет к 11 часам проф. Штудер, и купить кое-какие вещи. Докончу письмо из Интерлакена или Бриенца.

Крепко, много раз целую тебя, мою ненаглядную рыбку; так горячо и сильно я тебя люблю. О как я тебя люблю, мою радость, мое сокровище [...] Юрку⁴ поцелуй от меня хорошенько, мой сердечный поклон всем.

Твой Д.

Д. 35, лл. 74—76.

¹ А. Н. Краснов.

² См. комментарий № 6 к письму № 72.

³ *Montaigne. Essais...* / Publ. par E. Courbet, Ch. Royer. P.: Lemerre, 1872—1900. Vol. 1—5.

⁴ Г. В. Вернадский.

№ 78

12 августа 1888 г., Гриндельвальд

Гриндельвальд. 12.VIII 88

Дорогая моя Натуська. Пишу тебе с дороги, вчера вечером из Интерлакена мы начали наше путешествие, ночевали в небольшой деревушке и теперь отдыхаем, взобравшись на высоту более 1000 м, сделали сегодня

около 18 верст, и еще сегодня осталось сделать верст 20 с лишком — теперь полезем еще дальше в гору. Наше пешеходное странствие продолжится еще дней 5. Отдохнув, отправимся на ближайший глетчер, но глетчерного тура делать не будем — нет времени. Из Лозанны напишу, куда писать во Франции, а пока пиши непременно в Женеву — так будет приятно и хорошо получить много твоих писем. Здорова ли ты, моя голубушка? Так неприятно ничего про тебя не знать. Целую вас обоих много раз. Мой сердечный поклон всем. Хочу ехать в Лондон.

Твой Д.

Кланяюсь и желаю всего лучшего. Краснов ¹

На обороте: Наталье Георгиевне Вернадской, ст. Териоки, по Финляндской ж. д.,
Russie, St. Petersburg

Д. 35, л. 77

¹ Приписка сделана рукой А. Н. Краснова сверху на полях карандашом.

№ 79

14 августа 1888 г., Фиш

88, 14/VIII, Фиш

Дорогая, милая радость, моя Натуська, так давно, давно я ничего совсем о тебе не знаю и еще дня 2—3 не получу от тебя весточки — пока не приеду в Женеву или Лозанну, если ты только туда написала. Так хочется скорей получить от тебя записочки, а еще больше хотелось бы быть возле тебя [...]

Теперь я уж кончил экскурсию по Швейцарии, на днях мы будем во Франции, которую прорежем значительно, так как хотим проехать в Лондон (куда я почти наверное решил ехать через Бискайский залив, чтобы увидеть хоть часть Пиренеев). Из Лозанны напишу тебе, куда писать во Франции, так как не знаю совсем, поедем ли на съезд французских геологов — если это будет большой крюк, не поедем.

С Красновым говорили порядочно. Он вполне со всем согласился (твои письма ему ужасно понравились), и мне очень хочется, чтобы он пожил и поговорил с Сергеем ¹, так как Краснов останется в Лондоне по крайней мере до конца октября. Я думаю и хочу (поговорю об этом с Сергеем), чтобы его лучше поняли, [чтобы] лучше отнеслись к нему, чем до сих пор относятся очень многие и Сергей один из первых, и я думаю, что весьма, почти вполне возможно, что он станет нам совсем близким человеком ². Я пишу довольно несвязно, так как несколько устал — сегодня часов 8 маршировали (влезали через Гримзельский перевал — больше 2100 метров и потом ехали по жаре), но мне так хочется написать тебе, моей ненаглядной, несравнимой девочке, хоть несвязно, так как так сильно люблю тебя и чувствую, что моя маленькая головка обо мне думает, а сердечко бьется. Мне хотелось тебе писать более или менее подробно обо всем виденном, но письма сильно отстают,

и я не знаю, не лучше ли писать не старое, а новое — мне думается, что такое отставание всегда будет при пешеходных, довольно утомительных хождениях. А по горам — хотя когда влезешь и очень хорошо, сегодня на Гримзеле было превосходно, но влезать страшно тяжело и очень неприятно. Я думаю, что никогда альпинистом не сделаюсь — слишком ленив я для этого.

Все время нашему пешеходному путешествию погода благоприятствовала, так что даже тяжело было идти по жаре по горам с тяжелым мешком за плечами. Видели много и довольно интересно, но теперь совсем ничего писать не могу.

Крепко, крепко целую тебя, мою ненаглядную радость, а сынишку расцелуй хорошенько. Из Лозанны обо всем напишу обстоятельно. Мой искренний поклон. Как я сильно люблю тебя, моя дорогая девочка.

Твой Д.

Д. 35, лл. 78—79.

¹ С. Ф. Ольденбург.

² См. комментарий № 11 к письму № 41.

№ 80

16 августа 1888 г., Бриг

Бриг, 16/VIII 88

Дорогая моя Натуся. Сегодня окончили нашу поездку по Швейцарии и теперь через час едем из Брига по железной дороге в Вильнёв, а оттуда завтра по Женевскому озеру в Женеву. Пиши мне теперь во Францию, в Коммантри (Commentry), poste restante ¹ — письма два, а потом в Лондон на имя Сергея ² — в Лондоне будем 30 августа или 1 сентября. Погода все время стояла прекрасная и только сегодня началась опять гадкая — боюсь, что во Франции нам не повезет. Вот еще забыл взять все рекомендации во Францию, но думаю, что обойдусь и так, по крайней мере проф. Реневье и Маржеро, с которыми здесь познакомилась, уверяют, что совсем ничего и так явиться. Видели очень много, в Женеве отдохнем день, день пробудем в Лионе, а из Коммантри будем экскурсировать неделю, а может больше. Так рад, что завтра получу твои письма.

Крепко целую вас обоих. Мой сердечный поклон всем.

Твой Влад.

На обороте: Наталье Георгиевне Вернадской, ст. Териоки, по Финляндской ж. д., дача Старицкого, Russie, via St. Petersbourg

Д. 35, л. 80.

¹ До востребования (фр.).

² С. Ф. Ольденбург.

18 августа 1888 г., Женева

Женева, 18/VIII 88

Дорогая моя, ненаглядная, славная девочка, сегодня в Женеве получил я твои все письма (4 письма — последнее № 6 без числа!). Моя маленькая, драгоценная Натуська, много, очень много мне хотелось бы написать тебе по поводу этого, но главное, что я хочу написать тебе, — это то, что я очень сильно, очень, очень люблю тебя, мою ненаглядную рыбку, и что ты не должна волноваться, что ты временно физически не сильна, потому что не физическая сила делает человека, а работать, развиваться дальше мыслью ты можешь и дальше без физической силы. Конечно, надо приобретение новых фактов, но и все мы их приобретаем, только внимательно и постоянно следя, работая над какой-нибудь **одной** областью, а по другим — стараясь пополнять свое знание с помощью общих обзоров, статей или отдельных популярных очерков, лекций, разговоров. И я считаю, что только имея определенную, строго ясную цель, человек теперь может получать новый материал для мысли, ведь вся сила, какую может получить человек из знания, состоит в том, чтобы у него было солидное знание, чтобы у него не было легкости, дилетантизма. А это возможно только при практически возможной, небольшой области изучения. Мне вспомнились здесь очень славные наблюдения Монтеня, которые я прочел сегодня утром на пароходе: «...ainsin estil des esprits. Si on ne les occupe à certain sujet, qui les bride et contreigne, ils se jettent desreiglez, par cy par la, dans le vague champ des imaginations... Et n'est folie ny rêverie qu'ils ne produisent en cette agitation... L'ame qui n'a point de but estably, elle se perd: car comme on dict, c'est n'estre en aucum lieu, que d'estre par tout» (Essais, Livre I, chapitre VIII) ¹

И, действительно, не в количестве изученных фактов, не в их значении является сила нашего мышления, а в том, чтобы эти факты составляли так называемое знание, т. е. являлись продуманными, ясна была нам взаимная между ними связь. А это возможно только при ясном, определенном предмете изучения, это возможно только с помощью строго научного **изучения**. А при этом необходимо иметь цель — **что** именно изучаешь, для чего и как; а раз изучаешь что-нибудь, то, так как все находится в связи, сразу кладутся рамки и остальных знаний в размере, необходимом для действительного понимания явлений. Это определяет не всю сумму знаний, но определяет его характер и отделяет, таким образом, довольно резко во всех делах — дилетанта от человека, привыкшего к научной работе. Но для нас это еще не все — надо необходимо сохраниться на той высоте современного знания, какой достигнут был при изучении, надо умело набирать новые факты, выбирать из безбрежной массы сырья, наносимого всюду сознательной и несознательной работой целых тысяч работников. А это тоже возможно только при имени сознанного района исследования и старания понять изучаемое возможно полно и глубоко. И мне кажется, что то, что ты теперь чувствуешь, не есть необходимость новых фактов — а чувство необходимости достиг-

нуть этой ориентировки ума; пока ты, интересуясь общественными вопросами, начала было так или иначе изучать их, тебя не страшила эта мысль отстать, потому что перед тобой являлись новые факты и ты в их массе разбиралась мыслью, выходила за их пределы и жила среди кипучей, определенной, умственной работы. Ты не продолжила, однако, изучать это, как начала, даже сперва строго придерживаясь Дюринга и *tutti quanti* ², и теперь ум, испробовавший чего-то лучшего, более полного, страшится и **хочет** новой, такой же работы. И твоя задача теперь и стоит в определении и в искании этой новой области — она перед тобой. Это область вопросов — воспитание ребенка, т. е. педагогики не в смысле учения, а в смысле действительно воспитания лучшего человека, и это такая область, к которой лежит твое сердце и в которой может и должен работать твой ум. Ты должна стараться изучать старательно этот вопрос со всех сторон — ознакомиться со всей литературой, собрать ее, знать ее — знать не то, что именно каждый по этому вопросу работавший думает, это не так важно, а то, что он принес или приносит нового, фактически важного. Это область, как все, почти безбрежна, она входит в пределы всех наук, но задача изучения состоит в том, чтобы в каждом частном вопросе, к какой бы области он ни относился, раз понимание его нужно для тебя, вполне разобраться, вполне уяснить себе его, и тогда тебе очень скоро станет ясно, чего именно недостает тебе в твоём образовании и какого рода новых фактов тебе надо. Мне кажется, что процесс работы, укладка ума везде одинакова, какими бы вопросами мы ни занимались: историей ли римского государства, строением твердой материи или воспитанием человека — и везде мало-помалу вырабатывается общая умственная атмосфера фактов и понятий, для всех одинаковая. Приступить к изучению педагогики возможно многими путями: ты уже начала, и ты должна продолжать. Я лично считаю лучшим путь частной определенной небольшой работы, во время которой ты уяснила бы себе и все вопросы, с которыми ты сталкиваешься; чтобы ты при этом продолжала находиться *au courant* ³ всего, теперь в этой области совершающегося. Таким образом: 1) разработка частного вопроса по источникам и 2) слежение и уяснение всего выходящего нового. Я сперва думал, что хорошо в виде частного вопроса взять тебе вопрос об итальянской педагогической литературе, но теперь думаю, что это для начала очень трудно и гораздо лучше брать отдельные частные вопросы, которые ты могла бы брать один за другим, и, сделав 1—2 работы, ты, конечно, легко пойдешь дальше. А итальянскую литературу надо читать, как надо читать со строго определенными выписками и все новое. Как такие вопросы — обработка по литературным данным — мне теперь, например, представляется: игры у детей, их значение (в последнее время об этом много вышло работ, и интересно указать, как мало в таком важном вопросе сделано педагогикой и как много здесь простой традиции, случая, невежества и меркантилизма), другой вопрос, имеющий значение, представляется мне, например, изложение взглядов на воспитание ребенка после Локка и до настоящего времени, хорошо было бы взять именно все направление научное, хотя это работа очень большая, но зато она и тебе должна дать очень и очень много. А пока, моя дорогая, ненаглядная рыбка, окончи свою программу, отошли в «Рус-

ские ведомости» или «Неделю» свой реферат о статье Франкенштейна и не волнуйся мыслью о своей слабости. Человек силен не телом, а духом, и настоящая сила в этом духе самом и заключается — в нем твоя главная сила, и если ты не будешь волноваться, то дух будет все расти и стремиться вперед и дальше.

Хочу отослать это письмо, а потому пока ничего не буду писать. Пиши в Лондон. Во Франции побудем с неделю — проедем по Оверни, а затем поедem в Лондон. Пиши мне больше, моя дорогая, родная девочка [...] Напиши хоть несколько слов Сереже⁴ и Лельке⁵

Васино⁶ письмо мне не понравилось: ему, вероятно, тяжело. Получила ли Аня⁷ мое письмо? Каким нашла Александра?⁸ Из Мюнхена и я не получаю ни писем, ни денег.

Пиши, моя голубушка. Сердечный поклон всем.

Твой Владимир

Не забудьте сняться — пиши мне обо всем, о каждой мелочи. Моя родная, ненаглядная, неоценимая, любимая Тутя.

Д. 35, лл. 81—83.

¹ Очевидно, В. И. Вернадский пользовался выходившим в то время изданием: *Montaigne. Essais ...*/Publ. par E. Courbet, Ch. Royer. P.: Lemerre, 1872—1900. Vol. 1—5. Цитата сверялась по более позднему изданию, вышедшему в Париже в 1962 г.: *Montaigne Michel. Essais...* P.: Ed. Garnier Freres, 1962. P. 29. «... так же с нашим умом. Если не занять его определенным предметом, который держал бы его в узде, он начинает метаться из стороны в сторону, то туда, то сюда, по бескрайним полям воображения... И нет такого безумия, таких бредней, которых не порождал бы наш ум, пребывая в таком возбуждении Душа, не имеющая заранее установленной цели, обрекает себя на гибель, ибо, как говорится, кто везде, тот нигде». Перевод дан по книге: *Монтень Мишель. Опыты.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. С. 41.

² И всех ему подобных (ит.).

³ В курсе дел (фр.).

⁴ С. Е. Крыжановский.

⁵ Л. А. Оболянинов.

⁶ В. В. Водовозов.

⁷ А. Е. Старицкая.

⁸ Очевидно, Александр Сергеевич Зарудный.

№ 82

20 августа 1888 г., Лион

Лион, 20/VIII 88

Дорогая моя Натуля. Вчера вечером приехали в Лион и сегодня целый день просидели сперва в библиотеке, готовясь к Оверни, а потом были часов 4—5 в превосходном (лучшем из мной виденных) ботаническом и небольшом зоологическом садах. Были на народном гулянье, нечто вроде наших балаганов, а теперь пишу тебе тоже с гулянья-концерта (нельзя сказать, чтобы было очень хорошо). Из Лиона мы едем в Клермон, откуда будем, думаю, делать большей частью экскурсии

опять пешком, может быть, еще раньше спустимся ниже по Роне, где южная средиземная флора.

Целую вас обоих очень крепко. Так сильно люблю и так хорошо любить. Пиши. Сегодня напишу всем. Сердечный поклон всем. Целую тебя, мою неоценимую, Натуся, моя радость, гордость и счастье.

На обороте: Наталье Георгиевне Вернадской, Ст. Териоки, по Финляндской ж. д., дача Старицкого, Russie; via St. Petersbourg

Д. 35, л. 84.

№ 83

20 августа 1888 г., Лион

Лион, 20/VIII 88

Дорогая моя, родная, ненаглядная девочка, моя хорошая, милая, единственная Натуся [...] Мне хочется, чтобы ты, отбросив всякие стеснения, старалась делать все для своего здоровья, так как самое важное теперь — это восстановить его всеми средствами, и я вполне уверен, что это легко можно сделать, если ты не будешь теперь сильно волноваться и не будешь стеснять, делать глупые в этом случае экономии на каких-нибудь мелочах.

21.VIII

Моя маленькая девочка, сегодня в Лионе я получил твое письмо, адресованное в Женеву, и очень ему рад, но вот что — к Любошинским отправиться не мог, потому что получил, как видишь, письмо поздно¹ Еще хотел заметить: не напрасно ли, смеясь проделкам сынишки, приучать его делать всякие штуки; мне всегда казалось, что это самое вредное для ребенка и что этим развиваются многие нехорошие инстинкты. Может быть, я тебя не так понял, но все-таки подумай. Кстати, о детях — вышла новая книга Пере: *L'art et le poésie chez l'enfant*², очень бы хорошо было тебе эту книжку достать и прочесть, а может, прореферировать ее, в СПб. ты ее найдешь. Относительно передачи дел Мих. Ив.³ — делай как хочешь, **теперь**, когда нас нет, это, конечно, лучшее, а позже — я не знаю. Относительно письма Шуры⁴ — боюсь, что опять мудрят, меня страшит, чтобы та узость, которая проявилась в нашем братстве вначале, не проявилась снова, приняв формы узкого знания одной местности, и чтобы не скрылись интересы всей России — как большой различной группы людей, я говорю это не потому, чтобы считал хорошим существующую Россию, как она есть, а потому что думаю, что настоящая политическая деятельность возможна только тогда, когда берешь ее как факт. Не может быть хорошим русским политическим деятелем (что теперь **прямо нужно**) узкий украинофил, узкий армянофил или узкий русофил (как, например, большинство из вас и, к сожалению, и ты [...] но это пройдет). Это меня пугает больше всего, так как по опыту

знаю, что в нашем кружке много элементов, которые могут это сделать. И нового, совсем уже гибельного, проявления узости и пережурдничества в этой форме я боюсь для братства, если Приютино осуществится где-нибудь на севере. Я боюсь, что в переговорах с Сергеем⁵ я очень сильно разойдусь с ним: я не могу быть исключительно великорусским деятелем, как не могу быть исключительно малорусским — я считаю вредным для образованного интеллигента основывать свою деятельность **исключительно** на почве одной народности, какая бы она ни была; особенно скверна здесь господствующая народность. Я думаю, что это опять не особенно ясно мною высказано, но в настоящую минуту я не в расположении писать подробно. Я не хочу, чтобы нашим детям передавалась та национальная узость, которая порядочно сильна во всех вас и которая разовьется еще сильнее, если мы поселимся в исключительно великорусской северной стороне; с этой точки зрения для меня является наиболее желательной деятельность в стране смешанной. Перебирая еще раз, я вполне остаюсь при своем мнении за юг и еще с прежних 2 точек зрения: 1) большее разнообразие, больше возможности развиваться на воздухе, большая легкость физической работы и 2) слишком важное значение юга России в недалеком будущем как для жизни России, так и его всемирной роли. Ну, да об этом напишу после разговора с Сергеем.

Франция мне нравится, хотя пока из Франции видел только один Лион — большой, широко раскинувшийся город с характером жизни и частью построек, напоминающими Италию. В Лионе осмотрели сады, археологический и художественный музеи; музей минералогический с очень, как слышал, богатой коллекцией минералов Франции осмотреть не удалось, так как вследствие переделок он заперт. Здесь не слышна та жизнь, которая теперь идет в различных частях Франции, вследствие катавасий, поднятых Буланже и К^о⁶. Эти последние выборы⁷ как-то и мне дали чувство жалости, чувство, которое лучшая из здешних газет — «Temps»⁸ выразила как humiliation⁹. Все это заставляет сильно задумываться над теми формами местного управления (в них, кажется, мне, весь вопрос), какие могут и должны быть даны для лучшей жизни страны. Теперь мы видим кругом какую-то кашу, поднимаемую самыми различными людьми, которым в руки попала власть и которые ею пользуются неведь для чего. Как-то сильнее чувствуешь необходимость не держаться в стороне от текущих событий, не оставлять власть в руках лиц, которые завладевают ею, когда другие ее не берут. Много заставляла меня думать и та история стачек рабочих, которая происходила, а частью и происходит до сих пор во Франции. Как относиться к этому явлению? Право не брать работы, когда она кажется невыгодной, право требовать повышения платы, когда она чрезвычайно низка — отрицать у рабочих нельзя, но при теперешних обстоятельствах Франции эти стачки являются для нее тяжелой вещью. С другой стороны, верна ли оценка той силы, которую, как мне кажется, имеет Германия, — не сильнее ли, могучее, говорят, брожение, которое происходит во всех рабочих массах, в том числе и немецкой? Эти стачки очень интересны потому, что они ставят прямо вопрос об организации работы, должна она быть организована государством? У меня в последнее время является все больше неприязни к этому способу организации — он мне кажется

слишком вредящим личной свободе и дающим слишком много силы центральному правительству, система управления, например, прусскими железными дорогами не совсем так ясно хороша, как казалось мне еще недавно; с другой стороны, организация в виде отдельных рабочих корпораций может привести, может быть, опять к тем же самым губительным последствиям, к каким приводит и современная система организации работы. Но есть ли для этого способа сохранение государственных форм как посредника между отдельными самоуправляющимися рабочими товариществами или *communes*¹⁰? Не явится ли тогда самый вопрос об организации так называемых отношений труда и капитала следствием вопроса о лучшей организации местного самоуправления, о лучшем способе федерации возможно свободных коллективных единиц? Еще одно из всей этой истории — это довольно несимпатичный способ действий здесь анархистов. Сколько среди них искренних? И кто большинство? Убеждение ли это или привычка и распушенность?

В Лионе мы были раза 2 на народном гулянье. Каждый квартал, чередуясь в течение лета, имеет дней 15 подряд вечером нечто вроде балаганов — собственно совсем почти тот же характер увеселения, что и наши балаганы, здесь даже *montagnes russes*¹¹ Разница между нашими и здешними самая несущественная. Общий характер — даже отношение масс здесь то же самое. Все это абсолютно дешево, но относительно дорого, и снова сильнее вспомнилась необходимость облагораживания этих народных удовольствий, о чем еще недавно говорили с Дришем. Здесь благодарное поле работы. Сколько здесь действительно вкуса настоящего и сколько здесь следствия незнания ничего лучшего?

[...] Завтра, может быть, еду в Клермон. Пиши в Лондон и чаще — так рад твоим письмам. Целую вас обоих. Мой сердечный поклон всем. Очень жаль, что не удалось быть у Любошинских. Что Егор Павлович¹²? Что Свешников¹³? Пиши все.

Твой Додя

Д. 35, лл. 85—87.

¹ В письме от 5/17 августа 1888 г. Н. Е. Вернадская писала: «Зайди в Женеве к Любошинским, их адрес — Rue Pierre — Fatio, 14, Docteur Saloz» (ф. 518, оп. 3, д. 254, л. 33).

² *Perez B. L'art le poésie chez l'enfant*. P.: Alcan, 1888.

³ Личность установить не удалось.

⁴ А. П. Ольденбург.

⁵ С. Ф. Ольденбург.

⁶ Буланже Жорж Эрнест Жан Мария — французский генерал и политический деятель, глава буланжизма — шовинистического движения во Франции, возникшего в конце 80-х годов XIX в. в условиях политического и экономического кризиса Третьей республики.

⁷ В. И. Вернадский пишет о дополнительных выборах, которые происходили 19 августа 1888 г. в трех департаментах Франции. Буланже, чтобы привлечь внимание, сложил свои депутатские полномочия и выступил кандидатом в трех департаментах, во всех трех он был избран. Буланже и его сторонники стремились к государственному перевороту. Вокруг Буланже концентрировалась преимущественно мелкая и средняя буржуазия, его поддерживала партия радикалов, но главной его опорой были монархисты, с которыми он поддерживал тайные связи, крайние националисты, мечтавшие о реваншистской войне против Германии, и клерикалы.

⁸ «Le Temps» — французская ежедневная газета, выходила в Париже с 1861 г. до середины XX в.

⁹ Самоуничтожение.

¹⁰ Коммуны.

¹¹ Русские горы (аттракцион).

¹² Старицкий.

¹³ Возможно, Митрофан Иванович Свешников.

№ 84

24 августа 1888 г., Клермон-Ферран

Клермон, 24/VIII 88

Дорогая Натуся, пока пишу коротенькое письмо, а сегодня вечером напишу длинное. Сегодня не получил от тебя письма — верно, дня 2 ты не писала. Погода пока стоит хорошая, но боюсь, что завтра будет скверно. Завтра будем экскурсировать в окрестностях Клермона, среди его вулканов, а послезавтра утром выедем в Иссаур и оттуда пешком пройдем в Лакёль и из Лакёля проедем в Лондон, еще не знаю как — через Бордо или через Париж. Сегодня получил только письмо от мамы. Погода может расстроить наши планы, а надо быть в Лондоне до 1-го сентября. Здесь осмотрел очень порядочную минералогическую коллекцию, ботанический сад и просидел в библиотеке, окончательно подготовившись к Оверни. Пиши, моя дорогая, чаще и не делай таких промежутков, как теперь. Спешу идти, так как времени мало; пиши чаще. Крепко целую вас обоих; мой сердечный поклон всем.

Твой Владимир

На обороте: Наталье Георгиевне Вернадской, Ст. Териоки по Финляндской ж. д., дача Старицкого via St. Petersburg, Russie

Д. 35, л. 88.

№ 85

24 августа 1888 г., Клермон-Ферран

Клермон-Ферран, 24/VIII 88

Дорогая моя, милая моя, родная Натуська. Скоро мы окончим нашу поездку по Франции и отправимся в Англию, мы еще никак не можем решить — отправиться ли через Бордо или Париж.

Бордо, правда, ближе Парижа, но из Бордо в Лондон ехать очень долго, зато интересно проехать океаном, нигде не можем узнать, когда идут пароходы из Бордо в Лондон и есть ли правильное пассажирское сообщение. Андрей¹, правда, уверяет, что есть, но я ему в этих делах не особенно доверяю. Меня очень удивляет, что от тебя давно не получаю писем [...] Сегодня получил письмо от мамы, она в восторге от Юрки и говорит, что ты с него просто глаз не сводишь, моя родная девочка, так ясно я представляю себе, как ты сидишь и смотришь на него, мое

дорогое сердечко — такое доброе. Я так уверен, что ты можешь сделать из него хорошего честного человека, хотя он еще долго будет просто дорогой, маленькой обезьянкой.

Франция и французы мне очень нравятся; после Германии они производят на меня впечатление чего-то очень культурного; в Германии, в обществе, очень многое меня шокировало и казалось грубым, варварским; здесь, наоборот, я чувствую себя стесненным, и иной раз мне кажется, что многие мои движения, поступки должны казаться дикими, шокировать моих соседей. Разница, положительно, огромная, даже до невозможности резкая. С французским языком справляюсь, и меня даже не всегда принимают за иностранца, а иной раз за провинциала (в Швейцарии то же самое случилось и с немцем, который все хотел знать, из какой я провинции, и страшно поразился, когда я говорил, что я не немец, что мне совсем не понравилось), очевидно, иностранцы очень нетребовательны к языку. Клермон — очень порядочный городок; в нем очень недурной ботанический сад, прекрасная публичная библиотека и очень порядочный музей. И музей, и ботанический сад, частью и библиотека созданы главным образом на средства одного человека, хорошего местного натуралиста Лекока. Вообще меня поразило широкое развитие таких музеев и библиотек в городах запада, и я все более и более сознаю, какая заключается в этом сила и как необходимо устроить то же самое в России. Одна хорошая сторона таких учреждений везде здесь — для них нет определенного шаблона, определенных рамок, которые стесняют так сильно нашу деятельность и заставляют во всяком деле на родине тратить так много сил и времени на борьбу с регламентацией и непонятной деланной рутинной — курьезно, рутинной почти без традиций. Завтра или послезавтра осмотрю еще частную коллекцию одного из местных продавцов минералов, с которым вхожу в сношения (курьез и неприятно: в Женеве совсем забыл сделать это, хотя у меня был адрес и рекомендация конторы, и вспомнил на железной дороге!). Затем завтра сделаем экскурсии на вулканы в окрестностях Клермона, а потом пройдем часть более южную, около Мон Доре, в области более древних вулканических извержений.

Узнай — напечатаны ли мои фосфориты². Я думаю, когда буду во Франции, хорошенько изучить положение этого вопроса во Франции и сделать ряд поездок в главные месторождения, тем более что такие поездки стоят вовсе не так дорого. А вопрос совсем бросать жаль.

Пока устал и больше напишу позже. Крепко, крепко целую тебя, моя ненаглядная, милая, родная, любимая девочка. Веди себя хорошенько. Снимись с сынишкой. Сердечный поклон всем. Пиши мне чаще.

Твой Додя

Д. 35, лл. 89—90.

¹ А. Н. Краснов.

² См. комментарий № 2 к письму № 57.

26 августа 1888 г., Клермон-Ферран

Клермон-Ферран, 88, 26/VIII

Моя дорогая, ненаглядная, милая девочка, моя родная, славная Тутя, так сильно, так горячо люблю я тебя, мою милую девочку, так мне хорошо с тобой и так мне дорого, так мне нужно быть любимым [...] моей неоценимой Тутей. И теперь, когда я знаю, что есть сердечко, которое бьется такой чистой, такой не эгоистической любовью ко мне, когда маленькая, дорогая головка обо мне думает, мне как-то сильнее хочется быть лучше и как-то оживотворяется, согревается тот правильный мир, какой создает фантазия в бездушном и пустом, в сущности, хаосе, нас окружающем и в нас находящемся. Моя родная Тутя, мое сокровище, моя единственная [...] Как я тебя сильно люблю [...]

Сегодня получил я твое (9-е) письмо, и тебя надо хорошенько наказать, что ты сделала столько промежутков, дней, в которые ты мне не писала, между 8 и 9 письмами. Или ты была очень слаба? Ты мне не пишешь подробно про свое здоровье [...] Есть ли боли в боку? Пиши все **подробно**, мое сокровище, пиши больше, мое **счастье**, моя радость, твоя любовь, твое сердечко и все существо твое есть для меня убежище в сомнениях и анализе, сухом, смелом и холодном, каким снабдила меня моя природа. Твоя любовь и любовь к тебе есть что-то сильное, что-то такое, что стоит вне всего окружающего [...]

Из твоих писем я живо довольно представляю себе твою жизнь, но все-таки мне хочется несколько подробностей. Я очень рад, что будут фотографии Териок — так дорого мне это место, как никогда не было дорого ничто. Из детства мне дороги темные, летние звездные ночи, когда я впервые детским умом старался проникнуть в глубь звездного мира; тогда родились во мне некоторые образы, явились иные фантазии, которые и теперь иногда рисуются мне и принимают новые формы, более смелые, более, кажется мне, широкие. В эти ночи я ребенком пережил очень многое. Затем темная ночь, какая-то узкая темь меня окутала, и я проснулся только в последние годы, когда я смотрел в какие-то милые глазки [...] когда я весь жил и упивался дорогим, ненаглядным, чистым и в то же время смело-честным существом [...] Мне дороги те места, где я видел тебя, где я снова совсем родился [...] тобой, одной тобой жил и становился лучше. О, мое маленькое, ненаглядное, дорогое, родное, близкое сокровище. Натуся, моя Натуся...

Мне неясно из твоего письма **твое** отношение к Саше¹: о чем вы говорили, как его биография? Мне неясно и твое отношение, разговоры с Егором Павловичем²? Обо всем этом ты мне должна написать, и мне очень хочется и верится, что та сердечная, глубокая и мне дорогая нежность, какую ты к нему чувствовала, вполне и ясно сказала и созналась. Мне вспоминается мой отец...

Моя рыбка, любимая и нежная, пусть улетят от тебя все сомнения и все те гадкие и злые образы, которые иногда мутят тебя и говорят ложь и скверное. Они говорят, что моя Тутя не может ничего делать, потому что не может поднять сорок пудов, разогнать сорок сороков злой

татарвы, не может проскакать тридевять земель и съесть пироги пудовые. Они говорят ложь и неправду! Не сила физическая делает человека сильным, прекрасным, не она делает человека полезным; а есть сила внутренняя, которая может больше сделать, которая одна только и создала все то, что есть на свете, из-за чего хорошо и весело, свободно и красиво жить. И эта сила есть в тебе, она сделала, и она сделает еще больше. И пусть тебя охватит эта уверенность, пусть она подвинет тебя свободно предаться этой внутренней силе; даст ярко разгореться тому священному огню, который не многим дан, а в тебе живет, есть и будет жить и который греет и светит все кругом [...]

Завтра, вероятно, едем в Париж, пробудем там день и затем в Лондон... Пока Франция мне очень нравится. Я тебе писал про Лион, из Лиона мы проехали во Вьенну и там сделали экскурсию, чтобы ознакомиться с тамошней, прионской природой. Для меня было и новое. Я ознакомился с оригинальной флорой; здесь есть так называемая область матисов — вечнозеленых, густых кустарников, которые одни поднимаются на север и окаймляют всю ту область, где развиты вечнозеленые леса. Это отдельные, последние могики подтропической полосы, это кустарники тех семейств, которые южнее становятся деревьями, дают роскошные леса, в которых пробудилась и росла человеческая мысль, где родилась священная, мистическая, но чистая и гордая фантазия востока и где началась смелая, чудная, удивительно красивая и широкая философия Греции. Идя на север, они хиреют, и в виде колючих кустарников, в которые не прорвется человек, они поднимаются дальше от своей прекрасной родины... А еще севернее — еще хуже, еще печальнее, и плоше, и мглистее.

В Оверни мы видели немного; но видели главное. В окрестности Клермона мы поднялись на наибольший, давно потухший и частью размытый вулкан Пюи де Дом (1500 м), и перед нами открылась картина оригинальная и красивая. По обе стороны совершенно параллельными рядами вытянулись 20—30 больших вулканических конусов [...] когда-то земная кора дала здесь несколько параллельных трещин, из этих трещин в некоторых местах вышли наружу разогретые и расплавленные части в отверстия, и эти отверстия, эти отдушины трещин и являются нам горами. Какие силы и что это за явления?...

Пиши мне чаще, больше, моя любимая. Поклон сердечный всем. Сынишку, моего дорогого маленького мальчика, хорошенько за меня прижми и поцелуй. Пусть он будет так чист и хорош, как ты.

Д.

Д. 35, лл. 91—92.

¹ Очевидно, Александр Сергеевич Зарудный.

² Старицкий.

28 августа 1888 г., Париж

Париж, 28.VIII 88

Дорогая моя Натуся, пишу в вагоне в Лондон. Вчера ночью приехали в Париж и сегодня выезжаем — завтра утром будем в Лондоне. В Париже только осмотрели немного город, были в зоологическом саду и послали минералы в СПб. Париж как город действительно самое грандиозное, что я видел, и тут будет, наверное, лучше жить, чем в Мюнхене. В Лондоне останусь недели три, наверное, так как главные экскурсии конгресса (в Валлис, на о. Уайт и пр.) будут после 20 сентября. Если получу там деньги из Мюнхена, обойдусь совершенно, обошелся бы и с этими, но Андрей¹, бедный, совсем сел на мель. Из Лондона напишу подробно. Целую вас обоих. Пиши больше, моя голубушка.

На обороте: Наталье Георгиевне Вернадской, Ст. Териоки, по Финляндской ж. д., дача Старицкого via St. Petersbourg, Russie

Д. 35, л. 93.

¹ А. Н. Краснов.

30 августа 1888 г., Лондон

Лондон, 30/VIII 88

Дорогая моя, милая Натуся. Вчера приехал в Лондон — пишу подробно, но не успею рано бросить, и хочется, чтобы к тебе дошла хоть короткая обо мне весточка. На пароходе была очень сильная буря, и я не выдержал и страдал морской болезнью (очень неприятная вещь эта морская болезнь). Сегодня идем сейчас в Музей с Андреем¹ и еще одним нашим петербургским университетцем — Батюшковым. Я поселился у Сергея² и вчера, к большой моей радости, нашел там две твои каракульки, моя дорогая. В Лондоне начну писать диссертацию. Пиши мне больше, моя дорогая девочка, не скупись на твои письма. Целую вас обоих крепко. Сердечный поклон всем. Пишу письмо.

Твой Д.

На обороте: Наталье Георгиевне Вернадской, ст. Териоки, по Финляндской ж. д., дача Старицкого, Russie via St. Petersbourg

Д. 35, л. 32.

¹ А. Н. Краснов.

² С. Ф. Ольденбург.

30 августа 1888 г., Лондон

Лондон, 30.VIII 88

Дорогая моя, родная рыбка — моя любимая, неоценимо хорошая девочка, моя Натуся золотая; так сильно люблю я тебя, мою единственную, мою радость, мое счастье [...] Сегодня утром приехал в Лондон — нас встретил Сергей ¹ (он еще похудел); при переезде была буря, и я очень сильно страдал морской болезнью; англичанин, который с нами ехал, говорил, что он 20-й раз переезжает Ламанш и в первый раз видит такой ветер и такую бурю. Такой гадости, как морская болезнь, я давно не испытывал; пароход так качало, что стоять не только на палубе, но и в каютах было невозможно, и постоянно заливало все соленой водой — волнами. Я поместился с Сергеем, а Андрею ² нашли особую комнату. С ним я довольно много говорил дорогой, но говорил не особенно складно, и все время меня ужасно поражала та кутерьма, которая царит у него в голове по целому ряду вопросов. Лондон пока произвел на меня очень печальное впечатление: казарменностью своих построек и вообще чрезвычайной грязью и серостью — видели, впрочем, не особенно большую часть.

31.VIII

Опять от тебя нет письма [...] за это тебя надо хорошенько, очень хорошенько наказать, если только моя маленькая девочка здорова, не больна. В Лондоне был только в British Museum ³, да и то немного, а сейчас иду к секретарю конгресса ⁴ Хочу сообщить тебе несколько подробностей. От Скалона получил письмо — он корректуры не получал, и, по-видимому, она пропала, очень это неприятно, прошу прислать другую ⁵ Ушинский женился в июле и кончил академию; от Ону получил очень странную коротенькую заметку — он в деревне. Денег от Мелиоранского не получал — написал в Мюнхен (вообще Мюнхенская почта! — после моей жалобы из Женевы они прислали сюда несколько писем, но не все, например письма Сергея etc., французская и швейцарская почта переслали письма очень аккуратно, так что не пропало ни одного твоего письма — вот говори после того о немецкой аккуратности и французской дурной системе управления!), но попросил Александра ⁶ зайти опять к Мелиоранскому и узнать, посылал ли он их или нет. Меня беспокоит, что не получил письма от Юргенсона о получении книг, напишу ему еще. Говорили с Сергеем кое о чем, а больше, довольно все-таки безалаберно говорили с Андреем и отчасти Батюшковым — очень милым и симпатичным человеком. Сегодня приезжает сюда Кл. ⁷, которого я еще пока не видал. В общем пока еще не принимался за работу, так как частью вся эта поездка немного утомила, а частью не сегодня-завтра уезжаю из Лондона — на неделю в Бат, около Бристольского залива, где будет съезд естествоиспытателей ⁸, с одной стороны, и очень важные геологические экскурсии — с другой: английские геологи делают ряд экскурсий на места, положенные в основу классификации Смита. Вильям Смит был английским инженером и ученым начала этого столетия, он составил первую геологическую карту Англии, и вся наша классификация древних

осадочных образований в общих чертах обоснована им; осмотр этих классических примеров очень для меня, конечно, интересен, не знаю только, много ли я пойму по-английски. Мнение об англичанах, кажется, совсем неверное — всю дорогу они были чрезвычайно любезны, и, несмотря на мое отчаянное произношение, я много разговаривал со своими спутниками, и мы понимали друг друга.

Очень крепко целую тебя, моя дорогая рыбка, спешу идти. Пиши мне больше, а то меня очень беспокоит отсутствие твоих писем.

Сергей тоже волнуется, — нет писем от Шуры⁹, которая еще и нездорова. Пиши, пожалуйста, чаще, моя девочка. Крепко целую вас обоих. Отчего ты не пишешь? Теряюсь в предположениях. Сердечный поклон всем своим дорогим, родная девонька, отчего не пишешь, здорова ли ты, здоров ли Юрка¹⁰?

Д. 35, лл. 33—34.

Твой Додя

¹ С. Ф. Ольденбург.

² А. Н. Краснов.

³ Британский музей.

⁴ Международного геологического конгресса. Это был первый Международный геологический конгресс, на котором присутствовал В. И. Вернадский. Впоследствии В. И. Вернадский вспоминал: «После Лондона был на Парижском, Венском, Торонтском, Петербургском, Московском — 1888—1937 — на протяжении 49 лет» (см.: Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М.: Наука, 1981. С. 64—65).

⁵ Очевидно, корректура статьи о фосфоритах. См. комментарии № 2 к письму № 57

⁶ Возможно, Александр Сергеевич Зарудный.

⁷ Возможно, Иосиф Андреевич Клейбер.

⁸ Точнее, Конференция Британской ассоциации наук.

⁹ А. П. Ольденбург.

¹⁰ Г. В. Вернадский.

№ 90

[20 августа/3 сентября 1888 г.]¹, Лондон

Лондон

Дорогая моя Натуся, сегодня год нашему мальчику, и мне хочется написать тебе хоть несколько слов и хочется, чтобы ты поцеловала крепко и сильно его от меня — да и знаю, что ты в этот день особенно сильно и много обо мне думаешь. Как быстро время летит — едва успеваешь разбираться, а уже проходят годы. Я пишу тебе длинное письмо, а пока посылаю эту записочку. Ужасно редко ты пишешь, моя дорогая, и уж совсем не отвечаешь на мои вопросы. Сергей² тоже беспокоится, потому что скоро неделя — нет писем от Шуры³, это, действительно, очень странно, и бедный Сергей все-таки не в своей тарелке, тем более, что он знает, что Шура не совсем здорова. Пиши мне больше, моя дорогая девочка, напиши, как думаешь устроиться с поездкой, — об этом нам надо списаться очень серьезно, очень серьезно подумать. Береги себя и не возись слишком много с мальчуганом. Крепко целую вас обоих. Сердечный поклон всем. От мамы также давно не имею писем.

Твой Д.

На обороте: Наталье Георгиевне Вернадской, ст. Териоки по Финляндской ж. д., дача Старицкого, Russie, via St. Petersbourg.

Д. 35, л. 52.

¹ Датируется по дате рождения сына В. И. Вернадского Георгия — 20 августа 1887 г.

² С. Ф. Ольденбург.

³ А. П. Ольденбург.

№ 91

5 сентября/24 августа 1888 г., Лондон

Лондон, 24 авг./5 сент. 88

Дорогая моя, ненаглядная радость моя Натуся. Получил я только что твое письмо от 19 августа и сейчас тебе на него отвечаю; письмо это довольно важное, и для меня многое осветилось, что раньше мне было совсем непонятно. Напишу тебе возможно ясно и, оставив, как могу, всякое волнение чувства, то, что думаю.

Я **очень рад**, что разъяснились отношения с деньгами¹, гораздо лучше, когда знаешь: 1-е) как поступать в этих делах и во-2-х — потому что делаешься свободнее относительно очень многих поступков которые прежде являлись для нас запутанными и неясными. Я считаю самым высшим благом свободу человека, и ты знаешь, как неприятно часто бывали для нас с тобой всякие недоразумения, как поступать с деньгами. Хотя обстоятельства деятельности привели нас всех к сознанию необходимости обладать большими средствами, но это может идти только до известного предела, и обладание средствами никак не может всегда оправдываться. И с этой точки зрения я **очень и очень рад**, что дело это разъяснилось.

Я думаю, что деньги твои должны остаться все у твоих, и затем, если Егор Павлович² захочет, он может положить их на имя Георгия³, хотя я думаю, что Георгий при том устройстве наших общих отношений — братство, которое, я вполне убежден, будет существовать — ни в каких деньгах нуждаться не будет. Я не хочу делать сердечной боли Егору Павловичу, которого считаю, равно как и ты, выше того поступка, который он сделал, и потому не буду противиться завещанию их Георгию, хотя для меня, может быть, было бы несравненно приятней, **чтобы этого завещания не было**. Относительно той суммы, которая должна идти на твое лечение и награничную командировку, если возможно ее не брать, надо во что бы то ни стало это устроить. Говорить, что мы **не хотим** брать — совсем лишнее, это будет только лишняя боль, лишнее горе для близких твоих, и к делу совсем не нужно; но устроить так, чтобы не брать — это надо будет нам постараться всеми силами. В переводе денег на Георгия — я совсем не хотел бы, даже больше, прямо считаю нехорошим, если мы — ты или я — будем об этом знать, об этом говорить с Егором Павловичем или кем бы то ни было, так как такой перевод нужен не для Георгия, а для Егора Павловича. Я не могу издали решить этот вопрос, но мне бы очень хотелось, чтобы было возможно как-нибудь устроить так, чтобы нам этих денег не знать и никаких дел

по ним не вести; не знаю отсюда, возможно ли это устроить без всяких лишних и ненужных разговоров и волнений. Смотреть теперь на эти деньги как на деньги Георгия я не могу и не хочу, и потому, если бы возможно было, чтобы управление ими шло от Егора Павловича, а не от тебя, я был бы очень рад. Переговори об этом с Марьей Ивановной ⁴, как устроить это возможно просто и так, чтобы причинить меньше боли Егору Павловичу.

На распоряжение Вернадовой я, конечно, смотрю совсем иначе; единственное затруднение это то, что нельзя там действовать без причинения боли Егору Павловичу. В этом частном случае, впрочем, может, ничего сделать не придется, и боли причинить также не придется, так как едва ли можно **сразу и без трат** достать 6000 из Вернадовки — подобно имению Гревсов она заложена и перезакладывать одинаково трудно и медленно ту или другую. Наконец, Вернадовку я считаю общей братской собственностью и сомневаюсь в целесообразности траты и еще большего запутывания дела, я напишу тебе и Ивану ⁵, хорошо подумав и переговорив об этом частном вопросе с Сергеем ⁶. Но вот что надо устроить — надо справиться, нельзя ли взять на Вернадовку краткосрочную ссуду тысячи в две * (выплачена ли старая?), а на эти деньги можно лечиться и учиться. Аня, верно, теперь в больших хлопотах, но переговоры с ней, может, она может дать кому-нибудь доверенность и таким образом справиться в Обществе взаимного поземельного кредита.

Моя маленькая, родная рыбка, так сильно люблю я тебя, мою золотую, мою ненаглядную, милую девочку, и так мне больно, что ты опять волнуешься и что мѣму дорогому, маленькому сердечку больно и что оно сильно бьется. Мое сокровище, мое родное, неоценимое, милая девочка [...]

Во всей этой истории для меня самое главное и самое неприятное — это то, что ты не можешь поступать, как ты хочешь, как ты считаешь нужным, и я думаю, что это для нас с тобой в настоящую минуту самый важный вопрос из всего этого происшествия. О нем я хочу переговорить с тобой и приложу сюда мое письмо к Марье Ивановне, которое я хотел бы, чтобы ты ей передала (но, конечно, если найдешь это **решительно невозможным**, можешь не передавать) ⁷. Однако прямо лучше будет, если передать, для сохранения **моих** отношений к твоим. Передай, если будет малейшая возможность. Мне кажется, что здесь надо выяснить это дело до конца, чтобы не было никаких недомолвок и непониманий. Я не нахожу нужным, чтобы ты не принимала Машу ⁸ или кого бы то ни было из близких тебе людей, и думаю, что в таком случае тебе надо устроиться так, чтобы не жить с твоими, т. е., несмотря на расходы, надо будет постараться устроить приезд твой сюда с Георгием и сократить срок моей командировки, в чем ничего ужасного для моих занятий — могу сказать вполне искренно — не будет. Я думаю, что ты можешь жить с твоими только тогда, когда ты будешь обладать полной свободой принимать, кого ты хочешь, и распоряжаться своим временем, как ты хочешь, не стесняя, конечно, общего стиля дома. Делать в этом отношении какие бы то ни было уступки я не нахожу нужным и не думаю, чтобы они могли бы чем бы то ни было оправдаться. Если по состоянию здоровья Егора

* Больше брать нельзя.

Павловича нельзя будет прямо и ясно выставить этот вопрос, то тебе надо будет не жить с ними. Я думаю, что жить с одними Гревсами одной тебе не придется, так как это при взаимных отношениях между Гревсами и твоим отцом было равнозначно открытому разрыву, и едва ли есть в этом надобность. Остается два пути: или 1) переехать тебе с Георгием за границу, что может не явиться возможным при наших средствах, хотя об этом вопросе надо подумать, или 2) ускорить мой приезд в СПб. и тогда устроиться там лучше. Об этом я серьезно подумываю и считаю вполне возможным. Методике, главным методам я научусь, и затем очень легко будет работать и у нас в кабинете, где я найду и другую работу, которая дала бы мне возможность зарабатывать деньги. Можно даже приехать из Мюнхена, следовательно, к весне, хотя бы я этого не хотел, но осенью можно вернуться наверное, тогда останется вопросом, как тебе устроиться это время. Если (а везти теперь Георгия за границу с кем-нибудь из твоих трудно, расставаться тебе с ним, я вполне убежден, невозможно и **нежелательно**) тебе надо будет делать операцию в СПб., я к этому времени приеду, и тогда можно будет окончательно решить все это дело. Но даже оставаться тебе и до твоей операции в таком положении **нельзя**; и, кроме того, что это влияет на состояние твоего духа и здоровья, это прямо вредно для всего, с каких бы то ни было точек зрения на это не посмотреть. Я думаю, следовательно, что как-нибудь надо сделать, чтобы было ясно, что ты теперь находишься и в своей семье в ином положении, чем прежде, даже с точки зрения твоего отца: ты теперь моя жена, и я не хочу, чтобы ты жила при стеснениях. Таким образом, как вывод я ставлю: 1) постараться всеми силами устроить так, чтобы нам **не иметь** никакого отношения к деньгам этим, и 2) переговорить и устроить так, чтобы ты была более свободна в доме твоих, ты должна принять Машу или кого бы то ни было. Мне так больно, что нельзя сразу устроиться нам с тобой, и жалею, что ты переехала к своим.

Крепко, много, много раз целую тебя, моя дорогая, неоценимая, любимая.

Твой *Додя*

Д. 35. лл. 35—36.

¹ Отец Наталии Егоровны боялся, что молодые Вернадские раздадут все свое состояние друзьям, членам «Братства», и оставят внука нищим. Поэтому он отобрал деньги у дочери, которые даны были Н. Е. как приданое, а так как речь шла о финансовой помощи родственникам Гревсов, он отказался принимать в своем доме М. С. Гревс.

В письме от 31 августа 1888 г. Н. Е. Вернадская писала: «Вчера вечером уже в постели еще раз перечла твое письмо ко мне и маме, и охватило какое-то беспокойство и волнение. Все оттого, что хотелось тебе сейчас же ответить на твое письмо. Зачем тебе писать маме, ставить требования через нее, которая без того всеми последними своими силами всегда старается доставить мне все. Ее, нежную, самоотверженную, невыразимо дорогую, хочется только беречь и окружать глубокою ласкою и любовью... и отчего не через меня. Ты ведь веришь, что я всегда поступаю как кажется хорошим... Про деньги же ты неверно понял: папа так говорил, потому что он боится, чтоб мы остались без ничего. Нехорош его прием, но чувство понятное в нем и даже не может быть другим. Так же неприятно ему, если б мы тронули Вернадовку и так же бы он сказал, что мы не имеем права ее трогать, что она Георгина. С его точки зрения это все

понятно. И опять-таки, повторяю, только прием его был нехороший, и в этом он раскаивается, говорит, что погорячился и поступил нехорошо, и теперь просит, чтоб мы поступили как считаем лучшим. Значит, с нашей стороны было бы жестоко отдавать ему эти деньги. Это было придавать совсем другое значение и смысл его чувству, сильно обидело и огорчило бы его. А огорчать и обижать людей, которые меня так сильно любят — не по моим физическим силам теперь. Пойми и не требуй, чтобы я отдавала то твое письмо, и не говори, что иначе твое чувство к моим изменится, и от этого поднимается большая тревога в душе, а так хочется, такая чувствуется потребность в спокойствии, в мире сама с собой и со всем окружающим... Что же касается денег — они все-таки остаются общою нашею собственностью, и только тратить их на общее будем немного позже, хотя можем и теперь...» (ф. 518, оп. 3, д. 254. лл. 112—113).

² Старицкий.

³ Г. В. Вернадский.

⁴ Старицкая.

⁵ И. М. Гревс.

⁶ С. Ф. Ольденбург.

⁷ См. комментарий № 1.

⁸ М. С. Гревс.

№ 92

5 сентября/24 августа 1888 г., Лондон

Дорогая моя Натуся, пишу тебе эту коротенькую записочку, чтобы сообщить, что вместе с ней посылаю заказным письмом ответ на твое письмо от 19-го августа. Пиши мне чаще, моя дорогая. Крепко целую вас обоих. Сердечный поклон всем.

Твой *Владимир*

24 авг./5 сент. 88, Лондон

На обороте: ст. Терноки, по Финляндской ж. д., Наталье Георгиевне **Вернадской**, Дача Старицкого, Russia, via St. Petersburg.

Д. 35, л. 150.

№ 93

5 сентября/24 августа 1888 г., Лондон

Лондон, 24 авг./5 сент. 88

Дорогая моя Натуся, пишу несколько слов: сейчас еду на заседание Британской ассоциации ¹ в Бат на неделю. Пиши по прежнему адресу. Из Бата напишу. Крепко целую вас обоих. Береги себя, моя голубушка, дорогая девочка. Да будет с вами все хорошо. Мой сердечный поклон всем, моя дорогая.

Твой *Додя*

На обороте: Ст. Терноки, по Финляндской ж. д., Наталье Георгиевне **Вернадской**, Дача Старицкого, Russia, via St. Petersburg.

Д. 35, л. 37

Точнее, Британская ассоциация наук.

7 сентября/26 августа 1888 г., Бат

Bath, Авг. 26/Сент. 7, 1888

Дорогая моя, ненаглядная, единственная голубушка, в самом деле тебя, мою маленькую рыбку, надо хорошенько наказать за твое редкое писание — особенно в дни, когда я так жду твоих писем и когда я недоумеваю, что у вас делается.

Мне хочется, моя любимая, написать тебе сперва еще несколько слов по поводу «истории», а затем дать общее понятие о моей жизни в Англии, что я не успел сделать в более ранних письмах. Вообще описательные письма мне как-то не удаются.

Трудно решить издали, не зная всех подробностей дела, но мне представляется, что ты неверно поняла мою мысль о помощи людям близким и членам братства. Я говорил это о тех случаях, когда мы имеем возможность помочь без всякого нарушения наших, т. е. братских, дел, без всякого ущерба братскому имуществу. Когда дело шло о 300 руб., которые у нас были, я ничего против не имел¹; теперь мы находимся в совершенно ином положении — 6000 руб. очень значительная сумма для всех нас, а принимая, что **не на словах** одних распоряжение нашим имуществом есть дело общее, я считаю, что мы **не имеем права** тратить эти деньги или решать это дело без совета и спроса других, по крайней мере деятельных членов братства — Федора², Шаховского и Адьки³. Ни я, ни Сергей⁴ (во всем этом мы сошлись) не можем ничего решить, пока не будем знать ясно дело, а ясно из твоего письма мы не знаем. Из того, что ты пишешь, для меня является сомнительным возвращение этих денег через год, а из небольших наших средств, которые — мы по крайней мере громко, даже слишком громко это раньше говорили — мы будем тратить на общую пользу, истратить 6000 руб. на сомнительную поддержку лицам, с нами общего ничего не имеющим, я считаю с нашей стороны скверным делом. Совершенно так же я мало могу помочь в этом Гревсам, как мало могу помочь Кате Короленко etc. И я думаю, что я совершенно прав, если только не ложь и не пустые слова, что мы говорили так часто, громко и долго. Даже из твоего капитала выдача была бы сомнительно-нужной, хотя этот капитал стоял в странном положении относительно братского состояния, но из Вернадовки выдавать можно только в крайнем случае, когда это нужно на общее, важное дело, а теперь входить в новые долги и еще больше запутывать наши дела — мы не имеем права. Меня больно поразило во всей этой истории непонятное отношение Ивана и Маши⁵: они не соглашаются дать несколько сот рублей на устройство Сережки⁶ — важность чего прямо для укрепления братства ясна, считая «квартирный» капитал собственностью трех семей и думая «о черном дне» (sic!), а тут, когда дело идет о бедных родных их, поступают совсем наоборот. Что это такое... Все это заставило нас с Сергеем⁷ много думать, и мы неясно еще выяснили, но, мне кажется, я выскажу наше общее мнение: нам надо скорей возвращаться, а то в СПб. в нашем братском кружке может пойти все на упадок... Напиши мне, что делается с Гревсами. Ты получила мое письмо, и тебе и Марии

Ивановне послал заказные, и знаешь, [следовательно], что я думаю обо всей этой истории, и хотя, может быть, не зная всех подробностей — пока не согласен с выдачей денег Гревсам, но согласен со всем, что ты делала. Я понимаю, что Егор Павлович, может быть, сильнее погорячился, желая спасти капитал, может быть, оттого он и не хочет, чтобы бывала Маша, но я не хочу, чтобы ты была стеснена в этом отношении, и думаю, что теперь относительно тебя, даже с его точки зрения, нельзя поступать, как поступали, пока ты не была замужем. На такого рода жизнь твою у твоих я не согласен.

Неделя, проведенная в Лондоне, прошла очень быстро. Осмотрел я только часть Британского музея и его библиотеки, ботанический сад в Кью, зоологический сад и отчасти геологический музей, но такое богатство Лондона всеми такими учреждениями, что просто не знаешь, что и делать. Был еще на митинге в Гайд-парке и в Армии спасения (брр...) ⁸ Говорили довольно много с Сергеем, Красновым, Клейбером и Батюшковым. Клейбер еще изменился к лучшему: он теперь говорит прямо, что будет действовать в России, и его уже туда тянет. Мне очень нравится Батюшков. Это совсем культурный человек, и хотя мы с ним далеко не во всем сходимся — у нас много, очень много общего. У нас бывали и долгие разговоры за полночь, и из как 2 более важных: о христианстве (напомнило мой разговор с Госкинсом) и о собирательной работе масс — вопрос, о котором я все больше и больше в последнее время думаю...

В Бате нас встретили, как гостей Британской ассоциации, устроили даром, и хотя это несколько неловко, но отказываться было еще больше неловко, а меня, по недоразумению, очевидно, даже выбрали членом комитета геологической секции — понимать их речи мне довольно трудно, а Андрей ⁹ (все он чепушит) и совсем ничего не понимает. Здесь [пока] познакомился с молодым французским геологом и профессором Московского университета — Павловым и его женой ¹⁰ которые занимаются палеонтологией, они очень милые, простые и **живые** люди. Надо кончать, мой дорогой цыпленок, пиши больше, моя радость, а то как приеду, сильно накажу. Да будет с вами все хорошо. Скоро 2 года, как я счастлив, имея у себя маленькую Тутьку. Будь спокойна, моя радость, и не сильно волнуйся.

Твой Д.

Д. 35, лл. 38—39.

Помощь была оказана тверскому знакомому Ф. Ф. Ольденбурга, о котором он в письме от 6 мая 1888 г. писал: «... среди моих тверских знакомых есть один бывший естественник Петербургского университета. Он желал приняться за дело, которое мы все считаем очень важным, но на которое у нас лично нет ни охоты, ни возможности: за ведение мелкого сельского хозяйства, при котором сам хозяин являлся ее бы и главным работником, но хозяйством, не ограниченным одними крестьянскими работами, а дополненным огородничеством, парниковым и тепличным, довольно развитым в Тверской губернии... Обещает, т. е. хочет[...] отдавать деньги по 200 рублей в год, не совсем, конечно, может ручаться, поручителем (т. е. нравственным) непосредственно должен быть, конечно, я и косвенно, значит, и братство...» (ф. 518, оп. 3, д. 1198. лл. 5—6).

² Ф. Ф. Ольденбург.

³ А. А. Корнилов.

⁴ С. Ф. Ольденбург.

⁵ И. М. и М. С. Гревс.

⁶ С. Е. Крыжановский.

⁷ С. Ф. Ольденбург.

⁸ Армия спасения (Salvation Army) — международная религиозно-филантропическая организация. Возникла в Лондоне в 1865 г. для религиозной пропаганды среди беднейших слоев населения. Получила поддержку буржуазии. Рост бедности в промышленных и торговых центрах Англии стал беспокоить правящие круги Англии как нарастающая угроза существующему порядку. Армия спасения стремится при помощи религиозно-моральной пропаганды отвлечь внимание городской бедноты от политических и социальных вопросов и привлечь ее симпатии филантропическими подачками. Армия спасения содержит на свои средства ночлежные дома, столовые, больницы. Получающие материальную помощь должны принимать участие в разнообразных религиозных мероприятиях. С 1880 г. пропаганда Армии спасения ведется и вне пределов Англии. В настоящее время действует во многих капиталистических странах.

⁹ А. Н. Краснов.

¹⁰ Мария Васильевна Павлова.

№ 95

8 сентября 1888 г., Бат

Дорогая Натуся, моя родная милая девочка [...] вчера отправил тебе письмо подробное, а теперь пишу несколько слов, чтобы отправить тебе вексель. Как жаль, что не прислала его раньше, а теперь сильно просрочили и придется заплатить штраф — впрочем немного. Ведь Аня¹ могла подписать. Сейчас отправляюсь на экскурсию на с.-з. от Бата и потому спешу закончить поскорее это письмо, чтобы успеть отправить заказным.

Крепко целую тебя, моя дорогая радость. Здесь в Бате попался очень неприятно: нас только поместили даром, но развозят и кормят, как hospitality², от Комитета³, от Ассоциации⁴, а затем получили приглашение от 2-х разных лиц поселиться у них на несколько дней перед Конгрессом в местностях, геологически интересных — в Челтнеме у какого-то эсквайра Райта и в Солсбери у генерала Пит-Риверса, я предпочел все-таки эсквайра — не так важно, хотя все это довольно неприятно, отказываться же нет ни малейшей возможности.

Крепко целую вас обоих. Сердечный поклон всем. Очень рад, что история с Егором Павловичем⁵ прекратилась. Целую тебя, мою маленькую рыбку, как здоровье, есть ли боли в боку.

Твой Додя

Бат, 8 сент. 88

Д. 35, лл. 40—41.

¹ А. Е. Старицкая.

² Гостеприимство, радушие (англ.).

³ Очевидно, Организационный комитет по проведению Международного геологического конгресса.

⁴ Британская ассоциация наук.

⁵ См. комментарий № 1 к письму № 91.

11 сентября 1888 г., * Бат

Бат, 11/IX 88

Дорогая моя [...] получил я вчера еще одну твою записочку, моя голубушка милая [...] Мне так дорого и приятно получать каждое твое письмо, как бы мало в нем не было бы сказано.

В Бате я познакомился с очень многими, хотя знакомств с англичанами сделал сравнительно мало — мешает невозможность бегло объясняться по-английски, но зато познакомился с венгерскими минералогом Сабо и геологом Ганткеном, румынским геологом Стефанеску, французскими, американскими etc. Еще мое положение лучше многих здешних иностранцев, так как из речей, сообщений я понимаю почти все, а иные, как Стефанеску, Андрей ¹, не понимают совсем. Очень много дали экскурсии в окрестности, и здесь пришлось видеть довольно много и очень интересных черт природы Западной Англии. Жизнь здесь не стоит нам ничего, и это очень стеснительно — так и теперь никак нельзя было отказаться от геологической экскурсии, устраиваемой в Солсбери генералом Пит-Риверсом, и приходится к нему ехать, хотя у меня с собой нет фрака; мы устроились, впрочем, так, что у Пит-Риверса пробудем всего 2 дня, а он приглашал к себе нас на 5 дней.

Сегодня я слышал здесь фонограф в новой, недавно Эдисоном усовершенствованной форме. На меня этот прибор произвел очень сильное впечатление — раньше как-то я не придавал ему такого значения, какое придаю теперь. И прав Клейбер, который пророчит, что фонограф произведет революцию вроде той, какую произвел печатный станок. На маленькой восковой пластинке, которую ты легко можешь получить в тысячах оттисков, твой голос или иные звуки отпечатываются, и, вкладывая эту пластинку в прибор, ты до малейших подробностей и оттенков ясно слышишь и голос, и все звуки... Я слышал здесь разговор Эдисона с кем-то и различные шумы, какие они производили у себя в кабинете, — грохот посуды, крики etc., несколько месяцев назад, а потом слышал какую-то пьесу, игранную на фортепьяно, и все это передавалось точно, со всеми оттенками... Восковая бумажка может пролежать годы и, вложенная в фонограф, она даст тебе через много лет и дорогой голос, и все так же точно, как если бы все это происходило тут же, теперь же. Так сохранится голос человека, как фотография, портрет сохраняет его лицо, и так, как мы читаем теперь глазами, мы можем слушать и в передаче хоть самого автора. Когда прибор получит настоящее устройство, ему несомненно будущее; а теперь как-то много мыслей родится. Эдисон записывает точно все крики, речь etc. своих детей etc.

Здесь приходилось говорить много с Андреем, я боюсь, что я слишком с ним резок, но он меня очень раздражает какой-то несвязностью и необдуманностью своей речи. Он теперь хочет бросить географию — он вполне убедился, что я прав и для него занятие его губительно, но как-то неприятно, тем более что положение Андрея очень не из приятных. Для меня во время всех этих разговоров еще яснее все выяснилось и обосновалось, но для Андрея, может быть, вследствие этого все это еще тяжелее.

Из людей здесь пока, как я тебе писал, встретили только очень хорошего — это Батюшкова, с которым много говорили. В Лондоне познакомился я проездом с Оболенским, который мне, нельзя сказать, чтобы очень понравился. С Павловыми же мы все сошлись, и они довольно симпатичные люди, работают и интересуются наукою от души, да и от жизни не сторонятся [...]

О Приютино² не говорили: мне не хотелось, но одно хочется тебе написать, что я никогда не позволю себе задерживать хорошее общее из-за личных чувств, но я не знаю, насколько хорошего и сколько скверного в Тверском Приютино.

Крепко вас обоих целую. Сердечный поклон всем. Жду очень письма на мои ответы по поводу инцидента. Да будет тебе все хорошее, моя нежная, дорогая голубка.

Твой Д.

Д. 35, лл. 42—43.

¹ А. Н. Краснов.

² Члены «Братства» (см. комментарий № 1 к письму № 26) на одном из своих собраний пришли к мысли о создании «Приютина». Объяснение этого названия мы находим в воспоминаниях А. А. Корнилова: «Связь наша сделалась тесной, дружеской связью даже и независимо от тех общих этических и общественных интересов, которыми мы увлекались. Мы еженедельно собирались, кажется, по четвергам у Ольденбургов и всегда засиживались далеко за полночь и даже иногда до утра, беседуя, мечтая и споря об основах нашей будущей жизни и деятельности... В одно из таких всенощных бдений возникла у нас мысль, не помню, кем первым формулированная, укрепить нашу дружескую связь в будущем покупкой на общий счет какой-нибудь земли, где мы могли бы впоследствии съезжаться хоть летом и обновлять таким образом постоянно и наше дружеское общение, и те этические принципы жизни, которые нас связывали, хотя тогда еще и не были, сколько я помню, никем из нас точно формулированы. Так как мысль о покупке такого маленького имения связывалась у нас и со стремлением стать ближе к народу, и с желанием иметь общий уголок земли, в котором мог бы в трудный в материальном отношении момент своей жизни каждый из нас найти временный приют, то и будущее имение наше — так и оставшееся потом в наших мечтах — решено было тогда же назвать "Приютиным", а отсюда и члены нашего кружка стали потом называть себя "приютинцами"...» (ф. 518, оп. 5, д. 68, л. 41).

№ 97

16/4 сентября 1888 г., Лондон

Лондон, 4/16 сент. 1888

Дорогая моя, родная девочка — Натуся моя, радость моя. Вот уже 2 года как я счастлив с тобою, с моей маленькой, ненаглядной рыбкой, моим золотым сердечком. Моя рыбонька, так мне больно, что ты волнуешь себя там из-за моего письма к твоим¹ [...] мое отношение к твоим вовсе не переменялось, и я также их люблю, и в этом ты не могла сомневаться, ты знаешь, как я всегда к ним относился, и то, что ты видишь в моем письме (думается мне — ты преувеличиваешь

то, что тебе в нем не понравилось), вызвано было твоим письмом ко мне [...]

Я, может быть, думаю, что лучше приехать тебе в Мюнхен к началу октября, если и Аргутинский и П. С.² советуют делать там операцию. Здесь конгресс продолжится еще с неделю, затем неделя геологических экскурсий (я еще окончательно не выбрал места — поеду или в Норфолк, или в Северный Валлис), боюсь, что вследствие моей поездки в Бат придется мне еще пробыть неделю в Лондоне, так как бессмысленно уехать, не изучив возможно основательно музея — лучшего в мире. Следовательно, в Мюнхене я буду около 10 октября — надо рассчитывать, когда выехать тебе — моему счастью.

Поездкой своей в Бат я очень доволен, главным образом вследствие некоторых знакомств и очень доволен теми геологическими экскурсиями, которые я сделал с английскими геологами. Из всех таких экскурсий эти до сих пор дали мне больше всего, может быть, благодаря тому, что я научился больше, как с ними быть и лучше готовлюсь к ним.

Англичане мне очень понравились — только не генерал (брр!...) Пит-Риверс, у которого мы пробыли сутки в его замке Рошморе. От него мы все сбежали, и как-то ужасно больно и горько было за глупую и чванливую роскошь и вместе с тем какую-то мешанственность. Но обо всем этом поговорим при свидании, мой голубчик. Натуська, Натунька, моя родная девочка, так сильно и хорошо я тебя люблю.

Тебе не надо волноваться, а то Тусе моей дорогой опять будет нехорошо. Напиши, как твое здоровье и про все мне **очень** подробно. Мне хочется знать подробнее и о твоих разговорах с Ниной, Пашей и Георгием³

В Бате от французского ученого Говелака и от проф. московского Павлова узнал, что летний семестр в Париже **начинается** в марте и идет до конца июля, так что для меня теперь несомненно, что надо ехать туда, а не в Вену. А в Вену проеду позже. Мне хочется еще раньше побывать во Франции, потому что я окончательно решил сделать, насколько могу, enquête⁴ положения вопроса о фосфоритах во Франции, причем я посещу возможно больше, если не все места выработки и места опытов. Это, я все более и более убеждаюсь, **необходимо** теперь для разъяснения вопроса; в пользу общественной этого дела я убежден, а ждать инициативы со стороны министерства государственных имуществ сомнительно, а сделать это и представить потом в министерство я могу. Перечитывая корректуру моей статьи⁵ (мне прислали новую — старая пропала) и еще знакомясь с кое-какими по этому поводу статьями, мне несомненно выяснилась полезность решения этого вопроса. Для правильной постановки дела в России необходимо, кроме опытов и исследования положения дела в России, изучить все, что сделано во Франции и Северо-Американских Штатах. Последнее, к сожалению, мне не удастся, вероятно, сделать, но первое я могу и должен. Кстати, привези **непременно** с собой вновь вышедшую книжку Густавсона «Лекции земледельческой химии», которая недавно вышла в Москве⁶ Густавсон — лучший из современных русских химиков, занимающихся земледельческими вопросами, и мне эта книжка очень нужна.

В Лондоне мне не удалось выработать плана работы у Грота, но я все более об этом думал и, должно быть, выработаю, возможно, скоро, во всяком случае в Мюнхен поеду с более или менее готовым планом.

[...] О Приютино⁷ говорили с Сергеем⁸, и я пересылаю тебе мои ответы на вопросы Дмитрия Ивановича⁹, которые ты, прочитав и если не будешь иметь сильных возражений, перешли ему. Я думаю, как узнаешь, что Приютино должно теперь основываться — но жить в северном Приютино я не могу, и, может быть, это все лучше устроит и для нас всех, а на юге мало-помалу устроится новый центр, хотя бы в Крыму, как хотели раньше¹⁰. Лично я думаю, что это для всех нас будет лучше. Поговорим при свидании.

Вообрази, почти всю экскурсию, начиная с Инсбрука, меня каждый почти вечер мучает зубная боль, и сегодня плохо спал оттого.

Крепко целую тебя, мою маленькую, ненаглядную рыбку, мою родную Натусю. Натунька, Натунька как я тебя люблю сильно, как я тобою счастлив. Мальчугана нашего хорошенько поцелуй, очень и очень буду рад его видеть, но хочу, чтобы вы снялись **непременно** в Питере вдвоем. Мой сердечный поклон всем. Мое дорогое сокровище. А твоих я также неизменно **всех** люблю. Пиши, моя радость, о своем здоровье подробно, а то ты ничего не пишешь об этом [...]

Твой Додя

Д. 35, лл. 44—45.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 91.

² Петр Семенович Чертораев — лечащий врач Н. Е. Вернадской.

³ Старицкие.

⁴ Здесь: исследование (фр.).

⁵ См. комментарий № 2 к письму № 57.

⁶ Густавсон Г. Г. Двадцать лекций агрономической химии. М.: Типолит. И. Н. Кушнерова и К°, 1888.

⁷ См. комментарий № 2 к письму № 96, письмо № 137 и комментарий № 6 к нему.

⁸ С. Ф. Ольденбург.

⁹ Шаховской.

¹⁰ См. письмо № 103.

№ 98

22/10 сентября 1888 г., Лондон

Лондон, 22/10 сент. 1888

Дорогой мой, родной Натусенок, моя милая славная девочка, вчера получил я твои каракульки и скорей хочется ответить тебе [...] моя дорогая девочка, ты мне до сих пор не пишешь никаких подробностей о своей болезни и о том, как ты себя чувствуешь, надо также скорей выяснить, поедешь ли ты в Мюнхен или останешься для операции в Питере — обо всем этом надо ясно и точно списаться, чтобы я мог, сообразуясь с этим, распределить свой маршрут. Я не понимаю, отчего ты не получаешь моих писем [...] ты мне очень поздно написала

писать в СПб., и я посылал их в Териоки, потому что они, верно, там. Из Лондона я скоро уеду. В этот понедельник еду в Северный Валлис и на остров Англси — эта экскурсия от конгресса продолжится неделю, но я, может быть, уеду раньше, потому что хочу проехать в Норфолк или Кембридж, чтобы осмотреть находящиеся там самые, может быть, важные в Англии залежи фосфорита. Затем пробуду несколько дней в Лондоне и затем через Брюссель (откуда сделаю небольшую экскурсию в Монс, где также одни из европейских самых значительных выработок фосфорита — местность чрезвычайно поучительная и в геологическом отношении), из Брюсселя, если будет время, проеду более длинным путем через Кельн по Рейну. Поездка в Англию стоила мне немного, а между тем дала довольно много и особенно для геологического моего образования и расширения умственного научного кругозора. С Сергеем¹ мы говорили довольно много и в общем с ним во всем сошлись. Не могу не сознаться, что мне теперь кажется, что Андрея² я ставил слишком высоко, и не то, чтобы во многом разочаровался, но просто не считаю, что он, вне влияния компании, всегда будет поступать так, как хорошо, но даже не всегда будет к этому стремиться. Клейбер в этот приезд мне еще более понравился (мы с ним на ты)... Мы телеграфировали Ивану³ (ему на днях пишу), что согласны с общим решением, хотя до сих пор не знаем в чем дело: ты написала очень неясно и мало (надо наказать), Шура⁴, по-видимому, тоже, а Иван фактически дела совсем не разъяснил. И во избежание худшего приходится это делать — мы это делаем, потому что любим Ивана, и эту любовь я как-то очень сильно теперь чувствую.

Моя дорогая девочка, мое золотое сердечко, мне очень жаль, что тебя нет со мной во время моей поездки [...] Знаешь, следующий конгресс назначен в 1891 году в Филадельфии, и я мечтаю туда проехать⁵, так как поездка в это время будет стоить гораздо дешевле, да и там будут устроены грандиозные экскурсии. Это было бы очень хорошо.

Курьезно — здесь, в Лондоне, я познакомился главным образом с русскими учеными (Армашевским из Киева, Феофилактовым отсюда же, Никитиным etc.), познакомился я еще с несколькими иностранцами.

Пока, крепко целую тебя, мое сокровище, мое счастье. Снялись ли вы оба? Очень бы хотелось повидать теперь Юрушку⁶ Когда свадьба Ани?⁷ Пиши чаще, так жду твоих писем. Сердечный поклон всем. Спроси Ивана: покупает ли он Штилера и Венгерова.

Крепко целую тебя, мою ненаглядную радость Натуську. Как я сильно тебя люблю. Пиши.

Твой Додя [...]

Д. 35, лл. 46—47

¹ С. Ф. Ольденбург.

² А. Н. Краснов.

³ И. М. Гревс.

⁴ А. П. Ольденбург.

⁵ В работе V сессии Международного геологического конгресса, который проходил в 1891 г. в Вашингтоне, В. И. Вернадский не принимал участия.

⁶ Г. В. Вернадский.

⁷ См. комментарий № 13 к письму № 72.

№ 99

29/17 сентября 1888 г., Лондон

Лондон, 29/17 сент. 88, суббота

Дорогая моя, родная, ненаглядная, любимая Натуська, мое ясное солнышко, мое родное золотое сердечко [...] Мое дорогое сокровище, как тяжело быть не вместе, так долго, как мы теперь.

Я не понимаю, моя родная девочка, отчего ты не получаешь моих писем, я тебе пишу часто, и, верно, письма не доходят.

На днях я пишу Винбергу и Шаховскому, чтобы они присмотрели небольшое место в Крыму, покупать не решусь, не поговорив хорошенько с тобой, но, по-моему, нам надо решить это дело скорей, чтобы, вернувшись, можно было уже там поселиться; а мне представляется самым лучшим нам устроиться в Крыму.

Относительно твоего решения — мне представляется лучшим не делать операцию и отправить Винкелю письмо с деньгами, но необходимо устроить так, чтобы тебе не жить в СПб. или Мюнхене. Моя дорогая, ненаглядная Натунька [...] нам надо это решить скорее, потому что все эти колебания совсем лишни. Нельзя ли устроить так, чтобы тебе холодное зимнее время провести где-нибудь в окрестностях верхне-итальянских озер, например в Лугано, где можно прожить не так уже дорого и куда я могу из Мюнхена раз-два приехать. Я думаю, нам так важно, чтобы тебе не сидеть лишнее время в болотистом Питере или Мюнхене, в январе я постараюсь из Мюнхена уехать в Париж (я здесь познакомился с некоторыми французскими профессорами — Ляппараном, Госселе, ужасно мне Госселе нравится и пр., и оказывается, что я свободно могу заниматься в Париже в лабораториях до конца июля). Но для того, чтобы решиться, это надо раньше тебе переговорить и хорошенько обсудить, можешь ли ты справляться с Юркой, если его (чего бы я очень хотел) повезти тоже в Лугано или куда-нибудь в другое место около Комо или Маджоре, и, во-вторых, узнать у Радецкого etc., явится ли тебе житье зимы в этом климате для почек полезным. Об этом ты узнай скорей и напиши мне ответ уже в Мюнхен, так как послезавтра я, должно быть, из Лондона выезжаю. Из Лондона я еду на Остенде — в Брюссель, откуда еду в Монс на ломки фосфорита и затем на Кельн и Страсбург — в Мюнхен. Вот еще: денег из Мюнхена я не получил, тамошний почтamt все перепутал и отослал деньги назад в Россию (вот и хваленая немецкая аккуратность!), так что мне опять придется возиться с Мелиоранским, а пока **вышли мне в Мюнхен скорее марок 400—500**, так как я здесь беру у Сергея ¹, которому самому деньги будут скоро

нужны. Моя поездка в Англию стоила гораздо все-таки, меньше, чем я думал.

Мой дорогой, ненаглядный светик, я так уверен, что ты, прожив **постоянно** некоторое время в теплом, хорошем климате, скоро и быстро поправишься, и Неаполь нам это с тобой доказал [...] напрасно ты волнуешься, что все еще болеешь — разве мы с тобой не счастливы? Разве нет у нас самого большого и глубокого счастья, какое возможно человеку,— любви? [...]

Ты мне пишешь, что я мало тебе пишу про наши разговоры здесь: я говорю и спорю вообще, может быть, больше, чем следует, и, к ужасу, заключаю, что говорю так туманно, что меня не понимают, но голова так полна, так много мыслей роится и носится, что я едва-едва успеваю справляться с ними. Сергей теперь сильно огорчен делами компании — ему кажется, что все расползается, я думаю, что он увлекается, но, несомненно, нужно скорее быть там кому-нибудь познергичнее, чем оставшиеся. Отчего у тебя не бывает Сережа²? **Напиши** ему, чтобы пришел. Для библиографии земской людей — работников, может быть, может **указать** Вал. Конст.³ (только ему давать этой работы не следует).

Крепко, крепко целую вас обоих, моих дорогих. Мой дорогой Натусенок — рыбка моя, нежная птичка. Сердечный поклон всем. Когда Анина свадьба?⁴

Твой Додя

Д. 35, лл. 48—49.

¹ С. Ф. Ольденбург.

² С. Е. Крыжановский.

³ Очевидно, Валериан Константинович Агафонов.

⁴ См. комментарий № 13 к письму № 72.

№ 100

[Ранее 1 октября 1888 г.]¹

Дорогая моя Натуся, меня очень удивляет, что ты не получаешь моих писем, я пишу тебе довольно часто. Довольно давно я не писал маме — напишу при первой возможности. Сейчас отправляюсь в Честер, а оттуда в Северный Уэлс, но не пробуду там очень долго, потому что иначе будет очень дорого. Из Уэлса вернусь в Лондон, сделаю, если будет возможность, экскурсию в Кромер на фосфориты, а потом через Брюссель (4-го экскурсия от Конгресса в Монс на бельгийские фосфориты) и Рейн вернусь в Мюнхен, где буду во всяком случае около 10 октября. Я только что получил твое письмо о Радецком. и с нетерпением жду дальнейших подробностей, я думаю, что если можно избежать операции, надо все для этого сделать. Расспроси точно и подробно, где и как тебе надо жить, не думаю, чтобы было

хорошо жить в СПб. или Мюнхене. Пиши скорей, моя дорогая. Напиши подробно про свое здоровье. Крепко целую тебя. Сердечный привет всем. Пиши и не волнуйся.

Твой *Додя*

А карточку?

На обороте: **Петербург**. Наталье Георгиевне **Вернадской**, Литейный пр., д. 18, **St. Petersburg, Russia**.

Д. 35, л. 51.

¹ Открытка написана до 1 октября, так как в ней описываются маршруты путешествий по Великобритании, а в открытке от 1 октября В. И. Вернадский пишет: «...сейчас выезжаю из Лондона в Брюссель». На открытке имеется штемпель лондонской почты от 3 октября 1888 г.

№ 101

1 октября 1888 г., Лондон

Лондон, 1 окт. 88

Дорогая Натуся, сейчас выезжаю из Лондона в Брюссель и оттуда напишу тебе сейчас по приезде. Моя дорогая Натуся, скоро в Мюнхене получу твое письмо и из него узнаю о том, как ты думаешь о моем проекте переезда твоего куда-нибудь в теплое место. Я не понимаю, отчего ты не получаешь моих писем, я пишу очень часто и ни разу не было, чтобы я хоть один раз не писал 6 дней подряд — верно, пропадают письма. Пиши мне чаще — я так жду твоих писем и так хочу, чтобы ты скорее была со мною. Мне уже хочется покончить с поездками и засесть за работу в лаборатории. Лондон во время всех этих поездок не успел хорошо осмотреть и кое-где не был, но делать нечего, 3-го марта будет экскурсия на фосфоритные залежи в Монсе. Получила ли ты мое письмо, где я просил тебя переслать мне 500 марок в Мюнхен? Пиши мне чаще и больше. Снялись ли — отчего не отвечаешь. Сердечный поклон всем. Пиши мне чаще.

Твой *Д.*

На обороте: **Петербург**, Наталье Георгиевне **Вернадской**, Литейный пр., д. № 18, **Russia, St. Petersburg**.

Д. 35, л. 50.

2 октября 1888 г., Брюссель

Bruxelles, le.

2 October 1888, вторник

Дорогая моя, родная Натуська, моя милая любимая девочка, мое дорогое счастье, перед отъездом из Лондона получил я твое письмо, на которое хочется мне написать тебе несколько слов — о моем так называемом «долгом» молчании я писал, а теперь напишу по поводу того, что моя [...] мартышечка недовольна моими письмами, находит их слишком внешними [...] опять все прежняя история. Моя Натуська, если «внешность» их выразится тем, что я не излагаю содержания своих разговоров, а пишу о том, что во мне сильнее всяких разговоров, ты обманываешься, думая, что я пишу тебе только о внешних событиях. Для меня разговоры в сильной степени являются внешностью, очень даже неприятною и совсем мне надоевшею внешностью, а внутри я живу совсем другим — я живу своим чувством к тебе, и если я пишу тебе об этом чувстве, не значит, что я пишу тебе о внешнем — я пишу о том, что для меня главным образом имеет значение среди всех треволнений [...] И вот, чтобы исполнить твое желание, я передам вкратце один разговор, который был у нас накануне моего отъезда. Мы говорили о поводе делать так или иначе, о той причине, которая укладывает и устраивает всю нашу нравственную жизнь. Клейбер терялся в своих сомнениях, Андрей¹ по обыкновению говорил что-то несуразно непродуманное, Сергей² утверждал, что у него является коренной причиной **вера** в то, что с течением времени все будет становиться мир сознательнее. Я не мог удовлетвориться этим Сергеевым построением, потому что оно разбивалось об отсутствие у меня веры в это и разбивалось на том, что я не видел возможности и надобности делать тут логический скачок; для меня совсем ясно, что если я поступаю теперь так, а не иначе, если я теперь являюсь не скверным и, может быть, даже хорошим человеком с точки зрения обычной нравственности, то вовсе не из-за каких-нибудь оснований, оснований, научно проверенных, выдерживающих самую снисходительную критику, я не знаю и думаю, что их нет. Если я поступаю так или иначе, то вовсе не значит, что я так буду всегда поступать, не значит, что так поступать лучше, — это значит только, что мне так надо поступать для того, чтобы не нарушилась гармония моей и твоей любви, так что передо мной жив твой образ и потому что я тобой живу... Если бы этого не было, я, несомненно, был бы другим человеком, и если этого не будет — много данных есть, что я другим человеком буду. Я не могу вдаваться здесь в причину, почему любовь является таким странным, сильным орудием, я более чувствую и сознаю это, продумывая в последнее время (говорил обо всем этом я еще менее складно, чем пишу здесь), я как-то яснее понял две вещи, которые прежде казались мне малозначащими и неважными, — Дон Жуана и ту странную силу и глубокую мысль, какая рисовалась в физической красоте древней классической пластики и в некоторых произ-

ведениях новых мастеров, иногда как-то отрешавшихся от влияния христианства и его культа. Об этом мы поговорим как-нибудь после, а теперь пойми, моя дорогая [...] что если я тебе пишу об этом, то потому, что ничего более важного писать не могу [...]

Я думаю, что если тебе можно приехать и поселиться на юге, то лучше приехать скорее; в Париж (там зимой очень, говорят, скверно) приехать только в марте (и очень сильно желаю иметь Юрку с нами все время).

Получила ли мое письмо о том, чтобы ты прислала мне 500 марок в Мюнхен, пришли скорее, не забудь. Море переехал в Остенде 5 часов без морской болезни. Крепко целую тебя. Сердечный поклон всем.

Р. С. Фрей живехонек. Что за история с Александром³, отчего ты о ней ничего не писала? Или он от тебя скрыл? Кир⁴ написал письмо, которое тебе посылаю.

Твой Д.

Всю ночь сплошь не спал, поздно и завтра в 7 часов надо вставать на экскурсию, да и голова что-то болит, а потому откладываю письмо маме и Киру. Скажи маме, что я совсем ничего и ее целую.

Д. 35, л. 53.

¹ А. Н. Краснов.

² С. Ф. Ольденбург.

³ А. А. Корнилов.

⁴ Кир Алексеевич Алексеев.

№ 103

4—5 октября 1888 г., на Рейне

На Рейне, 4/5 окт. 88

Дорогая моя, неоценимая Натуська, так дума моя неотступно тобой занята, так тоскливо ноет сердце, когда подумаю что так еще долго не увижу тебя подле себя, мою дорогую, ненаглядную девоньку.

[...] Мое родное сокровище, боюсь, что в моих планах относительно тебя много чисто личного, эгоистического [...] но это не личное чувство — мы так близки друг другу, что, наверное, и тебе разлука так же тяжела, как и мне, что, наверное, и тебе легче будет перенести ее вблизи, чем вдали. До Лугано всего сутки езды из Мюнхена, и езда туда и обратно стоит немного более 30 марок, следовательно, я могу приехать к тебе туда, и мы можем от времени до времени свидеться. А в СПб. приехать — совсем другое; если бы я думал, что ты останешься в СПб., то я бы не поехал в Лондон, а приехал бы на это время в СПб. Да я и не спокоен, что тебе в СПб. хорошо, я глубоко убежден, что тебе там **вредно**, и я буду все время волноваться и беспокоиться. Единственное облегчение, что тебе легче возиться

с Георгием и что есть вблизи дорогие люди, но для здоровья все-таки много, очень много вредного. Если только тебе не справиться с Георгием, тогда ничего не остается, как остаться тебе в СПб., так как я вполне сознаю, что снова расставаться с Георгием тебе нельзя, но если с Георгием можно тебе сладить в Лугано, то это будет самое лучшее. В Лугано ты бы осталась до марта, а в марте вы бы приехали в Париж или окрестности, так как зима в Париже нехороша и квартиры совсем не приноровлены. Хорошо бы было, если бы ты приехала сперва одна, мы бы проехали в Лугано* или куда лучше (спроси докторов) и все приготовили, а Георгия бы потом привезли, если только это возможно, не очень трудно. Поездки твоей с Георгием по железной дороге я страшно боюсь, надо, чтобы ты его на месте встретила отдохнувши, а не усталая и разбитая. Так жду твоего ответа на все эти планы и так хочу, чтобы это так устроилось — самое лучшее.

[...] О, Натуся моя, мое ты сокровище, иногда хочется бросить всю эту командировку и взять скорее тебя куда-нибудь в теплое место, поселиться где-нибудь в Крыму и там жить, думать, работать. И я не знаю, не самое ли это лучшее, я жду твоего ответа, чтобы написать Винбергу (может быть, ты бы сама переговорила с ним — он в СПб., написала бы, и он бы к тебе приехал), и мне хочется решить это скорей, чтобы по возвращении из-за границы там поселиться; часть зимы можно будет пристроиться в одном из южных университетов, а ты бы с Юркой весну, лето и осень проводила там недалеко от берега моря. Натуся, я чувствую и **верю**, что я при таких условиях могу работать горячо, с увлечением, с убеждением успеха, что я буду на своем месте. Если только нам удастся это, я думаю, что наше южное Приютино¹ осуществится, а я вполне теперь уверен, что я в силах провести его на юге. Когда я с тобой и на юге, у меня является энергия, если хочешь, самоуверенность. Пусть я ошибаюсь, но ты, моя чистая, жестоко во мне ошибиться не могла, и с тобой я самоуверен. Моя хорошая крошка, решай скорей, и как я хочу, чтобы это так решилось, и какая тоска — тоска неизвестности и страха... Я думаю, что во всяком случае нам нечего возвращаться в СПб. для новой работы в СПб. университете, надо пристроиться в университете на юге. Я начинаю думать, что через несколько лет возможно будет, может быть, занять кафедру в Киеве — здесь познакомился довольно хорошо с профессорами Киевского университета — Феофилактовым (геолог) и Армашевским (минералог), Армашевский оставляет кафедру при первой возможности и переходит на геологию, а затем мне очень важно работать где-нибудь в местности, где развиты различные породы, например в Крыму, — над удобрениями у меня после посещений Бельгии начал выясняться целый ряд вопросов, решить которые мне кажется возможно. Вообще посещение фосфоритов Монса было для меня чрезвычайно полезно, и многое, что было мне непонятно, если не выясняется, то по крайней мере выясняется путь, как это все решить. Я непременно решил сделать enquête² фосфоритного дела

* В Лугано, по словам швейцарца проф. Ренове, очень хорошо и, зная итальянский язык, можно устроиться дешево. Он советует Монтрё.

во Франции, тем более, что теперь у меня завязались связи, которые очень мне облегчат задачу. Арденны я посетил с лучшим знатоком этих мест профессором Госселе из Лилля (он меня пригласил), Пикардию и Северо-Восток Франции — с бельгийскими геологами, с которыми у меня завязались довольно близкие связи; мне очень жаль, что было слишком дорого посетить лучшие залежи Англии в Кромере etc. и не удалось видеть немецких [Ланских] (или совсем особых — но, может быть, удастся и сделать все это). Я все более и более убеждаюсь в необходимости работать на этом поприще, так как это ставит меня вне зависимости от министерства народного просвещения — не только потому, что я, может быть, случайно могу работать по министерству государственных имуществ, но просто потому, что позволяет работать **научно** вне зависимости от богатых университетских пособий и лабораторий, а дело это я люблю. А теперь нельзя считать устойчивым положение профессора, который хочет остаться честным и независимым.

Мне как-то грустно возвращаться в Мюнхен, как-то пусто в нем без тебя, моей дорогой крошки, но хочется скорей за работу и для тебя хочется успеть в...³ Решай и отвечай **немедленно** о моих планах.

Крепко целую вас обоих — скорее бы вы были вместе со мной. Сердечный поклон всем. Если можно ехать в Лугано, выезжай **как можно скорей**.

Как я нетерпеливо жду твоего ответа. Маме не пишу, потому что в Кельне вечером мог достать всего одну марку, а на пароходе нет. Напишу, как только будет можно (получить ее), Рейн прекрасен, хотя скверная холодная погода. Да будет вам все хорошее. Отвечай, отвечай.

Д.

Д. 35, лл. 54—56.

¹ См. комментарий № 2 к письму № 96.

² Здесь: исследование (фр.).

³ Неразборчиво одно слово.

№ 104

6 октября 1888 г., [Мюнхен]

Суббота, 6 окт. 88

Дорогое мое, ненаглядное, невыразимо близкое сокровище, моя голубка, маленькая птичка Натуська, сегодня я приехал в Мюнхен, но никакого письма от тебя, моей родной девочки, не застал, хотя, по моим расчетам, от тебя в субботу могло быть уже письмо в Мюнхене, да и Сергей ¹ что-то мне писем твоих не переслал. Мое родное сердечко, как мне сильно хочется, чтобы ты была возле меня, как мне тоскливо без тебя, и как я сильно чувствую, что тебя нет возле меня, тебя, моей единственной Натуськи. Так, так мне тяжело без тебя и так страшно хочется, чтобы ты была возле меня, моя ненаглядная Натуська. Я так счастлив твоею любовью, так невыразимо сильно люблю тебя [...]. Дорогая моя, родная птичка, так люблю я слышать твой голосок, видеть, как морщится носик и как в увлечении прыгает и волнуется моя вся

Натуська. И подумать, что я тебя еще так долго не увижу, если только ты не найдешь возможности переехать в Лугано или другое какое место здесь сравнительно вблизи. Чем более я об этом думаю, тем все лучшим и лучшим исходом мне это представляется: перевозить Юрку зимой в Париж — совсем страшно, а не видется нам с тобой до марта слишком тяжело для нас обоих. Меня только смущает — можешь ли ты там с ним справляться и кто может привезти его к тебе, так как я думаю, что тебе везти его не следует. Я нетерпеливо жду твоего ответа, а его все еще нет.

Воскресенье

В Мюнхене страшно холодно; все поля около Мюнхена покрыты снегом, и я едва-едва хорошо себя чувствую в своем старом теплом пальто (как хорошо, что я его не бросил в Вене!). В Брюсселе, когда я выехал, было тепло, и я там гулял без пальто, а здесь и в теплом холодно... С Гротом встретились очень дружелюбно, и с понедельника начну работать; Грюнлинг даже нашел мне и тебе какую-то, по его словам, прекрасную комнату около Академии — я не ожидал от него такой любезности, но 1 ноября я уже раньше сказал фрау Герман, что буду у нее (у нее все комнаты не заняты, кроме одной; она, между прочим, очень, кажется, огорчена, что ты ей не отвечала на ее письма). Здесь познакомился с Лагорио и переговорил с ним (около 2 часов — вчера вечером), он профессор минералогии Варшавского университета — очень милый и довольно живой человек; его брат здесь занимается и мне понравился. Комично, я за границей познакомился с русскими профессорами и учеными: Павловым из Москвы, Армашевским и Феофилактовым из Киева, Никитиным, Чернышевым, Шмидтом из СПб. и теперь Лагорио из Варшавы. Эти знакомства, кроме того, что интересны, они и полезны мне очень, тем более, что мы говорили вообще друг с другом довольно много и хорошо.

Вчера пришлось провозиться в почтамте очень долго; по ошибке (Centenarfeier! ² — мы за день до него сдали наши записки, когда была масса народа) почтамт отправил назад и деньги, присланные мне из университета, и деньги, присланные Дришем, я тебе писал уже об этом и просил прислать мне пока марок 500, когда еще я добуду и те и другие деньги, а теперь у меня денег очень мало, а скоро придется много платить. Вот еще что [...] купила ли ты мне книжку Густавсона ³, о которой я писал, если купила и приедешь скоро (как я все мечтаю и надеюсь), тогда не присылай, а если нет — пришли под бандеролью [...] Мне хочется очень видеть тебя вместе с Юркой и смотреть, как ты вся в это время живешь радостью [...] Как нехорошо, что ты мне так долго не пишешь... После отъезда из Лондона вечером в понедельник, я писал тебе открытую карточку из Лондона, письма из Брюсселя, Майнца и вот теперь из Мюнхена. Скорей бы получить от тебя письмецо.

Крепко, крепко целую вас обоих, моих дорогих. Сердечный поклон всем. Пиши чаще.

Твой

Отчего ты не пишешь, бывают ли у тебя боли в боку, я тебя просил написать об этом, а ты не отвечаешь — меня это очень беспокоит.

Д. 35, лл. 93-а — 94.

¹ С. Ф. Ольденбург.

² Непонятно, что имел в виду В. И. Вернадский.

³ См. комментарий № 6 к письму № 97.

№ 105

7 октября 1888 г., [Мюнхен]

7 окт. 88

Дорогая моя [...] Натуська, рыбка маленькая, получил я вчера твое письмо (№ 31), на которое отвечаю по пунктам и которое мне довольно не понравилось и за которое тебя надо хорошенько наказать.

1. Ты недовольна, что я не отвечаю на очень много, для тебя важное и нужное. Но моя маленькая [...] чтобы ответить на что-нибудь, надо иметь, на что отвечать. А я совсем почти не имею понятия, что тебя теперь волнует, так как в письмах твоих этого совсем нет или есть между строк и так пугливо сказано, что я могу заметить, только внимательно перечитывая твои письма. Итак [...] прежде чем обвинять, надо было спросить себя — да писала ли я ему то, что меня волнует, или же этого в ясной форме писано не было. Так и теперь ты пишешь, что у меня, вероятно, не было времени подумать «о том», что составляет для тебя предмет самых напряженных дум, но что это за предмет, не пишешь **ни одним словом**, и я могу понимать это, очевидно, весьма различно, а уж отвечать на это совсем нельзя. Вообще обвинительный тон твоих писем и такое же твое настроение мне не нравятся, и я никак не могу понять, откуда явились они.

2. Ты пишешь, что недовольна, что я передавал Сергею ¹, что ты писала для меня одного, — то, что ты писала для меня одного, так, конечно, при мне одном и осталось: ни об истории Егора Павловича ² с Машей ³ etc. ⁴ ничего Сергею не известно etc., но это твое мнение о продлении моей командировки я вовсе никаким секретом не считал, сказал о нем, говоря с одним из самых нам близких людей, и, вероятно, приводил и другие твои мнения, как он приводил мнения Шуры ⁵ Мне и в голову не приходило и не приходит, что это мнения «неоформленные», которые почему-то нельзя говорить, и твое чувство, которое этим вызвано, я считаю чувством нехорошим.

3. Третье обвинение в этом, полном обвинений (таково это не первое письмо) письме — это, что я решил о покупке имения в Крыму, с тобой не списавшись, и написал об этом Шаховскому и Винбергу. Я думаю, что это опять моя маленькая торопяшка поспешила, никому, ничего я не писал и прямо писал тебе, что, не сговорившись с тобой, я ничего решать не буду (может быть, ты не получила этого моего письма).

4. Четвертое обвинение уже совсем странное: я думаю, что оно **не твое**, как вообще я замечаю многие рассуждения не твои в этих последних письмах. Я не знаю, чье оно — Александра ⁶, Свешникова или кого другого, но я уверен, что оно **не твое**. Ты мне пишешь, что я не имею права «жить да заниматься отвлеченной наукой в каком-нибудь уголку Крыма», бросив общественную деятельность, точно я говорил или даже думал о чем-нибудь подобном. Я вполне убежден, что ты меня слишком хорошо знаешь, чтобы что-нибудь подобное обо мне думать. Правду сказать, все-таки мне было горько и обидно, и я только радуюсь теперь, что мне нет дела до других мнений, кроме твоих, потому что часто испытывать подобные чувства далеко не приятно. Я, конечно, не считаю скверным жить и заниматься где бы то ни было «отвлеченной» наукой (выражение «отвлеченная наука» — что-то тоже не твое, это какая-то смесь гостинной и юридических терминов) и никогда в такого человека камнем не брошу. Но я столько раз говорил, что этого не буду делать, никогда не делал, и вот мне самый близкий и лучше, конечно, всех меня знающий человек приписывает это желание. Я думаю, что ты не подумала о том, что писала, сгоряча передала чье-нибудь мнение, не подумавши, что такое мнение может быть только о пошлом или трусливом человеке, а пошлости и общественной трусости у меня не было и не будет. Поэтому я не буду в защиту Крыма говорить об этом твоём доводе против Крыма.

Но прежде чем говорить в пользу Луганска и Крыма, я хочу еще сделать замечания о нескольких местах этого твоего письма, мне неясных. Пиши, пожалуйста, яснее «о русской действительности» — твое выражение — которую ты противопоставляешь «заграничной жизни» (опять чужие фразы). Я могу теперь только слегка составить понятие о той «действительности», которая, по-видимому, теперь тебя заинтересовала, и думаю, что этим руководиться нельзя: вообще я вовсе не так уехал из России, чтобы не понимал того, что там делается, и моя жизнь в Европе есть не что иное, как продолжение той же жизни. Я живу теперь в твоих письмах большое влияние понимания «действительности» Александром, Свешниковым и *tutti quanti* ⁷ — понимания, с которым я довольно сильно не согласен. Второе, мне непонятное, явление — это указание, что мы в этом году должны быть особенно осторожны с деньгами. Это повторяется в нескольких местах письма, везде одинаково таинственно и одинаково неясно. Я могу здесь видеть 2 вещи: или 1) история с деньгами, которая была у тебя с Егором Павловичем, имела свои последствия, от меня, к сожалению, скрытые. Если это так, то я считаю, что те деньги, которые теперь получишь с Вернадовки, не должны были идти в этот капитал для пополнения взятой из него суммы, потому что этими деньгами мы можем распоряжаться, как мы хотим, а этим капиталом — нет. Затем я думаю, что потратить из этих денег на командировку или еще более — на твое лечение — мы всегда из капитала этого можем с согласия Егора Павловича. Хранить его для Юрки, как хочет Егор Павлович, **мы** не имеем права, так как это противно тому, что мы всегда говорили. Или 2) это та же самая узкая экономия, которую мы с тобой должны были хорошо понять в эту поездку: экономия в еде, которая должна была дурно отозваться

на твоём здоровье, и т. п., ну да об этом как-то не хочется и вспоминать. Во всяком случае я хочу, чтобы ты мне этот вопрос вполне выяснила. Замечу пока, что есть такие обстоятельства, где стесняться тратами нельзя, и такими обстоятельствами я ставлю твоё здоровье и, может быть, некоторые случаи в моей командировке. Во всяком случае напиши же ясно, в чём дело, что-то тут для меня неизвестное есть. Кстати, денег от тебя до сих пор нет, а у меня осталось всего-навсего две марки...

Итак, теперь я более или менее покончил с этими очень неприятными объяснениями [...] моя родная Натуська, девочка моя, ты должна иметь в меня больше веры, чем имеешь. Теперь тоже ты пишешь, что я решаюсь на Крым «легкомысленно», что вообще у меня в последнее время «легкомысленное» (тоже ведь не Тутюкины слова?) настроение. Я не буду оспаривать, что у меня легкомысленные настроения, поступки бывают и бывали, как бывают они у всякого человека, но совсем не согласен, что на Крым я решаюсь легкомысленно. Именно потому, что я не хочу заниматься одной отвлеченной наукой, именно потому я хочу осесть в такой местности, где есть ряд людей мне симпатичных и по воззрению близких, такова пока на юге — Таврическая губерния, где Винберг, Келлер и колония профессорская. Войдя туда, почти сейчас можно стать на прочную ногу в общественной кутерьме. Еще более заставляет меня на это решиться, что и выбор юга очень невелик, так как и в Киеве, и в Полтаве и слишком холодно, да и условия экономические с крестьянского чернозема помещика очень тяжелы⁸ Наконец, если я начну теперь высматривать и расспрашивать, не значит, что я сейчас и куплю, но, может быть, можно скоро и купить. Где бы ни были, но оселъе надо иметь совсем на юге. Оселъе — это важнее для меня в настоящее время профессорской деятельности, важнее — не потому, чтобы оно было лучше, полезнее и пр., а потому, что это более постоянный элемент. Надо поселиться на месте, войти в **местную** жизнь и для меня **лучше** на юге, которого историю и природу я лучше знаю и понимаю, чем севера. Долго ли я буду профессором и буду ли когда-либо — сказать нельзя.

О Лугане, я хочу, чтобы ты подумала более серьезно, чем ты мне отвечала. Конечно, ехать тебе одной туда не может быть и речи, но нельзя ли ехать туда тебе с Юркой, там вы останетесь до марта, а в марте приедете в окрестности Парижа. Я вполне убежден в пагубности для тебя петербургского климата и просто прошу сжалиться и над собой, и надо мной и посмотреть серьезно — ведь нельзя же делать мелкие экономии там, где дело идет обо всем для нас обоих, и нельзя брать пальятивы, где нужны решительные меры. Нельзя ли найти верного человека, который бы тебе помогал с Юркой*; правду сказать, теперь, когда сильно развивается сознательность, мне бы хотелось его в другую обстановку, и очень я считаю важным теперь для него живую природу (о значении этого я не раз думал в последнее время). Переезжать в Париж зимой тебе или ему я не считаю хорошим. Подумай еще раз, прежде чем отвечать мне так решительно.

* Не поехал бы кто из наших знакомых?

Писала ли Винбергу. Нехорошо, если нет. Отчего ты мне высылаешь 400, а не 500 марок (когда мне надо отослать Сергею, заплатить более 100 марок за лекции, да новое пальто теплое надо сделать). Вообще с деньгами творится мне что-то непонятное. Хотелось бы мне очень поговорить об этом с тобой; вообще твой план — не видется нам до Парижа — я считаю совершенно ничем не обоснованным. Подумай хорошенько, отчего нельзя ехать в Лугано, и напиши, что мешает; представь себе, что решительно отказываясь ехать в Лугано, ты в письме **ни слова** не говоришь, **почему же** туда не ехать. Если есть у тебя доводы, напиши их мне. Я пишу тебе в каждом письме и прошу написать, как твой бок, но не получил до сих пор никакого ответа, что позволяет мне делать предположение, какое вызывает то или иное расположение моего духа или фантазии.

Крепко целую тебя и страшно люблю тебя [...] Отвечай мне немедленно, особенно о деньгах и Лугано. Сердечный поклон всем.

Твой Д.

Моя маленькая рыбка, моя дорогая Натуся, перечел письмо и боюсь, что оно огорчит тебя, но оно не должно это сделать, потому что я так люблю, люблю больше всего на свете и для меня эта любовь — все.

Д. 35, лл. 95—98.

¹ С. Ф. Ольденбург.

² Старицкий.

³ М. С. Гревс.

⁴ См. комментарий № 1 к письму № 91.

⁵ А. П. Ольденбург.

⁶ А. А. Корнилов.

⁷ И всех им подобных (ит.).

⁸ Так и тексте.

№ 106

11 октября 1888 г., [Мюнхен]

11 окт. 88

Дорогая моя, ненаглядная, моя родная, любимая, неоценимая, моя милая, дорогая девочка, моя Натуська, радость и солнышко, как я тебя люблю, никогда, никогда я не думал, чтобы мог я так любить, как люблю тебя, мою голубку, мою чистую, мою бесценную, мое дорогое сердечко [...]

Очень мне теперь неприятно, что я послал тебе предыдущее письмо, так как оно должно было очень огорчить тебя, мою маленькую пташечку, мое жемчужное зернышко, но я так, так тебя люблю и так хочу, чтобы между нами не было никаких, даже видимых, недоумений, так как внутренних не может быть, потому что мы одно и потому что ты моя, у меня была, есть и будешь [...]

Твое письмо 29 — очень для меня важное, где ты впервые ясно высказала все, что волнует тебя и на что ты хотела моих ответов, я полу-

чил только сегодня, так как оно прогулялось в Лондон назад и только благодаря аккуратности Сергея ¹ пришло так скоро.

Хотя у меня голова болит и отвечаю я несвязно, но напишу тебе, мое родное дитяtko, что теперь смогу, так как я напрасно обвинил тебя, мою единственную, родную и бесценную, в том, что ты хочешь ответа на вопросы, которые не ставишь. Но письмо не дошло.

Моё родное сердечко, я думаю, что нам пожить вдвоем хорошо, хорошо, чтобы ты отдохнула со мной [...]

Но я думаю, что нельзя разочаровываться в братстве, нельзя сомневаться в Приютине ² — не могут быть они доказаны и целым рядом неудач, потому что это идеал, к которому надо стремиться и которого мы далеко не достигли; узкое понимание повредило, и ты знаешь, я никогда не был защитником этого направления, но самый принцип остается чистым и непоколебленным; теперь каждая семья живет **только** личной жизнью, но братство есть соединение **семейной** жизни целого ряда семей с сохранением индивидуальной семейной формы. Я думаю, что много неправильного и ложного, неверного и узкого в приложении этого принципа пока на практике, но принцип, к которому надо стремиться, остается для меня все так же светлым, ясным и важным.

Натуся моя, родная моя девочка, в этом теперь начавшемся сильным недовольстве приложения братского идеала и к своей собственной жизни, и к жизни других членов, недовольстве, которое я замечаю и у тебя, и у Сергея, я вижу залог дальнейшего развития, дальнейшей прочной устойчивости, потому что развивается только то, что подвергается сильной и смелой оценке мысли и сердца. Мы все тесно связаны, для нас ясно, что мы такими и останемся, и в этом наша сила — пусть отпадут иные, но все-таки многие останутся, и провести хоть часть, чего хотели, мы сможем, если у нас останется искренность, найдется достаточная смелость и широта мысли и чувства, а я уверен, что найдется ³

Я пишу пока немного, но напишу скоро больше [...]

Еще на одно хочу я тебе ответить здесь. Я понимаю, как тебе тяжело одной в Лугано, я хочу, чтобы ты поехала с Юрусей ⁴ и не одна, а с кем-нибудь, если нельзя никому из твоих, то с кем-нибудь из близких (не может ли это Бекер или Ольга Павловна ⁵?) [...]

Д. 35, лл. 99—100.

¹ С. Ф. Ольденбург.

² См. комментарий № 2 к письму № 96.

³ В письме № 29 от 16 сентября 1888 г. Н. Е. Вернадская писала: «У меня такое на душе пустое, неудовлетворенное чувство. Мне так нужно было ответа на мои письма о Приютине, о том, что я хочу пожить до общей жизни с тобой вдвоем... у меня в душе масса сомнений относительно братства... Кажется, что, в сущности, всякая семья живет своею жизнью и что так верно, естественно, потому что так делается даже теми, которые думают иначе, и другого ничего не видишь нигде, нигде... вижу, как многим совсем посторонним был сделан вред исключительностью и узкостью... так сильно это чувствуешь в эти дни и хочется твоего слова, живого слова и поддержки, обмена мыслей...» (ф. 518, оп. 3, л. 61 об.).

⁴ Г. В. Вернадский.

⁵ Возможно, Тимофеева.

15 октября 1888 г., Мюнхен

Окт. 15. 1888, Мюнхен

Дорогая моя девочка, моя родная, милая, золотая Натуська, мое красное [...] солнышко, уже давно я не получал твоих писем, а сегодня получил 2 сразу, а также и письмо к тебе Шуры¹, письмо, которое мне очень понравилось. Мне очень о многом хочется написать тебе, но постараюсь ответить на твои сперва вопросы, которые находятся в этих 2-х письмах, и потом напишу и свое, хотя боюсь, что тогда уже ничего не напишу, потому что отвечать надо много. А мой [...] воробушек [...] любит, чтобы ему отвечали на его вопросы, и я буду это делать аккуратно, тем более что прежде и не понимал, что надо отвечать так на письма. Может быть, это и верный способ переписываться.

Относительно Лугано, если нельзя везти Георгия², нечего и думать, конечно, ехать, хотя там зимой не холодно. Я понимал и понимаю Лугано только с Георгием, но вполне понимаю, что без него ехать тебе даже вредно, а также боюсь за тебя, если он там заболит, если с ним случится что-нибудь подобное, тем более, что там и доктора такого, как Аргутинский, найти будет трудно. Из Мюнхена, не знаю, удастся ли уехать в январе, но если переезд состоится в феврале, то, может быть, можно будет приехать на рождественские каникулы, если только удастся выхлопотать в Питере отпуск, тем более, что переезд из СПб. в Мюнхен и обратно можно, кажется устроить не так уж дорого. А приехать, может быть, во многих отношениях хорошо. Работу — главную — еще не начал и начну недели через 1¹/₂, но сегодня говорил с Гротом — у меня вырабатывается теперь способ приступить к работе, и Грот находит ее очень интересной и думает, что результаты получатся. Я же теперь все более убеждаюсь, что если действительно результаты получатся, то стоит работать и дальше, тогда, может быть, над газами буду продолжать работать в Париже и выйдет уже большая работа *

Для будущей зимы я все очень хочу, чтобы ты переговорила с Винкелем, тем более, что при возвращении **необходимо** иметь местное оселье и что в Таврической губернии — все самые благоприятные условия. Это вопрос гораздо большей важности, чем, по-видимому, ты представляешь себе. Напишу об этом отдельное письмо, когда получу твое разъяснение о финансах.

Относительно Федора etc. я думаю, что во многом у вас простое непонимание. Сергей и Федор³ здесь действуют под влиянием сильного чувства — любви к матери⁴, они (и я думаю, тяжело им) внутренне бессознательно чувствуют, что **они** не дают ей того, что она ожидала от них, и что для нее вся надежда и вся утеха теперь во внуке;

* Раздумывая, мне кажется, я нашел, **почему** это распространенное явление не было до сих пор замечено, и думаю, что способ работы, предложенный мне Гротом, был неверен. Через неделю я буду говорить с Зонке, и тогда все выяснится.

тем более я думаю, что им тяжело еще потому, что они ясно понимают, что ее жизнь кончена и что ничего ей больше нет. Это все при их любви к ней очень важно и, может быть, недостаточно оценивается вами.

Относительно приведенной тобою Федюшиной фразы — я с ним не согласен, но ничего плохого в этом самобичевании **пока** не вижу, тем более, что мы многого, может быть, мечтали достигнуть, чего на самом деле достигнуть и нельзя было. Я думаю, что это так называемое «падение», «поражение» чисто внешнее, кажущееся явление, потому что оно касается не того, что было и есть возможного в наших стремлениях, а тех мечтаний, которые выходили из границы нам доступных фактов и которые являлись у каждого из нас сообразно его индивидуальным наклонностям. Я думаю, что я мечтаю, может быть, еще больше и шире о будущем «компании», но у меня все всегда рисовалось в очень далеком будущем, и потому теперь я не чувствую ни поражения, ни падения. Братья же мечтали о более близком будущем, и потому они «поражение» и «падение» видят, но это поражение и падение есть поражение и падение в их фантазии и потому не беда. Но я думаю, что тот разброд, который теперь в Питере, очень печален и вреден и что нам надобен теперь там центр, и я думаю, что он явится с приездом Сергея.

Мнение Сергея, что только Федор⁵ и Дмитрий Иванович⁶ теперь исполняют общественные обязанности, и я разделяю, но не разделяю укора его этим другим членам компании, потому что только они стоят теперь в возможности это делать, а затем относительно других мое мнение ты знаешь: 1) относительно Сережки — я очень боюсь, чтобы неудача в устройстве ему места не явилась нашей ошибкой, и решительно считаю необходимым возможно скорее это место устроить⁷; 2) Адьку⁸ и «генерала»⁹ надо вытащить; 3) Иван и Маша¹⁰, я думаю, не в состоянии работать для общественной деятельности компании (как **целого**, и это очень важно не забывать), потому что Маша погружена в школу вместе с массой возни¹¹

Д. 35, лл. 101—102.

¹ А. П. Ольденбург.

² Г. В. Вернадский.

³ С. Ф. и Ф. Ф. Ольденбурги.

⁴ Надежда Федоровна Ольденбург.

⁵ Ф. Ф. Ольденбург после окончания университета занялся практической деятельностью по организации школьного образования в Тверской губернии.

⁶ Д. И. Шаховской после окончания университета посвятил себя земской деятельности; он был помощником предводителя дворянства по заведыванию начальным образованием в Весьегонском уезде Тверской губернии.

С. Е. Крыжановский после окончания университета поступил в кандидаты на судебные должности при петербургском окружном суде.

⁸ Речь идет, очевидно, о переводе поближе к Петербургу А. А. Корнилова, который с апреля 1887 г. в течение 5 лет работал комиссаром по крестьянским делам Конского уезда Радомской губернии. В течение всего этого времени А. А. Корнилов поддерживал тесную связь с членами «Братства» через переписку и ежегодные встречи в Петербурге, Твери, за границей.

⁹ Н. В. Харламов (см. комментарий № 3 к письму № 41) после окончания

университета уехал в Польшу, служил в канцелярии Варшавского генерал-губернатора. Связи с членами «Братства» ослабели, поэтому его хотели «вытащить» поближе к Петербургу.

¹⁰ И. М. и М. С. Гревс.

¹¹ Конец письма не сохранился.

№ 108

18 октября 1888 г., Мюнхен

Мюнхен. 18/10 88

Дорогая моя, ненаглядная Тутька, моя золотая, неоценимая девочка [...] сегодня получил твое письмо, моя родная, в ответ на мой злой ответ на твое 31 письмо. Письмо твое, мое дитяtko, мне понравилось, и разбирать эту историю больше не стоит, но только мне хочется еще некоторых сведений, которые ты не даешь. Я хочу, чтобы ты, моя дорогая птичка, писала о своем боку подробнее и чтобы ты писала мне не в общих выражениях, что бок болит иногда, а чтобы в каждом письме писала подробную хронику бока. Непременно. Затем, я не понимаю, как мне сознаваться, что я некоторое время писал редко, когда я все время писал часто; может быть [...] Тутька не сообразила, что при передвижении моем с места на место она не могла получать письма аккуратно, и, может быть, иногда она получала письма через несколько дней, хотя бы я писал и часто, потому что расстояния, откуда посылались письма, постоянно менялись.

Я очень доволен, что ты поедешь к Короленко. Мне нравится вся их семья, и я думаю, что с ним нам надо более сойтись; еще очень рад, что Щербацкая была у тебя (я как раз писал в предыдущем письме об этом), а что Сережка ¹ (его адрес?) и Тунька ², о последнем никто ни слова. Я хочу, чтобы ты отвечала мне на все мои вопросы, я как-то спрашивал тебя о женском университете и никакого ответа не получил. Если только он есть — напиши, и если будет у тебя Земятченский, напомни ему, что он хотел там читать химию ³. Достала ли и читала ли книгу Пере: «L'art et le poésie chez l'enfant»? ⁴ Я тебе вышлю еще одну немецкую брошюрку о ребенке — но все в том же роде, а Леланда (Practical Education)⁵, о котором я тебе писал давно (в Вильдунген), купи у Уоткина (6 shil.), мне кажется, очень важно ознакомиться с этим отделом, и вообще о воспитании внешнего чувства все сильнее думается, потому что с этим постоянно сталкиваюсь и потому что этого у меня, например, недостает. Вообще старайся следить за этой литературой, сколько у тебя сил, — не пересиливай себя, потому что самое главное, чтобы моя дорогая маленькая любимая птичка набралась сил, а покупать книги по известному предмету — не роскошь и не лишняя трата денег: в известную специальную библиотеку вкладывается всегда знание, мысль, и если даже она не будет в это время никем читаться, кроме владельца, книги эти делают свое дело и через несколько лет, такая, старательно составленная библиотека является своего рода **произведением**, общепользуной работой, и если она не раз-

рознится, этот **труд** всегда будет полезен. Самое главное, чтобы она хранилась и росла в аккуратном порядке (отдай Прейста в переплет).

В этом письме я буду писать целый ряд мелочей своей жизни, которые не удалось написать раньше [...] а которые мне хочется передать. Во-первых, здесь очень холодно, и я думаю переходить от фрау Герман, так как в этой маленькой комнатке между окном и дверью в передней невозможно холодно, совсем плохо могу заниматься, во-вторых, хочу купить фуфайку или [...] рубашку, а то по ночам мерзну, а пальто, может быть, до Парижа не буду заказывать, похожу в старом. В Париж поеду, верно, не раньше февраля. Кроме занятий и работы по [ним] (идет так себе и главная вина — комната), читал я в последнее время много газет, а из книг некоторые немецкие народные книжки, читал недавно брошюрку о продаже девушек и девочек в **Мюнхене**, продажу, случайно открытую года 2. назад, причем оказалось, что продажа производится часто **матерями** с заведомым намерением и их отправляют в дома терпимости в разные страны... Брошюрка плохо написана, но много заставила думать. Теперь читаю из общего: биографию Блюма ⁶, одного из немецких деятелей февральской революции — пока ничего особенного. А что Тутька читает? Писал много писем, и это вот 15-е по возвращении в Мюнхен, веду аккуратно запись и письмам, и расходам. Да, моя маленькая рыбка, а что ж книжка Густавсона? ⁷ Купи мне также и вышли, если вышла, Русскую геологическую библиотеку за 1887 год (напечатана в 1888) Никитина (в «Новом Времени» — издание Геологического комитета, 1 рубль, если вышла; за 1885 и 1886 у меня уже есть). Из лаборатории больше всего разговариваю с Абрахомом (удивительные успехи он сделал в русском языке — читает «Полтаву» Пушкина и учит ее наизусть!).

Крепко, много раз целую тебя [...] и моего маленького сынишку. Да снялись ли — ведь в каждом письме спрашиваю?!!! Моя дорогая, ненаглядная девочка, моя радость и мое счастье милое и мое сокровище. Пиши мне как можешь чаще — всегда так жду твоих писем.

Твой *Додя*

Кир ⁸ мне как-то написал очень милое, искреннее письмо, где говорил, как вследствие нравственных противоречий ему трудна служба в его департаменте и что хочет переходить в другую, и спрашивает, может ли он посоветоваться с Егором Павловичем, я ему ответил, что да, но чтобы он все-таки поговорил с тобой и что он Егору Павловичу может вполне поверить etc. Говорил ли?

Д. 35, лл. 103—104.

¹ Речь идет о женитьбе С. Е. Крыжановского на М. И. Шербацкой.

² Возможно, Никодим Исаевич Алатуни. См. письма № 159, 162, 163.

³ См. комментарий № 11 к письму № 72.

⁴ См. комментарий № 2 к письму № 83.

⁵ См. комментарий № 8 к письму № 50.

⁶ Возможно: *Liebknecht Wilhelm*. Robert Blum und seine Zeit. Nurnberg, 1888.

⁷ См. комментарий № 6 к письму № 97.

⁸ К. А. Алексеев.

21 октября 1888 г., Мюнхен

Окт. 21. 1888, Мюнхен

Моя дорогая рыбка, моя ненаглядная, неоценимая Натуся, моя радость, счастье и сокровище, так мне хочется чаще получать письма от тебя, а между тем вот уже 3-й день, как нет письма, — получил последнее письмо 18 октября, а сегодня вечер 21 и письма не будет, так как сегодня воскресенье, я писал тебе 8, 10, 12, 16, 19 и вот это значит будет 6-е письмо из Мюнхена [...]

Я пишу теперь письма очень усердно, считая это письмо и письмо Васе¹, сюда вложенное, я написал с 8 октября двадцать три письма и думаю, что с письмами буду продолжать так же старательно. Вчера получил я деньги от Мелиоранского, который мне пишет, что может мне прислать сразу и остальные деньги до января 89 года; он меня спрашивает, куда мне их выслать, но я не знаю, не оставить ли их в СПб., т. е. я могу написать ему, чтобы он выдал тому, кто придет за ними с моей распиской, а расписку пришлю к тебе — кто-нибудь может сходить: во-первых, и Мелиоранскому нет надобности возиться с пересылкой, что он очень не любит, да и пересылка всякий раз стоит 2 рубля. Напиши свое мнение [...] Дриш придет, как только я ему напишу, но писать теперь не могу, так как адреса его не помню, забыл у Сергея², а Сергей не отвечает; получу также на днях часть денег от Андрея³, который теперь в Париже.

[...] Работу **свою** еще не начал, но только что написал план ее и завтра засяду переводить его на немецкий язык, чтобы переговорить с Гротом и Зонке, работу с Мутманом продолжаю, и, кажется, это действительно новый случай гемизэдри — во всяком случае несомненно теперь, что это неслучайное явление, Мутман уже ликует, но у меня все еще сомнения и все рождаются. С Гротом у меня недавно был разговор, и он непременно хочет, чтобы я остался до конца февраля: он говорил, что думал, что я у него буду и это лето работать (не понимаю, откуда он взял), он все напирает, что в Париже всего одного лета достаточно, что кристаллографии мне больше нечего учиться etc. Я ему сказал, что мне хочется скорее сделать то, что у меня в программе, говорил, что, может быть, вернусь раньше полгодом в Россию etc.; он приглашал после Парижа вернуться сюда и сделать *grosse Arbeit*⁴ Дело в том, что я с ним говорил о дальнейшем выводе из чисто теоретических представлений о явлении кристаллов с газами и о значении этого для теории изоморфизма и морфотропии (последняя есть самый ценный вклад Грота в науку), и Грот нашел, что если это верно, то это очень важно, и что над этим стоит работать; он говорит, что он думает, что я получу результаты. Эта «большая» работа и есть эта работа, конечно, если бы Грот мне предоставил большой материал, то это было бы лучше всего здесь, но мне хочется скорей отсюда вырваться. Тем более, что я думаю, что в Париже газами можно заняться. Если моя работа с жидкостями будет неудачна, это будет для меня совсем необъ-

яснимо. Для большей уверенности я решил добиться результата 5 методами, из которых один совсем новый (явления, никогда не наблюдавшиеся, но которые, по моему мнению, должны существовать), за другой говорит несколько опытов, деланных лет 50 назад, третий, четвертый и пятый применялись для других целей, а для этой цели дали непонятно отрицательные результаты (3 — работали в прошлом столетии и начале этого, 4 — в последние годы и дали кашу, а 5 — в той форме, какую думаю ему дать я, собственно тоже новый), но мне кажется, что я понял, почему они не дали результатов. Явления должны открыться каждым методом — так как явления должны существовать, то едва ли их не удастся открыть хоть одним способом... Посмотрим. Достал я свои карточки — что с ними делать? Если ты с сынишкой снялась — пришли мне. Мой дорогой, ненаглядный цыпленок — моя Тутка — воображаю, как возится она с сынишкой. Чем решилось дело с Шурой⁵? Отослала ли вложенное в твое письмо письмо к Ивану⁶? Что Пашина⁷ работа на фабрике? Что Георгий читает?⁸ Что Нина⁹? Видишь ли Лидию Карловну¹⁰? Трудно ли тебе поехать к старикам Короленко (генералу — помнишь, который, кажется, огорчен, что я уехал, не простившись, а мне бы не хотелось огорчать его и для себя — человек он хороший, и для памяти отца). Читал недавно «Volkslektüre»¹¹ — книжку о том, что читает немецкий народ, очень интересно. Пиши, моя родная [...] Тутя. Поцелуй сынишку. Поклон всем.

Твой Додя

Письмо Васе выйдет очень длинное, и потому я его откладываю до следующего раза. Крепко целую тебя, [...]

Д. 35, лл. 105—106.

¹ В. В. Водовозов.

² С. Ф. Ольденбург.

³ А. Н. Краснов.

⁴ Большая работа (нем.).

⁵ А. П. Ольденбург.

⁶ И. М. Гревс.

⁷ П. Е. Старицкий.

⁸ Георгий Егорович Старицкий.

⁹ Нина Егоровна Старицкая.

¹⁰ Вульфорт.

¹¹ Народное чтение.

№ 110

23 октября 1888 г., Мюнхен

Ок.23.X

Дорогая моя девочка, моя радость [...] Я хочу, чтобы ты отвечала на все те вопросы, о которых я спрашивал или спрашиваю, даже самые частные или пустые на вид.

Работа моя идет порядочно — сегодня получил еще новое яркое доказательство того, что мое предположение о новой гемиздрии в веществе ¹, над которым работаем с Мутманом, верно, но все-таки у меня есть целый ряд сомнений, и пока их я не разъясню себе, я решительно буду противиться печатанию, за что горячо стоит Мутман. Впрочем, сделаю на днях сводку всего материала, и тогда посмотрим; окончить работы было бы, конечно, хорошо, а то больно много веду их сразу. Даже принимая эту гипотезу, является несколько аномалий в этом веществе, которые не могут быть вполне поняты, во всяком случае эта гипотеза становится все вероятнее, и мне кажется, что сделай еще одно допущение, она будет совсем верной, но это допущение объясняет одно явление совсем новым, непринятым, необъятным образом, а с этим надо быть осторожным... У меня это, впрочем, все еще не совсем ясно. Сегодня вечером буду разбирать с Гротом свой проект работы, а завтра, вероятно, переговорю с Зонке.

Мой маленький цыпленок, моя Тутя, дорогая девочка, отчего ты не пишешь хронику бока, как я просил: ведь мне тогда будет спокойнее.

Из лаборатории чаще вижу с Абрахомом, который старательно учится русскому языку, он передал в виде подарка тебе книжку Раскина «*Sesam und Lilien*»², которую я на днях тебе вышлю, а ты купи и пришли ему что-нибудь хорошее из русской литературы³ (например, что-нибудь из Пушкина или «Детство и отрочество»⁴ Толстого или драматическую трилогию Ал. Толстого⁵ etc.).

Сегодня пока довольно, и пошли приложенное письмо Васе⁶ Напишу на днях — после разговора с Зонке [...] Хорошенько поцелуй сынишку, моего дорогого. Пиши мне чаще и больше, так мне нужны твои каркульки. Как только немного освобожусь, напишу Егору Павловичу⁷ Сердечный поклон всем.

Твой Додя

Д. 35, л. 107

С Мутманом В. И. Вернадский работал над сложным органическим веществом — эфиром тримединовой кислоты.

² См., например, позднее издание: *Ruskian John. Sesam und Lilien. Leipzig: E. Diederichs, 1905. Bd. 2. 266 S.*

³ В письме от 15 ноября 1888 г. Н. Е. Вернадская писала: «Книгу Абрахому купила — Пушкина, но все не присылают мне от Панафидина, самой же трудно часто выезжать, но завтра проеду...» (ф. 518, оп. 3, д. 254, л. 99).

⁴ См., например: *Толстой Л. Н. Детство и отрочество. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1885.*

⁵ См., например: *Толстой А. К. Драматическая трилогия. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1876.*

⁶ В. В. Водовозов.

⁷ Старицкий.

25 октября 1888 г., [Мюнхен]

25.X 88

[...] моя девочка думает, что в декабре я уже могу защитить диссертацию! Если работа выйдет, то я, может быть, мог бы, если бы занимался исключительно ею, написать ее, приготовить к началу мая или сентября и то благодаря тому, что затронутый мною вопрос совсем новый. Работа моя идет порядочно: с тем веществом, с которым работаю с Мутманом, — все еще неясно, но мне кажется, что явление, как я и думал, — **сложное**, но во всяком случае интересное. О программе работ по капиллярности говорил и с Зонке, и с Гротом; Гроту план моей работы, кажется, понравился, и часть ее буду делать у него; Зонке говорил, что он не уверен, что результаты получатся, но что считает работу очень теперь полезной и интересной, что если получатся результаты, так все будет новое — потому что никто не работал. С планом моим в общем он согласился. Завтра или послезавтра начну работать у него; сперва проделаю опыты, уже сделанные со стеклянными пластинками, а потом перейду на кристаллы. Мне кажется — так или иначе — результаты должны получиться, а если не получатся, должно быть объяснение — даже отрицательный результат научно интересен. В физическом кабинете у Зонке у меня своя комната. Во всяком случае [...] никак не мог бы я приехать на праздники для защиты диссертации, если бы мог приехать, то только для нас всех, и я этого очень хочу, но не знаю, как выхлопотать отпуск в министерстве...

Не особенно я радуюсь назначению Сережки¹ товарищем прокурора — уж очень для него и для выработки человека место трудное, а Сережка был сперва в Царстве Польском, а потом товарищем прокурора — все-таки прецеденты неудачные для политической выработки человека. Но, конечно, теперь это лучше, только пусть Сережка не бросает мысли об университете (ему письмо у меня все на очереди — а времени нет, теперь написал 29 писем!), а что устроится его брак с М. Щербацкой, так это расчудесно, я как-то ей очень верю и верю, что Сергею будет это страшно хорошо. Мне хочется, чтобы ты написала подробности о свиданиях с ней. Я не согласен с твоим отношением, что не стоит чаще видеться, когда все сговорено etc., во-первых, не все сговорено (лично за Сережу я не очень боюсь, если ты сойдешься с М. Щербацкой, а потому **очень** важно не то, чтобы ты сходилась, а и чтобы и близкие тебе люди сходились — теперь это особенно важно, и я ужасно рад, что Адька² был у твоих), и ты должна, если даже Сережкина обстановка и тяжела, заставить его дружески бывать. Мне кажется, нельзя так узко оценивать то, что выносятся из сношения с человеком, и важно, чтобы возможно больше переживалось вместе. Я думаю, что именно братское чувство и должно постоянными сношениями, перепиской etc. все выше и выше поднимать человека, и я думаю, что ты можешь это больше других людей. Я считаю особенно важным, чтобы с теми **хорошими** людьми, которые теперь тебя окружают, возможно большее число членов кружка

сошлось. А уж отношение к Аматауни совсем мне непонятное. Что значит, что свидания «**ничего** нового» не дадут, что́ это новое, зачем надо именно новое — зачем надо оценивать неоцененное. Аматауни, **ему** важно, чтобы он бывал. Аматауни при его горячем сердце, при его замечательно чистом уме, необходимо, чтобы сношения постоянно поддерживались, мне недостает, что я об нем ничего не знаю, и мне было бы очень и очень приятно, если бы он чаще и больше с тобой виделся. Я не хочу брать никакой общественной оценки всем этим свиданиям, а хочу брать чисто человеческую, и я думаю, что чем чаще люди видятся — а особенно хорошие люди — в житейских мелочах — тем лучше и выше они становятся.

Ты мне не отвечаешь на мои вопросы. Адькино письмо по ошибке вместо меня Сергей³ послал в СПб. — пришли; я очень рад, что ты писала Сергею — о чем? Какой доклад читал Таиров?⁴ Какое письмо получил Шаховской? Я ему писал из Бата и затем 18 октября открытую карточку [...]

Вчера вечером был снова у Абрахолей. Мать мне очень нравится, и это очень оригинальная женщина, и такой прямой, смелый ум у нее — я почти первую такую старуху вижу. Отношения ее к детям такие, какие бы и мне хотелось, и я думаю, что если останется смелость ума у нас, терпимость (а разве может быть нетерпимым — больший или меньший скептик?), отношения и у нас будут такими же. Что с Винб.⁵ — неужели так никаких сношений? [...] Я писал Ивану⁶ (в твоём письме 19-го) об адресе Лаппы⁷ — узнай его.

Крепко, крепко целую тебя, мою дорогую, любимую, ненаглядную, милую девочку и сынишку моего родного. Сердечный поклон всем. Что земский проект Толстого?⁸

Письмо Рейтлингер получил и на днях отвечу [...]

Твой *Додя*

Д. 35, лл. 108—109.

¹ С. Е. Крыжановский.

² А. А. Корнилов.

³ С. Ф. Ольденбург.

⁴ Очевидно, речь идет о докладе, прочитанном В. Е. Таировым на первом съезде русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России. См.: *Таиров В. Е.* Общий обзор учебных заведений по виноделию в Австрии // Съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России, 1889—1890. СПб.: Типолит. «Владимирская» (Л. Мордуховской), 1890. С. 71—86.

⁵ Очевидно, Владимир Карлович Винберг.

⁶ И. М. Гревс.

⁷ В приписке к письму М. С. Гревс от 20 октября 1888 г. И. М. Гревс писал: «... адрес Лаппы: Мытная наб., 13 ...» (ф. 518, оп. 7, д. 165, л. 11).

⁸ Назначенный в 1882 г. министром внутренних дел Д. А. Толстой поддержал дискутировавшуюся в то время в печати идею преобразования земства. Канцелярия возглавляемого им министерства приступила к выработке проекта преобразования земства. 8 января 1888 г. Толстой внес в Государственный совет проект нового положения о земских учреждениях. Проект предполагал возможно полное подчинение земских учреждений правительственным органам, предлагал отмену самостоятельности земств, утверждение всех постановлений

земских собраний губернатором, замену земских управ присутствиями из назначенных администрацией лиц, преобразование земского представительства на сословных началах с приданием ему характера повинности. Земства, таким образом, превращались в совещательные органы при административном управлении. Проект имел многих противников, среди них были министр финансов И. А. Вышнеградский и министр государственных имуществ М. Н. Островский. В связи со смертью Д. А. Толстого проект не получил своего осуществления, в него были внесены существенные изменения. В результате земское самоуправление осталось, но самостоятельность земства оказалась серьезно урезанной. Новое Положение о земских учреждениях было принято 12 июня 1890 г.

№ 112

29 октября 1888 г., [Мюнхен]¹

29.X 88

10-е письмо

Дорогой мой цыпленочек, моя маленькая Тутя, пишу это короткое письмо, чтобы ты получила его через день, так как длинного написать не успею.

Сегодня (вчера) начал заниматься у Зонке и теперь утром (7 часов) пишу тебе — сейчас иду в лабораторию. Вернувшись из лаборатории вчера вечером, я несколько читал, но сильная головная боль не позволила хорошо читать. Потом пришел Абрахоль, и мы с ним немного почитали, а потом заговорились почти до 2-х часов ночи [...]

Вчера после долгого перерыва получил я коротенькое письмецо от тебя, моя дорогая, пиши мне чаще и подробнее. Карточки как-нибудь на днях пришлю. Не выезжа...² Относительно писем Вы с Шурой³ хорошо придумали — мы говорили о том же с Сергеем⁴ Никаких интересных писем я не получал.

Читаю я теперь, между прочим, Менгера «*Recht auf voll. Arbeitsetrag*»⁵

Крепко целую тебя, мою родную сероглазку, и моего маленького детеныша — Юру. Узнаёт ли он меня? А, как ты думаешь, моя дорогая Тутя! Мое горячее сердечко.

Целую тебя крепко, крепко. Поклон всем.

Твой Д.

Д. 35, л. 110.

Место написания установлено на основании письма от 31 октября 1888 г. В. И. Вернадский писал: «Я посылал из Мюнхена письма 8, 10, 12, 16, 19, 22, 24, 26, 28, 30 октября».

² Оторван угол страницы, нарушено по девять строк с обеих сторон листа.

³ А. П. Ольденбург.

⁴ С. Ф. Ольденбург.

⁵ *Menger Anton. Das Recht auf den vollen Arbeitsetrag in geschichtlicher Darstellung.* Stuttgart: J. G. Cott. 1891 (2-е издание, В. И. Вернадский читал, очевидно, 1-е издание).

31 октября 1888 г., Мюнхен

31. окт. 88, Мюнхен
11-е письмо

Мое счастье и радость, моя любимая неоценимая девочка. Получил я сегодня твою маленькую записочку [...] и спешу тебе ответить на нее. Меня очень удивляет, что ты не получила моего письма, так как давно уже я пишу через день, я посылал из Мюнхена письма 8, 10, 12, 16, 19, 22, 24, 26, 28, 30 октября, и вот это пойдет 1-го, так что не через день я посылал письма только от 12 до 22, т. е. одну неделю, когда я совсем не мог этого делать — было всего немного таких писем, так что я совсем не могу понять, отчего ты не получаешь вовремя моих писем, так ли ты рассчитываешь?

Дорогая моя, неоценимая, родная девочка, так сильно и глубоко я люблю тебя и так скорее, скорее хочется быть вместе с тобой, и я все более и более склоняюсь, что необходимо сократить командировку и скорее вернуться [...]

Сегодня в письме твоём находится план твоей поездки в Ниццу, и, несмотря на все мое страстное желание, чтобы ты ехала на юг, этот план во многом заставил меня задуматься. Признаюсь тебе, меня пугает компания Зои Алекс.¹ и Анаст. Серг.², которые и здорового человека могут больным сделать; меня пугает и семья Башкирцевых — то, что я о них слышал, заставляет думать, что они одного типа с Зоей Алексеевной, и особенно, если ты думаешь остановиться у Башкирцевых. Я думаю, что если тебе не страшна вся эта обстановка, останавливаться у Башкирцевых совсем не надо, а лучше нанять себе небольшую квартирку. Если только П. С.³ тоже находит, что теперь для твоего здоровья надо ехать на юг, то надо постараться устроить это всеми силами, и если ты не очень боишься компании Зои Алексеевны и *tutti quanti*⁴, то жить в Ницце, я думаю, очень полезно и очень, очень хорошо. Но ты пишешь мне обо всем как-то очень мало подробно. Я решил приехать на праздники [...] в Питер — затруднение с дозволением. Напиши мне скорее и подробнее об этом плане.

Я думаю, что раньше конца февраля и начала марта мне нельзя будет уехать из Мюнхена (хотя *qui le sait?*)⁵; в Париже нам надо поселиться где-нибудь в окрестностях — на расстоянии $\frac{1}{2}$ —1 часа езды по жел. дор. Моя дорогая, любимая птичка, моя ненаглядная Тутя — девочка моя неоценимая — так легко было бы мне бросить всю командировку, только чтобы скорее быть с тобой, с моей дорогой, единственной.

Работу у Зонке веду, но пока еще ничего нельзя сказать — все предварительные приспособления, хочу еще некоторые опыты проделать дома и потому хочу переговорить с фрау Герман, чтобы занять две комнаты, а то в моей конурке совсем нельзя повернуться. Если только ты, моя дорогая, приедешь в Ниццу, то я при первой же возможности к тебе приеду [...] Напиши только об этом плане подробнее.

Ты мне не пишешь, что ты читала в это время, и очень прошу

тебя, пиши мне подробнее и распределение твоих дней, и что мой умишко думает.

Моя радость, моя радость, Натуня моя [...] Так сильно люблю я тебя, и если я чувствую силу, то только потому, что люблю, и так я глубоко счастлив твоею любовью. Если есть в жизни что-нибудь сильное — то только любовь. Что Юра⁶ — в последних 2 письмах мало пишешь. Изменяется ли его мордочка, на кого он похож, как его зубы. Сердечный поклон всем.

Твой Додя

Ты мне как-то писала про книги Абиha⁷ — что такое, не понял?

Д. 35, лл. 111—112.

¹ Зоя Алексеевна Зарудная.

² Возможно, Анастасия Сергеевна Зарудная.

³ П. С. Чертораев.

⁴ И всех ей подобных (ит.).

⁵ Кто знает? (фр.).

⁶ Г. В. Вернадский.

⁷ *Abich N. W. Atlas zu den geologischen Forschungen in den kaukasischen Ländern // Geologische Forschungen in den kaukasischen Ländern. Wien: Hölder, 1878—1887. Т. 1—3.*

№ 114

2 ноября 1888 г., Мюнхен

2 нояб. 88, Мюнхен
12-е письмо

Дорогая моя, родная неоценимая Натуся — мое сокровище, мое ясное солнышко — сегодня получил я твою записочку с планом о Крыме. Я об этом думал раньше, но я думал, что это невозможно устроить у Келлеров. Но прежде чем писать что-нибудь об этом плане, я хочу сперва знать, не хуже ли тебе, моей ненаглядной — если доктора тоже находят, что тебе лучше всего ехать на юг, жить на юге? Ведь ты об этом ничего мне не написала, и я ничего не знаю, ничего... [...] Ты мне пишешь план Радецкого до января остаться в СПб. и затем ехать в Париж, но я никак не могу уехать отсюда раньше февраля, и у меня мелькает мысль покончить командировку на Мюнхене, а в Париж не ехать — вернуться к тебе. Если только устроится план Крыма, то мы можем на зиму поселиться в Одессе, где, наверное, можно будет так или иначе работать и писать там свою диссертацию, так как ее я так или иначе, а напишу, а между тем ты присмотришься и к людям вокруг, и к месту, и когда я вернусь в Крым или на юг, можно устроить оселье и так или иначе приспособиться к местной деятельности. Но разберем лучше все по порядку. Я лично считаю очень и очень важным твою жизнь на юге, я очень считаю также важным, чтобы ты не была одинока, а была с хорошими людьми. Поездка в Крым является еще более

важным, потому что, раз решившись жить на юге, — более теплого места найти нельзя, и это почти единственное место, где я сразу могу найти людей и одинакового образа мыслей, и деятельности, людей, которые давно там живут и сжились и слились с местной жизнью. Поселившись там и мало-помалу присмотревшись к тамошней жизни, ближе сошедшись с ними, легче и лучше нам решить, как там устроиться. Все это является преимуществом перед Нищей, но против этого одно очень важное и тяжелое условие, это то, что я не могу так скоро увидеться с тобой, но для меня это такое важное условие, что я хочу теперь думать именно как раз о том, **как** миновать это условие, если лучше ехать в Крым, а если миновать нельзя, то лучше не ехать. Сейчас сразу я не могу вполне выяснить все дело, но представляется мне несколько возможностей:

1. Покончить заграничную командировку Мюнхеном, что, может быть, легко сделать — всегда можно сослаться на семейные обстоятельства, и в случае невозможности оставаться 2-й год **отложить** командировку на другое время — через год, два. Собственно говоря, я главного достигнул теперь и сознаю, что в целом, самом важном для меня отделе могу действовать самостоятельно. В Париже я не буду заниматься ни кристаллографией, ни чистой минералогией, а буду изучать только химические методы искусственного получения минералов, на что потребуется всего 2 месяца. В общей сложности эта поездка в настоящую минуту явится научной роскошью и важна по тем связям, знакомствам, которые я мог бы этим путем приобрести, но для этого можно приехать в другой раз. Таким образом, я мог бы освободиться к началу марта.

2. Не бросать Парижа — довести командировку до конца или почти до конца. И тут для меня кажется возможным изменить все распределение времени. В марте проехать к тебе в Крым, взяв отпуск на месяц, и затем или проехать в Париж после (кончить все к концу августа), или остаться в Вене, а в Париж поехать осенью (в Париж проехать через Марсель — не очень будет дороже). Можно еще устроить так, что из Мюнхена уехать в феврале, а к маю или к июню совсем покончить **всю** командировку.

Моя маленькая, дорогая девочка, моя радость милая, мне так не только хочется, но и всей душой вполне чувствую, что надо скорей покончить эту командировку и нам с тобой зажить настоящей жизнью, на месте. Я очень серьезно и вполне спокойно могу оставить теперь Париж и могу окончить свою командировку Мюнхеном — никакой жертвы с моей стороны не будет здесь, если только это даст возможность нам начать жить на месте, поселиться на юге, летом в Крыму, зимой в Одессе. Для нашей **семьи**, для нашего спокойствия, для нашей **работы**, для братства это все будет самое, самое лучшее. Таким образом, этот твой план кажется мне самым лучшим, потому что так кончатся не только наши мытарства, но и подготовительная работа, которая своим готовлением так или иначе мешала и работе, и силе духа. Я чувствую, что я за это время возмужал, что мне ни для моего политического или другого какого развития не даст много Париж и что для **меня** самое важное и нужное — это зажить вполне **самостоятельно** с тобой на месте. Поселившись в Крыму, мы, вероятно, не сразу найдем достаточно средств к жизни, но это год-два, и на это время можно даже

потратить часть капитала, потому что он вполне вознаградится. Итак [...] если только можно устроиться у Келлеров, **так** надо сделать, и в марте я совсем вернусь из командировки — к тебе с радостью. Я жду с нетерпением твоего ответа на это письмо и всяких подробностей. Меня пугает только — не хуже ли тебе, что ты так вдруг стала хотеть ехать на юг, когда сначала отбросила весь мой план? Пиши, ради бога, не тощие записочки, а подробные. Моя любимая, родная девочка, мое сокровище, моя радость.

Получил сегодня письмо Дриша, которое тебе посылаю, и письмо Сергея¹ Сергей решительно восстает против [должности] товарища прокурора Сережки², потому что с этим сопряжены политические дела, если это так, то и я с ним согласен — тогда **надо** Сережке дать возможность прожить (деньгами) до тех пор, пока не удастся найти другого места. Напиши, правда ли? Сергей тебя целует и скоро будет писать. Крепко тебя и Юру³, дорогих, целую. Сердечный поклон всем.

Твой Додя

Р. S. План окончания командировки — **теперь же** — мной давно обдумывается, и это самое лучшее⁴

Р. S. Я чувствую потребность работы на месте, я знаю — у меня хватит и энергии, и силы, и ума, когда я с тобой. Мне надоело и кажется лишним готовление — я хочу живой работы, и я чувствую, что смогу провести ее⁵

Р. S. Пиши на Kaulbach str., а то я по праздникам и воскресеньям etc. писем не получаю. На днях пришлю мелкие русские деньги, остался у фрау Герман, только взял 2 комнаты (26 марок) и очень доволен, потому что она благодаря этому сразу сдала **одну** комнату, и вот она довольна и счастлива. Как мало...⁶

Д. 35, лл. 113—114.

¹ С. Ф. Ольденбург.

² С. Е. Крыжановский.

³ Г. В. Вернадский.

⁴ Приписка сделана на полях л. 114 об.

⁵ Приписка сделана на полях л. 113 об.

Приписка сделана на полях лл. 113—113 об. и на этом обрывается.

№ 115

5 ноября 1888 г., Мюнхен

14-е письмо
5/XI 88, Мюнхен

Моя дорогая, родная девочка [...] Сегодня я получил твое письмо с вложенным письмом Ал. Мих.¹, и чем более вдумываюсь, тем более убеждаюсь, что надо **ехать в Ниццу** (а что — Зоя Алекс.² и К° туда не едут?) и ехать скорей, потому что позже перевозить будет труднее

и труднее — я не знаю потому, хорошо ли, что ты думаешь теперь привить оспу Юре³ Крым пытаться теперь не следует, и мы лучше поедem туда вместе. Я могу встретить вас в Вене (ты думаешь там отдохнуть?) или могу встретить в Ницце, или по дороге — в Милане, что ли, только напиши заранее. Я думаю, что условия жизни с Неклюдовой будут хорошие, она, кажется, очень простая барыня, только не будут ли тебе мешать ее знакомые, но это все, конечно, очень не важно. В Меран ехать совсем нельзя — даже Юргенсон, который был там три раза, говорит, что он всякий раз с радостью спешил уезжать оттуда, так **тяжело** было ему видеть всех этих чахоточных. Он говорит, что лучше в этом отношении в Боцене, но я думаю, что гораздо лучше ехать тебе в Ривьеру, и я приеду к тебе недели на 2 между декабрем и январем, а в феврале снова. Только выезжай скорей [...] При такой обстановке я проеду в Париж и, следовательно, не буду откладывать ни знакомств, ни учения тамошнего, ни фосфоритов, хотя все это не так уже важно. Мне кажется, вопрос не надо более еще держать в суспенсированном состоянии, а **надо решать ехать в Ниццу и торопиться...**

Моя золотая маленькая Тутя, Сережке⁴ я напишу, верно, завтра или послезавтра (сегодня написал Скалону, ответил Дришу и довольно много еще вычислений и писать надо по прочитанному, а теперь 11 часов), я думаю, что Лельке⁵ надо написать серьезно и что надо в случае упорства братству устроить ребенка иначе, даже против его желания, если бы мы были в России, то, конечно, нам или Гревсам, или Тимофеевым—Ольденбургам **надо** его взять. Если бы у меня была какая-нибудь уверенность, что с Лизой Гр.⁶ не сделается там припадок, то надо бы ей устроить эту поездку с тобой, но я не уверен в этом, а тогда ты вместо поправления будешь еще хуже, я это не только вследствие моей любви к тебе говорю, это не излишняя заботливость о тебе, я совершенно так же посмотрел бы на это дело, если бы Лиза поехала с Ан. Ник.⁷ etc. А потому при таких условиях, когда ты должна поправляться, Лиза мне кажется не должна ехать. Я думаю, что как только мы устроимся на юге — будет ли это в Крыму или где-нибудь в другом месте — Лиза будет одной из первых, которая к нам приедет, и, может, ей будет лучше, когда она **все время** будет жить в кругу близких лиц и понятных интересов.

Мой дорогой, ненаглядный Натусик, так сильно мне хочется скорей зажить вместе с тобой, так верится мне в твою душевную силу и в то, что благодаря ей можно многое и многое, если не все, провести в жизнь, из чего мы хотели. Что письмо к Васе⁸, получила ли его, послала ли?

Крепко, крепко целую тебя, мою дорогую девочку, очень хорошо сделала, что не пошла в родительский кружок, бедная Тутя — верно, не «чуть-чуть не», а совсем поплакала, а? Юру крепко целую, дорогого мальчика. Сердечный поклон всем, пиши больше про своих. Что Агафонов? Напиши ему и спроси, получил ли он мое письмо от 16-го. Да будет тебе все хорошее. Адрес Лаппы?⁹ Пиши же моя пташка, дорогая Тутя.

Твой *Додя*

¹ Возможно, Александра Михайловна Калмыкова.

² З. А. Зарудная.

³ Г. В. Вернадский.

⁴ С. Е. Крыжановский.

⁵ Обольянинов. У него в ноябре 1888 г. родился внебрачный ребенок, которого он сдал в воспитательный дом, чем возмутил всех членов «Братства» (см. комментарий № 1 к письму № 26), особенно Вернадских. См. также письма № 136, 153, 155.

⁶ Е. М. Гревс.

⁷ Возможно, Анна Николаевна Шаховская.

⁸ В. В. Водовозов.

⁹ См комментарий № 7 к письму № 111.

№ 116

7 ноября 1888 г., Мюнхен

15 письмо
Мюнхен, 88.7/XI

Дорогая моя девочка [...] получил я сегодня твою 45-ую записочку и спешу ответить тебе на нее. Ты знаешь, что, приняв все во внимание, я думаю, что лучше всего тебе ехать в Ниццу, но я совсем не думаю, чтобы было удобно прививать оспу в Мюнхене. У фрау Герман комнаты заняты, да если бы это и не было, то квартира так устроена, что очень легко простудиться, и с ребенком здесь жить почти невозможно было бы. В гостинице, даже хорошей, едва ли можно иметь нужные удобства, и я думаю, что ты только измучаешься это время, а никакого облегчения от всего этого не было бы. Если считать нужным привить **теперь** Юрке оспу, то надо сделать это или в СПб. перед выездом, или в Ницце.

Но я думаю, что надо тебе, моей маленькой девочке скорей выехать и скорей на юг, где тепло и хорошо. Мне кажется, очень важно тебе возможно **комфортабельнее** там устроиться, и никак не могут быть допущены никакие экономии, которые так или иначе могут отозваться на твоём здоровье. На это время надо смотреть как на время, посвященное восстановлению твоих сил, Юра будет с тобой, потому что одной, без него, тебе нечего и думать о поправлении, следовательно, он играет в данном случае роль очень важного лекарства для своей маленькой мамы. Но надо **все** сделать, чтобы он не утомлял тебя, **нельзя**, чтобы ты хоть изредка возилась с ним **одна**, и потому надо так устроить, чтобы этого не было, и в квартире экономии делать нельзя. Если, не делая экономий, тебе придется для поправления здоровья пробыть 1—2 года на юге, то с экономиями для того же поправления потребуется 5—6 лет, и, следовательно, экономии выйдут не экономиями. Я глубоко убежден, что не делай мы экономий в Италии, ты бы поправилась гораздо больше. Я поеду в Ниццу и непременно хочу быть при всем устройстве, а пока хочу знать, как ты думаешь с прислугой: одну — няню — возьмешь из России, а другую — кухарку и прачку — надо нанять. Если не устроишься с Неклюдовой, не поехать ли мне в Ниццу и не приготовить ли мне

раньше — напиши мне, моя голубушка, моя родная Тутька. Только выезжай скорее, и так тогда скоро увижу тебя, мою дорогую птичку. А бояться — не следует, и жизнь не такая страшная штука, когда спокойно и прямо смотришь на нее, когда не делаешь фантомов [...]

Крепко целую вас обоих, сердечный поклон всем. Какой «атлас» Абиха¹ подарил мне Егор Павлович? ² Тутя, верно, что-нибудь напутала [...]

Твой Д.

Р. S. Пиши на Kaulbach str 52/1, links, потому что иные дни я вычисляю дома, и в праздники все-таки получаю письма. Работа идет понемножку³

Д. 35, лл. 119—120.

¹ См. комментарий № 7 к письму № 113.

² Старицкий.

³ Приписка сделана на полях л. 120 об.

№ 117

9 ноября 1888 г., Мюнхен

Ноября 9.88

Мюнхен. Kaulbach Str., 52/1, links

16-ое письмо

Дорогая моя Натуська, моя неоценимая девочка, последнее письмо (**вернее**, маленькую записку) получил я 7-го, а сегодня от тебя письма нет. Пиши мне не в Академию, а сюда на квартиру, потому что тут я скорей получаю письма, а в Академии часто ухожу до часа прихода писем и потому могу получать их позже.

Как ты уже знаешь, я теперь больше всего стою за твою поездку в Ниццу и думаю, что там можно устроиться. Напиши мне, где хочешь, чтобы я тебя встретил, в Вене или Ницце? Я думаю, что надо ехать **скорей** и не откладывать поездки. Отчего нельзя Юре¹ привить оспу, когда будем в Париже или же в Ницце, и сколько дней с оспой будет задержка? Против привития оспы в Мюнхене я решительно стою, потому что здесь и погода очень холодная, и сильнейшие ветры, и квартиры не приспособлены, прожить тебе здесь хотя бы недели две совсем не следует, и ты только утомишься, да и простудиться легко можешь. Очень хочу от тебя получить уже не проект, а решение, и другого места, как Ницца, по-видимому, нет.

Перед отъездом извести Агафонова — он хотел с тобой мне писать, кажется [...]

Работа моя идет помаленьку — до сих пор еще ничего решить не могу, хотя все более и более склоняюсь к тому, что эти явления существуют. Работается так себе, и эти последние дни работалось довольно плохо, частью хотелось скорей все выяснить — да и Тутька пишет так **мало**,

что ужасно много непонятного и неясного. В последние дни я все сводил и вычислял ту работу, которую мы делали вместе с Мутманом (хотя, правду сказавши, делал-то один я), пока не кончил, но не могу сказать, чтобы я понимал, в чем дело — вижу, что что-то есть, а что — не знаю. Совершенно то же говорит Грот. У нас теперь еще один новый работает — швед Рамзай из Стокгольма и будет работать еще Пфафер и, вероятно, русский Вульф. У Зонке все время мы с ним устанавливали прибор и до сих пор все не вполне удачно: одно сделаем, за другое зацепимся, но дело пойдет все-таки на лад, и такая борьба с препятствиями мне по вкусу, я люблю, когда дело дается не сразу. Получил за это время письмо от Глинки, Оли², Маши и Ивана³, записочки Сергея⁴ (он в Кембридже) и мало-помалу отвечу им всем.

[...] Тутя моя, девочка моя, побольше смелости, силы, Тутя моя маленькая, знаю я и понимаю я, что тяжело тебе, тебе, моей ненаглядной, уезжать далеко от твоих, что тяжело нам не быть вместе, что тяжело пробыть одной, и больно иногда становится, что так складывается жизнь, хотя в этом сложении сам виноват. Но моя девочка, оставь это все, эти мысли, и подумай, как все-таки мы счастливы, как полна наша жизнь и как мелки, в сущности, наши огорчения, наши горести по сравнению с нашими радостями и по сравнению с чужими горестями. Часто слышал я, что надо здоровых работников, может быть, наверное, надо и их, но самое главное и нужное теперь — это здоровье духа, это силу и бодрость, смелость и спокойствие духа, и она в таких мелочах проявляется и укрепляется. Тем, что тебя страшит эта будущая поездка, тем, что ты горюешь или размышляешь, пишешь мне, что «жизнь тяжелая штука», ты только ослабляешь свою силу духа, то, что всегда наше, самое главное наше, наш залог победы. И я думаю — надо знать, что тяжело, надо стараться изменить это, но не имеем все-таки повода **мы** стонать и жаловаться, когда кругом... Неужели ты и я можем думать, что «жизнь тяжелая штука», неужели мы даже этакой тяжести без мучений перенести не можем? Я думаю, что мы слишком счастливы, чтобы говорить это, и надо **бороться** против таких мыслей как самого лукавого, а не против лишних трат и т. п.

Крепко целую вас обоих.

Твой Додя

Д. 35, лл. 121—122.

¹ Г. В. Вернадский.

² О. И. Вернадская.

³ М. С. и И. М. Гревс.

⁴ С. Ф. Ольденбург.

11 ноября 1888 г., Мюнхен

Мюнхен, 11/XI 88

Дорогой мой Натусик, моя радость и счастье мое, я очень и очень рад, что и ты решила ехать в Ниццу, и думаю, что в Ницце тебе будет лучше, чем в Лугано или Меране, где совсем уже не так хорошо.

Работается мне так себе, но, впрочем, чего-то очень ленюсь последние дни, вот уже недели 1½ делаю все, но как-то нехотя, не знаю, когда пройдет это состояние и я начну работать как следует, а пока борюсь собой насколько могу и умею [...] Но теперь скоро увидимся, напиши мне подробно, когда выедешь, где встречать тебя, и выезжай скорее, а то начнутся холода и перевозить Юру¹ будет неудобно. Я получил вчера письмо от Дмитрия Ивановича², которому буду на днях писать, письмо пришло, хотя в нем нет ничего особенного. Я очень рад его переезду в СПб. и для него, и для Анюты³. Посылаю тебе письмо Сережки⁴, которое перешли.

Пишу сегодня плохо, как-то не пишется, и как-то ужасно много времени у меня уходит без толку, а своего дела все-таки не делаю; надо взять себя в руки, да как-то не могу.

Писать диссертацию в Генуе или где-нибудь я не могу, потому что я за границу поехал или послан не для писания диссертации, которая может выработаться только попутно по заграничной командировке; если оставаться на зиму еще за границей, что, может быть, правда, полезно для твоего здоровья — решит будущее, надо заниматься или в Париже, или в Вене. Относительно своей работы я пока не имею никаких определенных результатов, но как-то вяло [все] работал — по-видимому, однако, могут получиться результаты.

Крепко целую тебя, мою дорогую птичку, и жду так сильно тебя, а пока сегодня пошлю это коротенькое письмо, следующее напишу подробнее. А что же мои книжки? И Тутька [...] сказала Ивану⁵ про атлас и думает, что сделала дело: сколько выпусков куплено (выпуски ведь на Литейной старые, ты должна была их взять — помнишь, но можешь не брать, чтобы не тащить лишнего).

Крепко, много раз целую тебя, мою дорогую, и сынишку. Сердечный поклон всем.

Твой Додя

Р. С. Что Агафонов?

Д. 35, лл. 123—125.

¹ Г. В. Вернадский.² Шаховской.³ А. Н. Шаховская.⁴ С. Е. Крыжановский.⁵ И. М. Гревс.

13 ноября 1888 г., Мюнхен

13/XI 1888, Мюнхен

Моя дорогая, родная птичка, моя ненаглядная Натуська, ты, однако, моя девочка, не пишешь мне **аккуратно** через день, и вот уже второй раз на неделе, что я получаю письма не через день, а через два дня. А я так ждал сегодня письма.

[...] Когда думаешь выехать в Ниццу, напиши. Я очень рад приезду Дмитрия Ивановича¹, так как думаю, что этим сильно упростятся наши отношения с А. Н.², и вообще думаю, это будет хорошо для дела.

Работа моя подвигается понемножку, хотя до сих пор решительно ничего не знаю. Работу с Мутманом кончаю, вчера вечером сопоставил все цифры, и результаты получаются очень интересные, но надо еще несколько дополнительных данных. Но в общем не могу сказать, чтобы хорошо мне работалось. Лекции Гаусгофера слушаю и пока очень доволен. С Мутманом мы много говорили, и в общем он мне нравится, и это так странно, как много хорошего заставляет скрывать человека привычка и обычай.

Я думал и много думал о магистерской диссертации и чувствую, что не могу ее написать спешно, что не могу сработать ее. Некоторые, очень, впрочем, грубые опыты указали мне, что вероятность существования явлений, мне теперь интересных, велика, но я не хочу смастерить из этого диссертацию, если не переработаю ее в тех рамках, в каких она сложилась пока в моем уме, а на это потребуется время. Если бы я только над диссертацией работал, то это $\frac{1}{2}$ года хорошей лабораторной работы и месяца 2—3 литературной; но теперь, когда у меня большая часть времени уходит на другую работу, потребуется гораздо больше времени, а командированный за границу я не имею права тратить главное время на диссертацию. Думаю я, что очень важно, чтобы выходила работа, которая удовлетворяла бы самого работника, я вовсе не гонюсь за тем, чтобы сделать какое-нибудь широкое, обобщающее открытие; цель, мною поставленная, ясна и резко ограничена, но я чувствую, что диссертацию я могу написать только тогда, когда всю эту мною поставленную задачу разрешу, когда я это сделаю для разрешения интересующего меня научного вопроса, и потому, что я сознательно убежден в важности разрешения этого вопроса для дальнейшего развития интересующей меня отрасли науки, а не потому, чтобы написать диссертацию.

Мой маленький, дорогой Тусик, скорей бы ты уехала на юг, где так тепло и хорошо, и я постараюсь уехать возможно раньше из Мюнхена. Пиши мне больше и подробнее, моя дорогая девочка [...] Получила ли мои книжки, которые я послал тебе? Посылаю письмо и Гревсам, которое им перешли; получила ли письмо к Васе³ и что о нем знаешь? Узнай адрес Николая Михайловича (Кн.)⁴ и напиши мне [...] Сердечный поклон всем.

Владимир

14-го утром. И с этой почтой нет письма: что это значит? Только что получил его. О приезде в Мюнхен, я писал, я думаю — едва ли хорошо, лучше выбрать более южную дорогу на Вену и Ломбардию. Я встречу или в Италии, или на Ривьере⁵

Д. 35, лл. 125—126.

¹ Шаховской.

² Шаховская.

³ В. В. Водовозов.

⁴ Книпович.

⁵ Приписка сделана на полях л. 125.

№ 120

14 ноября 1888 г., Мюнхен

Мюнхен, 14/88

Дорогая моя, родная, неоценимая Тутя, мое золотое дитяtko [...] чем более я думаю, тем больше и больше хочу, чтобы ты решилась на один из планов — или в Ниццу, или в Крым, или куда-нибудь в другое место — Меран, Лугано и т. п. Разберем все эти планы:

1. Из Мюнхена проехать в Ниццу часов 34—35 езды, в Лугано — 20 часов, в Меран — 12 часов, за Ниццу стоит то, что ты будешь все-таки иметь так или иначе близких людей около себя. В декабре, если ты будешь в одном из этих мест, я наверное к тебе приеду. Если я буду продолжать свою командировку до конца или, как я думаю, часть ее, т. е. до осени, то перед Парижем мы тоже увидимся, и, может быть, можно тогда (весной) переехать вам ближе к Парижу — поселиться где-нибудь в городке, час-полтора по железной дороге от Парижа. Разница между Лугано и Мераном не такая большая, чтобы я мог очень чаще приезжать в Меран по сравнению с Лугано или другим каким-нибудь местом там же. Против Мерана — это то, что туда съезжаются чахоточные, и вот где уже легко заразиться, да и жить, конечно, грустно там. Так что из заграничных мест если где поселяться, то лучше, кажется мне, в Ницце, если нельзя уехать еще далее на юг.

2. Второй план — это Крым. Если этот план исполнится, то я или покончу командировку весной, или протяну ее до осени, приехав на месяц к тебе весной в Крым. За этот план говорит то, что ты будешь среди хороших людей и будешь на тех местах, которые в общем мы наметили для нашей будущей жизни, но я боюсь тех условий, которые указывает А. М.¹, и в таком случае, думаю, лучше нам начать там жить вместе и не ехать **теперь** тебе туда, ветры самое для тебя скверное.

Чем более я думаю обо всем этом, тем более стою за Ниццу, если тебе не страшна компания Зои Алексеевны² и К°, тогда я думаю, что в Ниццу приеду дня на 2—3, когда будешь устраиваться, затем на праздники в декабре наверное и, наконец, в марте: следовательно, мы все-таки увидимся в ноябре, декабре и феврале или марте. Даже если покончить командировку к августу или сентябрю, т. е. ¹/₂ годом раньше,

тебе **решительно** стоит и надо ехать, моя голубушка, моя золотая, дорогая девочка, как хочу [...] я тебя увидеть и жучка увидеть хочется. Как ты поедешь, если в Ниццу, на Париж? Я думаю, что, может быть, я не совсем прав относительно Зои Алексеевны и она будет тебе помощью, так как ты с ней как-то больше других умеешь ладить. Я против долгих медлений — чем дальше, тем труднее будет выехать. Отвечай скорее, моя дорогая птичка. В Ницце разве так тепло? — впрочем, Ривьера. Скорей, скорей [...] на юг [...]

Сережке³ напишу на этих днях. Писем не пересылал, потому что больших или интересных не было — все больше открытые карточки или записочки, которые очень хороши, но пересылать их не стоит. Как понравилось тебе письмо Дриша?

Работа моя идет себе, хотя пока все подготовительная, так что нельзя решить, есть ли что-нибудь или нет. Я хочу некоторые опыты проделывать дома, как писал тебе. Адькиного⁴ письма еще не кончил (я ему в нескольких письмах напишу о летней поездке), как кончу — пришлю тебе. Писем (считая и открытые) я писал все это время много; много купил и переслал народных книг, и я теперь начинаю ориентироваться в народной немецкой литературе (как близко к нашей) — в последнее время мне все приходится покупать по частям, то ножницы, то носовые платки etc. — все расходы, когда поедешь в Ниццу, заberi вещи мои. Увы, мое пальто, кажется, не выдержит, для Ниццы уже придется купить — его можно носить только в Мюнхене. Был в концерте — на мессе Бетховена. Собираюсь в театр, но еще не был. Купила ли русские книги для Абрахоля⁵ — его подарок на днях пришлю⁶ Получила ли посланные книжки — Марка Аврелия⁷ (которую прочти) и две немецкие? Брошюрка о зубах очень, кажется мне, важная, и ее следовало бы распространить и между остальными матерями. На днях пошло 63 руб., чтобы моя Тутька не делала экономии на бумаге и писала, на какой все люди пишут (хитрая девочка).

Крепко целую тебя, мою родную. Отчего ты мне не отвечаешь на вопросы, буду записывать — я спрашивал, что ты читаешь, про Георгия⁸, про то, в чем состоял доклад Таирова etc.⁹ Узнай адрес Яроцкого. Сердечный поклон всем [...]

Твой Додя

Д. 35, лл. 115—116.

¹ Возможно, Александра Михайловна Калмыкова.

² Зарудная.

³ С. Е. Крыжановский.

⁴ А. А. Корнилов.

⁵ См. письмо № 110 и комментарий к нему № 3.

⁶ См. письмо № 110 и комментарий к нему № 2.

⁷ См. комментарий № 6 к письму № 72.

⁸ Г. Е. Старицкий.

⁹ См. комментарий № 4 к письму № 111.

15 ноября 1888 г., Мюнхен

15/XI 88, Мюнхен
19-е письмо

Моя дорогая, маленькая Тутька, моя любимая рыбка. Скоро я тебя увижу, и я очень, очень рад, что моя маленькая девочка будет на юге и будет не в холодном и туманном Питере, хотя и сознаю, что тебе будет довольно тяжело вдаль от людей, тебе дорогих и близких. Я очень рад, что оживились у вас сношения, потому что это очень важно вообще, и потом я вижу, что это важнее для поддержания бодрости духа в окружающих, чем я это думал. Я стараюсь писать сколько могу, чему тебе доказательством, что с 8 октября я написал 63 письма. Мне хочется, чтобы ты узнала хоть через Рейтлингера — об Ону, о том, где он, и доставила бы мне его адрес; ничего также не знаю о братьях Анич.¹ Отчего ты мне почти ничего не пишешь о Георгии² большом, хотя я просил не раз тебя об этом.

Тутя, «Геологическую библиотеку за 1887 г.»³ ты еще не прислала, а она мне нужна для работы, а что она вышла — доказательство, что я видел ее здесь у Грота, пришли поскорее. О неудобстве мюнхенского плана я писал, если нужна остановка, можно остановиться в Вене или Милане, куда я могу приехать. Работа моя идет понемногу; в работе с Мутманом мне удалось доказать, что явление сложное, но существование этой неизвестной гемиздрии геометрически теперь несомненно, что само по себе интересно. У Зонке сегодня только в первый раз удалось установить прибор.

В письме к Маше и Ивану⁴ я указал на одну необходимость, которую я, вероятно, подробнее разовью в письме к Дмитрию Ивановичу⁵, но о которой я хочу, чтобы подумали теперь. Мне представляется одним из самых необходимых дел теперь это критическая история всех практических мер со времени восторжествования полной реакции. В этой истории должно все разбираться с точки зрения общих принципов, совсем не прикрывая их в какие-нибудь [рамки]. Я глубоко убежден в неотложности этого для того, чтобы могло образоваться что-нибудь сильное у нас, и готов употребить на участие в этой работе сколько хватит моих сил. Мне представляются, например, следующие вопросы: деятельность министерства народного просвещения с 1881 года (я об этом много думал, и если никто не возьмет этого, я решил, что я напишу это), необходимость настоящего контроля, как она вытекает из нашей финансовой истории последних лет, деятельность по крестьянскому вопросу, полиции etc. Если только можно что-нибудь сделать, то, между прочим, это одно из самых сильных средств — для меня это, несомненно, очень важно, чтобы к этому приступили не в одиночку, а по обдуманному плану. Но об этом подробнее напишу позже.

Отчего ты мне **не** отвечаешь на мои вопросы (просмотри последние письма: о Марии Ивановне⁶, о земстве⁷ etc.). Что знаете о Васе?⁸ Письма соберу и понемногу буду пересылать. Думал сегодня послать письмо Шаховскому, но сегодня не в расположении писать и напишу

завтра. Послал Александре Михайловне⁹ брошюру «*Volkslektüre*»¹⁰ получила ли она? Что ты купила Абрахолю? ¹¹ Письмо Лельки ¹² получил и отправлю Адке ¹³ (ему я послал июльское письмо Шаховского) Читал я на днях «*Ahnen*» Фрейтага ¹⁴, и в общем много хорошего и очень много мыслей навеивает; читаю еще из общего Menger'a ¹⁵, кончаю и биографию Борна Гуцкова ¹⁶ (не особенно нравится, так что, верно, брошу); прочел «*Petit chose*» Доде ¹⁷ — многие сцены хороши и в общем хорошая вещь. Что Дотик ¹⁸ — никто ничего о нем не пишет, написала бы ты ему, чтобы повидалась с ним. Славный он человек.

Крепко целую тебя, дорогую, так рад, что скоро увижу тебя. Знаешь ли книгу Moreau «*Folie chez les enfants*» (3 fr. 50) ¹⁹, что за книги «*Périer. Première enfance*» etc. ²⁰, кажется, гигиеническая медицина? Книжка Брамсена ²¹ переведена и по-французски. Крепко тебя и Юрука ²² целую. Сердечный поклон всем.

Твой Д.

Вышла на днях итальянская книжка о воспитании женщины — по сути по реферату — *es ist nichts besonderes* ²³

Д. 35, лл. 127—128.

¹ Очевидно, речь идет о братьях Аничковых — Евгении Васильевиче и Иване Васильевиче, которые по распоряжению министра народного просвещения в декабре 1887 г. были исключены из университета за участие в студенческих сходках, происходивших 9—10 декабря 1887 г. Иван Васильевич был оставлен в Петербурге, но вынужден был дать подписку о невыезде, а Евгений Васильевич отбывал воинскую повинность; вновь был принят в университет лишь осенью 1889 г.

² Г. Е. Старицкий.

³ Точнее, «Русская геологическая библиотека» (приложение к «Известиям Геологического комитета»); выходила в Петербурге с 1885 по 1901 г. (т. 1—17) под редакцией С. Н. Никитина. См. за 1887 г.: Русская геологическая библиотека. СПб., 1888. Т. 3. 178 с., 405 зап.

⁴ М. С. и И. М. Гревс.

⁵ Шаховской.

⁶ Старицкая.

⁷ См. комментарий № 8 к письму 111.

⁸ В. В. Водовозов.

⁹ Калмыкова.

¹⁰ Очевидно, «Народное чтение» (нем.).

¹¹ См. комментарий № 3 к письму № 110.

¹² Л. А. Оболянинов.

¹³ А. А. Корнилов.

¹⁴ Freytag G. Die Ahnen. 1872—1881. Т. 1—6.

¹⁵ См. комментарий № 5 к письму № 112.

¹⁶ Guitzkow Karl. Bornes Leben. Hamburg, 1840.

¹⁷ Daudet Alphonse. Le petit chose. Histoire d'un enfant. Paris: Semerre, 1888.

¹⁸ Б. Э. Кетриц.

¹⁹ См. комментарий № 11 к письму № 50.

²⁰ Périer Elié. Hygiène de la première enfance, soince applicables aux cas urgents; guide des mères et des nourrices. P.: Bailliére, 1886.

²¹ О какой книге идет речь, установить не удалось.

²² Г. В. Вернадский.

²³ Нет ничего особенного (нем.).

17 ноября 1888 г., Мюнхен

Мюнхен. 17/XI 88
20-е письмо

Дорогая моя, родная Тутя, получил я твое письмо. Ты мне не пишешь, получила ли ты мое письмо к Сережке¹, Гревсам, Васе² (которые я послал 24-го октября и несколько раз тебя спрашивал — получила ли ты их). Не забудь, если будешь ехать на Берлин, визировать паспорт в посольстве германском, да еще вот — ведь Юра³ не прописан в моем послужном списке, надо достать метрическое свидетельство от отца Николая и передать секретарю Совета университета Белозерову для прописи. Не пишешь также, что за книгу купила Абрахолю, а он скоро уезжает из Мюнхена, и вообще на мои вопросы Тутяка отвечает очень и очень скверно.

Работа моя идет себе понемножку и все в том же изо дня в день монотонном порядке, так что об этом не стоит писать. Не знаю, застанет ли это письмо тебя в СПб. — я думаю, что это еще застанет, но ты мне напиши, когда перестать писать в СПб.

[...] Жалко, что вы не снялись, но снимитесь в Сан-Ремо. Ты мне не только дай знать телеграммой, но и извести раньше, когда и как (подробно) думаешь ехать. В Мюнхен заезжать нечего и думать — уж кроме того, что квартиры здесь отчаянные, здесь туманы и, по словам Абрахоля, напоминают fogs'ы⁴ Лондона, только цвет другой — неприятное ощущение, когда в 5—6 шагах ничего ровно не видно.

В последнее время в здешних газетах появилось как слух известие, что царь начал склоняться к более либеральному направлению, что в Харькове он, осматривая земские больницы и пр., сказал, что он очень рад видеть все в таком порядке, тем более, что его все время уверяли, будто земство ничего не делает, что против земского проекта Толстого восстали и Островский и Вышнеградский⁵ и что Толстой будто бы уйдет, что произведенное расследование показало, что только 7% земского бюджета идет на администрацию земства etc., etc. Интересно отношение здешней печати к этим слухам: органы, заведомо нерасположенные к России, стараются убедить, что это пустые слухи, пущенные с целью возвратить России доверие для биржевых и т. п. финансовых операций [...] Газеты, более расположенные, относясь к этим слухам тоже не совсем доверчиво, выражаются об этом как о самом лучшем для России исходе. По поводу крушения поезда в одной из симпатизирующих России венских газет появился рисунок, где представлен царь, держащий в руках гнилую шпалу с надписью «нигилизм», а перед ним стоит скованная «свобода» и, простирая к нему руки, говорит: «Государь, на моем пути вы можете ездить более безопасно...» Интересно знать, сколько во всех этих слухах верного — по отношению, какое высказалось в здешней прессе, очень интересно, и здесь чрезвычайно ясно проявилось значение **всех** мер внутри России на положение наше международное. Но пока довольно. Крепко целую вас обоих. Сердечный поклон всем. Получена ли моя телеграмма?

Твой Д.
219

¹ С. Е. Крыжановский.

² В. В. Водовозов.

³ Г. В. Вернадский.

⁴ Туманы (англ.).

⁵ См. комментарий № 8 к письму № 111.

№ 123

19 ноября 1888 г., Мюнхен

Мюнхен, 19/XI 88

Дорогая моя девочка, моя родная Натуська, только что получил твое письмо, 51-е. То, что ты не получила пока моего письма — верно, оно замедлило, так как пишу аккуратно через день. Если ты поедешь на Базель, то, конечно, в Базеле я тебя встречу и провожу до С.-Ремо. Непременно надо будет каждую ночь останавливаться, и с мальчуганом ездить ночью по здешним дорогам немисливо, тогда надо остановиться в Женеве и Генуе, и на 3-й день приедем в С.-Ремо, если поедем через Италию, но можно ехать на Лион, Марсель и Ниццу — не знаю еще, какой путь ближе. Отчего ты хочешь ехать на Базель? Не удобней ли ехать на Вену, тогда до Варшавы можно доехать в спальном вагоне (это, правда, неудобно), в Варшаве переночевать и выехать в Вену, где также отдохнуть (хотя здесь ужасно неудобные поезда — прямое сообщение только ночью!), так что, может быть, лучше ехать не через Вену. Я думаю только, что с ребенком **нельзя** ехать ночью по здешним дорогам; билеты лучше возьми прямого сообщения, насколько далеко возможно. Я могу тебя встретить и не в Базеле, а в Берлине, если поедешь через Берлин, и это гораздо удобнее, чем в Базеле: тогда мы из Берлина, отдохнув там и переночевав, не знаю, впрочем, когда ты приедешь, переночуем еще или во Франкфурте, Базеле, Женеве и Генуе, или во Франкфурте, Берне и Медоне, что гораздо удобнее; я думаю, моя дорогая девочка, гораздо будет лучше, если я тебя встречу в Берлине; мне кажется, что ехать, не останавливаясь ночью, едва ли можно и нужно с ребенком — и ему, и тебе **непременно** надо ночью выспаться. Я писал относительно Вены только потому, что мне казался этот путь теплее — но зато, действительно, поезда устроены там, кажется, чрезвычайно неудобно. Напиши только мне сначала обо всем подробно, чтобы я мог устроиться.

Моя маленькая, дорогая девочка, так я рад тебя увидеть; я очень рад, что, может быть, старая няня поедет, потому что всегда лучше, когда человек есть, которому можно доверять.

На Вену неудобен путь из Варшавы в СПб., и потом из Варшавы в Вену, потому что никак, кажется, нельзя избежать, чтобы не ехать ночь.

Сегодня я был в здешнем институте для исследования глаз при оптическом магазине, и они мне сделают очки; глаза оказались не совсем одинаковыми, и, кроме близорукости,— ненормальное положение

слепых пятен, насколько я понял их, и неправильное положение глаз относительно общего строения черепа, я все-таки еще думаю сходить и к доктору — очки надо мне носить двоякого рода и читать в более легких очках etc.

Я все-таки боюсь, что ты сильно утомишься, дорогой мой Тутик. Сегодня получил письмо от Агафонова, и еще много мне писем писать и отвечать — боюсь запустить переписку.

Моя дорогая девочка, так надо тебе хорошенько, хорошенько устроиться в С.-Ремо, чтобы было и тепло, и уютно. Получила ли письмо от Неклюдовой?

Работа моя идет себе и, кажется, будет не неудачной. Уехали ли Аня и Марк¹ — я буду им писать, не знаю только куда. На днях — завтра, послезавтра — напишу и Егору Павловичу² по поводу свадьбы и т. п. Мама, судя по ее письмам, очень волнуется, и жаль ее, и какое-то все-таки нехорошее чувство есть, так как там ясно видишь, как во многом она сама в этом виновата. Крепко целую тебя, мою дорогую, и мальчугана. Сердечный поклон всем.

Твой Влад. [...]

Д. 35, лл. 131—132.

¹ А. Е. и М. М. Любошинские.

² Старицкий.

№ 124

21 ноября 1888 г., Мюнхен

Мюнхен, 21/XI 88

Дорогая моя девочка, моя родная Тутя, кажется, надо тебя за ушко — опять нет письма, или что-нибудь помешало?

В последнее время меня несколько смутили письма мамы по поводу истории с Сергеем¹, хотя я и думаю, что она несколько все преувеличивает, но будет-то действовать под влиянием этого преувеличения, да и несомненно происходит среди них что-то нехорошее. Так мне это напомнило бурное время, какое приходилось мне пережить и которое опять начинается. И жаль их, а сделать ничего нельзя и приходится ждать, может быть, и скверного и запастись философией спокойствия, а иной раз все-таки жутко, что с ними со всеми будет, так как я боюсь, чтобы кто-нибудь из них чего-нибудь не наделал — в такие минуты или дни наша семья уподоблялась, я думаю, превосходила семью Зар.² Когда ты приедешь, я покажу, письмо мамы, но ты ей пока ничего не говори [...]

Когда ты выезжаешь? и напиши мне все, все подробно. Поедешь ли с Зоей Алексеевной³ до Берлина — это было бы хорошо, она помогла бы тебе [...]

Получила ли мое письмо к Сережке⁴ и Ивану⁵ — ты ничего не пишешь. Послал я вчера письмо Дмитрию Ивановичу⁶ — не рассчитал,

что оно тебя наверное застанет, но я думаю, что он пришлет его, так как я затрагиваю там кое-какие общие вопросы о Приютине ⁷

Заказал пальто и встречу Тутку в новом пальто, а это уже превратилось в нечто невозможное.

Работа идет понемногу, но я не вхожу в нее, чтобы можно бросить ее и поехать навстречу моей девочке.

Что ты купила Абрахолю ⁸? Отчего не отвечаешь совсем на мои вопросы? [...]

Крепко, много раз целую тебя, мою ненаглядную детоньку — сердечный поклон всем.

Твой Додя

Д. 35, лл. 133—134.

⁷ Сергей Александрович Короленко.

² Возможно, семья Зарудных.

³ Зарудная.

⁴ С. Е. Крыжановский.

⁵ И. М. Гревс.

⁶ Шаховской.

⁷ См. комментарий № 2 к письму № 96.

⁸ См. комментарий № 3 к письму № 110.

№ 125

23 ноября 1888 г., Мюнхен

23/XI 1888, Мюнхен

23-е письмо

Дорогая моя, родная девочка, моя ненаглядная Тутка, после долгого молчания (последнее твое письмо я получил 19-го ноября) получил я сегодня твою записочку. Об Юре ¹ — напиши мне подробнее — бедном мальчике, и подробно напиши, как поедешь. Ты разве хочешь остановиться в Ницце, а не в С.-Ремо? В С.-Ремо живет тетка Абрахоля (что же ему книга — Тутя — ай, ай, ай!!!!), и так как я сказал, что ты будешь рада с ней познакомиться etc., то это и устроится — она очень любит детей и живет долго, много лет в С.-Ремо. Я все жду, когда же я тебя увижу [...] Писем и записочек я тебе привезу довольно изрядное количество — недавно получил письмо от Агафонова и записочку от Клейбера. А адрес Яроцкого (Тутя ай, ай, ай!!!), а книги (Тутя etc. etc!!!)? Отчего ты мне упорнейшим образом не отвечаешь, получила ли посланное через тебя письмо Васе ² (и о нем?) 24/X, Крыжановскому — 12/XI, Гревс — 14/XI, напиши (Тутя etc! etc!!!).

Вообще Туте достанется. Работа моя идет помаленьку, и, может быть, некоторые результаты получатся. **Не забудь** узнать адрес Книповича Николая Михайловича. Получена ли была моя телеграмма 6-го? И как адрес Ани и Марка ³ в деревне? Будешь ли с Аней переписываться? Что Нина ⁴, беденькая?

Мне очень интересно, что мне ответит Шаховской (был ли Федор ⁵

в СПб., я ему писал открытую карточку 16/XI) — мне кажется, я ясно высказался (хотя все-таки темновато) о моем отношении к Приютину⁶ — что я согласился на нем не только на словах, что буду принимать в нем самое живое участие, **хочу** его возможно более быстрого основания и только жить там не буду и имею большую надежду, что образуется и южное Приютино и что они будут нераздельно тесно связаны. Чем более я думаю и чем больше я присматриваюсь кругом, тем более убеждаюсь в важности и необходимости Приютина. Я думаю, что мое понимание отличается несколько от других, потому что я больше, чем другие, провожу значение Приютина как центра для нескольких поколений и значительная доля его значения, очень первостепенная, для меня заключается именно в этом. Мне кажется, что наша обязанность (т. е. всех людей теперь) заботиться не только о достижении известных, нужных теперь, в настоящую минуту вещей, но и в том, что <б> устроить живую клеточку, из которой **постоянно** бы выходило больше бойцов и работников идеи, которая бы постоянно росла бы, и вот такую единицу должно представить Приютино. Это вовсе не исключает настоящей, современной политической деятельности, но я ее не связывал бы с приобретением Приютина, а только с приютинцами (впрочем, это вышло неясно).

Крепко тебя целую.

Мой сердечный поклон всем.

Твой *Додя*

Д. 35, лл. 135—136.

¹ Г. В. Вернадский.

² В. В. Водовозов.

³ А. Е. и М. М. Любошинские.

⁴ Н. Е. Старицкая.

⁵ Ф. Ф. Ольденбург.

⁶ См. комментарий № 2 к письму № 96.

№ 126

26 ноября 1888 г., [Мюнхен]

26/XI 88

24-е п.

Дорогая моя Натуська, это письмо, может быть, придет немного позже, так как я вчера вечером не имел времени написать тебе и пишу утром, но от тебя письма **опять** аккуратно нет; хотя Тутька и пишет, что она пишет через день, кроме последнего раза, но письма со странной правильностью приходят нередко через 2 дня без перерыва нумерации и без того, чтобы следующее письмо приходило на следующий день, как объяснить это, не знаю; например, получил письмо 7/XI, а следующее 10/XI etc. После конца октября (с 22/X) сегодня **четвертый** раз неаккуратно (т. е. не через день) получаю письма твои. Вообще Тутьку надо хорошенько наказать.

Ты спрашиваешь, что я думаю о том, что Аргутинский не берет денег. Я понимаю, что это нам не особенно приятно, но это неприятное чув-

ство я считаю скверным чувством. Если бы я был на месте Аргутинского, вероятно, я делал бы то же самое, и мне было бы неприятно, если бы мне хотели платить. Ты относительно таких случаев как бы берешь обязательство **так же** к ним относиться. Собственно говоря, было бы важно, чтобы такие простые дружеские отношения существовали с возможно большим числом людей, но пока они возможны с небольшим. В случае, если что-нибудь надо будет Аргутинскому, мы, конечно, все сделаем, и от него принимаем, как принимаем от Сергея¹ или других нам близких людей, и как спокойно можем им давать.

В последнее время все сильнее и сильнее заставляет меня задуматься правильное устройство Вернадовки. Это больное место не меня одного, но всего братства. Так, как дело стоит теперь,— это прямое жгучее противоречие между тем, что мы думаем, и тем, что делаем. Я, убежденный во вреде абсентеизма помещиков, являюсь сам абсентеистом; убежденный в необходимости пользоваться всеми правами, какими могу пользоваться, не пользуюсь теми, какие имею; убежденный в том, что съёмка земель есть варварский грабёж, это делаю, желающий местной деятельности, лучших отношений к крестьянству — позволяю всему идти по-старому, там, где **могу** это не позволить, я даже не знаю точно, не является ли того или иного рода кулачество на моей земле. Это все такие противоречия, которые не могут существовать и не могут быть извинимы. И это дело является одним из самых важных, самых первых дел, какие нам — всему братству — являются. Я знаю, что до моего возвращения из-за границы ничего нельзя сделать, но сделать надо возможно быстрее и возможно скорее.

Мы с тобой поговорим подробно при свидании, но чем больше я думаю, тем более убеждаюсь, что надо решить вопрос совершенно коренным образом — если что-нибудь делать с Вернадовкой, надо **там** поселиться, что совсем меня не прельщает; если же не поселиться нам там, то надо устроить кого-нибудь там из близких людей, а себе на юге купить небольшой клочок, продав часть земли в Тамбовской губернии. Если решить постоянно работать в университете, придется купить недалеко (часа 3—4 по жел. дор.) от университетского города, а если заниматься научной деятельностью, не связывая себя университетской службой, то можно гораздо дальше. Все это еще более заставляет меня желать возвращения осенью.

Нехорошо Тутьке неаккуратно писать теперь, когда Юрка² нездоров. Сперва мне не понравилось также, что Тутька ничего не могла написать о земском деле³. Но потом я подумал, что это не от недостатка интереса, а оттого, что ты не входила в это дело, занимаясь другим. Я думаю, однако, что надо входить в это более, чемходишь,— главное в жизни, где расходятся и сходятся люди, являются практические приложения, и чем более мы будем входить в жизнь, тем большее значение эти интересы, вопросы получают в жизни отдельных лиц; из нашей компании — это необходимое следствие большей возможности действовать, какую мы получаем. Отдаление, какое ты всегда показываешь к этого рода вопросам, ненужное и может быть вредным.

Крепко целую тебя [...] Юру целую. Сердечный поклон всем.

Твой Д.

С. Ф. Ольденбург.

Г. В. Вернадский.

См. комментарий № 8 к письму № 111.

№ 127

27 ноября 1888 г., Мюнхен

Мюнхен, 27/XI 88

Дорогая моя, родная, ненаглядная Натуся, мое золотое сердечко, письмо твое, действительно, до меня не дошло, и по-видимому та же участь постигла и некоторые другие твои письма, потому что о получении тобой писем к Васе ¹, Сережке ² и Гревсам я ничего из твоих писем не знаю (ты, правда, писала мне о первом моем письме к Гревсам, но я спрашиваю тебя про **второе** мое письмо к ним).

Я так рад увидеть тебя, мою дорогую девочку, когда ты выедешь? Не знаю, хорошо ли будет с Аг. Ив. ³ — я ее совсем мало знаю, но, кажется, она человек хороший. Отчего бы не поехать с тобой Ольге Павловне ⁴, а в С.-Ремо вы наняли бы помощницу и кухарку?

Напиши мне заранее, когда выедешь. Зачем ты привила **себе** оспу [...] Туська! Ты меня просишь писать больше и чаще в СПб., но я пишу аккуратно через день, и отчего в СПб. — больше и чаще — а то куда же Тутьке писать?

Работа моя подвигается понемногу, и я довольно много читаю и работаю. Иногда мне кажется, что из меня вырабатывается порядочный кабинетный ученый-экспериментатор, но часто снова и снова рисуется в моей фантазии план местного деятеля, работающего и научно, и занимающегося сельским хозяйством, и так хочется тогда этого, а иной раз рисуются планы чисто политического общественного деятеля. И все, кажется, имеет свои хорошие стороны, свой интерес, и то кажется, что я более способен к одному, то к другому, то к третьему. Но передумал — перемечтал я в это последнее время по всем этим вопросам очень много и так чувствую, что становлюсь серьезнее и определеннее. Я это вижу и в своих научных работах, где я вырос, как мне теперь кажется, за последнее время. Одна беда — это лень, которая никак покинуть меня не хочет, и она может мне мешать на всех путях, и тогда окажусь негодным ни к одному из них.

Я теперь думаю, что одно из самых важных для какой бы то ни было практической и общественной работы — это имяние ясно сформулированного плана деятельности с ясно определенными задачами. Такой план, несомненно, будет неверен, задачи будут во многом также нехорошо и неумело сформулированы — но это не беда. Неверность и неформулированность могут быть замечены только по сравнению и по приложению чего-нибудь определенного, т. е. этого плана, и можно делать что-нибудь, только **зная**, куда хочешь и **как** хочешь в данную минуту идти. И много я об

этом теперь думаю. Один из пунктов, о котором я писал в последнем письме вкратце Гревсам, это составление исторически-критического очерка деятельности реакции — я просил написать мне мнение компании. То, что я хочу знать, это не то, возможно ли это или нет, так как возможное — всегда чисто субъективное понятие, и для меня возможность является вне всяких сомнений, а то, признают ли они это очень важным орудием против реакции и, с другой стороны, очень важным и сильным связующим средством. Не кажется ли им это средство достойным работы?

Второе и не менее важное дело — это выяснение себе тех **практически** возможных действий, которых надо добиваться. Я только хочу формулировать, что надо подразумевать под словом «практически» — это не то, что возможно сделать **теперь**, сейчас, при современном правительстве, а то, что возможно при современном развитии и образованности народа и общества русского при лучшем правительстве. Далеко не все хорошее является практически (в этом смысле слова) возможным. Мне кажется, что для образования у нас действительно сильного и цельного <общества> надо обратить при этом внимание не на одну юридическую, государственную деятельность, но и на другие стороны, которые зависят или от государств, или от частной инициативы. Например, желательно и необходимо возможно ясное понимание тех общественно полезных работ, которые должны быть сделаны, — например, вопросы орошения юга, устройства лучших путей сообщения, где необходимы каналы и т. п. К этого рода вопросам принадлежат и другие подобного же рода — например, ясное, насколько оно возможно, понимание тех мер, какие могут и должны быть приняты в народном хозяйстве для улучшения общего положения в нынешнем кризисе. Я не говорю о протекционизме (вопрос о протекционизме для меня неясен), но о том, какие изменения должны быть произведены в культуре, в удобрении etc. Я несколько не уменьшаю значения всяких мер чисто политических, законодательных, но я совершенно убежден, что долго и сильно влиять может только та группа людей, которая является энергичным деятелем на путях, где она идет **во главе** общественной и частной инициативы. Для того чтобы создалась сила, мало иметь известные принципы и добиваться их приложений в законодательной деятельности, необходимо еще идти впереди, необходимо иметь ясно сознанные задачи, куда и направлять государственную машину, эту огромную силу, которая может явиться такой благодетельной. Например, вопрос о переселении — вопрос о значении переселения для улучшения положения остающихся на месте — это одна сторона, но другая, не менее ясная — это значение переселений как средства теперь, положим, в Азии, создать и увеличить русскую культуру, не упустить того момента, какой теперь возможен и через несколько лет может быть потерян. Тут надо понимать, как действовать в системе будущих поколений. Везде, однако, важно иметь в виду 2 стадии — одна невозможна, пока стоит теперешняя дряблая паутина, но другое всегда возможно, и иметь связь с этим другим — с общественной самодеятельностью и инициативой — страшно важно. Так родится сила, потому что в государственной деятельности —

полезная инициатива, деятельная, не одна словесная (вот тебе раз — на той стороне — начатое письмо, ну, не беда!), и есть настоящая главная сила.

Третье — внешние сношения. Другой раз, как-нибудь.

Крепко, крепко целую тебя, мою дорогую, и мальчугана нашего. Сердечный поклон всем.

Твой Владимир

Д. 35, лл. 140—142.

¹ В. В. Водовозов.

² С. Е. Крыжановский.

³ Личность установить не удалось.

⁴ Тимофеева.

№ 128

29 ноября 1888., Мюнхен

Мюнхен, 29/XI 1888

№ 25

Дорогая моя, родная рыбка, получил я сегодня твою минимальную записочку, а твоего «письма», затерянного кем-то, так и не получил. Ужасно много дела, — пишет Тутька, — и писать некогда — вчера была у Мин., сегодня гости — все дела такие важные. Вообще Тутьку надо наказывать.

Сегодня был на заседании здешнего географического общества, читал Глазер об Аравии — так себе, были и довольно интересные сведения, но и здесь не смог не читать он гимнов Deutschland ¹ и резкие филиппики англичанам. Попались он с своими африканскими владениями. Очень интересно, чем это у них кончится. Работа моя идет себе. Сегодня, впрочем, и в той, и в другой начинают выясняться результаты. Грот просматривал со мной мои результаты и находит, что никаких сомнений нет, что у меня вещество трапецеэдрической гемиздри и гемиморфное еще, и я в последние дни засел за вычисления. Правду сказать, у меня все же есть некоторые сомнения и недоумения. Что форма этого вещества такова — это, правда, почти совсем несомненно, но само вещество — не знаю. Таким образом, случай, предсказанный как возможный в начале этого столетия, найден впервые теперь мною. Правду сказать, никакой особой радости я не испытываю. Сегодня же в работе у Зонке получились совсем уже неожиданные и непонятные и для него, и для меня результаты. Если они подтвердятся, то мои предположения оправдаются так, как я не ожидал никогда; возможно, однако, что я все эти 2 недели ошибался. Дело вот в чем (бедная Тутька!): я измерял притяжение, какое оказывает стеклянная пластинка на воду, и для 3-х разных стеклянных пластинок, сделав 20—30 независимых одно от другого измерений, получил я в общем одну и ту же величину; для слюды — получается величина другая (разница почти на 1 m). До сих пор считается аксиомой, что эти явления от вещества пластинок не зависят,

и если результат подтвердится, он, я вполне понимаю, будет иметь значение не только для кристаллографии, но и для физики — для всего учения о частичных силах и теории жидкостей. Ужасно неприятное у меня чувство — знаешь, я все сомневаюсь. Теперь не делал ли я все 30—40 раз, все эти дни одной и той же ошибки в отсчитывании? И хотя я прекрасно помню, как я несколько раз думал о возможности этого и раз по 6 пересчитывал показания прибора, но все-таки сомнение очень сильно. И правда, это возможно, хотя было бы совсем курьезно и теоретически почти невероятно. И вместо удовольствия я испытываю очень неприятное чувство. Но ум работает — притяжение разное воды кристаллами возможно **только** в одном случае — если допустить строение материи из атомов — что молекулы твердых тел по разным направлениям притягивают различно, хотя для меня атомистическая теория строения материи совсем не кажется доказанной. Вопросов является множество, и много у меня намеченных дальнейших путей.

Бедная Тутя — какое ей скучное письмо. Крепко целую тебя, мое сокровище, и нашего мальчугана [...] Все еще не написал письма Егору Павловичу ². Мой сердечный поклон всем. Адрес Яроцкого?

Д. 35, лл. 143—144.

¹ Германия (нем.).

² Старицкий.

№ 129

4 декабря 1888 г., [Мюнхен] ¹

4/XII 88

Моя родная, дорогая, неоценимая Тутик, пишу эту записочку (по-Тутиному — «письмо»), не знаю застанет ли она тебя. Как только ты выедешь из СПб., я еду сейчас же в Вену, где хочу еще посмотреть Минералогический музей, и там буду вас ждать. Выезжай скорей [...] Крепко целую тебя и Юрку. Сердечный поклон всем. Телеграфируй из Варшавы: Вена — *Poste restante*. Получил сегодня книгу Абрахолю ². Крепко целую тебя.

Твой Додя

[...] Погода здесь вот недели 3 прекрасная, и снегу уже давным-давно не видать — ясно, тепло. Как я рад буду быть с тобой.

Д. 35, л. 145.

¹ Письмо написано в Мюнхене, так как до марта 1889 г. В. И. Вернадский никуда не выезжал.

² См. комментарий № 3 к письму № 110.

7 декабря 1888 г., Мюнхен

Мюнхен, 7/XII 88

Дорогая моя девочка, моя рыбка [...] твое последнее письмо запоздало, и я уже начал сердиться на Тутьку, потому что, собственно говоря, целую неделю от нее не было порядочного известия. Кроме этого письма, были 2 какие-то едва видные записочки. Скажи Сережке¹, чтобы он непременно написал мне **скорее** про Лельку², и Гревс скажи, что [бы] они хотя коротеньким письмецом мне ответили на мое письмо от 14/XI — много писать, конечно, нет времени, а чтобы немного написать — время есть, и надо только взять себя немного в руки. Получил я письмо Адьки³, где он пишет, что «генерал»⁴ будет очень рад, что ты у них отдохнешь. Издалека очень трудно давать советы, но если не взять няню, то лучше, чтобы с тобой поехал какой-нибудь близкий человек, и мне не раз приходила в голову Ольга Павловна⁵. Но ты, верно, уже теперь решила. Я очень рад, что ты больше, кажется, познакомилась с Агафоновым и с Поссе — это очень честные и очень близкие нам люди. Относительно Книповича [...] очевидно, никто тебе не мог ничего сказать, потому что общих близких знакомых у нас нет и, насколько я знаю, Николай Михайлович с очень немногими хорошо знаком. Если нельзя узнать кому-нибудь в адресном столе, то скажи Агафонову, чтобы он справился в Зоологическом кабинете у Петра Петровича Шалфеева или же узнал от проф. Фандер-Флита, или вот 3-й путь — пусть через Ферхмина узнает у Кузнецова, служит в министерстве государственных имуществ. Адрес Яроцкого и Ани⁶ получил.

Работа моя подвигается, хотя эти 2 дня — субботу и воскресенье — очень поздно просыпаюсь, проспал и довольно мало вычислял, а теперь — утро воскресенья — хочу отправиться в старую Пинакотеку, которую хочу осмотреть возможно хорошо. Недавно я был в новой Пинакотеке, и меня все более и более увлекают эти произведения искусства, и мне хочется не просто ходить, но вдумываться и узнавать об них, стараться понять и проникнуть глубже. Читаю из общего я теперь — довольно плохую историю 1830—1888, издаваемую здесь для рабочих, читаю еще роман [...] из римской жизни [...] ⁷ В немецкой литературе эти исторические романы, кажется, теперь в моде, Эберс, Дан [...] — кажется, главные их представители. Как-то чувствуется, однако, что это все потуги и что жизнь им представлять вполне не удастся. С живейшим интересом кончаю я новые *Etudes Agronomiques* ⁸

Крепко целую тебя, мою дорогую, родную девочку, и мальчугана. Сердечный поклон всем.

Твой Д.

Д. 35, лл. 146—147

¹ С. Е. Крыжановский.² Л. А. Оболяянинов.³ А. А. Корнилов.

⁴ Н. В. Харламов. См. комментарий № 3 к письму № 41.

⁵ Тимофеева.

⁶ А. Е. Старицкая.

⁷ Какое издание имел в виду В. И. Вернадский, установить не удалось, так как фамилия автора написана неразборчиво.

⁸ Какое издание имел в виду В. И. Вернадский, установить не удалось.

№ 131

30 декабря 1888 г., Верона

Верона, 30/XII

Дорогая моя Натуся, видишь, я уже в Вероне и не поехал ни в Павию, ни в Милан. Университеты итальянские во время праздников совсем закрыты, и в Генуе я не только не видел музеев, но даже ботанический сад университета был закрыт. После такого опыта я не решился наудачу ехать в Павию или Милан и, вероятно, завтра буду в Мюнхене, отсюда, от Вероны, нет 3-го класса в поездах прямого сообщения, и если не будет стоить уже очень дорого, то поеду во 2-м, потому что иначе надо ночевать или здесь, (или) в Кудекстейне, и в Мюнхен приеду только послезавтра. Пока не холодно. В Генуе погода была отчаянная. Берег видел — очень красив. Крепко целую тебя и Юру. Поклон Елли Ивановне ¹ Береги себя.

Твой Д.

На обороте: S-ra Nathalie Vernadsky, Hotel Pavillon, San Remo

Д. 35, л. 148.

¹ Лерке.

№ 132

1 января 1889 г., Мюнхен

1 янв. 1889 г., Мюнхен

Дорогая моя, ненаглядная Натуся, моя родная, золотая девочка. Вчера к вечеру приехал в Мюнхен и теперь пишу тебе только несколько слов, чтобы ты скорее получила обо мне известие. Тутя моя, мое счастье, так сильно я тебя люблю, так счастлив с тобой, и так тяжело, что мы не вместе — так было бы хорошо быть вместе.

Посылаю тебе очень печальное известие о Тане ¹ — я буду писать Корнилову сегодня или завтра. Меня очень сильно взволновало и огорчило это — так, бедным, им тяжело, так много для них пропало из того, на что они надеялись, чего ожидали.

Мне вспомнилось и то ужасное время, когда я так мог потерять тебя. Как это все ужасно.

Крепко, крепко целую тебя [...] Скорее бы быть вместе.

Что Юра — Гага², вспоминал ли меня? Жду с нетерпением твоего письма. Поклон Е. И.³ Напиши Николаю Васильевичу⁴.

Твой Д.

Тутя моя неоценимая. Как я счастлив твоею любовью. Письмо Корнилова пошли Сергею⁵.

Д. 36, л. 1.

¹ Татьяна Александровна Харламова, родная сестра А. А. Корнилова, заболела оспой и потеряла ребенка.

² Г. В. Вернадский.

³ Лерке.

⁴ Харламов.

⁵ С. Ф. Ольденбург.

№ 133

2 января 1889 г., Мюнхен

Мюнхен, 2 / XII 89¹

Дорогая моя, родная, неоценимая Тутька, моя родненькая, так сильно ждал я сегодня твоего письма, а его нет, а если ты написала мне, как хотела, 30-го, я должен был бы получить его. О, как бы хотелось быть с тобой, не расставаться с тобой [...]

Здесь получил я письмо Адьки², тоже печальное, которое послал тебе, получил еще короткую записочку Шаховского, письмо и карточку от Дриша (он, может быть, в Ницце — напиши ему *poste restante*, чтобы он к тебе приехал, — Н. Driesch), Краснова (мрачное), Армашевского, Докучаева, Саши Ребиндера (детское). Грот меня встретил очень радушно, и я приступил к занятиям. Абрахоль получил место fellow³ в Манчестере и скоро туда едет, он очень доволен и держит скоро здесь экзамен на доктора. Сегодня, как только начали свою работу, я, кажется, получил еще новые, интересные результаты и все над тем же веществом, над которым хотел работать с Мутманом. Помнишь, я тебе говорил, что одна часть формы этого вещества остается все-таки непонятной. Для того чтобы добиться результатов, я предложил способ исследования, к которому Грот отнесся сомнительно, а Мутман решительно восстал, я все-таки сегодня его попробовал, и на вид результаты самые блестящие — не знаю еще, наверное, завтра буду работать с новым собственным прибором Грота и с его помощью. Для меня эти результаты интересны, пожалуй, больше всего прочего. Вот натолкнула судьба на вещество! Я постараюсь кончить эту работу в течение этого же месяца.

Моя дорогая, неоценимая, Тутька, так, так сильно хочется быть скорее с тобой, с моей родной. Что сынишка? Что твой бок, и все подробно напиши про свое здоровье. Посылаю тебе Доде.

Не забудь, что к 30-му надо послать письмо в СПб. — я pošлю

раньше его тебе, но ты тоже **непременно** напиши — отчет, насколько возможно, за год.⁴ [...]

Твой Д.

О какой эпохе пишет Шаховской⁵? Напиши. Глупый Шаховской — как может Лобко ответить из ареста?

Д. 36, лл. 2—3.

¹ Описка у В. И. Вернадского: в годе, который он первоначально написал «88», он исправил последнюю «8» на «9», а месяц оставил «XII».

А. А. Корнилов. См. комментарий № 1 к письму № 132.

Стипендиат, занимающийся исследовательской работой (англ.).

Речь идет о письме членам «Братства» (см. комментарий № 1 к письму № 26), которые договорились ежегодно собираться всем вместе 30 декабря, а отсутствующие присылали письма.

В письме от 24 декабря / 5 января 1889 г. Н. Е. Вернадская писала: «Я не понимаю, о какой эпохе пишет Дмитрий Иванович, верно, о какой-нибудь газете, но я ничего не слышала» (ф. 518, оп. 7, д. 36, л. 4 об).

№ 134

3 января 1889 г Мюнхен

3/I 1889, Мюнхен

Моя родня, ненаглядная Тутя, получил я твое письмо и записочку Сержа¹ Во-первых, о Янсоне² Я писал Агафонову еще 29/I — очень, правда, кратко, но Агафонову еще буду довольно скоро писать. Я решительно не думаю, чтобы что-нибудь можно было сделать издали, этим путем, кроме, конечно, знакомства. Но знакомство — вещь хорошая, важная, конечно, но это одна сторона дела, а другая — ничего этим путем не сделаешь. А ему одно из самых важных — дать занятие, я писал об О. А.³, между прочим, но надо написать Тимофеевым, Гревс, Рейтлингеру и т. п. Здесь теперь я вполне почувствовал, какая у меня осталась малая связь с университетской молодежью — я теперь, кроме Агафопова или Поссе, не могу ни через кого обратиться, а Агафонов и Поссе захватывают очень и очень малую часть университета. Ни тот, ни другой не годятся в настоящие организаторы и заменить выбывших не могут. Передо мной промелькнула вся последняя пора: через студенческое общество и т. п. у нас была сильная связь с целой массой людей, и это **почти** кончилось, но это восстановится довольно легко, если один, два из нас поедут в университет; у меня было очень обширное знакомство с землячеством и т. п., и все это пропало, и теперь, теперь почти ничего нет.

Тутя, моя дорогая, родная, милая девочка, мое золотое солнышко. Сегодня, наконец, я решил главные трудности вычислений, и передо мной стоит целая гора новых. Я довольно небрежно вел все это раньше, тогда как я вполне теперь вижу, что это главная сторона, не позволяющая мне самостоятельную кристаллографическую работу. В измерениях

и т. п. работе с микроскопом я вполне усвоил технику. Мне эти вычисления интересны, понимаешь, в форме кристаллов есть строгая, математическая зависимость — измерив 4—5 углов, ты знаешь всю гармонию форм [тела], ты можешь вычислить, под каким наклоном возможны для данного вещества новые плоскости, все новые углы, ты вычисляешь расстояния между имеющимися плоскостями и т. п. Это одна из очень немногих отраслей, где так силен и так полон наш анализ. Меня это интересует, и между тем я страшно плох в технике: я расположил теперь так работу, что в этот месяц надеюсь добиться многого. Странная судьба. Больше всего прельщали меня, с одной стороны, вопросы исторической жизни человечества и, с другой — философская сторона математических наук. И я не пошел ни по той, ни по другой отрасли. Не пошел по исторической, потому что хотел раньше получить подготовку естественноисторическую и потом перейти на историю, не пошел по математической, потому что не верил и не верю в свои математические способности (я помню, как мне **трудно** было признаться себе в этом, и я несколько колебался, не поступить ли мне на математический факультет, особенно когда у меня выпускной экзамен по математике прошел с блеском, я помню, как был тогда доволен покойник (знаешь?) (все редет) Верецагин; еще на 2-м курсе естественного я хотел переходить на математический и даже подготовился). Теперь я занялся областью, где математика есть настоящий фундамент, а его у меня нет, но геометрия все более и более захватывает меня — есть стремление, но нет сил.

Письмо Фуке пошлю сегодня — я почти не изменил, что ты написала, и перечтя, мне понравилось [...]

Тутя, Тутя, я так, так тебя люблю, и так, мне кажется, многое я могу сделать для тебя, и теперь я стал аккуратнее и в работе, и в общении только для тебя, моего дорогого ненаглядного светика. Что сынишка? Что-то из него вырабатается. Мне часто представляется, как хорошо мы заживем, когда устроимся где-нибудь на юге...

Целую тебя много раз [...] и мальчугана дорогого. Елли Ивановне поклон⁴. Как твое здоровье? Пиши мне.

Твой Д.

Д. 36, лл. 4—5.

С. Е. Крыжановский.

В письме от 9 января Н. Е. Вернадская писала: «... у Елли Ивановны есть знакомый, она говорит, очень хороший человек — юрист 3-го курса Петербургского университета — Николай Кириллович Янсон. Он почему-то лишился теперь стипендии (участвовал в беспорядках университетских), и если не достанет уроков, ему придется на год уехать в деревню. Мне и пришло в голову: может, кто-нибудь из твоих друзей мог бы с ним познакомиться (что очень важно, так как важно, чтоб хорошие люди знали друг друга), и, может быть, что-нибудь устроится...» (ф. 518, оп. 3, д. 255, лл. 21—21 об.).

³ Личность установить не удалось.

⁴ Лерке.

3 января 1889 г., [Мюнхен] ¹

3/I 89

Дорогая моя, родная Тутя [...] Сегодня получил твои каракульки. Не очень ли устала в Ницце? Что сынишка? Пошли это письмо Яроцкому (не знаю адреса). Письмо Андрея ² никуда не посылай, а пришли обратно. Целую тебя [...] Поклон Елли Ивановне ³ Пиши, моя родная, подробнее и о себе. Юру целую. Не подымаешь ли его? Не болел ли бок? Где спишь?

Д. 36, л. 8.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 129.² А. Н. Краснов.³ Лерке.

№ 136

3 января 1889 г., [Мюнхен]

Вторник, 3/I 89

Дорогая моя, родная, ненаглядная девочка, моя милая Тутя, моя радость и счастье, получил я сегодня твои каракульки, письмо славное Адьки ², мамы, etc. Я ждал так сильно твоего письма, моя дорогая, которое запоздало днем. Не запаздывай теперь, потому что я буду думать, что или тебе нехорошо, или Гага ³ заболел. Не ходите в город. Отчего ты не пишешь мне — пьешь ли сыворотку, я спрашиваю об этом тебя в каждом письме? Бедненькая моя пташечка — верно боится и волнуется, но я как-то так верю в твою силу духовную, моя родная, дорогая, ненаглядная. Как я люблю тебя и как я тобою счастлив. Мама пишет, что полному счастью недостает только твоего полного здоровья. Какая она смешная. Я так с тобой полно счастлив, как только можно быть, и полное поправление здоровья счастья не увеличит. Мне даже странно, как можно думать, чтобы счастье уменьшалось от слабости или нездоровья человека, когда **любишь**, когда сильна духовная связь, когда весь, совсем, без раздела и без сомнений живешь этим чувством, сливаешься с любимым существом [...]

Начал я работу, веду ее понемногу, еще пока никаких особенных результатов, конечно, нет. Работается так себе, погода ужасная — холодно, сыро. В такую погоду работать трудно, а меня еще вечером все клонит ко сну, и сегодня, я думаю, первый вечер, что я занимался как следует, хотя у меня много дела нетронутого. Надо непременно на этой неделе его кончить.

Ты мне пришли «Русские ведомости» ⁴ Здесь русские газеты можно читать в кафе, но я хожу туда редко. Адрес неаполитанский: Coeso R. Umberto, 1, Casa Consiglio — фамилии хозяйки не помню.

С взглядом Адьки на Лельку я, ты знаешь, согласен только в основе, т. е. что объяснение им притянута позже поступка, но мотивы поступка

я объясняю иначе и потому вполне убежден и уверен, что Лелька скоро поймет, если даже не понимает теперь ⁵. Холодности к нему я не люблю в компании и думаю, что это нехорошо, но об этом в другой раз, а теперь второй час ночи, и мне еще надо кое-что прочесть. Целую тебя, моя дорогая, ненаглядная, любимая девочка. Гагу поцелуй. Елли Ивановне ⁶ поклон.

Твой Д.

Д. 36, лл. 4—5.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 129.

² А. А. Корнилов.

³ Г. В. Вернадский.

⁴ Газета, выходившая в Москве с 1865 г.

⁵ См. комментарий № 5 к письму № 115.

⁶ Лерке.

№ 137

4 января 1889 г., Мюнхен

Мюнхен, 4/1 1889

Дорогая моя, родная Тутя, мое золотое ненаглядное дитяtko, сегодня получил снова каракульки, моя рыбка, и очень им обрадовался, хотя хотелось бы больше знать про тебя [...] Мне хочется, чтобы ты писала мне подробно, хотя если Тутя будет от этого уставать, пусть она пишет и не так подробно, но чаще [...]

Я не понимаю, отчего Адька не получил наших писем, верно, он все был в Конске ¹, и теперь он просит, чтобы ему написал я хоть открытую карточку, я писал «генералу» ², писала ли ты Адьке и «генералу»? Послал я тебе Доде, письмо к Яроцкому и письмо Краснова (которое верни мне), от Сергея ³ нет ни слуху, ни духу.

Мой маленький, дорогой цыпленок, знаешь, я так сильно почувствовал и понял то горе и тяжелое состояние, которое постигло Харламовых, и почувствовал так сильно, как близки мы и как необходимо нужно глубже и полнее и ближе жить! Только при этом условии жизнь может пройти полнее и может быть достигнуто большее спокойствие и счастье. Меня очень озабочивает устройство наших всех семей, и много есть у меня опасений, хотя я их старательно прогоняю, не даю им завладеть собою. Я боюсь часто, чтобы жизненные условия не увлекли с собой в одну сторону очень многих из нас — Федора ⁴, Александра ⁵, Шаховского и т. п. и чтобы для минутно-важного не было принесено в жертву важное на долгое время. Я, кажется, с тобой не говорил об одном, может быть, практически исполнимом плане — хоть несколько помогать и нам образованию хоть какого-нибудь капитала, это решение, принятое на М. Вишере, — отсылать в общий капитал 5% расходов, ведь расходы эти можно вычислить, и, мне кажется, мы можем и должны это сделать. Теперь такое время, когда чтобы устояло братство, зависит в сильной степени от того, насколько отдельные члены его будут пополнять и рабо-

тать для него, несмотря ни на что. И очень важно, чтобы хоть некоторые решения исполнялись, и такими являются в настоящую минуту: переписка, образование капитала, устройство Тверского Приютина⁶ Напиши, что думаешь.

Крепко, горячо целую тебя, моя родная голубка, мое счастье, и мальчугана дорогого Гагу. Что тебе пишут твои? Что Елли Ивановна⁷? Что читаешь? Мое дорогое счастье, как сильно, сильно я счастлив нашей любовью.

Твой Д.

Прилагаемое письмо пошли Васе⁸.

Д. 36, лл. 9—10.

А. А. Корнилов с апреля 1887 г. в течение пяти лет был комиссаром по крестьянским делам Конского уезда Радомской губернии.

² Н. В. Харламов. См. комментарий № 3 к письму № 41.

³ С. Ф. Ольденбург.

⁴ Ф. Ф. Ольденбург.

⁵ Возможно, А. С. Зарудный.

⁶ Д. И. Шаховской купил в Весьегонском уезде Тверской губернии близ Красного Холма небольшую усадьбу «Малашкино», из которой предполагалось сделать «Приютино» (см. комментарий № 2 к письму № 96). Однако усадьба оказалась довольно неудобной, поэтому вскоре решено было ее продать.

⁷ Лерке.

⁸ В. В. Водовозов.

№ 138

6 января 1889 г., Мюнхен

Мюнхен, 6/I 89

Дорогая моя девочка, моя родная, ненаглядная Тутя, мое красное, любимое солнышко. Получил я твои каракульки и так, так рад им, так жду их от моей дорогой, родной Тутьки, так мне хочется скорее быть все время с тобой [...]

В Мюнхене теперь холодно, хотя снегу совсем нет, а в комнатах совсем холод, потому что печи сейчас же остывают, когда перестают топить, и сейчас же становится совсем холодно. Да и устройство печей ужасно неудобное. Я теперь все вожусь с собой, хочу приучить себя к большой порядочности в распределении своих занятий, переписки и т. п. Да все еще не совсем справляюсь. Так и теперь. Надо бы было послать письмо к 30-му декабря¹ через тебя, а я все еще не мог написать его, а сегодня теперь не могу писать — поздно и несколько устал. А адреса Гревсов или Тимофеевых не знаю, найду ли? Пошлю тогда через Сережку², что ли (каб. 13?). В общем все-таки я пишу много и уже написал до 12 писем (со 2-го числа — и большинство больших). Работа моя идет понемножку. Вообще во мне идет теперь борьба между двумя сидящими во мне «людьми» (не знаю, чье это сравнение — чуть ли еще не старых народных сказаний), и хотя пока я, кажется, справляюсь с собой, но

не могу сказать, чтобы вполне удачно. Меня беспокоит, что у тебя болит бок — пиши мне о здоровье все и подробно [...]

Только бы тебе было хорошо в С.-Ремо — не возись много и не носи сынишку.

С моей работой все потихоньку, хотя я думаю, что удастся ее обработать довольно интересно. Интересно — как поступит Мутман? Вчера я получил, кажется, доказательство возможности исследовать это вещество другим способом.

Получила ли ты Доде? И что ты делаешь, моя голубка, что Гага — что он поделявает? Ты мне не пишешь, правда ли, что у него зубы. От мамы и своих я не имею ни строчки. Больше ли вам времени, которое вы можете употреблять на себя, или нет? На все эти вопросы Тутя должна отвечать. Крепко, горячо целую тебя [...] и сынишку. Поклон Елли Ивановне ³ [...]

Твой Д.

Докучаев выдумал делать сообщение в Вольном экономическом обществе (в почвенной комиссии) из моей старой необработанной статьи — о почвах Новомосковского уезда, правду сказать, я не очень этому рад.

Д. 36, л. 11—12.

¹ См. комментарий № 4 к письму № 133.

² С. Е. Крыжановский.

³ Лерке.

№ 139

8 января 1889 г., [Мюнхен] ¹

8/I 89

Моя родная девочка [...] получил от тебя вчера твое 3-е письмоцо из С.-Ремо. Я теперь понемногу работаю; хотя последние 2 дня совсем как-то не работалось — сильно болела голова, и я почти уверен, что постоянно простуживаюсь в лаборатории — в одной комнате градусов 20, а коридор и сообщение с другими комнатами совсем не отапливаются, и там всего градуса 2—3. Ужасное здесь устройство. Думаю, что завтра будет лучше работаться, но не знаю, намереваюсь пойти к зубному врачу, так как разболелись и зубы. Мне иногда кажется, что как у Ивана ² страсть ворчать, у Тутки — плакать, так у меня есть слабость жаловаться на свои болезни, и я серьезно боюсь, чтобы к старости из меня не выработалось нечто в этом отношении вроде Лидии Карловны ³ или моей мамы (кстати, от нее до сих пор никаких известий). Не правда ли, это было бы плохо? Нездоровье не позволило мне работать и у Зонке, и я к нему в первый раз пойду завтра.

[...] Конечно, систематично я почти что достиг эти первые дни известного распорядка в своих работах — и вот вдруг! Разболелась у меня голова, когда я вечером писал предыдущее письмо к тебе, я его не мог

кончить и лег спать; утром через силу работал в лаборатории (еще наказание — все теперь работаю с хлороформом, которого совсем не выношу, тут ты права — такой противный запах!), а после полудня уже не пошел к Зонке на занятия — не занимался весь день совсем. И следующий день тоже не особенно хорошо, хотя работал больше. Я все пишу об этом, а это может огорчить мою девочку, которая мне дороже всего, всего, но мне хочется все писать моей умнице, да и это ничего. Я думаю, что я сегодня (теперь пишу утром) более справлюсь с собой и больше не допущу раскисаний, хотя и голова, и ухо, и зубы болят (очевидно, простуда).

Вчера вечером у меня был Абрахоль, с которым мы много, довольно хорошо говорили и спорили. Крепко-крепко целую тебя, мою голубку, и сынишку Гагу Владимировича. Поклон Елли Ивановне⁴. Пиши, моя радость.

Твой Д.

Очень рад, что вы устроили ему елку. Интересуется он мячом?

Д. 36., лл. 13—14.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 129.

² И. М. Гревс.

³ Вульфорт.

⁴ Лерке.

№ 140

10 января 1889 г., Мюнхен

Мюнхен, 10/I 1889

Моя дорогая, родная, ненаглядная Тутя, я несколько жалею, что написал тебе последнее письмо, потому что боюсь, что ты беспокоишься. Но чувство мое какое-то двойственное — мне как-то странно было бы не написать тебе об этом, потому что я хочу, чтобы ты все обо мне знала, и потому что мне дорого и ужасно важно, что мое здоровье тебе близко и что я ничего, ничего не могу скрывать от тебя. Теперь я принял энергичные меры, и мне лучше, по крайней мере и вчера, и сегодня занимался я несколько лучше. Во-первых, я был у зубного врача — оказалось хорошего [...] Теперь зубам несколько лучше. Затем я нашел вторую причину нездоровья — я заметил, что два дня промачиваю ноги, и когда осмотрел хорошенько сапоги, то в подошве оказалась дырка в два пальца (!!), и, следовательно, я маршировал в чулках по снегу. Наконец, эти дни я лучше питался. У Зонке работы не начинал, и меня берет раздумье, стоит ли ее вести на те 6—7 недель, которые здесь пробуду, и когда надо так много кончать у Грота. К 30-му декабря с письмом опоздал¹, но я **серьезно** говорю, что не по моей вине — я, в самом деле, не в состоянии был работать (даже до сих пор **не мог** делать вычислений);

теперь я мелко написал 9 страниц письма и пошлю его (когда, кому) тебе. Я получил письмо Сережки², которое пришло на днях (пришли скорей его адрес), — Иван³ выдержал новый экзамен, Калмыкова едет в Ниццу (положение ее мужа безнадежно), Лелька⁴ в СПб., о других подробностях узнаешь из письма. Записочку Сережи⁵ и письмо мамы получил, прилагаемое письмо пошли Рейтлингеру (пиши, пожалуйста, получаешь ли и отсылаешь ли посланные на твое имя письма: 3/1 — Яроцкому, 4/1 — Васе⁶). Я не согласен с мнением Сергея о мнении Поссе — мне кажется, оно происходит от неумения понимать людей. Мнения Агафонова, Поссе и многих других — есть **по форме** наши мнения еще недавно, это форма, которая делает их на вид узкими и близорукими. Это форма всех юношеских мнений, а мнение Поссе, как оно было высказано в письме Шуры⁷, конечно, по форме юношеское. Мне не нравится, что оно произвело такое впечатление на Сергея, потому что в очень многих и многих случаях среди сношений с молодежью может произойти раздор, если **форма** мнений будет производить такое впечатление. Я думаю, что непонимание и разлад молодых и более старых сил именно от этого происходит.

Не понимаю несколько, что ты пишешь, что я придаю слишком много значения внешним формам и думаю, что их изменением может быть много сразу достигнуто, когда надо заботиться о перерождении людей. Я совсем не понимаю этого возражения, не понимаю потому, что здесь два явления разного порядка. То, что «перерождение» происходит медленно, что наши идеалы вполне нами не проведутся (а я думаю, что и не **должны** вполне провестись, потому что **часть** их только правда и, может быть, только эта **правдивая** часть и выживает — об этом я писал в одном из писем Васе), совершенно мной не отрицается. Необходимость такой работы я признаю, и все наши старания провести лучше нашу жизнь, улучшить наши отношения к людям, вся работа по народной литературе и т. п. и есть этого рода деятельность. Но в письме я писал о деятельности другого рода. Для меня несомненно, что наряду с этой деятельностью должна существовать деятельность политическая. И для политической деятельности **необходимо** создание партии, а для партии нужны не расплывчатые общие положения, а категорические, немногие, ясно определенные положения. Поэтому тут я считаю вредным и ненужным выставление работы другого рода, потому что та работа достигается не образованием партии. Я думаю, что полезно не выставлять ее. Например, как думаешь, отнеслись бы ко мне многие люди [разные], если бы знали только, что я хочу земского собора, [политики], знали еще, что я еще какие-то новшества желаю ввести в жизнь семьи. Не повредило ли нам то, что мы говорили об этом там, где не нужно. Еще одно — у нас часто противопоставляют одну другой эти две деятельности. Но это противопоставление кажется мне логически неверным. Обе деятельности существуют для каждого человека, потому что воздержание от политической деятельности есть своего рода политическая деятельность, иногда страшно сильная (много исторических примеров — например, чехи, герм[анские], соц[иал]-дем[ократы] в Нюрнберге и т. п.). Крепко-крепко целую тебя, Гагу. Поклон Елли Ивановне⁸ Пиши, моя ненаглядная.

¹ См. комментарий № 4 к письму № 133.

² С. Е. Крыжановский.

³ И. М. Гревс.

⁴ Л. А. Оболянинов.

⁵ С. Ф. Ольденбург.

⁶ В. В. Водовозов.

⁷ А. П. Ольденбург.

⁸ Лерке.

№ 141

[11—13 января 1889 г., Мюнхен] ¹

Дорогая моя Тутя, моя родная рыбка, сильно и крепко целую тебя. Посылаю тебе мое приютинское письмо ², которое пошли **заказным** или Сереже ³, или в Питер. Пришло письмо от Сережи, которое пришлю, когда отвечу.

Надо ответить серьезно, а времени нет. Смесь непонимания, стремительности и односторонности и правды! О получении этого приютинского письма ответь и напиши мне свое мнение.

Газеты тебе пересылать не буду, потому что я не покупаю немецких газет, так как порядочная газета стоит здесь столько же, сколько чашка кофе, и я предпочитаю ходить в кафе и читать разные газеты.

Писем у меня еще много не отвеченных, но, надеюсь, справлюсь. Работа идет понемногу.

С зубами окончу на этой неделе [...]

Крепко целую тебя, мою ненаглядную девочку [...] Крепко поцелуй сынишку. Елли Ивановне ⁴ поклон.

Твой Д.

Адья ⁵ пишет — Тане сказали, и она спокойна ⁶

Д. 36, л. 17.

¹ Письмо написано в промежутке между 11 и 13 января, так как В. И. пишет: «Посылаю тебе мое приютинское письмо», в письме от 10 января, говоря о письме к 30 декабря, он сообщает, что письмо написал и пошлет, а в письме от 14 января уже спрашивает: «Получила ли ты мое письмо к 30-му декабря и послала ли его?»

² См. комментарий № 4 к письму № 133.

³ С. Е. Крыжановский.

⁴ Лерке.

⁵ А. А. Корнилов.

⁶ См. комментарий № 1 к письму № 132.

14 января 1889 г., Мюнхен

Понедельник, 14/1 1889, Мюнхен

Дорогая моя, родная, ненаглядная девочка, моя нежная умница (да?), Тутя. Так я рад твоим письмам, моя дорогая, так сильно, горячо я люблю тебя, мою рыбку, так счастлив твоей, нашей любовью.

Мне теперь совсем хорошо. Несколько иногда побаливает голова, но это не беда [...]

Получила ли ты мое письмо к 30-му декабря¹ и послала ли его?

Работа моя идет понемногу, и к началу марта я непременно покончу со всеми работами у Грота, у Зонке же придется, кажется, отказаться, потому что не хватит времени, так как я теперь усиленно занимаюсь минералогией, просматриваю собрания, коллекции, что я обещал сделать. Работа же у Зонке есть работа лично для меня, и, наконец, ее лучше вести, когда я могу ей предаться вполне, я все больше и больше убеждаюсь в верности моей основной идеи.

Хочу ответить на Тутины вопросы, на которые раньше не отвечал. О Янсоне² постараюсь (Агафонов не пишет — получил ли он мое письмо?). Газет присылать не могу, потому что их не покупаю [...] Переменять квартиру совсем не стоит — здесь везде скверно устроены окна и печи, топлю усердно, а теперь холодов настоящих в Мюнхене не было и снега еще нет.

О весе «килограмма» нигде не могу пока справиться (у меня нет русских книг, но найду и тогда напишу).

Тутя спрашивает меня, что я думаю, что ты так мало занимаешься, но, мое родное, дорогое сердечко, ведь теперь тебе самая, самая важная вещь — скорей поправиться, и нечего печалиться, что ты теперь мало работаешь — тебе совсем не надо утомляться; если же потом, когда она поправится, она вздумает лениться, тогда ей достанется. Но мне даже смешно подумать, что ты можешь лениться при развитии у тебя так сильно чувства долга и сознательности. То, что ты теперь мало делаешь, совсем не страшно — тебе теперь и нельзя работать.

Французских книг я не могу от Андрея³ выписать, потому что Андрей на днях уезжает из Парижа в Россию держать экзамен по географии и защищать диссертацию (он, может быть, заедет к тебе в С.-Ремо — не говори ему ничего про его письмо и т. п.).

Я не совсем понимаю, что значат такие сочинения по политической экономии, социологии, этике, которые могли бы служить основанием для дальнейшего изучения. Я думаю, что, может быть, единственно в политической экономии можно найти что-нибудь подобное, но «социология» и «этика» по их необработанности, неопределенности самих задач едва ли допускают даже существование подобных сочинений. Вообще самая этика и социология едва ли могут считаться наукой, и начинать **изучать** их — одно из самых трудных и, может быть, непосильных дел, какие возможны в настоящее время. Я думаю, что если ты думаешь сознательно работать над известными этическими, или социологическими, или экономическими вопросами, лучше взять один такой вопрос и его изучать

по первоисточникам, расширяя поле только постольку, поскольку тебе необходимо является для **понимания**. Как можно изучать этику и что такое этика? Можно изучать историю этических воззрений, можно стараться понять разные существующие или существовавшие этические системы, но все это целый ряд отдельных, запутанных вопросов, в которых надо разбираться по **первоисточникам** — знакомиться с сочинениями философов, их комментариями, биографиями и т. п.

Еще в более запутанном состоянии находится вопрос о социологии. Это или все, или ничего — это такая вещь, которая понимается всеми различно и меняется с каждым работником на этом как будто бы ясном поле.

Несколько лучше дело стоит с политической экономией.

Мне кажется, что не надо брать такое широкое, такое не ясно определенное поле для изучения (это, например, все равно, если бы я вместо минералогии захотел бы изучать все о материи), единственным результатом подобного изучения является только сомнение в своих силах, сознание своего ничтожества — что все вовсе не надо развивать в себе.

Я думаю, что и раньше ты читала по всем этим вопросам довольно много, но вся беда в том, что ты по ним не **работала**. Работать же можно только тогда, когда берешь резко (на вид) определенную область, погружаешься в нее и с остальным знакомишься по мере того, как перед тобой выясняются те или иные проблемы и необходимости.

Я думал сперва, что ты возьмешь вопрос о воспитании — не только вопрос о воспитании одного индивида, но вопросы о воспитании в связи, положим, со всем строем жизни людей.

Но если тебя тянет к другого рода вопросам, надо взять их, но взять в начале — большое или небольшое, но определенное.

Возьмем для примера один какой-нибудь вопрос и рассчитаем, как за него взяться. Я беру для примера, но вовсе не для того, чтобы ты именно его взяла.

Положим, ты бы взяла такой вопрос: мнения и знания о развитии ребенка и влияние этих знаний на теорию или практику воспитания в разное время. Как приступить к этому, столь важному и практически вопросу? Я, конечно, не могу сказать, как **надо** приступать, а буду говорить, как бы я приступил или хотел бы, чтобы ты приступила.

Первым делом — надо прочесть критически внимательно истории педагогики, выбирая оттуда все то, что касается этого вопроса, — делая выписки о тех лицах или сочинениях, распоряжениях, какие этого вопроса касаются.

Для этого раньше надо узнать, какие истории педагогики или педагогических идей имеются, и ориентироваться в этой литературе.

О всех главных работниках на этом поприще надо прочесть биографии и более частные исследования и затем перейти к их сочинениям, читать их, о них, о той эпохе, в какую они жили, чтобы понимать их.

Наверное, во время работы ты сузишь вопрос и избереешь какое-нибудь отдельное лицо, вопрос и т. п., но это делается само собой, работой.

Параллельно тебе надо читать догматические сочинения по этим вопросам, делать наброски мыслей, систематически следить за новой литературой, составлять списки и т. п.

Но читать сознательно, систематически.

Подумай и реши — какой бы вопрос ты выбрала (не бойся, что потом перейдешь на другой). На другие вопросы отвечу позже [...]

Крепко-крепко целую тебя и сынишку — дорогого жучка.
Е. И.⁴ поклон.

Твой Д.

Д. 36, лл. 18—22.

¹ См. комментарий № 4 к письму № 133.

² См. комментарий № 2 к письму № 134.

³ А. Н. Краснов.

⁴ Лерке.

№ 143

16 января 1889 г. Мюнхен

Мюнхен, 16/I 1889

Моя дорогая, родная, ненаглядная рыбка, моя Тутя, дорогая девочка. Получил я сегодня твое письмо с письмом Сергея¹ и мамы и отвечу на него, а также на незаконченные ответы на прежние письма. Сергей уезжает из Лондона 27/I, следующее еще ты успеешь написать ему, а в Париж пиши на имя хоть Деникера (Jardin des plants), по крайней мере я так думаю.

Елли Ивановне² книгу по физиологии вышлю³, как только получу деньги (Мелиоранский что-то не отвечает, у меня еще есть, но не знаю, когда получу). Об Италии я очень не решаюсь рекомендовать; для меня много дала «Geographie Universelle» Э. Реклю (1-й том)⁴. Читала ли ты и она письма об Италии Тэна?⁵ Как я чувствую свое невежество, когда приходится отвечать на такие вопросы, и они каждый день толпятся передо мной. Я вспомнил «Доктора Антонио» Руффини⁶ — прочти непременно, не говоря уже, что она описывает те же места, где ты живешь, — она описывает очень интересную эпоху и людей, я так вспоминаю, как я читал ее в Харькове или Полтаве, когда в детской голове носились неясные образы Италии и Рима, которыми я восторгался и любил, — Рима, республики и империи; то, что читал я из этого периода, я помню довольно хорошо. Я думаю, что по истории Новой Италии лучше всего для начала прочесть какую-нибудь хорошую историческую хрестоматию, где есть очерки из лучших историков. Я читал по истории Италии совсем вразброс — читал о папах Ранке⁷ (очень интересная книга), о Данте Вегеле⁸ и затем больше из компендиумов и по истории науки и философии.

Письмо мое к Федору⁹ **осталось** на столе, и помнишь ли, что я просил тебя послать его, если не найдешь письма Васи¹⁰, с письмом Адьки¹¹? Там же осталось письмо к Реневье, которое переведи и пришли скорее мне.

Работаю я теперь особенно усиленно по минералогии. От Зонке придется отказаться. Лекциями Грота и работой у Гаусгофера (какой милый человек) я очень доволен. Мне надо набить руку в минералогии,

которую я не знаю и которую в Париже (где главным образом буду работать по минеральной химии и, может быть, петрографии) <изучать> не придется. Тем более, что она меня все более интересует. Получил письмо от Докучаева (вот аккуратный человек,— см. Глинке писал 12/XI, Агафонову — 27/XII, Земятченскому — 24/XI — ответа нет, а Докучаеву — 4/I и получил ответ!), советует скорее писать диссертацию и думает, нельзя ли переделать из моей работы «с Мутманом», но это было бы, по моему мнению, чем-то нехорошим. Кстати, о ней — сегодня, кажется, я уже и последние сомнения победил — понимаешь, теоретически надо было думать, что свет, проходя через тело такой формы, изменяется — будет колебаться по кругам или эллипсам. И я сегодня это нашел. Посылаю тебе немецкое письмо неизвестного мне лица — здесь есть и книга, пришло еще **летом** (запало, и о письме я не подозревал!). Ответь, что делать с книгами, и на письмо ответь. Напиши Винкелю и спроси его просто — они ведь здесь прямо присылают счет! Не сделать это будет **слабостью**. Непременно сделай. У меня нездоровье почти совсем прошло. Письмо Дриша сохрани. Пиши, моя голубка дорогая, моя золотая девочка. Что мальчуган наш, как он ведет себя? Моя работа о фосфоритах напечатана (пишет Докучаев, который считает ее удачной). Знаешь, я думаю, что если мне удастся обработать фосфориты Франции, выйдет интересно — у меня совсем новый взгляд и мысли о круговороте фосфора в природе!...

Д. 36, лл. 34—35.

¹ С. Ф. Ольденбург.

² Лерке.

³ См. письмо № 151 и комментарии к нему № 10—13.

⁴ *Reclus Elisée. Nouvelle géographie universelle: La terre et les hommes. P.: Hachette, 1876. Vol. 1.*

⁵ Очевидно, не «Письма об Италии», а «Путешествия по Италии»: *Taine Hippolyte. Voyage en Italie. P., 1866.*

⁶ *Руффини Джованни-Доменико. Доктор Антонио. СПб., 1861—1862.*

⁷ *Ранке Леопольд. Римские папы, их церковь и государство в XVI и XVII столетиях. СПб.: Тип. И. Глазунова и К°, 1842—1847. Кн. 1—8.*

⁸ *Вегеле Франц. Данте Алигьери, его жизнь и сочинения / Пер. с 3-го изд. Алексей Веселовский. М.: К. Т. Солдатенков, 1881.*

⁹ Ф. Ф. Ольденбург.

¹⁰ В. В. Водовозов.

¹¹ А. А. Корнилов.

№ 144

18 января 1889 г., [Мюнхен] ¹

18/I 89

Моя дорогая, родная девочка, моя рыбка золотая, Тутя, получил я сегодня твою милую карточку (Гага прекрасно, ты не очень. Ά-propos ², Fr. Негманн ³ просит тебя — ты обещала) — и не строчки! и письма от тебя нет. За это Тутю надо очень хорошо наказать, тем более, что я жду ответа на мое приютинское письмо ⁴, посланное тебе 12/I, от Винкеля получил сегодня счет за твое лечение 25 марок и завтра заплачу ему.

Работаю понемногу и, боюсь, несколько лениво. Сергея⁵ письмо сохрани — я написал ему сегодня (видишь, сейчас тебе отправлю, как освобождается!) большой ответ и просил ответ переслать тебе. Я так много писал сегодня, что Туте пишу немного [...] Тутя, пиши мне через день — не очень ли ты устала? Собираете ли раковины? Собрали ли в спирт цветы эвкалиптуса?? Гагу обнимаю.

Д. 36, л. 23.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 129.

² Кстати (фр.).

³ Хозяйка мюнхенской квартиры, в которой жили Вернадские.

⁴ См. комментарий № 4 к письму № 133.

⁵ С. Ф. Ольденбург.

№ 145

20 января 1889 г., [Мюнхен]¹

20/1 1889

Моя дорогая, ненаглядная, милая девочка [...] Получил я вчера твое письмо и 1) на вопросы Тутика я все отвечаю, что, впрочем, Тутя, вероятно, теперь и сама знает.

Словарь русско-французский etc. надо выписать из СПб., а не из Парижа — и лучше всего, я думаю, Макарова²

Относительно Вернадовки и ее доходности я несколько иного мнения и особой радости от присылок Попова не ощущаю. При том способе хозяйничания (какой есть теперь — сдача земли) Попов мог получить [больше], только сдав дороже крестьянам или же получив с них больше вперед, и то и другое возможно, так как и хлебная торговля, и вообще этого рода дела у нас улучшились, хотя, мне кажется, временно. Я думаю долга не выплачивать, а деньги оставить лежать, и вот почему. Долг этот, если мы его выплатим, даст нам экономии немного более 100 руб. в год и даже того менее, если деньги пролежат на текущем счету, иметь же небольшую сумму, которой мы можем распорядиться, как мы хотим и куда хотим, очень небесполезно, а потому если не переслать эту сумму нам, то надо оставить ее в СПб. (какова она?). Может понадобится нам или друзьям. В братство, чтобы не путать, теперь будем вносить только 5%, что рассчитаем с тобой в Париже, и тогда, я думаю, надо будет послать рублей около 200.

Относительно Янсона — подожди: 1) мы его не знаем, 2) управляющего в Вернадовке можно держать, только начав вести хозяйство, т. е. затратив на это некоторый капитал, что издалека сделать нельзя. Тот способ ведения дела, какой теперь может нести только человек, вполне пустивший корни в этой местности; я не думаю, чтобы Попов вполне притеснял крестьян, потому что отношения у него с ними не вполне скверные, но **чужой** добрый и хороший человек в таком деле и опасен, и рискован. Оттого я держался Попова — как единственно благоразумного исхода.

Был вчера у Винкеля и уплатил 25 марок. Меня удивляет, что Мелиоранский не присылает денег — я ему писал заказным письмом еще 3 января, и вот никакого нет ответа, а мои финансы начинают приходить в расстроенное состояние [...] Еще подожду и буду просить отчета, потому что я получил только до 1 сентября 1888, а теперь январь 1889!

Писем я Тутьке назад не присылаю, потому что храню их аккуратно, а пересылка — лишний расход (мне с приезда почта стоила и так более 10 марок в год, наверное, больше 100 руб., мы, компания, тратим на это ежегодно не меньше 700—800 руб.). Конечно, пересылать письма надо, но незачем лишний раз пересылать, я пересылаю тебе письма, тобой не читанные. Письма моей мамы пересылай не все (не забудь, что 30/18 рождение сестер). Послал я тебе вчера книгу — о ней я тебе говорил, по прочтении пошли Федору или Адьке, в присланном номере ³ «Недели» ⁴ статья о юге ⁵, о которой тоже говорил. Что ты читаешь?

Работа моя идет все медленно. У меня явилась мысль обработать одну теоретическую часть, которая вызывается этой работой, боюсь только, что не хватит математических знаний, но попробую. Голова все этим занята — но рук, рук нет [...]

Твой Д.

Прилагаемое письмо пошли Александру ⁶ и напиши свое мне мнение ⁷

Д. 36, лл. 24—25.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 129.

² Макаров Н. П. Полный русско-французский словарь. СПб., 1867

³ В подлиннике «номер» обозначен значком «№».

⁴ Еженедельная газета с приложением ежемесячных книжек, выходила в С.-Петербурге с 1887 по 1894 г. Издатель-редактор П. А. Гейдебуров.

⁵ Абрамов Я. В. Наш юг // Неделя. 1888. № 13. 24 июля. Стлб. 950—955.

⁶ Возможно, А. С. Зарудный.

⁷ Фраза вписана на полях л. 24.

№ 146

22 января 1889 г., Мюнхен

Мюнхен, 22/1 1889

Моя дорогая [...] получил я вчера и сегодня твои письма и на них отвечаю [...]

Потом отвечаю на вопросы: отчего я тебе не пересылаю писем — отвечал, письмо Сергея ¹ отправил тебе, письмо Сережки ² — на днях, когда отвечаю (потому что Тутьке **неважно** получить его неделей позже, а мне его надо иметь для вовсе не шуточного письма Оболянинову). Вообще я тебе посылаю все более или менее интересные письма тотчас же и задерживаю только те, которые мне надо иметь для ответа, а не посылаю неважные. Письма Шаховского Сергей не пересылал. Письмо Шуриной ³ приятельницы отправил ей еще 15 января и адреса не сохранил. Деньги получил вчера, и мне денег теперь не надо. Хочется мне ответить тебе

по поводу общего направления твоих двух последних писем и по поводу вашей жизни вне гостиницы. Если ты думаешь, что это удобнее — что же делать, хотя я боюсь, что хлопоты и возня могут помешать твоему выздоровлению, но, конечно, и в гостинице, если ты будешь себя не сдерживать и бояться глупостей, будет то же самое, а потому, что же делать (вы не знаете также, каковы эти дома ⁴, вы видите одну парадную сторону; всякая проба не беда, когда ты не приехала **лечиться**, где первое дело — спокойствие). Боюсь еще (из одной твоей фразы), что ты начнешь делать экономию в еде — помни, что ты мне обещала.

Относительно парижского плана, я не думаю, чтобы я мог так устроиться, это будет зависеть, впрочем, от того, что найду в Париже. На днях буду писать Фукэ и узнаю (отчего ты мне не пересылаешь перевода письма к Реневье?).

Я не думаю, чтобы можно было мою работу переделать в диссертацию — но об этом позже...

В предыдущем письме ты пишешь, что я плохо исполняю твои поручения, но [...] это твое обвинение совершенно поспешно или неверно. Подумай сама — **мог** ли я исполнить то, что ты поручаешь? Покупать книги я не мог, потому что неожиданно истратил 115 марок (Винкель и дантист!), следовательно, должен был ждать; затем русско-французский словарь достать в Мюнхене! Да разве ты не знаешь, что здесь за книжные магазины — мы бы его получили через $1\frac{1}{2}$ года и втридорога (брошюрку из Голландии — 3 дня езды — я получил через 2 $1\frac{1}{2}$ месяца — большой скоростью!).

Словарь ты должна купить не в Мюнхене или в Париже, а в СПб. (только не через Гревсов — Иван не пересылает мне брошюрок, о которых я просил его, хотя знает, что они мне нужны для работы!). Затем ты хочешь французских книг по политической экономии или этике и т. п., если бы хотела немецких — да, можно достать, и то ждешь обыкновенно 3—4 недели, потому что в здешних магазинах, кроме учебников и случайных книг, ничего не достать. Из Франции получишь, если теперь выписать, только в конце февраля. Никогда я себе представить не мог, чтобы в центре германской учености так плохо был поставлен этот научный обмен. Затем, выписывая французские книги через здешние магазины, ты покупаешь <на> 25% **дороже**, потому что они упорно (за исключением одного-двух) марку считают за франк! Затем ты хочешь, чтобы я купил что-нибудь новое, общее по политической экономии, этике или социологии, и пишешь, чтобы я справился!... У кого я тут справлюсь? Этим интересуется из моих знакомых один Абрахоль, но и он, и я в Мюнхене — нового совсем не знаем и знать не можем. Наконец, из общего по политической экономии в том роде, как ты пишешь, мне неизвестно ничего; сколько я ни спрашивал у Васи⁵, у Адьки⁶ — они ничего не знают. Я совершенно сомневаюсь, чтобы по этой отрасли вышло новое по-французски, скорее всего, по-английски (может быть Кэрнса — читала его? ⁷) и, может быть, по-немецки, хотя немцы — швах⁸ (политическая экономия, новая, есть Шенфельда, по словам Васи, единственная, но по направлению несимпатичная); по этике интересна книга Вундта⁹ — по-немецки (есть русский перевод — есть у Ивана), по социологии общего ничего не знаю, а отдельные этюды, вероятно, есть, но здесь без библиотек,

без Verkehr'a¹⁰ с людьми, этим интересующимися, я ничего не могу знать. Я тебе постараюсь найти и выслать, но скорее найдешь в С.-Ремо — особенно богатую теперь по этим вопросам итальянскую литературу. Вот, кажется, все поручения, которые не исполнил, еще до сих пор не прислал «килограмм» — сколько русских фунтов, но пока, где ни рылся, не нашел, но это найду. Я, может быть, слишком близко принял все к сердцу это, но потому что, право, я думаю, что я теперь аккуратен во всех этих делах, **сколько могу**.

[...] Работа моя идет тихо, но необходимо ее кончать. Теперь я все более и более занят одной общей мыслью, вызванной этим веществом. Если эту мысль мне удастся разработать, может выйти диссертация. Вопрос важный, и удобно, что главная работа по литературе, математическим выкладкам и несколько опытов, которые, думаю, можно делать и дома, если куплю микроскоп. Это работа о гемиморфизме. Я усердно принялся теперь за математику и математическую кристаллографию — что мне очень и вообще нужно знать, но что до сих пор делал неудачно.

Получил записку от Агафонова, которую посылаю, но ты ее сохрани* — отдельно (оно в группу 5-ю, смотри внизу примечание). Дриш будет на день в конце февраля здесь, я ему обещал твою карточку, мне очень приятно его увидеть. Что это А. М.¹¹ вздумала перейти на ты? (сегодня послал тебе ее письмо), я ничего, в сущности, не имею, но произойдет много пустых криков (Сергей с тобой тоже?). Да, посылал я назад вексель и писал Марии Ивановне, а на днях буду писать Егору Павловичу¹² Андрей¹³ молчит. Из письма Агафонова — думаю — работать научно будет. Да — Калмыкова тоже. Теперь я подумываю о статейке, о которой просит Докучаев, для Вольного экономического общества об агрономических лабораториях (от этого я не пишу в «Русские ведомости», двух дел сразу не могу), поддерживать связь с Вольным экономическим обществом для меня очень важно. Крепко, много раз целую тебя [...]

Гагу поцелуй крепко. Елли Ивановне¹⁴ поклон.

Письма я сохраняю в особых пакетах: 1) Твои. 2) Братство. 3) Близкие (Рейтлингер и т. п.). 4) Семья (моя и твоя). 5) Имеющие научный интерес и в будущем.

Д. 36, лл. 26—29.

¹ С. Ф. Ольденбург.

² С. Е. Крыжановский.

³ А. П. Ольденбург.

⁴ Описка у В. И.: слово «дома» написано два раза.

⁵ В. В. Водовозов.

⁶ А. А. Корнилов.

⁷ Возможно: Cairnes John Elliott. Some Leading Principles of Political Economy Newly Expounded. L.: Macmillan, 1874.

⁸ Слабы (нем.).

⁹ Возможно: Вундт Вильгельм. Этика: Исследование фактов и законов нравственной жизни. СПб.: Изд. журн. «Русское богатство». 1887—1888 Т. 1—2.

¹⁰ Связь (нем.).

¹¹ Возможно, Александра Михайловна Калмыкова.

¹² Старицкие.

¹³ А. Н. Краснов.

¹⁴ Лерке.

24 января 1889 г., [Мюнхен] ¹

24/I 1889

Дорогая моя девочка [...] мне кажется иногда, что решение твое переехать из Hotel Pavillon было слишком легкомысленным — очень сомнительно, чтобы вам удалось значительно дешевле устроиться и чтобы были все те удобства, какие все-таки имеет Hotel Pavillon. Довольно неудобно и так жить с чужим, совершенно незнакомым и не-близким человеком, как эта русская дама. Правду сказать, и у меня нет никакого спокойствия, и этим твоим шагом ты заставила меня бояться, чтобы опять не вышло вроде Вильдунгена — в другом роде, но, конечно, дело сделано и ничего теперь не поделаешь, так что пока ничего об этом говорить не буду. Но ты пиши мне обо всем подробно и должна дать мне обещание, что, если только будет много возни и будет отнимать хозяйство у тебя или у Елли Ивановны ² время или будут другого рода неприятности, ты должна оставить это поселение и вернуться назад, несмотря на ту потерю денег, которая от этого произойдет. Вообще я не спокоен и мне очень жаль, что ты это сделала. Есть и неприятное чувство по отношению m-me Ригаллэ: как-то много в этом переезде обычного эгоистически-буржуазного: она делала все, что могла, и вот пока это было выгодно, ее услугами пользовались, а когда оказалось, что под конец сезона все, терпя убытки, пускают все дешевле — ее оставляют, когда именно в это время она особенно в жильцах нуждается. Я знаю, что ей и раньше не давали обещания, а все-таки чувство у меня такое, что по отношению Ригаллэ, может быть, поступили нехорошо. Надо было, как я писал тебе, сговориться с ней о диетном столе для тебя. Но дело сделано.

Я все продолжаю свои занятия с прежней монотонностью и с несколько большей аккуратностью и настойчивостью. Чувствую, что как будто совсем забираю себя в руки, боюсь, не временное ли это настроение. Подумываю все более и более о покупке микроскопа, потому что в голове целый ряд работ, которые могу вести тогда дома и, главное, в которых я буду хозяином. Никому я о них не должен говорить, никого спрашивать позволения — я могу пробовать многое. А в лабораториях и т. п. я, конечно, всегда в большой зависимости от заведывающего и т. п. Но микроскоп, минимальный для научных работ, стоит 240 марок и, вероятно, с пересылкой больше. Меньше этого уже не стоит покупать. Если Краснов мне возвратит деньги, то я могу купить из тех денег, какие у меня есть. Микроскоп Фусса в 240 марок годится вполне для научных работ как по минералогии, так и по петрографии, ботанике, зоологии, только придется тогда прикупить большие увеличители, что всегда можно. Микроскоп Цейса (который хотел раньше) совсем недоступен по цене, и купить его будет роскошью. Еще не знаю, решусь ли. Пиши моя дорогая, ненаглядная девочка [...] Гагу ³ поцелуй. Елли Ивановне поклон.

Твой Владимир

¹ См. комментарий № 1 к письму № 129.

² Лерке.

³ Г. В. Вернадский.

№ 148

27 января 1889 г., [Мюнхен] ¹

27/I 1888 ²

Моя родная, ненаглядная птичка, моя Тутя золотая, любимая девочка. Пишу тебе сегодня утром, вчера не писалось (я обыкновенно пишу вечером и потому сегодня числом, на вид, письмо позже) — от тебя не было писем, а от мамы я получил письмо, где она пишет, что, по слухам, Н. Д. Похитонов жив и свидеться с отцом ему не дали ³ Уже более 4 лет он сидит в одиночном заключении и в Шлиссельбурге. Как это ужасно, какие силы нужны для того, чтобы сбросить это давящее, это гноящееся заразительное ярмо, неужели надо скрыться в себя и стараться медленной работой воспитывать и других, и себя — воспитывать, чтобы не погрязнуть и не заглохнуть в болоте, суметь передать другим поколениям хоть чуточку святого огня, который мы получили от предков. Но и «воспитывать» при этих условиях тяжело, тяжело потому, что далеко не все обладают темпераментом, нужным для того рода борьбы, или не у всех навык и выработка скоро приходят. Ты должен чувствовать нечто вроде такого чувства, что своей деятельностью ты не одну честную, не одну хорошую душу отправляешь на гибель, на смерть. Если ты возбудишь мысль и если ты откроешь глаза лицам, у которых раньше их мысль спала, а веки были опущены, ты не можешь остановить их на пути опасном и неясном, по которому пойдут они. А между тем это тесно и неразрывно связано с тобой и если ты хочешь жить, ты не можешь не действовать, так или иначе, на ум и на чувство людей, с которыми сталкиваешься. Беспощадно падает гибель на людей, вполне сознательных, и на людей, у которых все еще неясно и нет ясного сознания, нет живой веры, если гибнут первые, то они не раскаиваются... а вторые? — а их большинство. Между тем всякая педагогическая деятельность, всякая литературная деятельность есть деятельность такого рода. И это единственное орудие, которое не могут отнять у меня иначе, как убив меня или засадив в одиночную тюрьму, что еще хуже смерти...

Но для меня не так мучительно это, я чувствую силу спокойно перенести это, я сознаю, что я могу добиваться чего-нибудь, хотя бы с успехом была связана гибель многих людей. Как-то точно сильнее этих чувств чувство желания достигнуть ближе идеала, и идея более могуча, чем все это внешнее, которое ее окружает, и чувство зависимости от минувшего, чувство долга перед будущим отбрасывают в сторону эти препятствия. Для меня мучительно-горько чувство бессилия, сознание, что я ничего не могу теперь сделать и, может быть, всю жизнь буду жить с этим дразнящим, тяжелым чувством: видеть, понимать и не быть в состоянии помочь!

Может быть, и хорошо, что вы переехали из гостиницы, но не будешь ли ты очень бояться (кто живет в вилле и рядом?), что едите (приблизительное меню — помни, что ты обещала мне два раза в день есть мясное). Куда писать? Видишь — ты уже тут устаешь! Крепко, много раз целую тебя [...] Что сынишка? Поцелуй его. Поклон Е. И.⁴ Да, о Янсоне я думаю, что гораздо лучше, если возможно достать ему уроки через О. А.⁵ или других подобных знакомых. Это самое возможное. Пиши, моя родная.

Твой Д.

Д. 36, лл. 32—33.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 129.

² Описка у В. И. Вернадского, письмо относится к 1889 г., так как в нем он передает поклон Елли Ивановне Лерке, с которой Н. Е. отдыхала в Сан-Ремо в 1889 г.

³ Николай Данилович Похитонов — друг семьи Вернадских с середины 70-х годов, помогал В. И. Вернадскому в 1881 г. ухаживать за больным отцом. Оказал огромное влияние на духовное развитие Вернадского. Он писал: «Я не знал лучше личности, глубже ума, добрее сердца, и не было человека более на меня имевшего влияния, исключая моего дяди да отца» (ф. 518, оп. 1, д. 212, л. 18). В 1880 г. Н. Д. Похитонов вступил в партию «Народная воля». Как и другие члены «Народной воли», он был предан С. Л. Дегаевым, проходил по «процессу 14-ти» (24—28 сентября 1884 г.) и приговорен сначала к смертной казни, а затем к пожизненной каторге. Двенадцать последних лет провел в Шлиссельбургской крепости, в 1894 г. в тюрьме заболел тяжелой формой психического расстройства и вскоре умер.

⁴ Лерке.

⁵ Личность установить не удалось.

№ 149

28 января [1889 г.]¹, Мюнхен

28/I, Мюнхен

Моя дорогая, родная, ненаглядная Тутя, мое золотое сердечко, мне так сильно недостает, что от тебя давно нет порядочной вестки. Недели 1¹/₂ я получаю только краткие записочки, и все ты то устала, то болит головка. Тутя моя, радость моя, не много ли ты возишься с сынишкой, не много ли тебе возни? Ты, верно, несколько ночей не спала последние дни в гостинице? Тутя моя, ты должна больше совладать с собой, ты должна теперь сама сдерживать себя, не забывать, что главное теперь тебе лечение и что каждый день, потраченный не на это, потом не вернется. Это очень трудно с собой справиться, очень не легко, но это надо, а в исполнении того, что надо, в умении направить свою деятельность, свою мысль именно к этому и состоит самое главное умение человека, самое чистое и высокое его качество. Я не требую от тебя, моей дорогой девочки, больших писем, но хоть краткие твои записочки чаще мне нужны...

Вчера я был в Пинакотеке и в опере. В том настроении, о котором я писал тебе в прошлом письме, на меня лучше всего действует художественный, эстетический интерес, и как бы новое спокойствие,

какое-то непонятное укрепление я нахожу в нем. Я сливаюсь тогда с чем-то более высоким и чувствую себя сильнее, и мысль получает нужную ширь для правильной, менее субъективной оценки событий. В Пинакотеке я окончил более внимательный обзор немецкой школы и просмотрел дальше, бегло и все другие отделы. Передо мной до сих пор стоят некоторые образы Дюрера, и я редко видел что-нибудь более могучее, более чудное, чем 4 фигуры апостолов. Сколько мысли в них, чувства и понимания всей силы религии — это необыкновенные изображения старой символики, где мысль и понимание пробиваются только рабски, исподтишка, это мощное, яркое изображение и всей силы, всей прелести, и всей мерзости страстных народных религиозных движений. В этих 4 лицах совместились все: ты видишь глубоко проникающую в искание правды душу одних делателей религии — они все забывают, они все совсем ушли в эту правду, ты видишь, как рядом к этому же стремится и другое лицо, которое не может понимать всей сути, для которого дорога буква, который ближе к жизни и который потому будет понятен массам. Он в конкретных словах разъясняет то, что говорил другой, то, к чему мчалась мысль и чувство другого, более глубоко понимающего человека, он не поймет его, исказит его, но именно потому его поймут массы: потому что он ухватит частичку нового и соединит с вековым народным. И Дюрер представил таким апостола Петра, который с ключами от царства правды. Но вся фигура, лицо и выражение этих искателя-мыслителя и искателя-казуиста так цельно и глубоко переданы, как только можно передать их. Рядом еп face — другая группа. Это два строгих лица, это уже не мысль, а рука — это деятели. Один гневно смотрит кругом, он готов биться за правду, он не пощадит врага, если только враг не перейдет на его сторону, для распространения и силы своей идеи он хочет и власти, он способен вести толпу, но он понимает, в чем дело, это боец-мыслитель. А рядом, рядом фанатическое, зверское лицо четвертого апостола — это мелкий деятель, это не организатор, а исполнитель, он не рассуждает, он горячо, резко, беспощадно-узко идет за эту идею. И вот в этих 4 деятелях, в этих 4 фигурах распространителей христианства мощный ум Дюрера выразил великую истину: мечтатель и чистый, глубокий философ ищет и бьется за правду, от него является посредником более осязательный, но более низменный ученик — он соединил новое со старым и вот старыми средствами вводит это новое, 3-й апостол — политик, а 4 является уже совсем низменным выразителем толпы и ее средств. Но он самый понятный и de facto самый сильный. Едва лишь может быть узнана мысль первого в оболочке 4-го, и так частично может пройти даже такое, что наиболее сильно и мощно влияло на человечество...

Вечером был я в опере — давали Моцарта «Свадьбу Фигаро» — переделку из Бомарше. Я не особенно люблю «Свадьбу Фигаро» Бомарше, мне гораздо ближе к сердцу его «Севильский цирюльник», но все-таки к этой пьесе я отношусь с каким-то странным уважением. Более 100 лет тому назад она пришлась как раз в свое время, она дала толчок брожению, и свободе, и тем великим, сильным чувствам, какие водили ² тогда людьми культурного общества. Теперь она кажется

нам совершенно политически бесцветной: намеки непонятны, новое сделалось общим местом. Но тогда она была смелым поступком и нанесла сильный удар всем прерогативам сеньории, осмеяла их, ярко представив руководящие поводы пользования властью одних людей над другими. И хотя к Бомарше я не чувствую никакого пристрастия — а его образ мне все-таки не противен, хотя это и плут, и, может, даже и больше. Здесь все исчезло, и из пьесы остался лишь фарс, но так и должно было стать — среда того общества, где вращался Моцарт. А все-таки, верно, сто лет тому назад музыка в связи с именем пьесы немало чувств возбудила, каких не возбуждает теперь. Хотя я вообще больше люблю эти старинные оперы, где много разговоров и где музыка тесно связана с игрой, но тут мне много было чего-то неприятного, потому что соль и содержание пьесы исчезли и остался фарс, в некоторых местах с чудной, сильной музыкой — какой-то диссонанс, дисгармония...

Работа моя подвигается понемногу; вчера уехал Абрахоль в Манчестер.

[...] Скорее бы нам быть вместе. Крепко поцелуй Гагу (не возись слишком с ним). Поклон Елли Ивановне³

Что ты читаешь? Прочла ли Гарибальди? Теперь очень интересное явление происходит в Италии — это развитие движения в пользу мира, против союза с Германией, интересно оно, потому что глубоко связано со всем экономическим строем страны и потому что здесь главарями явились пока социалисты (большей частью аграрные — очень характерная для Италии черта) и крайние радикалы — демократы. Не поздно ли? Экономическое расстройство в Италии все увеличивается, и комично — при деспотизме и Бурбонах в иных местах экономике жилось лучше, как у нас в иных местах при крепостном праве. Целую тебя много раз. Купи и пришли мне №№ «*Campana dei Studenti*»⁴ (выходит по четвергам).

Твой Д.

Д. 36, л. 36—38.

¹ Письмо относится к 1889 г., так как в нем В. И. передает поклон Е. И. Лерке, с которой Н. Е. Вернадская отдыхала в Сан-Ремо в 1889 г.

² Так в подлиннике.

³ Лерке.

⁴ Студенческая газета, выходившая в Италии в XIX в.

№ 150^в

29 января 1889 г., [Мюнхен]¹

29/I 89

Мой дорогой, ненаглядный, родной Тутик, посылаю письмо Сережке², Лельке³ письмо отправить не решился...

Сегодня получил твое дорогое письмо. Отправлять ли дальше письма Адьки⁵?

Мое дорогое сокровище, отчего не писала ты, что ты слаба так, что даже не гуляешь? [...] Я постараюсь, почти наверное, буду в марте. Как мне хочется знать, лучше ли тебе, моему родному детенышу. Поцелуй сынишку, поклон Елли Ивановне⁶

За письмо Реневье благодарю [...]

Твой Д.

Д. 36, л. 39.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 129.

² С. Е. Крыжановский.

³ Л. А. Оболянинов.

⁴ См. письмо № 155.

⁵ А. А. Корнилов.
Лерке.

№ 151

30 января 1889 г., Мюнхен

30/I 1889, Мюнхен

Моя дорогая, родная [...] сегодня получил твою записочку и 400 франков — самого важного в письме не нашел: как твоя слабость, лучше ли тебе, Тутя моя, мне так, так надо это знать. Напиши мне скорей, подробно [...]

Моя ласковая птичка, сейчас послала мне 400 франков, чтобы купить микроскоп [...] Моя дорогая девочка, о микроскопе я еще думаю, еще не решил окончательно, а денег возможно, что мне хватило бы. Микроскоп стоит будет около 120—130 руб., а у меня теперь 400 руб., да еще получу из университета ежемесячно, да Краснов должен 200 марок, да Кабинет около 100 руб. Так что денег достаточно, даже для переезда в Париж. Наконец, я микроскоп, верно, закажу, потому что едва ли есть такой, какой мне нравится, а это потребует 2—4 месяца ожидания. Я на днях напишу Фуссу для справки... Сюда еще один русский минералог приезжает учиться — Прендель из Одессы. Он тоже будет учиться у Грота. Вот через года 2—3 нас будет целый ряд новых русских минералогов: Прендель, Вульф, я, Юргенсон, Рамзай (финляндец, командирован от Гельсингфорсского университета), очень это хорошо, а то в этом отделе науки Россия совсем отстала, да и то — теперь 3 кафедры минералогии пустуют (Одесса, Московская Петровская академия и Лесной институт), и нет минералогов, которые могли бы законно занять их. Работа моя идет понемногу: надеюсь я к середине или началу марта кончить. Очень жаль, что у Зонке не удалось докончить: собственно несколько неловко перед ним. У Гаусгофера работаю я вместо 2 часов в неделю часов 6—8 и очень доволен.

Послал вчера тебе письмо Сережки¹ Сегодня посылаю письмо Адьки² Бедный Адька — как бы с ним не случилось вроде того, что случилось с мистером Пиквиком³ Прочел я некоторое из Бальзака.

Его «Recherche de l'absolu»⁴ — хорошо, некоторые места чудесны, но так, как Сергей⁵ или Бат.⁶, восторгаться не могут, теперь читаю «*Nouveaux contes philosophes.*»⁷ его же. Я не понимаю, отчего тебе Бальзак мало нравится, мне кажется, он во многом тебе очень должен нравиться. Если найдешь в магазине по-итальянски речь Молешотта⁸ о Дондерсе, пришли мне (Дондерс — один из самых выдающихся физиологов — голландец). Елли Ивановне «Физиологию» на днях вышлю. Собственно говоря, я не знаю, что выбрать. Из известных мне физиологий лучшая — небольшая английская⁹, а она не переведена, Фостер мне не нравится¹⁰ Прейер — тоже¹¹ Хвалят Ландуа — но это слишком большой <труд>¹² Я, верно, вышлю Германна¹³, я читал старое русское издание — неплохое. Мое родное дитяtko, пиши мне о своем здоровье. Что пишут твои (отчего их писем не пересылаешь?). Целую тебя. Гагуню. Е. И.¹⁴ поклон.

Твой Д.

Д. 36, л. 19.

¹ С. Е. Крыжановский.

² А. А. Корнилов.

³ Герой романа Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» (1837).

⁴ *Balzac Honore. La recherche de l'absolu suivie de Un épisode sous la terreur.* P.: Marescq Havard, 1851.

⁵ С. Ф. Ольденбург.

⁶ Очевидно, Федор Дмитриевич Батюшков.

⁷ *Balzac Honore. Nouveaux contes philosophiques.* P.: Gosselin, 1832.

⁸ О какой речи Молешотта пишет В. И., установить не удалось.

⁹ О какой книге идет речь, установить не удалось.

¹⁰ Возможно: *Фостер Майкл.* Учебник физиологии/Пер. с послед. англ. изд. и доп. проф. И. Тарханова. СПб.: И. И. Билибин и А. А. Генкина, 1882. Т. 1—2.

Возможно: *Прейер Вильям.* Элементы общей физиологии/Пер. И. Тарханова. Б. м., Б. г.

¹² Возможно: *Ландуа Л.* Руководство к физиологии человека, с включением гистологии и микроскопической анатомии, обработанное с точки зрения практической медицины/Пер. с только что вышедшего (2-го) нем. изд. (по соглас. с авт.) д-р В. Х. Кандинский. М.: тип. М. Н. Лаврова и К°, 1881.

¹³ Возможно: Краткий учебник физиологии Л. Германна/Под ред. И. Сеченова. СПб.: Тип Н. Тиблена и К°, 1864.

¹⁴ Лерке.

№ 152

[После 30 января 1889 г., Мюнхен]¹

Дорогая моя, родная [...] Тутя хитрая: прислала мне как-то записочку и затем написала через 1 день. Сперва отвечу на твои вопросы: «Физиологию» послал², на замечания о письме Саши³ теперь как-то писать не хочется. Письма к Реневье и Фуке получил и, верно, скоро отошлю, но письмо к Фуке несколько изменю (отчего ты мне не поправила то, что я написал?).

Работа моя идет понемножку. В последнее время сижу довольно много за вычислениями, которые, не могу сказать, чтобы шли очень

удачно, даже, собственно говоря, совсем малоудачно — постоянно я ошибаюсь, слишком рассеян, а между тем теперь это для меня самое важное — научиться вычислять... Не знаю, смогу ли. Отчего ты мне не пишешь ничего про свое здоровье: выходишь ли уже гулять или все сидишь на балконе? И отчего у тебя такая слабость сделалась? [...] Я думаю, что в марте я хоть на несколько дней (так, на неделю) приеду. Очень хорошо, что собираешь раковины. Мне как-то не пишется, от вычислений совсем голова кругом пошла, а главное, какая-то досада берет, что не могу, вот уже второй вечер, решить часть (часть решил) нужных мне треугольников⁴ и чувствую, что беда в каком-нибудь пустяке. Сегодня праздник, и я хотел для отвлечения отправиться в какой-нибудь музей, но все закрыто и только попал в National Museum, где очень много интересного (я, впрочем, там второй раз), и много очень, очень думалось, но как-то писать не могу — могу писать теперь только о треугольниках!

Моя радость, моя девочка, я так хочу, чтобы ты поправилась — ты должна стараться и делать все, все для этого — никакие такие мысли о деньгах, о чем ты пишешь в этом письме, не должны смущать тебя — ты должна отогнать их прочь.

Мой родной голубок, как понравился Доде «Tartarin»?⁵ Чем занимается там Гага, что с ним меньше возни? Рисует ли он и любит ли по-прежнему гусей рисовать? Поцелуй его от меня крепко.

Крепко целую тебя, мою дорогую. Поклон Елли Ивановне⁶ Пиши, моя радость.

Твой Д.

Д. 36, лл. 40—41.

¹ Письмо без даты написано после 30 января в Мюнхене (см. комментарий № 1 к письму 129), так как в нем он пишет о том, что «Физиологию» для Лерке он послал, а в письме от 30 января он пишет: «Елли Ивановне «Физиологию» на днях вышлю».

² См. письмо № 151 и комментарии к нему № 10—13.

³ Возможно, Александра Павловна Ольденбург.

⁴ В тексте слово обозначено значком «Δ-ков».

⁵ Daudet Alphonse. Tartarin de Tarascon. P.: Flammarion. S. a.

⁶ Лерке.

№ 153

5 февраля 1889 г., Мюнхен

5/II 1889 г., Мюнхен

Моя дорогая, родная Тутя [...] очень я рад, что ты теперь несколько лучше себя чувствуешь, и я очень хочу иметь более подробные и обстоятельные бюллетени о твоём здоровье — для меня теперь это самое важное.

Послал я тебе вчера два номера¹ «Allgem. Ztg»², где помещена статья о греческой религии, которую мне интересно, чтобы ты прочла, я не считаю эту статью очень хорошей, но все-таки некоторые ее

части, некоторые мысли интересны. Читала ли статью о юге России в «Неделе»³? Прочла ли Додя: «Tartarin»⁴, а как он тебе понравился?

Вчера я был здесь в русской читальне и начал, между прочим, читать новый рассказ Короленко: «Ночью»⁵ — из детской жизни, начало прекрасное, и это, кажется, очень хорошая вещь.

Ты спрашиваешь, кто такой Слонимский⁶, это, вероятно, сотрудник и, кажется, один из главных управителей «Вестника Европы» — человек, кажется, хороший и безусловно порядочный; он [...] был раньше присяжным поверенным, но делами, кажется, не занимается и как присяжный поверенный сохранил славу честного человека, в сделки с совестью не входящего. Писал он по юридическим и политическим вопросам и, кажется, в «Вестнике Европы» ведет политическую хронику — то, что я читал, мне особенно талантливым не казалось, но не скверно.

Лельке я писать пока не буду⁷ — издали очень трудно писать, пока еще не знаем, что он сделал то, что говорил. Я думаю, что написать ему тебе было бы хорошо, но не лучше ли сперва узнать еще (не пишут ли Шура⁸ или Маша⁹ о нем?). Его адрес обычный: Гдов, Петербургской губернии, г. члену Уездного по крестьянским делам присутствия.

Мне очень не нравится, что Иван¹⁰ взял новый урок — надо непременно передать им деньги, присланные Поповым (кстати, сколько их?); но надо устроить так, чтобы Егора Павловича¹¹ это не огорчило. Напиши, что по этому поводу сделаешь¹²

Егору Павловичу скоро напишу. Отчего ты мне не пересылаешь письма твоих?

Тутя, моя золотая девочка, как люблю я тебя и как мне хочется быть скорее с тобою, возле тебя, возле моей родной, неоценимой. Что жучок? Бывает ли он теперь сам вполне свободно? И что его зубы? Писал ли тебе Аргутинский? [...]

Мне кажется, это время я как-то яснее начинаю понимать жизнь, понимать связь, какую имеет наша жизнь с прошедшим и будущим. И я все ясней и полней оцениваю значение работы жизнью. Работа жизнью, она рисуется мне возможно полной теперь жизнью — такой, где взаимным, горячим сочувствием, любовью согревается душа, сбита противоречиями, неясностью, слабостью. Я все глубже и глубже вдумываюсь во все это, и хотя я пока не могу еще словами передать этого, но я чувствую, что скоро, скоро я пойму.

Мне хотелось написать тебе об одном значении строя, последовательно проводимого жизнью, на который мало указывают, — но до другого раза, а теперь как-то несколько устал, хотя не так поздно.

Знаешь, в газете¹³ пишут, что Толстой написал статью против праздников и против него хотят принять более решительные меры¹⁴

Крепко целую тебя, мою чистую, ненаглядную Тутю и Гагу. Елли Ивановне¹⁵ поклон.

Твой Додя

Получили ли «Физиологию»?

Д. 36, лл. 44—45.

- ¹ В тексте «номера» обозначены знаком «№№».
- Газета (1798—1928), выходившая под разными названиями сначала в Аугсбурге, а с 1882 г. — в Мюнхене; с 1807 г. — «Allgemeine Zeitung».
- См. комментарий № 4 к письму № 145.
- ⁴ См. комментарий № 5 к письму № 152.
- ⁵ *Короленко В. Г.* Ночью // Северный вестник. 1888. № 12; Собр. соч. М., 1954. Т. 2. С. 238—268.
- ⁶ Леонид-Людвиг Зиновьевич Слонимский, публицист, с конца 1882 г. — постоянный сотрудник «Вестника Европы», вел в журнале раздел «Иностранное обозрение». Статьи его посвящены в основном экономическим и общественно-политическим вопросам.
- ⁷ В письме от 21 января/2 февраля Н. Е. Вернадская писала об Оболянинове: «Лелька меня возмущает, и если ты ему не напишешь, я ему напишу. Я не могу иначе — или я дружна с ним, или нет, но все должно быть высказано ясно, я не могу не сказать ему, что меня его поступок возмущает так же, как и нас всех, и если считает себя близким человеком, он **обязан** поступить иначе и взять ребенка из воспитательного дома. Напиши скорее: напишешь ли ему и пришли его адрес» (ф. 518, оп. 3, д. 255, лл. 34—45). См. также комментарий № 5 к письму № 115.
- ⁸ А. П. Ольденбург.
- ⁹ М. С. Гревс.
- ¹⁰ И. М. Гревс.
- ¹¹ Старицкий.
- ¹² Н. Е. Вернадская в письме от 28 января/9 февраля 1889 г. писала: «Относительно денег от Попова для передачи Ивану и вообще друзьям я написала записочку для мамы одной (чтоб не огорчать папу), и она через Сашу передаст их Маше. Мне кажется, что если не для Шаховского, эти деньги должны пойти на начало устройства жизни Сережки. Я вчера ему писала об этом. Начали Сергей, Шура с меньшего, и потом мы можем пока отдавать часть наших денег на них, а потом временно взять из «приютинских» или квартирных денег. Иначе их нерешительное положение очень тяжело и бессмысленно — можно же было бы устроиться! И слова об общности средств иначе фраза, потому что живем же мы за границей, а они даже жениться не могут из-за недостатка денег! Все-таки важно иметь в своем распоряжении средства; и вся ваша компания вышла в люди, потому что были средства дать дорогое ... воспитание!» (ф. 518, оп. 3, д. 255, лл. 39—40).
- ¹³ Очевидно, В. И. Вернадский читал статью: По поводу проповеди гр. Л. Н. Толстого в Татьянин день // Новое время. 1889. № 4641. 29 янв. См.: *Битовт Ю. Ю.* Граф Л. Толстой в литературе и искусстве. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1903.
- ¹⁴ Статья Л. Н. Толстого «Праздник просвещения 12 января» впервые появилась в газете «Русские ведомости» (1889. № 11. 12 янв.). См.: ПСС. М.: Худ. лит., 1936. Т. 26. С. 446—450.
- ¹⁵ Лерке.

№ 154

7 февраля 1889 г., Мюнхен

Мюнхен, 7/II 89

Мое счастье, дорогая, моя родная, золотая Тутя. Получил я сегодня твои письма и на много надо ответить.

Я написал Фуке и жду его ответа, оказывается, Грот раньше писал Фуке и Мишель Леви (одному из лучших европейских минералогов и петрографов) обо мне и рекомендовал им меня. Он не писал Фуке,

что я буду работать у него, и говорил, чтобы я, когда буду писать, кланялся от него Фуке, чего я не сделал, боясь наделать ошибок по-французски. Я Гроту сказал, что к середине марта уеду. Работы я надеюсь закончить: ту работу, которую будем публиковать вместе с Мутманом, он торопит, чтобы вместе закончить и напечатать в одной из следующих книжек «Zeitschr. f. Kryst.»¹ Правду, искренно говоря, мне решительно все равно, появится ли она под моим именем или под именем Мутмана, и что так чувствую, доволен²

От Абрахоля получил хорошее письмо, которое скоро перешлю, когда отвечу.

О микроскопе еще не решил, потому что я думаю, может быть, куплю в Париже у Наше, его приборы мне больше нравятся, чем микроскопы Фусса, хотя несколько дороже; но я раздумываю, не купить ли лучше **совсем хороший** микроскоп, и вот почему: с микроскопом я могу работать по отделу науки, каким я специально занимаюсь, всюду, куда меня судьба не забросит, если у меня будет хорошая специальная библиотека и возможность тратить ежегодно небольшую сумму на реактивы. Я в последнее время серьезно и **осторожно** (тратил не много) собираю специальную библиотеку (кстати, отдай **непременно** в переплет Доде (как понравился мой милый Тартарен? и Прейста, это скверно, так держать книги), но, может быть, потом истрачу сразу на библиотеку 200—300 марок: это не роскошь, а возможность работать научно вне стен университета (долго ли я там высижу?). Хороший микроскоп мне нужен будет и для агрономических научных работ, если невозможно мне будет кафедра.

Относительно научных работ у меня все двойственное настроение и полное сомнение в своих научных силах и бесчисленное множество научных тем, задач, вопросов, которые лезут в голову. Одно решил окончательно — о фосфоритах Франции работать, и если это не будет диссертация, то даст возможность вполне независимо работать (можно начать! практически переработку фосфорита, тем более, что залежи должны быть, по моим расчетам, около Вернадовки, если не в ней самой, а в Рязанской губернии — еще более важные фосфориты и [...]). Хотя я сомневаюсь в своих научных силах, но вполне уверен в своей силе для устройства себе деятельности полезной и в том, что среда меня не затрет. Если это и скверно — что же делать, я сильно это чувствую.

Относительно «приютинского» письма моего не совсем понимаю: было ли оно в конверте с деньгами или отдельно? Бояться нечего, потому что сделать могут нам очень мало плохого и куда бы ни послали (только мысль о севере иногда пугает, но не за себя, а за золотое сердечко мое, мое незаслуженное счастье — мою Тютю), но за письмо это ничего сделать [...] не могут, а все то, что там написал, я могу и скажу всегда прямо. Я вполне чувствую, что я не мальчик и гнутья сильно не могу.

Относительно письма Сережки³ — оно меня не удивило, потому что ничего другого я от Маши и Ивана⁴ не ждал (я написал Ивану письмо 3-е, на которое не имею ответа и в котором немного пожурил его), я вполне убежден, что Приютино⁵ будет и что мы сделаем,

что хотим; возврат Сергея ⁶ очень хорошо подействует. Деньги от Попова ⁷ непременно надо им передать. Лельке **напиши** непременно, моя голубушка, моя родненькая умница. Они наделали с ним глупостей, и я уверен, что с ним можно прямо говорить, но писать лучше тебе, чем мне: во-1-х, ты **превосходно** пишешь, выражаешь **чувство** и, во-2-х, Лелька очень и очень мягкий человек, и тут надо повлиять на его чувство, чего я не могу. Но если хочешь, я ему припишу к твоему письму и тогда пришли его мне. Это еще, может быть, будет лучше или нет? Я теперь опять думаю, что, может быть, скверно сделал, что уничтожил первое письмо. Напиши непременно, голубка моя. Мы вовсе не так сильны, чтобы терять близких людей из-за глупых светских приличий, только тогда не распадемся, когда будем против этого **бороться**, а не когда будем ныть и разводить руками ⁸

Ты напрасно пишешь, что не умеешь писать, ты пишешь превосходно, и я думаю, что редко кто умеет так выражать в письмах чувства, как ты [...]

К вам, вероятно, приеду, и роскошью это не будет, потому что хочу проэкскурсировать в окрестностях и осмотреть итальянские университеты. Летом мне придется много вообще экскурсировать (для фосфоритов — почти по всей Франции, и если не будет очень дорого, то в Испании; главные разработки теперь: 1. Франция, 2. Испания, 3. Норвегия и Германия и Англия *, я убежден, что Россия может найти важный источник в этом вопросе).

Письмо Анны ⁹ посылаю. Ее адрес? Ты мне ничего не написала: получила ли мое письмо к Сергею ¹⁰ и что о **нем думаешь**? Бальзака брал из библиотеки, покупать не стоит, потому что Сергей купил всего — напиши Шуре ¹¹, чтобы выслала тебе, что хочешь. Читаю теперь, кроме специальности, «Пенденниса» Теккеря ¹² — [пока] нравится.

Собираете ли цветы — **непременно** собирайте, потому что это очень важно и для будущего: для деревни, детей, музея: альпийскую флору можно превосходную купить за 3—8 франков, а эту не купишь, а она характерна для целой полосы и в России, terra incognita ¹³ Между тем определять растения можно по сухим экземплярам; брать каждого 4—5 экземпляров, хранить и сушить в больших листах простой бумаги, флору Германии возможно тоже купить, но это все иное.

Целую тебя и мальчугана дорогого крепко, много раз, береги себя, моя неоценимая. Елли Ивановне ¹⁴ поклон.

Твой *Вл.*

(то место, которое не поняла в письме Сережки ¹⁵, значит: «Винберг больна — тиф»); рад я за Клейбера, если это правда (помнишь его приписку мне о трусости?)

* Несколько жаль, что не поехал в Кроммер!

Д. 36, лл. 46—49.

Статья вышла под фамилией одного В. И. Вернадского... См.: Ein Beitrag zur Kenntnis des hexagonalen Kristallsystems // Zeitschrift für Krystallographie (und Mineralogie). 1889. Bd. 15, H. 5. S. 473—486.

В письме от 29 января/10 февраля Н. Е. Вернадская писала: «Какой удивительный человек Мутман! По-моему, его поступок совсем бесчестный и скверный, и как ему не совестно перед Гротом и другими, которые видели, что ты один пишешь работу, но я рада, что тебе все равно...» (ф. 518, оп. 3, д. 255, л. 59). См. также письмо № 166.

С. Е. Крыжановский.

М. С. и И. М. Гревс.

См. комментарий № 2 к письму № 96.

С. Ф. Ольденбург.

⁷ Т. е. деньги, полученные с имения Вернадских — Вернадовки (Тамбовская губ.), где Попов был управляющим.

⁸ См. комментарий № 5 к письму № 115.

⁹ Возможно, А. С. Зарудная. В письме от 29 января/10 февраля 1889 г. Н. Е. Вернадская писала: «Адрес Ани: Рязанско-Козловской жел. дор. станция Богоявленская» (ф. 518, оп. 3, д. 255, л. 59).

¹⁰ С. Ф. Ольденбург.

¹¹ А. П. Ольденбург.

¹² *Теккерей*. История Пенденниса, его приключений и бедствий, его друзей и величайшего врага. СПб.: В. В. Лепехин, 1887 Т. 1—2.

¹³ Здесь: неизвестная область (лат.).

¹⁴ Лерке.

¹⁵ С. Е. Крыжановский.

№ 155

10 февраля 1889 г., [Мюнхен]¹

Воскресенье, 10/II 1889

Моя дорогая, родная Тутя, пишу тебе сегодня днем, вместо вчерашнего вечера.

Получил я вчера письмо от Лельки, на которое сегодня послал ответ заказным, в этом ответе я прямо высказал ему, что я думаю о его поступке с ребенком, т. е. считаю отдачу ребенка в воспитательный дом нечестным поступком — следствием трусливого и легкомысленного отношения к окружающему обществу² Я пишу ему, чтобы он приехал в Питер и устроил ребенка в какой-нибудь семье и что если он не может по каким-либо соображениям и потом взять его к себе, то мы, т. е. ты и я, после нашего возвращения берем к себе бедного дитенка. Я написал ему так резко, как никогда еще не писал писем, но у меня все еще до сих пор не прошло раздражение на него и на наших петербургских мямлей, которые неизвестно по каким причинам молчали (как видно из письма Лельки) и не сделали шагу, чтобы не допустить его совершить эту гадость. Уже не говоря о том, что они **должны** были переговорить с ним, они должны были не дать ребенка в воспитательный дом, а если не могли взять его сами, то отдать на воспитание в какую-нибудь семью. Совсем мокрыми курицами стали. Я Лельке написал, что я теперь должен краснеть за него, что ни о каких планах он не должен думать, пока не изменит своего поступка. Да, и главное: из письма его ты увидишь, что он даже **не понимает**, в чем гадок его поступок, я вполне **верю**, что он не соблазнял эту девушку и что его, как он выражается, «ловили», но ребенок же тут при чем. Я ему писал, что он с «законным» своим ребенком не посмел бы

сделать того, что сделал с «незаконным»... Какая ужасная нравственная тупость не понять, что не факт рождения ужасен, а то, что для **своих личных** выгод устранить с дороги маленькое существо — это все равно, что для своих личных выгод украсть, убить и т. п. какого-нибудь человека, если можешь совершить это безнаказанно... Я не знаю правил воспитательного дома — нельзя ли найти и взять этого ребенка помимо Лельки и устроить его? Я напишу об этом Гревсам, напиши и ты — им и Тимофеевым.

Я посылаю тебе письмо Лельки — сохрани его до времени. Постарайся прочесть его спокойно и не дать своему уму пугаться слов, которые он употребляет. Быстрый ответ его на мое письмо, старание оправдать себя, свой поступок указывают, что у Лельки на душе неспокойно, хотя удивительна его невинность, непонимание зла...

Получил я сегодня чрезвычайно любезный ответ Фуке, который мне пишет, что охотно принимает меня в лабораторию и что ждет меня к началу марта, последнее мне вовсе не нравится, потому что я хотел приехать только к концу марта. Надо писать ему благодарность; переведи присланную записку и сейчас же пришли ее **немедля** мне. Мне ужасно хочется к тебе, и только в случае невозможности не приеду.

Нет ли в записках Сергея³ ко мне у тебя адреса Батюшкова (Федора Дмитриевича) в Париже. Если есть, пришли адрес скорей.

Что маленький плутишка? Целую и его и тебя крепко.

Твой Д.

Что деньги Попова — передала ли Гревсам? Надо это сделать скорей. Только и надежды, что на Сергея, а Гревсы никуда не годятся. Целую тебя, мою родную, золотую девочку. Поклон Елли Ивановне⁴

Д. 36, лл. 50—51.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 129.

² См. комментарий № 5 к письму № 115.

³ С. Ф. Ольденбург.

⁴ Лерке.

№ 156

11 февраля 1889 г., Мюнхен

Мюнхен, 11/II 1889

Дорогой мой, родной Тутик, моя родная рыбка, получил я «*Samraipa dei Studenti*»¹, письма Адьки², Клейбера, Сиротининой etc. Адьке я всегда отправляю интересные письма (последний раз отправил ему 21/I письма Васи³ и Александра⁴, и теперь у меня готовы к отправлению ему 2 письма Шуры⁵) [...] как ты не видишь, что твои дорогие письма очень важны и что они благодаря тому, что ты умеешь так выражать в них чувство, очень дороги всем, кому пишешь. Но ты не должна писать через силу и уставать в писанье. Относительно передачи денег — я согласен с тобой (ты мне все не пишешь, какова

сумма) и думаю, что теперь это даже важно для поднятия духа некоторых членов компании. Если можем помочь устроиться Сережке⁶ — хорошо. Чем окончилось твое заявление о пропаже заказного письма — если оно задержано с умыслом, то тебе выдадут деньги, а я думаю, что там ничего нет, что стоило бы скрывать!⁷

Сегодня как-то занимается и пишется плохо: болит голова немного, погода стоит ужасная — теперь везде бури. Пришлось сделать новый сюртучок — вот все расходы, моя знаменательная Жорре⁸ начала совершенно разрушаться, да так быстро прогрессирует, что не было никакого исхода. Вообще платье и все остальное здесь гораздо хуже нашего — недаром немецкие фабрики ценятся низко. Я не согласен с Адькой [...] спроси его, что он думает про английского экономиста Cairnes'a⁹ — то, что мне известно (изложения и отдельные статьи его) заставляет меня относиться к нему с интересом, как к научному мыслителю. Прочла ли Менгера?¹⁰ Вышла здесь интересная брошюра, которую, если достану, пришлю: история движения рабочих — женщин в Германии¹¹ На днях Совет Бреславльского университета исключил одного студента за то, что он принадлежал к социал-демократической партии — решение постановлено, как сказано, единогласно. В газетах здесь все упорнее идут слухи, что проект «реформы» Толстого¹² будет принят царем: отзывы здешних газет по этому поводу удивительны по невежеству.

Крепко целую тебя [...] и цыпленка поцелуй хорошенько. Больше ли он говорит? Елли Ивановне¹² напишу, как только будет лучше писаться, может быть, завтра. Книга Адькина здесь — pošлю ему. Елли Ивановне поклон [...]

Я думаю, что относительно необходимости иметь в своем распоряжении некоторую сумму не может быть разногласий среди компании. Я считаю, что братство должно быть богато, потому что в богатстве сила и залог нашего дальнейшего развития в поколениях. Но как приобрести богатство — очень важный вопрос и трудный, но над которым, наверное, придется работать.

Марии Ивановне¹⁴ я писал, посылал вексель, не помню точно о чем и о себе, и о тебе, и о них.

Твой Д.

Д. 36, лл. 52—53.

¹ См. комментарий № 4 к письму № 149.

² А. А. Корнилов.

³ В. В. Водовозов.

⁴ Возможно, Александр Сергеевич Зарудный.

⁵ А. П. Ольденбург.

⁶ С. Е. Крыжановский.

⁷ В письме от 23 января/4 февраля 1889 г. Н. Е. Вернадская писала: «Очень неприятно, что пропало твое «приютинское» письмо и письмо от Рейтлингера, которые я послала заказным Шуре вместе с деньгами. Деньги она получила, а все письма пропали...» (ф. 518, оп. 3, д. 255, л. 32—32 об.). Позднее в приписке от 24 января/5 февраля к письму С. Ф. Ольденбурга Н. Е. Вернадская писала: «Письмо, очевидно, вскрыли, как бы тебе не было неприятностей...» (ф. 518, оп. 3, д. 1194, л. 6). См. также письмо № 154.

⁸ Куртка, тужурка (нем.).

⁹ Очевидно, ирландский экономист Джон Элиот Кэрнс. См., например, его работы: *Cairnes I. E. The Character and Logical Method of Political Economy*. L., 1857—1888. Т. 1—2; *Idem. Some Leading Principles of Political Economy Newly Expounded*. L.: Macmillan, 1874; *Idem. Essays in Political Economy: Theoretical and applied*. L.: Macmillan, 1873. В письме от 3/15 февраля 1889 г. Н. Е. Вернадская писала: «Спроси сам, если тебя интересует, Адьку про Cairnes'a. Я не хочу его читать в подлиннике и читала уже многие выдержки из его сочинения» (ф. 518, оп. 3, д. 255, л. 45 об.).

¹⁰ Очевидно, имеются в виду работы профессора права Венского университета Антона Менгера. В письме от 3/15 февраля 1889 г. Н. Е. Вернадская писала «Менгера еще пока не читала» (ф. 518, оп. 3, д. 255, л. 45 об.).

¹¹ О какой брошюре идет речь, установить не удалось.

¹² См. комментарий № 8 к письму № 111.

¹³ Лерке.

¹⁴ Старицкая.

№ 157

[13—14 февраля 1889 г. Мюнхен]¹

Моя дорогая, родная, неоценимая девочка, моя родная Тутик, получил я сегодня твои письма, а также присланные тобой письма Георгия², Марии Ивановны³, Сережки⁴, за которые благодарю.

Я думаю, что письма вынуть из депешного пакета — так, чтобы это было незаметно, нет возможности, верно, в гостинице затеряли (легко узнать по весу: 9 страниц)⁵.

Твое письмо к Лельке⁶ посылаю сегодня, оно мне понравилось, и вот уже после моего — совсем не резкое. Может, я напрасно Лельке так уж резко написал, но я написал то, что думал и думаю⁷.

Письмо Георгия очень мне понравилось; жаль, что нет времени ему написать!

Отчего Саша⁸ перестает читать Егору Павловичу⁹, не вышло ли чего?*

О посылке книг сестре Елли Ивановны¹⁰ с тобой согласен, но сколько лет ей?

Приехать — еще наверное не знаю, во всяком случае думаю, Вам в Геную на встречу ехать не следует: 1) довольно дорого; 2) сама Генуя ничего особенного не представляет; 3) с Юрой¹¹ возня и уставанье и 4) если я приеду, то, верно, часть дороги по Генуе и в С.-Ремо сделаю пешком.

Относительно Маши и Ивана¹² с тобой не согласен. Я Ивану говорил про открытые карточки — не писать **их** в течение двух месяцев (я ему писал 3-е письмо без ответа!) вахлачество, и у Сергея¹³ и у меня не меньше работы. Все происходит от неверного взгляда на вещи: неправильная переписка уже много навредила нам, а теперь, в минуты для братства трудные, каждый из нас обязан делать возможно больше — это **дело**. Ты напрасно обвиняешь Сережку: ты увидишь из письма Лельки то же самое впечатление — в письме Шуры скользит то же самое. Я никогда не говорил и не говорю, что Маша и Иван не делали пользы, я говорю только, что они не делают того, что для

нас теперь является **общим** делом и что, по моему убеждению, очень для нас важно,— они совершенно никуда не годятся как строители братства. Я боюсь, что это вредно и для них, потому что Иван совсем отходит от многих членов и потому что Маша может совершенно отстать среди той каторжной работы, какую она напрасно взяла на себя. Каждый из них в своей области приносит пользу, но нельзя забывать: или все наше прежнее является или явится словами, или мы теперь должны **работать!** над выполнением, осторожно, но упорно и **сознательно**, того, что мы считаем в жизни хорошим: для наших детей и, может быть, и для нас является первым делом правильное устройство братства, правильная организация сношений, по возможности общей умственной жизни и деятельности сообща, общего управления делами. Я решительно не вижу ничего, что бы показывало неисполнимость этого, кроме нашего **личного** неумения, и считаю первым делом для нас от этого неумения избавиться. Я глубоко убежден, что, если хватит у нас силы воли и характера, мы добьемся и правильной братской организации, и составим действительную силу, и жизнь проведем среди более сознательной, развитой атмосферы. И вот с этой точки зрения я всегда восставал против Машинной школы, потому что в **настоящую минуту** от нее нужно другое дело. Я никак не могу тебе это ясно выяснить; подумай над моим, правда, несколько туманным объяснением: жизнь конечна, и ты строишь известную цель, да такую, которая достигается строем самой жизни; чтобы эта цель была достигнута, надо, чтобы в известные, определенные периоды делалась известная работа, если в данный момент не будет делаться эта работа, а будет делаться другая — тоже полезная, то цель не достигнется. С этой точки зрения я смотрю на Машину школу как на другую полезную работу, отвлекающую работника от нужной, с точки зрения самых сокровенных наших идеалов, работы. И я рассматриваю нашу жизнь как служение нашему идеалу — считаю более полезной твою или Шурину деятельность, чем Машину, хотя если братство **не удастся** или наши дети не пойдут по этому пути, Машина будет в много раз полезней вашей. Все равно как может случиться, что деятельность профессора, не принимавшего **никакого** участия в судьбе университета, а продолжавшего свое узкое (с этой частной точки зрения) дело (например, Коновалова), окажется для университета полезнее Меншуткина. Но мы должны смотреть на вещи с другой точки зрения, пока **хотим** работать согласно нашему идеалу. Я, впрочем, Ивана пожурил (как мне кажется, довольно мягко) не за это: я просил его прислать мне книги, которые нужны мне для работы, и вот уже почти два месяца — нет их, а между тем для одной ему надо зайти в магазин на 5-й же линии, а другие лежат у него на полке! Я, зная Ивана (его вахлачество), так и рассчитывал, что он не пришлет мне их скоро, да случилось, что посланная Андреем ¹⁴ мне книга пропала, а то **он задержал бы мне всю работу**, и я написал ему, дав месяц сроку, прося прислать их и указав, что так делать не надо. Я теперь им скоро еще, может быть, напишу (послать надо твои письма). Несомненно, у Ивана времени мало, но у меня его тоже мало: неприсылка книг Иваном и Андреем посадила меня на мель с фосфоритами, и я вместо того, чтобы зарабо-

тать ясный план, сижу с обрывками! Я знаю, что, кроме неимения времени, Иван не любит (что нехорошо), когда его беспокоят.

Царь согласился с мнением меньшинства, проект Толстого принят, а Государственный совет получил род реприманда¹⁵ Событие очень важное. О сколько во мне подымается какой-то бессильной, но страстной злобы! И хочется скорей назад и верится, что все-таки можешь добиться, через хоть десятки лет, силы и власти, чтобы раздавить их, отстранить их. Мне кажется теперь, тот победит, кто неуклонно, спокойно и сознательно твердо может годами на мелочах добиваться одной и той же цели. И я чувствую себя способным к этой мелочной, упорной работе и знаю, что могу выдержать ее много лет. Ты говоришь, впрочем, что не думаешь, чтобы я был способен к политической деятельности, но здесь как раз у меня есть вера, и в этой деятельности у меня есть страстное желание и есть общие, мною прочувствованные задачи. Но все это решит будущее. А теперь еще труднее будет жизнь на родине.

Ты мне не пишешь, сколько денег прислал Попов?

Вот для деревни: прием больных и лечение — вещь почти неисполнимая для тебя и для меня. Так — как Аня, так и Лелька — целые дни лечили, но для нас с тобой это очень трудно, а между тем это дело нужное. Иногда у меня теперь скользит мысль: не устраиваться ли в Вернадовке, но зачем она не на юге? Еще посмотрим.

Целую тебя, мою родную, золотую девочку много раз. Шалуна поцелуй — это хорошо, что он бойкий мальчуган. Треплет ли он тебя за волосы? «Самрапа»¹⁶ присылай и дальше. Ты мне прислала № 4 и 6, а 5 не получил. Советую просматривать тебе: очень интересные заметки о связи этих итальянских движений молодежи с венгерскими и испанскими [...]

Д. 36, лл. 72—75.

Письмо относится к 13—14 февраля, так как письма из Мюнхена до Сан-Ремо обычно шли 3—4 дня, по содержанию — это ответ на письмо Н. Е. Вернадской от 29 января/10 февраля, а в письме от 15/27 февраля Н. Е. Вернадская писала: «...получила твое письмо от непомеченного числа...» (ф. 518, оп. 3, д. 255, л. 48).

² Г. Е. Старицкий.

³ Старицкая.

⁴ С. Е. Крыжановский.

⁵ В письме от 29 января/10 февраля Н. Е. Вернадская писала: «Приютинское письмо было внутри пакета с деньгами, но я не уверена, не пропало ли оно здесь, так как не я сама отправляла (на почте долго приходилось стоять), а через гостиницу, хотя они и уверяют, что могут выставить свидетелей в доказательство того, что письмо было вложено в конверт! Но на почте говорят, что из денежного пакета, перевязанного тесемкой и запечатанного сургучом, невозможно вынуть что бы то ни было, не разорвав конверта. Не знаю. Слонимская думает, что вынули в России!» (ф. 518, оп. 3, д. 255, лл. 59—59 об.). См. также комментарий № 7 к письму № 156.

⁶ Л. А. Оболянинов.

⁷ См. комментарий № 7 к письму № 153.

⁸ А. С. Зарудный.

⁹ Старицкий.

¹⁰ В письме от 29 января/10 февраля 1889 г. Н. Е. Вернадская писала:

«Пошли пожалуйста... книгу или две дешевого издания немецких классиков. Это младшей сестре Елли. Ивановны. В ней происходит теперь усиленная работа, а кругом полное одиночество и даже книг нет никаких... Книги же нам будут стоить очень недорого. Ведь да? Ты сочувствуешь моему желанию? Мне кажется, никогда, никогда не нужно идти мимо таких явлений, когда пробуждается потребность к умственной деятельности и нет никаких средств поддерживать эту потребность. Выбери, что сам знаешь. Я думаю, Шиллера а, может, что-нибудь Гейне» (ф. 518, оп. 3, д. 255, лл. 58—59).

¹¹ Г. В. Вернадский.

¹² М. С. и И. М. Гревс. В письме от 29 января/10 февраля Н. Е. Вернадская писала: «К Маше и Ивану ты несправедлив, и я очень огорчена, что ты пожурил Ивана. Нужно же принять в соображение его характер и то, что он завален буквально работой. Твое же непонимание его положения и требование писем его, наверное, очень огорчило. Ему так дорого было, что ты не накидывался на него, как другие. Сережка же вполне неправ. Машина школа дала гораздо более общественное, чем моя и Шурина любовь к обществу. Ты недостаточно вникаешь в то, как Маша трудится и каким хорошим трудом, в который она кладет всю душу свою. Я думаю, многим даже со стороны то, что она продолжала вести свое дело, несмотря на семейные обязанности, она дала возвышенное понятие о семье, а энергию и силу душевную она за эти годы показала удивительную. Я даже не ожидала, что она сможет не бросить ее, и стала ставить ее еще выше за этот поступок! Всякий выказывает «общественность» по-своему, а Иван и Маша своею деятельностью учебною, своим отношением к людям... сделали, я думаю, больше, чем многие другие...» (ф. 518, оп. 3, д. 255, лл. 59 об.—60).

¹³ С. Ф. Ольденбург.

¹⁴ А. Н. Краснов.

¹⁵ См. комментарий № 8 к письму № 111 и письмо № 122.

¹⁶ См. комментарий № 4 к письму № 149.

№ 158

15 февраля 1889 г., Мюнхен

15/II 89, Мюнхен

Дорогой мой, родной Тутик, получил сегодня твое письмо со вложением Лизиного ¹ письма и ответу сперва на него. За присылку письма Фуке благодарю и письмо уже отправил. Тутик придумал и написал хорошо. Твое письмо к Лельке ² отправил тотчас же. Относительно Гревс Тутик [...] никак не хочет понять: ведь я не говорю, что Иван и Маша не работают, напротив, я только говорю, что за специальным делом и семейной жизнью они не находят времени посвящать его на строение братства. Хорошо ли это или дурно — другой вопрос, как я уже тебе писал об этом раньше. Ты никак не можешь смотреть беспристрастно на вопрос, раз он касается Гревсов. Я их люблю и вовсе не говорю, что они бездельничают — письмо Лизы ничего не доказывает, кроме того, что они хорошо живут со своими родственниками и работают. Но этого мало. Ивана я вовсе не забрасываю поручениями, а дал ему одно, которое он не исполнил. Я думаю, что Иван много делает, чего не нужно, а многого, чего нужно, не делает. И весь вопрос состоит не в том, чтобы кричать [...] что они делают то-то и то-то и что нельзя требовать больше, а в том, чтобы *sine ira* ³ рассчитать, действительно ли нет времени на переписку, раз это действительно нужно теперь, нельзя ли оставить что-нибудь другое для этого.

Мне кажется, в таком отношении все еще остатки несистематичности в применении к жизни того, что считаешь нужным. Этой болезнью мы страдаем все, но от нее надо избавиться. Я не хочу ни сводить Машу⁴ с мнением других, ни принижать значение ее деятельности, я только смотрю на эту деятельность с точки зрения нашего общего идеала и наших сил: конечно, если бы братство было очень велико, крепко, вполне организовано, никакого значения не имеет, когда одна семья уходит в какую-нибудь общепользную деятельность и не делает ничего ни для поддержания сношений, ни для единения находящихся в данном месте братчиков. Совсем другое — в нашем положении: здесь общественное дело, которое исключает эту братскую деятельность, может явиться нежелательным. Так, я считаю совершенно непродуманной и для братства вредной Машину школьную деятельность.

Относительно того, что ты говоришь о Лельке, не совсем с тобой согласен, я обвиняю издалика (т. е. говорю, что петербуржцы были в этом деле мямли), но я вполне убежден, что я бы переговорил с Лелькой в СПб., да прямо бы не позволил ему сделать этого — если я не знал, писать ли ему, то потому, что принципиально (может быть, неверно) не люблю писать в таких делах со слов чужих, и потому я сперва спросил его. То, что ты не переговорила с Лелькой, будучи в СПб., моего мнения не меняет [...]

Как нарочно, теперь мне не особенно работается, и хотя я заставляю себя, но, как всегда в таких случаях, дело не идет быстро. Сегодня сидел за вычислениями и оканчиваю эту работу с Мутманом — результаты при вычислениях оказываются еще удивительнее, чем думал.

Закись, окись и перекись — различные стадии окисления элементов, некоторые элементы могут соединиться с различным количеством кислорода и в таком случае давать соединения, обладающие совершенно различными свойствами. Когда соединение дает только два продукта окисления, то то, в котором кислорода больше, называется окисью, то, где меньше, называется закисью. Например, железо дает окись — Fe_2O_3 , т. е. на два атома железа три атома кислорода (т. е. на 1 атом Fe $1\frac{1}{2}$ атома O), и закись — FeO (т. е. одна на одну). **Перекисью** называется соединение с еще большим количеством кислорода, и в таком случае у тебя имеется 3 стадии окисления, например марганец, подобно железу, дает:

			O
закись — MnO	—	т. е. на 1 атом Mn	— 1
окись — Mn_2O_3	—		— $1\frac{1}{2}$
и перекись — MnO_2	—		— 2

Для очень многих тел эти различные степени окисления обладают характером кислот, т. е. способны с основаниями (не кислотными окислами) давать соединения — **соли**. В таком случае соли закиси и соли окиси являются совершенно различными и не имеющими ничего или очень мало между собой общего: например, **фосфат** и **фосфит** являются солями различных окислов фосфора. Фосфор соединяется с кислородом в различных пропорциях; наивысшая степень окисления его будет на два атома P — пять атомов кислорода, это соединение P_2O_5 , так назы-

ваемый фосфорный ангидрид. Соли фосфорного ангидрида, называемые фосфатами (или фосфорнокислыми солями, солями фосфорной кислоты), — например, очень обычная известковая соль фосфатной кислоты CaHPO_4 и т. п. (различные известковые соли фосфорной кислоты в костях — фосфориты и т. п.). **Фосфит** — название вполне не употребительное, вероятно, это соли фосфористого ангидрида, т. е. низшей степени окисления фосфора — P_2O_3 , например кальциевая соль CaPO_2 . **Альбумином** различные авторы называют разные соединения — состав альбуминов точно не известен, но это тела **белковые**. Об альбаминуиде никогда не слыхивал, и, верно, это тело похожее на альбумин. Зачем тебе это [...] Или встретилось Е. И.⁵ в «Физиологии» — не слишком ли это курс трудный? Я думаю вообще, что прежде чем изучать физиологию, непременно надо старательно изучить начала анатомии, химии и физики. Анатомию она знает, а химию и физику надо... Пришли непременно мне следующие №№ «Сатрапа»⁶, мне очень интересен отзыв по поводу постыдной истории с профессором Лабриола в Риме (я читал одну его речь — очень хороша). Крепко целую тебя, мою птичку дорогую. Гагу хорошенько поцелуй. Как твоё здоровье? Отчего о нем не пишешь?

Твой Д.

Д. 36, лл. 54—56.

¹ Е. М. Гревс.

² Л. А. Оболянинов.

³ Без гнева (лат.).

⁴ М. С. Гревс.

⁵ Лерке.

⁶ См. комментарий № 4 к письму № 149.

№ 159

[Около 18 февраля 1889 г., Мюнхен]¹

Моя дорогая [...] Тутя — моя родная девочка.

Сперва отвечу на твой вопрос: Винкель сам прислал²; Адье³ послал старое письмо Александра — забыл, что ты говорила, да и оно должно идти дальше (Шаховскому). Очень рад, что читаешь итальянские газеты (я здесь их довольно часто просматриваю), но отчего ты выбрала «Secolo»⁴ — римская «Tribuna»⁵ лучше. Если найдешь №№ «Messaggero»⁶ и «Il 89»⁷ (газета, издающаяся в Генуе и очень интересная), купи несколько №№ и сохрани с описаниями этого времени. Относительно покупки имения — хорошо; выплачивать эту сумму мы можем, нельзя ли обойтись без долга родителям? не можем ли мы достать? потому что начинать в долг — самое что ни на есть худшее *

Получил очень хорошее письмо Туньки⁸, который просит карточку Юрки⁹, записку Юринаца, которую посылаю. Сегодня уехал Дриш,

* «Приютинский» капитал должен на это пойти — это будет 600 руб., следовательно, надо еще около 1000 руб. Я еще не знаю — думаю.

который пробыл здесь день вчера, вместе со своим молодым товарищем они отправляются работать на зоологическую станцию в Триест, а оттуда проедут в Черногорию, где хотят изучать фауну оз. Скутари. Он все прежний, несколько похудел. Этим летом, может быть, придет в Париж, куда я его сильно подбиваю. Жалко очень, что умер Пассек, хороший наш знакомый и бывший консулом в Дубровнике, и теперь я никого не знаю там, а достать ему рекомендации в Цетинью было бы очень хорошо, тем более что там русские рекомендации важнее других.

Вчера вечером был я вместе с Дришем в театре — на «Лоэнгрине»¹⁰, очень мне понравилось, и я в первый раз так ясно уловил основной мотив, основную мысль оперы и то, что в ней действительно есть идея — идея потерянного, недостижимого, [отмеченного] блаженства.

Вчера пробыл все время с Дришем, упустил свои вычисления — результаты получаются. Комично, Грот, с которым я в субботу долго их пересматривал, говорит, чтобы я их ему показывал, и когда говорю, что буду *zusammenstellen*¹¹ с Мутманом, он говорит — зачем с Мутманом, пускай я ему, Гроту показываю; кто их разберет тут!

[...] очень и очень боюсь я, что мне теперь не придется приехать к тебе, к моей дорогой девочке. Ну да, что же делать, увидимся в апреле. Моя радость дорогая, ты мне не пишешь про свое здоровье. Гагу поцелуй крепко. Это хорошо, что он шалун. Елли Ивановне¹² мой поклон.

Твой Д.

Д. 36, лл. 57—58.

Письмо написано, очевидно, 18 февраля, так как это ответ на письмо Наталии Егоровны от 3/15 февраля, а письма из Сан-Ремо в Мюнхен шли 3—4 дня.

² В письме от 3/15 февраля Н. Е. Вернадская спрашивала: «Отчего ты не написал, каким образом Винкель прислал счет — ты его просил или он сам собой это сделал» (ф. 518, оп. 3, д. 255, л. 45).

³ А. А. Корнилов. В письме от 3/15 февраля Н. Е. Вернадская спрашивала: «Какое письмо Александра (А. С. Зарудный.— *Ред.*) ты послал Адье, если о «Приютине» — я же тебе говорила, что давала им его читать проездом, а если другое, то отчего ты не присылал его мне...» (ф. 518, оп. 3, д. 255, л. 45).

⁴ Очевидно, «Il Secolo XIX» — итальянская газета, выходившая в Генуе с 1888 г.

⁵ «Tribuna» — газета, выходившая в Риме.

⁶ «Il Messaggero» — ежедневная газета, выходящая в Риме с 1878 г.

⁷ «Il 89» — газета, издававшаяся в Генуе.

⁸ Возможно, Никодим Исаевич Аматауни.

⁹ Г. В. Вернадский.

¹⁰ Опера Рихарда Вагнера.

¹¹ Здесь: вместе работать (нем.).

¹² Лерке.

19 февраля 1889 г., Мюнхен

Мюнхен, 19/II 89

[...] моя дорогая девочка, получил я сегодня твое хорошее, бодрое письмо и очень ему рад — отчего ты мне только не пишешь ничего про свое здоровье? Во-первых, о письмах твоих — я их никуда не пересылаю, во-вторых, относительно Гревсов — ты меня не поняла, но писать об этом — уже и так слишком много писал. Я говорю не об «историческом» моменте, когда бывает нужна та или иная деятельность, а об определенном «деле» — об определенной работе, которую надо сделать в определенное время, если хочешь, чтобы твое, определенное дело было достигнуто. Никакой фанатичности тут нет. Например, если я хочу быть профессором минералогии, я должен раньше подготовиться и сдать магистерский экзамен, если я его не сдам, я не могу быть профессором, а если я хочу быть возможно скоро профессором, я не могу откладывать экзамен на 20—30 лет; или еще лучше — какой-нибудь человек решил приобрести состояние, жениться и т. п. и еще хочет часть своей жизни «отдохнуть» — несомненно, он должен всеми силами спешить приобретать состояние, и с этой его точки зрения в известное, определенное время деятельность его должна направляться желанием обогатиться. Совершенно такой же «частный» пример и наше строение братства, которое именно должно делаться теперь, если мы не хотим распылиться в отвлеченностях или если мы хотим еще иметь время вновь поставить его на ноги. Я не согласен с твоим взглядом на жизнь — именно потому, что она так широка, так сильна и так непонятна, а именно потому **должен** входить в нее с ясно намеченной резко определенной малой задачей деятельности, если, конечно, я почему бы то ни было **хочу** чего-нибудь добиться. Иначе я пропаду в вечных бросаниях из одного угла в другой и вместо какого бы то ни было дела буду вертеться как белка в колесе. Сегодня примусь за одно дело — а подвернется завтра, когда я кончил сегодняшнее, другое, которое мне покажется интересным или важным, — примусь за него. Так — жить нельзя. Если я имею ясную для данного момента программу нашей деятельности, программу по самой сути своей на несколько лет — не значит являться фанатиком, если неуклонно и по возможности стараться проводить ее; от лиц, которые хотят того же, чего хочу и я, я в такое время могу и должен требовать **посильной** работы, и если я вижу, что другая работа мешает им делать эту, я считаю эту другую работу нежелательной (такова Машина школа). Относительно Ивана¹ я думаю, что во многом с тобой согласен, я думаю, что недостаточно принял во внимание его здоровье и его уроки, хотя думаю, что ты совсем неверно рассуждаешь о научной работе. Я думаю, что научная работа более интересна, чем другая, но представление об ней у тебя совсем ложное. И я выясню это на себе. Иван может только урывками заниматься той работой, которая его особенно интересует, я могу ею заниматься только урывками тоже. Уроки утомляют его, меня, по моему здоровью, работа утомляет мало, но это исключение, и не знаю, долго ли

оно продолжится. Я видел многих работающих в лаборатории, и далеко не все могут **еще** работать вечером; здесь даже если день прошел в работе в лаборатории или кабинете, вечером занимаются очень мало — так и Мутман, и Вебер (кажется, Зонке), да и все почти — они устают. Неверно твое мнение и об интересе научной работы; интересно известное обобщение, может быть интересна иная обработка результатов, очень интересно читать ту или иную работу научную, но в самой сути научных работ громадная масса работы чисто механической, которую делаешь по чувству долга, по предвидению цели — работы скучной, утомительной, **тяжелой**. Эта работа является превосходной школой терпения, требует нервной выдержки. Если ты наблюдаешь лиц, работающих научно, или делаешь наблюдения над самим собой, ты замечаешь, как часто они находятся в раздраженном состоянии вследствие хода и сути работы или как часто они не могут заставить себя работать, потому что вся их воля ушла в мелкой, напряженной работе и им надо опять собраться с силами...

Меня интересуют те или иные вопросы, но я не могу ими заняться, потому что моя деятельность должна направиться на другое. Меня интересуют многие книги — читать их нет времени, хотя мне бы было несравненно приятнее читать их, чем делать ту работу, которую я делаю. Мои вычисления, в большинстве случаев громадные, меня не интересуют — как, я знаю, не интересуют и всех других, я делаю это как неприятную механическую работу, а на это уходят часы; я сидел, положим, для вещества, которое теперь обрабатываю, часов 200 в темной комнате, и все мое занятие состояло в том, что я измерял углы, причем ни самые углы, ни самые результаты меня почти не интересовали, потому что они значения особого иметь не могут, взятые отдельно, да, и может, и вообще. Ту работу, которая меня интересовала, я вести так, как хотел, не мог и еще долго не [с]могу.

Мне пришлось так потратить все это время, потому что я думаю, что это будет нужно для моей будущей деятельности, хотя я сознаю, что <в этом много> условного и необходимого только благодаря определенности понятия о требуемых знаниях — понятия, с моими взглядами далеко не всегда согласн <ого>. Мне пришлось сидеть часы и пересматривать минералы, стараясь запомнить их так, чтобы сказать, что этот апатит, положим, из Шлаккенвальда, а этот с оз. Байкал, но знания — чисто условные и никакого «интереса» не представляют, по крайней мере пока.

Интерес научной деятельности состоит в исследовании или в ясном понимании цели, но научная деятельность не легкая, и большая часть времени посвящена механической, совсем не интересной работе; следовательно, совершенно неверно, что я могу посвятить мою деятельность, весь день, как **хочу** и **интересно**. Совершенно неверно — то, что я хочу, я делаю урывками, а того, что меня интересует, добиваюсь массой времени, потраченного неинтересно и утомительно. Также и педагогическая деятельность, которая имеет и свои тяжелые, и свои хорошие, интересные стороны, как я знаю по тому же Ивану.

Отчего ты читаешь все «Secolo»²? Газета эта по направлению порядочная, но она все-таки носит характер бульварности, она играет

роль сплетницы во многих случаях и т. п. Уже «Трибуна»³ лучше, но если ты хочешь более ясно понять теперь происходящее, ты не должна читать одну какую-нибудь газету, а непременно разные, и с этой точки зрения Италия является наиболее подходящей. Я очень рад, что ты, наконец, увидела, что много сходства в итальянской умственной жизни с нашей, я думаю, что в ином итальянцы ушли значительно вперед от нашего общества — и их философско-научное движение отразится у нас только через несколько лет. Если не дорого, купи **Sergi**. «Le generazioni umana. Mil.», 1889⁴ Из итальянских газет лучшие — «Diritto»⁵, «Трибуна» (к сожалению, прекрасных неаполитанских здесь не найдешь), очень интересно «Messaggero» (социал-радикальная)⁶, которая пользуется большим влиянием. Я советую тебе покупать возможно различные — ты об одном и том же встретишь совсем разные мнения. Интересны и католические газеты (в S. Remo распространена «Lombardiu»⁷ и т. п.).

Я думаю, что Елли Ивановна⁸ изучает физиологию, не изучив сперва **основ** химии, тратит напрасно и довольно вредно время. Я ей постараюсь достать более или менее популярный учебник химии, хотя изучать это по книгам нельзя. Понимать никогда не будешь. Напиши, **что** она читала или учила по химии и **физике**?

Крепко целую тебя, мою родную, и Юрика хорошенько поцелуй. Любит ли он рисовать галок и строить дом?

Р. S. Непременно возьми в спирте листьев эвкалипта. От Сергея⁹ получил письмо (сведения мне для Парижа, а почту не переслал) — пишет: Шура и Сережа¹⁰ с дороги не оправились. Адька¹¹ <произвел> ужасно <хорошее> на него впечатление и т. п.

Д. 36, лл. 59—62.

¹ И. М. Гревс.

² См. комментарий № 4 к письму № 159.

³ См. комментарий № 5 к письму № 159.

⁴ *Sergi Giuseppe. Le degenerazioni umana. Milano: Dumolard, 1889.*

⁵ «Il Diritto» — газета демократического направления, выходившая в Риме с 1871 по 1895 г.

⁶ См. комментарий № 6 к письму № 159.

⁷ О какой газете идет речь, установить не удалось.

⁸ Лерке.

⁹ С. Ф. Ольденбург.

¹⁰ А. П. и С. С. Ольденбург.

¹¹ А. А. Корнилов.

№ 161

21 февраля 1889 г., [Мюнхен]

21/II 89

Дорогой мой, родной Натусик, моя родная девочка, пишу сегодня очень немного, так как, не знаю почему, устал и большого письма писать не стану.

Я боюсь, что не могу приехать к тебе, если я выеду из Мюнхена 3-го марта вечером, то попаду к тебе 5-го, а 10—11-го должен буду уехать и,

следовательно, около 15-го буду в Париже. Если же поеду через Страсбург, то буду в Париже 6—7, считая и остановку в Страсбурге, где осмотрю тогда минералы, коллекцию. Дóроже поездка через С.-Ремо будет стоить на кусок от Марселя до Парижа. Но еще не знаю.

До 3-го же едва ли я кончу свои работы. Мне бы не хотелось публиковать свои наблюдения над веществом, над которым я все это время работал, потому что я их нахожу совершенно недостаточными и у меня масса вопросов, которые совсем мной не разрешены и остаются мне непонятными. Я думаю, впрочем, может быть, продолжить работу. Грот настоятельно хочет публиковать, потому что находит результаты достаточно интересными и важными, так что говорит, что неважно, если я не кончу другие работы.

Послал вчера «Русские ведомости», присланные Адькой² — № 2, где помещена статья о научном движении в России в 1888 г.³ (порядочная), пошли, подчеркув статью, Абрахолю — Manchester, Cecil street, 135 (J. Z. Hoskyns — Abrahall)⁴

Я ничего не имею против посылки писем Abrahall и Fouquè, но мне бы хотелось их сохранить, особенно Abrahall'я.

Мне так страшно хочется к тебе, моя родная, неоценимая девочка, и так мне тяжело, что, может быть, не придется к тебе приехать [...] Поцелуй крепко мальчугана нашего. Пиши мне **больше и подробно** о твоём здоровье. Не очень ли ты утомляешься перепиской и чтением? Моя родная, ненаглядная голубушка, целую тебя несчетное число раз. Как бы хотелось быть с тобой.

Елли Ивановне⁵ поклон [...]

Твой Вл.

Д. 36, лл. 63.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 129.

² А. А. Корнилов.

³ См.: 1888 год. Наука // Русские ведомости. 1889. № 2. 2 янв. С. 3.

⁴ Два абзаца написаны на полях л. 63.

⁵ Лерке.

№ 162

23 февраля 1889 г., [Мюнхен]¹

23/II 89 г

Моя дорогая, родная, неоценимая девочка, моя Тутя, мое сокровище, получил я сегодня твое письмо [...] отчего только ты так мало пишешь мне про свое здоровье, а я так, так сильно хочу знать, как ты себя, моя дорогая, драгоценная, себя чувствуешь. **Подробно**. Я все-таки не отчаялся приехать к тебе, мне так хочется увидеть тебя [...]

Юра², по-видимому, производит всеобщий восторг своей мордочкой, и Сергей³ пишет, что, судя по карточке, он восхитительный ребенок. За что ты обидела бедного Туньку и не послала ему карточку, я так люблю Ама⁴. — пошли ему непременно. Правду сказать, я не понимаю,

отчего ты к нему так относишься, посылаю тебе его письмо нашиши о впечатлении.

Я теперь работаю над составлением результатов, и, правду сказав, мне бы хотелось побольше еще поработать, т. е. теперь не публиковать. Но, может быть, в этом сказывается и плохое: потому что благодаря этому я до сих пор ничего не кончил. Между делом я кое-что читал и обдумывал о фосфоритах, и мне стыдно за свою общую часть в моей статье, хотя в русской литературе она самая полная. Вопрос может быть разработан чрезвычайно интересно. Целую тебя много, много раз [...]
Поклон Елли Ивановне⁵

Д. 36, л. 64.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 129.

² Г. В. Вернадский.

³ С. Ф. Ольденбург.

⁴ Очевидно, Никодим Исаевич Аматауни.

⁵ Лерке.

№ 163

24 февраля 1889 г., [Мюнхен]¹

24/II 89

Моя [...] Тутька, пишу тебе несколько слов по вопросу о деньгах. Во-первых, Гревсам я пошлю сейчас 75 руб., а 200 руб. не могу **сейчас** послать, так как не знаю, сколько будет стоить устройство в лаборатории в Париже, и, как увидишь из дальнейшего, может, можно устроить иначе. У меня, впрочем, денежные дела теперь хороши: есть 275 руб. русскими деньгами, твои 400 франков и 160 с лишком марок — да получил я жалованье всего до 1-го января 1889 года. Следовательно, **должны** мы постараться (ради бога, не делай **экономии** на жизнь!) выплатить хоть часть из наших денег. 2) У меня есть долги (т. е. мне должны), которые, может быть, возможно, выплатят в Питере, — а именно Краснов около 200 марок и университет франков 70—80, да еще 30 марок из университета мне пришлют сюда. 3) Ты совсем не поняла письма Марии Ивановны² — краткосрочный долг вовсе не должен быть выплачен: ведь долга 1500 руб., и ты напрасно думаешь, что он стоит так дорого — он стоит нам **в год** меньше 100 руб. А выплачены из этих 400 с лишком рублей — всего % по **имению** и % по краткосрочному долгу, именно то, на что ты хотела, чтобы было вынута 400—500 руб. из твоих денег. Следовательно, если возможно вынуть эту сумму, то, может быть, было бы хорошо, и тогда и можно передать а если нет, то мы из Парижа — если нужно — я из Парижа в марте — вышлем еще друзьям.

План приезда твоих в Сан-Ремо в сентябре мне очень нравится, и я думаю, что, может быть, моему сокровищу [...] было бы хорошо и вторую зиму провести в тепле. Я все еще думаю, что, может быть, заеду к тебе, когда двинусь в Париж [...]

О письме П. Мих.³ писал, что оно мне понравилось. Письмо Туньке⁴

послал. Юринацу ответил открытой карточкой. Абрахолю отвечал (по-французски!) на его вопрос о прогрессе — просил разъяснений, а с прозаичностью ученых и влиянием на это науки, я думаю, он неправ, потому что делает логическую ошибку: он забывает — сколько «непрозаиков» среди не людей науки, и его мысль будет верна, когда там таких людей, любящих Идею, будет больше, что весьма сомнительно. Количество людей прозы среди людей науки, по-моему, зависит: 1) от того, что занятие наукой является часто теперь выгодным материально и 2) потому что количество научных работников очень велико. Его работа (я думаю, что тема дана Гротом) — очень интересна, и, по моему мнению, может дать интересные результаты.

Ты еще спрашивала о Бальзаке. Я далеко не такой поклонник его, как Сергей⁵, но мне кажется, он дает гораздо больше, чем один тонкий анализ человеческого сердца, анализ чувства любви. Он дает еще замечательно четкий анализ **всех** поводов человеческой деятельности — среди его героев особенно сильно и полно видна индивидуальность как в мелочах, так и в крупном. Я думаю, что он захватывает и целую жизнь массовую. Возьмем, например, его превосходное описание фламандского характера в связи с обстановкой в «Recherche de l'absolu»⁶; прелестно с этой точки зрения описание церкви в Contriphilos.

Некоторые вещи кажутся нам старомодно-сентиментальными, но, по-моему, это не является недостатком — оно необходимый аксессуар (как через 30 лет будут старомодны Доде, Толстой и т. п.), и среди этой обстановки особенно сильно выделяется глубоко проходящая в его произведениях мысль. Старомоднее комедии Мольера (мне представляются старомодными некоторые комедии Островского), но именно потому, что они цельны. Как целен и Бальзак — человек, по внешности, своей эпохи. Читала ли ты Рабле? Или ничего не читала? Его произведения скрыты совсем в средневековой оболочке — или оболочке Возрождения, но это придает им особую прелесть.

Я на днях вышлю Елли Ивановне⁷ учебники физики и химии и думаю, что до тех пор пока она [не] пройдет эти основы, вредно изучать физиологию. Я все более и более убеждаюсь в необходимости дисциплинированности ума, и наука важна не по количеству тех или иных знаний, которыми человек обладает, а потому, что она дисциплинирует ум, приучает к строгому научному мышлению. Очень жаль, что приходится ей учиться исключительно по книгам.

Книгу ее сестре, а равно и Сергею пошлю на днях.

Поцелуй крепко нашего шалунишку — сынишку. Целую тебя крепко-крепко, мою золотую, дорогую Тутю. Мое дорогое счастье, сокровище, мою чистую.

Твой Д.

Д. 36, лл. 65, 67

¹ См. комментарий № 1к письму № 129.

² Старицкая.

³ Очевидно, Петр Михайлович Аргутинский.

⁴ Возможно, Никодим Исаевич Аматауни.

⁵ С. Ф. Ольденбург.

⁶ *Balzac Honore. La recherche de l'absolu suivie de Un épusode sous la terreur* P.: Mareseq Havard, 1851. См. также Оноре Бальзак. Собр. соч.: В 24 т. М.: Правда, 1960. Т. 20. С. 5—190.
Лерке.

№ 164

26 февраля 1889 г., Мюнхен

Мюнхен, 26/II 1889 г.

Дорогой мой, родной Тутик, моя золотая, ненаглядная девочка, сегодня получил твое письмо со вложением писем Васи¹, Сергея², Адьки³, мамы, Винб.⁴ (очень я рад, что ты в переписке с ними — какой это живой, хороший центр в Питере, не правда ли?). Васино письмо, по-видимому, заварило кашу в СПб., и я думаю, что он несколько неправ, неправы несколько Агафонов и Винберг. Васе я на днях буду писать.

Мне хочется тебе написать по поводу Сережиного письма: надо уметь «читать» письма, т. е. понимать письмо, зная образ выражений человека, нам, среди близких людей, — не надо пугаться слов. И я думаю, что ты не совсем верно поняла Сережину мысль, и думаю, что в очень многом я буду с ним согласен. Добиться чего-нибудь можно только дружной, сознанный, целесообразной работой, а потому раз поставлена известная цель и много людей **вместе** должны стремиться к ней, должна быть выработана программа и по этой программе надо по мере сил действовать, здесь возможны случаи подчинения воли одного человека, раз это необходимо для общего дела, и не только пассивное подчинение, но и активное участие (например, таково мое участие в Тверском [Приютине]⁵). Другой вопрос — о пределах такой регламентации, Сергей его не затрагивает, и я думаю, что вопрос о братстве⁶ сложнее, чем вопрос о политической **партии**, что имеет в виду Сергей, и, насколько я понимаю явление, неудача всех попыток братств и т. п. происходила от того, что не умели выбрать нужную **степень** регламентации, или заходили слишком далеко в регламентированиях, или совсем не доходили. Для меня Приютини, в частности, и братство вообще имеют большое значение именно потому, что им дается возможность породить хорошую идейную атмосферу в нескольких семьях на поколения. Мне кажется, это будет возрождением родовой организации в нашем обществе, которая через 2—3 поколения перейдет, вероятно, в кровную родовую общину — наша сила, как сила рода, именно будет состоять в том, вся внутренняя жизнь не имеет других регламентировок, кроме тех, какие имеет семья (я думаю, что регламентация рода не была чувствительна отдельным ее членам, потому что они с детства к ней привыкали, подобно регламентации в семьях у нас), и что по отношению к внешним мы явимся цельным. Но для каждого частного случая, для известной, поставленной братством цели, нужна та организация, о которой говорит Сергей, но это касается только частью нас, а еще более — нас вместе с целым рядом других лиц. Мне кажется, **ты** забываешь одно — конечно, опасно стремление к узкой, насильственной регламентации, и оно даст только часть правды (т. е. постушков,

действительно согласных с твоим идеалом и им не противоречащих, правда в практически нравственном смысле и есть это), но совершенно также опасно и именно потому же и другого рода деятельность, т. е. отсутствие всякой регламентации, более или менее боязливая и случайная организация жизненных условий. Как одно грозит несозданием того, что мы создать, по-видимому, можем, так грозит этим и другое. И далеки от правды эти оба течения. Сверх того, я думаю, что в общем эта вся регламентация братства сведется к очень немногому, исключая известных, прямо необходимых не только для нас, но и для всех русских деятелей, других организаций.

Ты пишешь дальше, что боишься, что не всегда будешь согласна с Сергеем — весьма возможно, но поступки не только твои будут обуславливаться мнением Сергея, но и Сергенины — мнением твоим. Вопрос идет не об известном подчинении мнений одного человека мнениям другого, а о выработке более или менее общих их мнений отдельных людей. Если жизнь вместе наложит иной раз на тебя известные условия, то она наложит их и на других людей — и взамен всегда даст много такого, чего никак без этого ты иметь не могла. Я думаю, что у тебя здесь много остатков недавно пережитого, где было много узкого в суждениях и поступках Сергея, Гревсов и т. п. и где ты не сумела или не захотела достаточно сдержать их (весьма возможно, и сама тогда поступала также «узко»). Будет ли так идти дальше, гораздо больше зависит от нас самих.

Относительно вопроса о Вернадовке — вопрос для меня не так ясен, по крайней мере не в такой форме, как для Адьки и Сергея. Но многое для меня кажется верным в их мнении, потому что во многом их мнение — мое мнение.

Мы несколько раз говорили с тобой относительно того, что нехорошего в управлении Вернадовкой, и я удивляюсь и огорчен, отчего ты опять ставишь вопрос не так, как надо, ты пишешь: какая разница между Вернадовкой и капиталом — и то и другое с народа. Совершенно это верно, но весь вопрос состоит **совершенно не в этом**. Адька написал совсем верно: иметь имение как «доходную статью» мы не имеем права, а я скажу, что иметь капитал как «доходную статью» мы не имеем права. Я сделаю маленькую оговорку: резервный фонд я считаю нужным. Но резервный фонд не может быть в имении, поставленном так, как поставлена Вернадовка. Плохая сторона состоит не в том только, что мы берем деньги с крестьян, а в том, что мы управляем ею **так**, как на словах мы считаем бесчестным. Следовательно, это является лицемерием с точки зрения нашего политического идеала и ложью. Я тебе приведу аналогию: если бы существовал политический деятель, который бы вместе с Гладстоном воевал против Coercion Act⁷ в Ирландии и в то же время практически применял бы этот Coercion Act ежедневно? Мы — настолько уже мы определились и не изменились — считаем, что абсентеизм является наиболее вредной вещью в нашей местной жизни, и в то же время мы являемся абсентеистами; мы объясняем теперь это временными условиями, но если нет шансов, что это не будут не временные условия, то мы держать большое имение не имеем права. Мы или по крайней мере я глубоко убежден во вреде для России той бесшабашной системы хозяйства, которая у нас определяется краткосрочной съемкой, и я это

делаю; если мы не поселимся в имении, то все это будет продолжаться все время. Но жить с таким камнем на шее решительно нельзя — это можно год, два, но больше — нет. Разве ты не понимаешь, что это противоречие мешает мне и говорить и действовать!!!! И тут не могут быть приняты ни мнения мамы, ни мнения Егора Павловича * Мама не могла понять, что есть плохого в том случае, когда имение было в аренде у купца за большую сумму и который драл с живого и мертвого для выплаты, но я и ты — мы понимаем это; совсем то же и теперь. И я совершенно согласен, что раз и в будущем ничего не предвидится, чтобы можно изменить условия, Вернадовка или по крайности большая ее часть должна быть продана. Если не поселиться там, то нам надо будет поселиться где-нибудь на юге — в Крыму или где-нибудь в Малороссии, а потому надо будет купить там именице, очень небольшой хутор.

Еще недавно в разговоре с Abrahall'ем я еще раз почувствовал всю ложность моего положения и что, кроме того, как что это «временное», я мог ему ответить!

Видишь, разница **есть** между капиталом и Вернадовкой, или я неясно выразил? Не забудь, что local selfgovernment⁸ — самый **коренной** параграф нашего политического credo и логическое следствие идеи братства. **Очень прошу тебя написать мне, согласна ли со мной.**

Гагу поцелуй хорошенько в его дорогую мордашку. Я так уверен, что ты сможешь сделать из него хорошего человека, и если уж не сможешь ты, так никто не сможет.

Работа моя подвигается вперед с чрезвычайной медлительностью, и, как нарочно, теперь довольно плохо работается, но я все-таки надеюсь ее на днях кончить и тогда уехать. Так мне хочется приехать к тебе — к моей дорогой Натусе — если возможно будет, приеду дней на 4, на 5.

Послал Елли Ивановне⁹ химию Центерле¹⁰, я ее не знаю, но его учебники минералогии из популярных — лучшие; начальных химий в немецкой литературе много, но все мне совсем не известны, а химия Рихтера¹¹ по-немецки значительно дороже русского издания, так что выгоднее выписать из России. Книга Центерле вышла в 1886 г., когда Елли Ивановна будет учить, пусть заметит, что фтор получен в прошлом году французом Муассоном, это газ. Крепко целую тебя, мою неоценимую радость. Мой поклон Елли Ивановне.

Не понимаю, причем сумма 200 рублей — ты мне, очевидно, не все написала¹².

* Мне странно, что и Гревсы, и ты, вообще большинство компании в ненужных мелочах настаивали и сгорали там, где это было для дела не нужно, а в случаях **важных** настаивать не хотят.

¹ В. В. Водовозов.

² С. Ф. Ольденбург.

³ А. А. Корнилов.

⁴ В. К. Винберг.

⁵ См. комментарий № 6 к письму № 137 и комментарий № 2 к письму № 96.

⁶ См. комментарий № 1 к письму № 26.

⁷ Закон о приостановке конституционных гарантий.

⁸ Местное самоуправление (англ.).

Лерке.

- ¹⁰ Zengerle J. N. Physiologie der Verdauung, Blutbildung, Anbildung und Rückbildung, sowie Entwicklung der thierischen Wärme in menschlichen Organismus: Vom organisch-chemischen Standpunkte aus betrachtet und nach dem gegenwärtigen Stande der Wissenschaft bearb. Freiburg im Breisgau: Herder, 1857
Рухтер В. Ю. Учебник неорганической химии по новейшим воззрениям. СПб.: Тип. «Обществ. польза», 1883.

- ¹² Фраза написана на полях л. 71 об.

№ 165

1 марта 1889 г., [Мюнхен]¹

Пятница, 1 марта 1889 г.

Моя дорогая, родная, неоценимая Тутик, это письмо придет немного позже. Все время сидел вчера за писанием статьи и надеюсь к воскресенью быть совсем готовым и во вторник, может быть, выеду из Мюнхена или в среду [...]

Я надеюсь все-таки приехать к тебе, к моей ненаглядной, родной девочке — после этой работы у меня еще остаются неконченными вычисления и рисунки трех мелких работ, которые я сделал здесь, и их я, вместо того чтобы писать в Мюнхене, буду писать в Сан-Ремо, так как в Париж хочу поехать совершенно свободным. Я хочу в Париже взять определенную работу у Фуке, так чтобы работать над известным вопросом, из которого можно выработать магистерскую диссертацию, но все это еще мечты.

[...] Я боюсь из твоего письма к Агафонову (очень хорошего, которое я послал ему), что ты не бережешь себя. Тутя, моя радость, ты должна больше беречь себя, мое сокровище, родная неоценимая [...]

Крепко целую тебя, мою дорогую, и мальчугана нашего карапузика, береги себя [...] дорогая Тутя. Поклон Елли Ивановне²

Твой Влад.

Адрес [...] Сережкин³ (на его имя — Кабинетская, 13? [...]) или на имя Саши^{4? 5}

Д. 36, лл. 76—77

¹ См. комментарий № 1 к письму № 129.

² Лерке.

³ С. Е. Крыжановский.

⁴ Возможно, А. С. Зарудный.

⁵ Приписка сделана слева на полях л. 76.

[4 марта 1889 г., Мюнхен]¹

Моя золотая, родная Тутик — получил я сегодня твой ответ на мое письмо по поводу Вернадовки etc. и на него хочу ответить тебе.

Мое родное, дорогое дитяtko, я вовсе не хотел и не хочу таких результатов моих слов, которые, боюсь, будут у тебя проявляться частью в самых невозможных экономиях, а частью в волновании и т. п. — что тебе яд² И все это еще более убеждает меня в необходимости заехать в С.-Ремо [...] Пока что я употребляю все усилия, чтобы приехать в С.-Ремо. Работу кончил (оттого пишу мало) Прочитал и оставил Гроту, который захотел сам исправить мой отчаянный немецкий слог и конструкции. С выводами он согласился. Вероятно, напечатаю под одним моим именем: Грот потребовал от Мутмана, чтобы он предоставил свои результаты (которых у того почти нет), а Мутман вчера говорил мне, чтобы только упомянуть о нем etc.³ Вообще история все-таки неприятная. Я оставил свою работу Гроту с полной *carte blanche*⁴ решать, как он хочет, о Мутмане.

Верно, послезавтра выезжаю из Мюнхена и еще не знаю, еду ли к Тутке — верно, приеду [...] и тогда обо всем подробно переговорим.

Целую тебя [...] и сынишку целую. Елли Ивановне⁵ поклон.

Твой Д.

Может быть, скоро увидимся!

Д. 36, л. 78.

Очевидно, письмо было написано 4 марта, так как это ответ на письмо Н. Е. Вернадской от 1 марта, а письма из Сан-Ремо в Мюнхен шли 3—4 дня.

² В письме от 1 марта 1889 г. Н. Е. Вернадская писала: «Я согласна с тобой в отношении имени... нужно скорее решить: можем мы хотеть жить и действовать в Вернадовке, иначе продать ее скорее... Должны еще решить меньше тратить на свою личную жизнь, не принимая во внимание в такой мере, как до сих пор, условия здоровья и пр. Передать средства наши или в общее распоряжение кружка, или на деятельность в деревню, чтоб возратить в местную жизнь то, что должны. Иначе так жить невозможно. Невозможен этот внутренний разлад, нестерпим, получаешь отвращение к себе...» (ф. 518, оп. 3, д. 255, лл. 54—54 об.).

³ См. комментарий № 1 к письму № 154.

⁴ Предоставить полную свободу действий (фр.).

⁵ Лерке.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абих** (Abich) Герман Вильгельм (1806—1886), геолог, исследователь Кавказа, ординарный акад. (1853), почетный акад. (1866) Петербург. АН, проф. Дерптского ун-та (1842—44), причислен к корпусу горных инженеров на Кавказе (1847—86), в 1877 г. переселился в Вену, где начал обработку своих трудов 206, 211
- Абрамов** Яков Васильевич (1858—1906), публицист 246
- Абрахоль-Госкинс** (Abraham-Hoskyns) Джон Лейх (1865—1891), английский химик, стипендиат, занимающийся исследовательской работой в Owens College в Манчестере, с ним В. И. Вернадский работал в Мюнхене в лаборатории П. Грота 175, 198, 201, 203, 204, 216, 218, 219, 222, 228, 231, 238, 247, 253, 259, 274, 276, 279
- Авель**, в Библии второй сын Адама и Евы, по преданию, был убит старшим братом Каином 25
- Авессалом**, в Библии любимый сын царя Давида 25
- Аврелий** Марк (Marcus Aurelius) (121—180), римский император (с 161), автор книги «Наедине с собой» 71, 147, 148, 154, 216
- Агафонов** Валериан Константинович (1863—1955), почвовед, геолог, минералог и писатель, проф. Таврического ун-та (Симферополь) и Сорбонны (Париж) с 1921 г., друг В. И. Вернадского со студенческих лет 117, 118, 148, 183, 209, 211, 213, 221, 222, 229, 232, 239, 241, 244, 248, 277, 280
- Адам**, в иудаистской и христианской мифологии первочеловек и отец рода человеческого 25, 26
- Аксинья**, кухарка в доме Вернадских 104
- Александр I** (1777—1825), российский император с 12 марта 1801 г. 31, 53
- Александр II** (1818—1881), российский император с 19 февраля 1855 г. 18
- Алексеев** Кир Алексеевич, корнет лейб-гвардии уланского полка, муж Ольги Ивановны Вернадской, после отставки (1879) служил членом Новомосковского уездного по крестьянским делам присутствия, почетным мировым судьей 186, 198
- Алексей** Михайлович (1629—1676), русский царь с 1645 г. 53
- Амадей-Фердинанд-Мария**, Амадей Савойский (Amadeo de Savoia) (1845—1890), герцог Аостский, сын итальянского короля Виктора Эммануила II, после Испанской революции кортесами избран королем Испании (1870—73), во время Гражданской войны не сумел удержать власть, отрекся от престола и вернулся в Италию 30, 34
- Аматуни** Никодим Исаевич, студент юрид. фак., казначей Студенческого научно-литературного о-ва Петербург. ун-та (с 1887) 198, 203, 269, 270, 274—276
- Ампер** (Ampere) Андре Мари (1775—1836), французский физик, математик и химик, чл. Парижской АН (1814), Петербург. АН (1830), сотрудник (с 1805), проф. (1809—24) Политехнической школы в Париже, проф. Коллеж де Франс (с 1824) 108
- Андрей**, священник с. Новоселки Рославльского у. 90, 93, 111
- Аничков** Евгений Васильевич (1866—ок. 1937), историк литературы и критик, приват-доцент Киевского ун-та (1895—1900), организатор и

- секретарь Русской высшей школы общественных наук в Париже (с 1901), приват-доцент Петербург. ун-та (1902—03). В 1907 г. был привлечен к суду по политическому делу и просидел в тюрьме 13 месяцев; в период первой русской революции был деятельным членом Всерос. крестьянского союза, за участие в котором был приговорен к году одиночного заключения, после Октябрьской революции белоэмигрант 218
- Аничков Иван Васильевич, брат Евгения Васильевича, студент, секретарь Студенческого научно-литературного о-ва Петербург. ун-та (1887), исключен из университета за участие в студенческих выступлениях, происходивших 9—10 декабря 1887 г. 218
- Аничковы, братья Е. В. и И. В. 217
- Антипа (Antipa Gr.), румынский зоолог 136
- Аносов, помещик Моршанского у. Тамбовской губ. 51
- Аргутинский-Долгоруков Петр Михайлович (1850—?), врач и писатель, служил военным врачом (1879—84), экстраординарный (с 1893) и ординарный (с 1897) проф. Казанского ун-та; лечил детей В. И. Вернадского 179, 195, 223, 224, 257, 275, 276
- Армашевский Петр Яковлевич (1851—1918), минералог и геолог, хранитель Минералогического кабинета (с 1873), доцент (с 1883) и проф. (с 1885) Киевского ун-та, преподаватель в Фундуклеевской женской гимназии (с 1887) 181, 187, 189, 231
- Арсеньев Константин Константинович (1837—1919), юрист, либеральный публицист, литературовед и общественный деятель, почетный акад. Петербург. АН (с 1900), один из основателей партии демократических реформ, вел в «Вестнике Европы» внутреннее обозрение (с 1880) 80
- Арцруни (Arzruni) Андреас (Андрей Еремеевич) (1847—1898), немецкий минералог, чл.-кор. Петербург. АН (с 1895), проф. Бреславльского (Вроцлавского) ун-та (с 1884) и Высшей технической школы в Ахене (с 1884) 118
- Ауэрбах (Auerbach) Бертольд (1812—1882), немецкий писатель 70
- Бальзак (Balzac) Оноре де (1799—1850), французский писатель 254, 255, 260, 276, 277
- Батюшков Федор Дмитриевич (1857—1920), филолог, историк литературы, критик, приват-доцент Петербург. ун-та (1885—98), проф. Психоневрологического ин-та в Петербурге, редактор журнала «Мир божий» (1902—06) 167, 168, 175, 178, 255, 262
- Башкирцевы, знакомые Вернадских, жившие в Ницце 205
- Бекер, знакомая Вернадских 194
- Белозеров, выпускник юрид. фак. Петербург. ун-та (1883), секретарь Совета Петербург. ун-та (с 1888) 219
- Бернулли (Bernoulli), династия швейцарских ученых (с XVII в.), родоначальник которой Якоб (ум. 1583) был выходцем из Голландии 75, 146
- Берцелиус (Berzelius) Йёнс Якоб (1779—1848), шведский химик и минералог, почетный чл. Петербург. АН (с 1820) 126
- Бетховен (Beethoven) Людвиг ван (1770—1827), немецкий композитор, пианист и дирижер 216
- Бирюков Павел Иванович (1860—1931), писатель и общественный деятель, друг и первый биограф Л. Н. Толстого, пропагандист «толстовства» 41, 43
- Бисмарк (Bismark) Отто Эдуард Леопольд фон Шёнхаузен (1815—1898), германский государственный деятель 146, 147
- Битовт Юрий Юлианович, литератор и библиограф 258
- Блюм (Blum) Роберт (1807—1848), немецкий политический деятель, публицист, вождь Саксонской революции (1848), избирался вице-президентом предварительного парламента Саксонии и во франкфуртский парламент, казнен австрийскими властями после поражения венской революции 198
- Богушевский 130
- Бойль (Boyle) Роберт (1627—1691), английский химик, физик и философ, чл. Лондонского королевского о-ва (с 1663) 59

- Бомарше (Beaumarchais) Пьер Огюстен Карон де (1732—1799), французский драматург 252, 253
- Борелли (Borelli) Альфредо, итальянский зоолог 129
- Брамсен (Bramsen) Альфред, датский врач-педиатр (XIX в.) 218
- Брем (Brehm) Альфред Эдмунд (1829—1884), немецкий зоолог, автор широко известного труда «Жизнь животных», переведенного на большинство европейских языков 88, 89
- Брёггер (Brøgger) Вальдемар Кристофер (1851—1940), норвежский петрограф, проф. Ун-та в Осло (1890—1917), почетный чл. АН СССР (1930; чл.-кор.—1898) 150
- Бржезина (Březina), сотрудник Минералогического кабинета Венского ун-та 119
- Бруно (Bruno) Джордано Филиппо (1548—1600), итальянский философ и поэт, представитель пантеизма, был обвинен в ереси и сожжен инквизицией в Риме 31
- Бруньятелли (Brugnatelli) Луиджи (1860—1928), итальянский минералог, проф. Ун-та в Павии, работал с В. И. Вернадским в лаборатории П. Грога в Мюнхене (1888) 117, 124, 133
- Буланже (Boulanger) Жорж-Эрнест-Жан-Мари (1837—1891), французский генерал и политический деятель, глава буланжизма 161, 162
- Бунге Александр Александрович (1851—?), врач и путешественник, выпускник медицинского ф-та Дерптского ун-та (1870—78), начальник экспедиции Петербург. АН (1885—87) на архипелаг Новосибирских о-вов, где в честь него названа «Земля Бунге» 129
- Бурбоны (итал. Borboni), королевская династия в королевстве обеих Сицилий (или Неаполитанском) в 1735—1805, 1814—1860 гг. 253
- Быков Петр Васильевич (1843—1930), писатель и библиограф, редактор журналов «Дело» (1880), «Русское богатство» (1881—1900), «Современник» (1911—1915) и др. 27
- Бэкон (Bacon) Роджер (ок. 1220—ок. 1292), английский философ и естествоиспытатель, преподавал в Оксфордском ун-те (до 1277), обличал феодальные нравы, идеологию и политику, за что по приказу церковных властей в 1277 г. заточен в монастырскую тюрьму 59
- Вагнер (Wagner) Вильгельм Рихард (1813—1883), немецкий композитор, дирижер и театральный деятель 126, 148, 270
- Введенский Николай Евгеньевич (1852—1922), физиолог, чл.-кор. Петербург. АН (1908), приват-доцент (с 1884), экстраординарный (с 1889) и ординарный (с 1895) проф. Петербург. ун-та 133—136
- Вебер, исследователь, который работал с В. И. Вернадским у П. Грога в 1889 г. 272
- Вегеле (Wegele) Франц Ксаверий (1823—1897), немецкий историк, проф. Вюрцбургского ун-та и чл. Исторической комиссии при АН в Мюнхене 243, 244
- Вегнер (Wagner) Вильгельм (1843—1880), немецкий писатель 30, 34
- Венгеров Семен Афанасьевич (1855—1920), критик и историк литературы, приват-доцент Петербург. ун-та (с 1897), проф. Петербург. высших женских курсов и Психоневрологического ин-та, автор «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых» 181
- Верещагин Ираклий Петрович (1846—1888), учитель математики в гимназии, где учился В. И. Вернадский 233
- Верна, литовский шляхтич, воевал на стороне казаков во времена войн Хмельницкого против Польши. Родоначальник фамилии Вернадских 17, 18
- Вернадская (девичья фамилия Константинович) Анна Петровна (1837—1898), мать В. И. Вернадского 19, 55
- Вернадская (по мужу Короленко) Екатерина Ивановна (1864—1910), сестра В. И. Вернадского 33, 55, 135, 174
- Вернадская (девичья фамилия Шигаева) Мария Николаевна (1831—1860), первая русская женщина-эко-

- номист, первая жена И. В. Вернадского 19, 20, 25, 27
- Вернадская (по мужу Алексеева) Ольга Ивановна (1861—1920), сестра В. И. Вернадского 33, 55, 57, 117, 135, 212
- Вернадский Георгий Владимирович (1887—1973), сын В. И. Вернадского, историк, проф. Йельского ун-та в Нью-Хейвене 122, 123, 144, 154, 163, 169, 170—173, 181, 182, 186, 187, 189, 191, 192, 194—196, 204, 206, 208—220, 222—225, 228, 230, 231, 234—238, 244, 245, 248, 253, 255—258, 264, 267, 269, 270, 273—275, 279
- Вернадский Иван Васильевич (1821—1884), отец В. И. Вернадского, экономист, проф. политэкономики и статистики Киевского (1846—50) Моск. ун-тов (1850—56), Главного педагогического ин-та и Александровского лицея в Петербурге (1861—68), чиновник особых поручений при министре внутренних дел (с 1856), управляющий конторой Государственного банка в Харькове (1869—76), одновременно председатель О-ва взаимного кредита (с 1870) и помощник председателя Харьковского статистического комитета, основатель и редактор-издатель журналов «Экономический указатель» (1857—61) и «Экономист» (1858—60), председатель Петербург. комитета грамотности и председатель Политико-экономического комитета Вольного экономического о-ва, чл. Географического о-ва. Моск. о-ва сельского хозяйства, Комиссии для описания губерний Киевского учебного округа 19, 20
- Вернадский Иван Никифорович (? — после 1786), прадед В. И. Вернадского, священник, окончил Киевскую духовную акад. 20
- Вернадский Николай Иванович (1851—1874), сводный брат В. И. Вернадского, сын И. В. Вернадского от первого брака 19, 20, 33
- Вильгельм (Wilhelm) I Гогенцоллерн (1797—1888), король Пруссии (с 1861) и германский император (с 1871) 123, 147
- Вильгельм (Wilhelm) II Фридрих-Виктор-Альберт (1859—1941), германский император и прусский король. (1888—1918) 123
- Винберг Владимир Карлович (1836 ?), окончил курс Лесного и Межевого ин-тов, земский деятель, избирался гласным Ялтинского у. чл. ялтинской земской управы и гласным таврического губернского собрания, мировым судьей Ялтинского у., председателем губернской земской управы (1872—81), чл. Петербург. комитета грамотности (с 1887) 182, 187, 190, 192, 193, 203, 277, 279
- Винберг 260
- Винкель, немецкий врач, проф., лечивший Н. Е. Вернадскую в Мюнхене 182, 244, 246, 247, 269, 270
- Вирхов (Virchow) Рудольф Людвиг Карл (1821—1902), немецкий медик, анатом, основатель целлюлярной патологии, чл.-кор. Петербург. АН (с 1881) 146
- Водозов Василий Васильевич (1864—1940), народник, публицист, в 1880-е годы примкнул к революционному движению, был сослан на пять лет в Архангельскую губ. (1887). После Октябрьской революции эмигрировал 91, 92, 94, 95, 98, 99, 102, 103, 105, 106, 110, 112—114, 122, 123, 159, 200, 201, 209, 210, 214, 215, 217—220, 222, 223, 225, 235, 236, 239—241, 243, 244, 247, 248, 262, 263, 277, 279
- Вольтер (Voltaire) (наст. имя Мари Франсуа Аруэ, Arouet) (1694—1778), французский писатель, философ-просветитель, историк, чл. Французской АН (1746), почетный чл. Петербург. АН (1746) 31, 132
- Зольтер, немецкий зоолог, с которым В. И. Вернадский путешествовал по Германии в 1888 г. 116
- Воропонов Ф. Ф., журналист, автор многих статей о крестьянских переселениях, помещенных в «Вестнике Европы» в 80—90-е годы XIX в. 46
- Вульф Георгий (Юрий) Викторович (1863—1925), кристаллограф, чл.-кор. АН СССР (1921), работал в Варшавском ун-те (с 1885), проф. Казанского (1907—08) и Моск. (1909—11) ун-тов и Народного ун-та им. А. Л. Шанявского (1911—17) 212, 254

- Вульфорт (девичья фамилия Малецкая) Лидия Карловна, крестная мать В. И. Вернадского 117, 118, 200, 237, 238
- Вундт (Wundt) Вильгельм Макс (1832—1920), немецкий психолог, философ-идеалист, почетный чл. Петербург. АН (1902) 127, 247, 248
- Вырубов Григорий Николаевич (1843—1913), минералог, химик, философ-позитивист, издатель сочинений А. И. Герцена 119
- Вышнеградский Иван Алексеевич (1831—1895), ученый и государственный деятель, почетный чл. Петербург. АН (1888), проф. (с 1862) и директор (с 1875) Петербург. технологического ин-та, проф. Михайловской акад. (с 1865), министр финансов (1888—92) 125, 126, 204, 219
- Гайдебуров Павел Александрович (1841—1893), публицист, издатель-сотрудник (с 1869) и издатель-редактор (с 1875) «Недели» 246
- Галилей (Galilei) Галилео (1564—1642), итальянский физик, механик и астроном, один из основателей естествознания, поэт, филолог и критик 72
- Галич (Говоров, Никифоров) Александр Иванович (1783—1848), психолог и философ-идеалист, преподаватель русского и латинского языков в Царскосельском лицее (был в числе учителей А. С. Пушкина) и философии (с 1813) в Педагогическом ин-те (с 1819 г. Петербург. ун-т) По обвинению в безбожии и революционных взглядах попечителем Петербург. учебного округа Руничем был отстранен от педагогической деятельности; начальник архива при провиантском департаменте (с 1837) 33
- Ганн, см. Хан
- Ганткен, венгерский геолог, с которым В. И. Вернадский познакомился в Англии в 1888 г. 177
- Гарибальди (Garibaldi) Джузеппе (1807—1882), народный герой Италии, генерал, один из вождей национально-освободительного движения за объединение Италии 30, 34, 253
- Гарольд, знакомая В. И. Вернадского в Мюнхене 112
- Гаусгофер (Haushofer) Карл (1839—1895), немецкий проф. Политехнического ин-та в Мюнхене (с 1868), лекции которого в 1888 г. слушал В. И. Вернадский 214, 243, 254
- Геер (Heer) Освальд (1809—1883), швейцарский естествоиспытатель, профессор Ун-та (с 1835) и директор Ботанического сада (с 1855) в Цюрихе 146
- Гейзе, Хейзе (Heyse) Пауль (1830—1914), немецкий поэт 70
- Гейм, Хейм (Heim) Альберт (1849—1937), швейцарский геолог, проф. Ун-та в Цюрихе (с 1875) 150
- Гейне (Heine) Генрих (1797—1856), немецкий поэт, публицист, критик 267
- Геккель (Haeckel) Эрнст (1834—1919), немецкий биолог, приват-доцент (с 1861) и проф. (1862—1909) Йенского ун-та 125
- Гексли, Хаксли Томас Генри (1825—1895), английский естествоиспытатель, ближайший соратник Ч. Дарвина и популяризатор его учения; проф. Королевской горной школы (1854—95), секретарь (1871—80) и президент (1883—85) Лондонского королевского о-ва 81, 125
- Гельмгольц (Helmholtz) Герман Людвиг Фердинанд (1821—1894), немецкий физик, математик, физиолог и психолог, проф. ун-тов в Кёнигсберге (с 1848), Бонне (с 1855), Гейдельберге (с 1858), Берлине (с 1871), директор Физико-технического ин-та в Берлине (с 1888) 141
- Герд Александр Яковлевич (1841—1888), педагог, преподаватель 1-й военной гимназии в Петербурге (1865—71), директор исправительной колонии для малолетних преступников (около Петербурга) и женской гимназии (с 1877) 88, 89
- Герланд (Gerland) Георг Карнелиус Карл (1833—1919), немецкий этнограф и географ, проф. Страсбургского ун-та (1875—1909), директор Главной германской станции по исследованию землетрясений (осн. в 1899 г.) и одновременно директор Центрального бюро Международ-

- ной сейсмологической ассоциации 113
- Герман (Hermann), хозяйка мюнхенской квартиры, в которой жил В. И. Вернадский 189, 198, 205, 208, 210, 244
- Германн (Hermann) Лудимар (1838—1914), немецкий физиолог, проф. Цюрихского (с 1868) и Кёнигсбергского (с 1884) ун-тов 255
- Герцен Александр Иванович (псевд. Искандер) (1812—1870), революционер, писатель, философ и публицист 31
- Гладстон (Gladstone) Уильям Юарт (1809—1893), английский государственный деятель, министр торговли (1843—45), министр колоний (1845—47), министр финансов (1852—55), премьер-министр (1868—74, 1880—85, 1892—94) 278
- Глазер (Glaser) Эдуард (1855—1908), австрийский путешественник-ориенталист 227
- Глинка Сергей Федорович (1855—1933), геолог и минералог, приват-доцент Петербург. ун-та (с 1885), проф. и зав. Минералогическим кабинетом Моск. ун-та (с 1911) 212, 244
- Говелак, Овелак (Hovelacque) Александр-Абель (1843—1896), французский антрополог и лингвист, директор Школы антропологии 179
- Гончаров Иван Александрович (1812—1891), писатель 30, 34
- Горбунов-Посадов (наст. фам.— Горбунов) Иван Иванович (1864—1940), педагог, публицист, издатель, с 1885 г. сотрудник, руководитель (1897—1925) основанного Л. Н. Толстым издательства «Посредник» 43
- Гославские, родственники первой жены И. В. Вернадского 16
- Госселе, французский проф. геологии из Лилля, с которым В. И. Вернадский познакомился в Лондоне в 1888 г. 182, 188
- Грановский Тимофей Николаевич (1813—1855), историк и общественный деятель, проф. Моск. ун-та (1839—55) 81
- Гревс Елизавета Михайловна, сестра И. М. Гревса 209, 210, 267, 269
- Гревс Иван Михайлович (1860—1941), историк, один из создателей петербургской (ленинградской) школы медиевистики, проф. Высших женских курсов (1892—1918) и Петербург. (Ленингр.) ун-та (1899—1941), друг В. И. Вернадского со студенческих лет 47, 48, 67, 70, 71, 76, 86—88, 94, 95, 113, 114, 120, 127, 171, 174, 176, 181, 196, 197, 200, 203, 212, 213, 217, 218, 221, 222, 237—241, 247, 257—259, 261, 264—267, 271—273
- Гревс (девичья фамилия Зарудная) Мария Сергеевна (1860—1941), окончила Бестужевские высшие женские курсы, занималась под руководством А. Н. Веселовского, педагог, общественный деятель, двоюродная сестра Н. Е. Вернадской 13, 14, 63, 64, 67, 76, 77, 80, 83, 86—89, 94, 95, 98, 100, 103—105, 112, 113, 117, 118, 171—176, 190, 191, 193, 196, 197, 212, 217, 218, 257—259, 261, 264, 265, 267—269
- Гревсы, семья И. М. и М. С. Гревс 13, 40, 64, 85—88, 103—105, 113, 114, 171, 172, 174, 175, 209, 214, 219, 225, 226, 229, 232, 236, 247, 262, 267, 271, 275, 278, 279
- Грот (Groth) Пауль (1843—1927), немецкий минералог и кристаллограф, проф. и консерватор научных коллекций в Мюнхене, под его руководством после окончания ун-та В. И. Вернадский совершенствовался в знании кристаллографии и минералогии 113, 115—120, 124, 125, 141, 180, 189, 195, 199, 201, 202, 212, 217, 227, 231, 238, 241, 243, 254, 258, 259, 261, 270, 274, 276, 281
- Грюнлинг, знакомый В. И. Вернадского в Мюнхене 189
- Гульельмини (Guglielmini) Джузеппе, Доминик (1655—1710), итальянский врач, математик, кристаллограф 59, 60
- Гуляев Семен, крестьянин с. Липовка (Моршанский у.) 52
- Гус (Hus) Ян (1371—1415), чешский национальный герой, проповедник, мыслитель, идеолог чешской Реформации 31
- Густавсон Гавриил Гаврилович (1842—1908), химик-органик, чл. кор. Петербург. АН (1894), проф.

- Петровской земледельческой и лесной акад. в Москве (с 1875), Высших женских курсов в Петербурге (1892—1900) 179, 180, 189, 198
- Гуцков (Gutzkow) Карл (1811—1878), немецкий писатель 218
- Давид (кон. XI в. — ок. 950 до н. э.), царь израильско-иудейского государства; в еврейском фольклоре Давид изображен смельчаком, победившим великана Голиафа 25
- Дан (Dahn) Феликс (1834—1912), немецкий историк, юрист и поэт, проф. права в Ун-тах в Вюрцбурге, Кёнигсберге и Бреславле 229
- Данайды, в греческой мифологии дочери египетского царя Даная, которые в наказание за убийство своих мужей должны были в подземном царстве наполнять водой бездонную бочку 32, 34
- Данте Алигьери (Dante Alighieri) (1265—1321), итальянский поэт 243
- Дарвин (Darwin) Чарлз Роберт (1809—1882), английский естествоиспытатель, основоположник эволюционного учения о происхождении видов животных и растений путем естественного отбора 31, 136
- Дегаев Сергей Петрович (1854—1908), чл. партии «Народная воля», провокатор 251
- Декантоли (de Candolle), династия швейцарских ученых-естествоиспытателей, преимущественно ботаников, имевших огромное влияние на развитие науки; первое место по времени и значению принадлежит Огюстену Пираму Декантолю (1778—1841) 146
- Деникер (Deniker) Жозеф (1852—1918), французский антрополог, библиотекарь Национального музея естественной истории в Париже (с 1888) 243
- Диккенс (Dickens) Чарлз (1812—1870), английский писатель 255
- Дмитрий (отец), священник в с. Еписево (Рославльский у.) 111
- Доде (Daudet) Альфонс (1840—1897), французский писатель 218, 231, 235, 237, 256, 257, 259, 276
- Докучаев Василий Васильевич (1846—1903), естествоиспытатель, основатель современного научного почвоведения и зональной агрономии, читал лекции в Ин-те гражданских инженеров (1874—77), проф. Петербург. ун-та (с 1883), учитель В. И. Вернадского 135, 231, 237, 244, 248
- Дондерс (Donders) Франс Корнелиус (1818—1889), голландский физиолог и офтальмолог, доктор медицины Лейденского ун-та (с 1842), проф. Утрехтского ун-та (с 1848) 255
- Дон Жуан, Дон Хуан (Don Juan), герой многих произведений лит-ры и искусства. Образ рыцаря-сластолюбца, нарушителя моральных и религиозных норм; создан ср.-вековой легендой 185
- Достоевский Федор Михайлович (1821—1881), писатель 112, 135
- Дриш (Driesch) Ханс (1867—1941), немецкий биолог и философ-идеалист, с ним В. И. Вернадский путешествовал по Германии в 1888 г. 116, 125, 129, 136, 162, 189, 199, 208, 209, 216, 231, 244, 248, 269, 270
- Дюрер (Dürer) Альбрехт (1471—1528), немецкий живописец, рисовальщик, гравёр, теоретик искусства 252
- Дюринг (Dühring) Евгений Карл (1833—1921), немецкий философ и экономист, представитель мелкобуржуазного социализма, приват-доцент Берлинского ун-та (1863—77) 158
- Ева, в библейской мифологии жена Адама; первая женщина и праматерь рода человеческого 25, 26
- Екатерина II (1729—1796), российская императрица с 28 июня 1762 г. 18
- Зайцев 67
- Зарудная Анастасия Сергеевна, в семье звали Аней (1865—?), двоюродная сестра Н. Е. Вернадской, дочь Сергея Ивановича Зарудного 205, 206, 261
- Зарудная (в замужестве Кавос) Екатерина Сергеевна (1861—1917), известная художница (портрет, жанровая живопись), сестра М. С. Гревса 94, 95, 135
- Зарудная (девичья фамилия Мясково)

- Зоя Алексеевна, тетя Н. Е. Вернадской, жена Сергея Ивановича Зарудного 205, 206, 208, 210, 215, 216, 221
- Зарудные, семья С. И. и З. А. Зарудных 221
- Зарудный Александр Сергеевич (1863— после 1934), адвокат, получивший известность как защитник на политических процессах: 1-го Совета рабочих депутатов 1905 г., ЦК Крестьянского союза, лейтенанта Шмидта, по делу о покушении на Николая II, по делу Бейлиса и др.; после Февральской революции примкнул к партии народных социалистов и вошел в состав Временного правительства в качестве товарища министра юстиции, а 24 июля (6 августа) вошел министром юстиции в состав 3-го Временного правительства, после корниловского мятежа вышел из состава Временного правительства, в 1918 г. отошел от партии народных социалистов, в советское время персональный пенсионер (по ходатайству Общества политкаторжан), любимый двоюродный брат Н.Е. Вернадской 134, 137, 165, 166, 168, 169, 258, 262—264, 266, 269, 270
- Захер-Мазох (Sacher-Masoch) Леопольд (1836—1895), австрийский писатель 70
- Земятченский Петр Андреевич (1856—1942), геолог и почвовед, чл.-кор. АН СССР (1928), проф., зав. кафедрой минералогии Петербург. ун-та (1898—1926), организатор и директор первого в стране Гос. исследовательского керамического ин-та АН СССР (1919—27), сотрудник Почвенного ин-та АН СССР, оппонент докторской диссертации В. И. Вернадского 57, 62, 65, 68, 69, 149, 197, 244
- Зимонсфельд (Simonsfeld) Генрих (1852—1913), немецкий историк 123, 124
- Золя (Zola) Эмиль (1840—1902), французский писатель 84
- Зонке Л. (1842—1898), мюнхенский кристаллограф, у которого В. И. Вернадский после окончания ун-та в 1888 г. изучал геометрическую теорию строения кристаллов 115, 116, 119, 195, 199, 201, 202, 204, 205, 212, 217, 227, 237, 238, 241, 243, 254, 272
- Зюсс (Suess) Эдуард (Эдвард) (1831—1914), австрийский геолог, проф. Венского ун-та (1857—1901), президент Венской АН (1898—1911), почетный чл. Петербург. АН (с 1901; чл.-кор.— 1887) 150
- Ивановский Дмитрий Иосифович (1864—1920), физиолог растений и микробиолог, основоположник вирусологии, ассистент Ботанической лаборатории Петербург. АН (с 1890), приват-доцент Петербург. (1895—1901), проф. Варшавского (1901—15) и Донского (с 1915) ун-тов 122
- Иисус, Иисус Христос, в христианском вероучении богочеловек, основатель христианства 60
- Кавос Екатерина Сергеевна, см. Зарудная Е. С.
- Каин, в Библии сын Адама и Евы, согласно преданию, убил младшего брата Авеля 25
- Калморг (Kalmork), знакомая Вернадских 148
- Калмыкова (девичья фамилия Чернова) Александра Михайловна (1849—1926), общественная и политическая деятельница. Постоянная сотрудница газеты «Южный край» в Харькове (1880—81), участница создания женской воскресной школы в Харькове (1885), педагог воскресной школы для рабочих в Петербурге (с 1885), открыла книжный склад народных изданий (1889—1902), входила в редакцию журналов «Новое слово», «Начало», была тесно связана с деятельностью групп «Освобождение труда» и «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», оказывала большую материальную помощь изданию «Искры» и «Зари», после Октябрьской революции работала в Ленингр. отделе народного образования и в Педагогическом ин-те им. К. Д. Ушинского 122, 123, 208, 210, 215, 216, 218, 239, 248
- Кандинский Виктор Хрисанфович

- (1849—1889), врач-психиатр, автор и переводчик научных работ по медицине 255
- Карлос, дон Карлос Младший (Don Carlos Minor) (1848—1909), вожьд испанских карлистов, претендовал на испанский престол, развязал 2-ю карлистскую войну (1872—76), но потерпел поражение и бежал во Францию 30, 34
- Карнович Евгений Петрович (1823—1885), писатель 49
- Квитка (псевд. Основьяненко) Григорий Федорович (1778—1843), украинский писатель 26
- Келлер Владимир Васильевич, студент юрид. фак., чл. Студенческого научно-литературного о-ва (с 1886) Петербург. ун-та, друг В. И. Вернадского 192
- Келлеры, семья В. В. Келлера 208
- Кеннготт (Kenngott) Густав Адольф (1818—1897), немецкий минералог, приват-доцент Ун-та в Бреслау, проф. Ун-та в Цюрихе (с 1875) 145
- Кетриц (прозвище «Дотик») Бернард Эрнестович (?—1921), юрист, земский деятель Тверской губ., присяжный поверенный, чл. Петербург. комитета грамотности 45, 48, 218
- Клейбер Иосиф Андреевич (1863—1892), астроном, приват-доцент Петербург. ун-та, председатель научного отдела Студенческого научно-литературного о-ва Петербург. ун-та, друг В. И. Вернадского 126, 169, 175, 177, 181, 185, 222, 260, 262
- Климент 70
- Книпович Николай Михайлович (1862—1939), зоолог, почетный чл. АН СССР (1935; чл.-кор.—1927), приват-доцент Петербург. ун-та (с 1893), был уволен из него «как политически неблагонадежный», проф. Женского (1-го Ленингр.) мед. ин-та (1911—1930), сотрудник Зоологического музея Петербург. АН (1894—1921) 134, 214, 215, 222, 229
- Кольрауш 116, 120
- Комаров Александр Федорович (псевд. Степовик О.) (1854—?), писатель, зоолог 88, 89
- Коновалов Дмитрий Петрович (1856—1929), химик, акад. АН СССР (1923), ассистент (1882) и проф.
- (1886—1902) Петербург. ун-та, Горного ин-та (1900—07, 1918—22) и Ин-та инженеров путей сообщения (1886—1902), оппонент магистерской диссертации В. И. Вернадского (1891); директор Н.-и. химико-энергетического ин-та в Днепропетровске (1919—22), президент Главной палаты мер и весов (с 1922) 265
- Константинович, см. Вернадская Анна Петровна
- Коренев, нотариус в Моршанске (80-е годы XIX в.) 58
- Корнилов Александр Александрович (1862—1925), юрист, историк, писатель, один из организаторов партии кадетов, комиссар по крестьянским делам Конского у. Радомской губ. (Польша) (1887—92), комиссар по крестьянским делам при восточносибирском генерал-губернаторе Горемыкине, в начале 1900-х годов после возвращения в Петербург за литературную деятельность был арестован и выслан, после Октябрьской революции проф., преподавал русскую историю в Петрогр. политехническом ин-те, друг В. И. Вернадского со студенческих лет 47, 48, 86, 114, 115, 159, 174, 176, 178, 186, 191, 193, 196, 202, 203, 216, 218, 229—232, 234—236, 240, 243, 244, 246—248, 253—255, 262—264, 269, 270, 273, 274, 277—279
- Короленко Владимир Галактионович (1853—1921), писатель, общественный деятель, троюродный брат В. И. Вернадского 43, 257, 258
- Короленко, генерал, родственник В. И. Вернадского 197, 200
- Короленко Евграф Максимович (1810—1880), любимый двоюродный дядя В. И. Вернадского, имел громадное влияние на формирование личности В. И. Вернадского 26, 30, 31
- Короленко Катя, см. Вернадская Е. И.
- Короленко Сергей Александрович (?—1908), муж Екатерины Ивановны Вернадской 221
- Корш 88
- Ксчек, химик, проф. петрографии в Грейфсвальде 119
- Краснов Андрей Николаевич (1862—1914), ботаник и географ, проф.

- Харьковского ун-та (1889—1911), основатель Батумского ботанического сада, друг В. И. Вернадского с детских лет 86, 113, 114, 118, 122—124, 126, 128, 130, 135, 138, 149, 151—155, 163, 164, 167—169, 175—178, 181, 185, 186, 199, 200, 231, 233, 235, 241, 243, 248, 249, 254, 265, 267, 275
- Крыжановский Сергей Ефимович, студент юрид. фак. и чл. Студенческого научно-литературного о-ва Петербург. ун-та, после окончания которого служил в Синоде, где был близок к К. П. Победоносцеву, друг В. И. Вернадского со студенческих лет 86, 128, 132, 135, 159, 174, 176, 183, 196—198, 202, 203, 208—210, 212, 216, 219—222, 225, 226, 229, 232, 233, 236, 237, 239—241, 248, 253—255, 258—261, 263, 264, 266, 277, 280
- Крылов Иван Андреевич (1769—1844), писатель, баснописец, журналист 16
- Кудрявцев Н. В., геолог, с которым В. И. Вернадский путешествовал в 1887 г. по Рославльскому у. 92, 95
- Кузнецов Николай Иванович, студент (с 1884), чл. Студенческого научно-литературного о-ва (с 1886) Петербург. ун-та 122
- Кузнецов, служащий министерства государственных имуществ 229
- Купфер, профессор-анатом в Мюнхене 112
- Кэй (Kay) Давид, английский исследователь 125, 126
- Кэрнс (Cairnes) Джон Элиот (1823—1875), ирландский экономист 247, 248, 263, 264
- Кюри, см. Склодовская-Кюри
- Лабриола (Labriola) Антонио (1843—1904), итальянский философ, публицист, теоретик и пропагандист марксизма; приват-доцент Неаполитанского (с 1871) и проф. Римского (1874—1902) ун-тов 269
- Лагорио Александр Евгеньевич, петрограф, проф. Варшавского ун-та (с 1885), директор Варшавского политехникума, управляющий учебным отделом, чл. совета по учебным делам и председатель ученого комитета министерства торговли промышленности 189
- Лазарь, объездчик в Вернадовке 65
- Ланге Николай Николаевич (1858—1921), психолог, работал в психологической лаборатории В. Вундта в Лейпциге (с 1883), проф. философии Одесского ун-та (1888—1921) 127
- Ландау (Landois) Леонард (1837—1902), немецкий физиолог, экстраординарный (с 1868) и ординарный (с 1872) проф. Ун-та и директор Физиологического ин-та в Грейфсвальде 255
- Лаплас (Laplace) Пьер Симон (1749—1827), французский астроном, математик и физик, чл. Парижской АН (1785), автор космогонической гипотезы об образовании Солнечной системы 72
- Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863—1919), историк, ординарный акад. Петербург. АН (1905; адъюнкт — 1899; экстраординарный акад. — 1902), секретарь научного отдела Студенческого научно-литературного о-ва Петербург. ун-та, приват-доцент (с 1890) и проф. Петербург. ун-та и Археологического ин-та 203, 209
- Лассаль (Lassalle) Фердинанд (1825—1864), деятель немецкого рабочего движения, мелкобуржуазный социалист, родоначальник одной из разновидностей оппортунизма в рабочем движении — лассальянства; публицист и адвокат 81
- Леви (Levy) Огюст-Мишель (1844—1911), французский минералог и петрограф 258
- Левинсон-Лессинг Франц Юльевич (1861—1939), геолог и петрограф, акад. АН СССР (1925; чл.-кор. — 1914), преподавал в Петербург. ун-те (с 1889), проф. Юрьевского (Тартуского) ун-та (1892—1902), Петербург. (Ленингр.) политехнического ин-та (1902—30), Высших женских курсов в Петербурге (1902—20), зав. кафедрой петрографии в Ленингр. ун-те (с 1921), сотрудник Геологического комитета (с 1919), выполнял большую науч.

- но-организационную работу в АН СССР (1925—39) 126
- Лекок (Lescocq) Анри (1802—1871), французский натуралист, на средства которого в Клермон-Ферране были созданы музей, ботанический сад и публичная библиотека; составил карту департамента Пюи-де-Дом на 48 листах (1856) 164
- Леланд, точнее Лелэнд (Leland) Чарлз, американский педагог 125, 126, 197
- Ленц (Lenz) Эмилий Христианович (1804—1865), физик и электротехник, ординарный акад. Петербург. АН (1834; адъюнкт по физике — 1828; экстраординарный акад. — 1830), проф. (с 1835) и ректор (с 1863) Петербург. ун-та, в качестве физика принимал участие в кругосветном плавании под командованием О. Е. Коцебу (1823—26), в экспедициях на Кавказ и в Николаев 108
- Леонардо да Винчи (Leonardo da Vinci) (1452—1519), итальянский художник, скульптор, архитектор, ученый и инженер 125
- Леопольд, прусский принц 120
- Лерке Елли Ивановна, акушерка при клинике Баландина в Петербурге, воспитательница сына В. И. Вернадского (1888—92) 230, 231, 233—235, 238, 240, 243, 248—251, 253—258, 260—264, 267, 269, 270, 273—277, 279—281
- Лесков Николай Семенович (1831—1895), писатель 43
- Либкнехт (Liebknecht) Вильгельм (1826—1900), деятель немецкого демократического и рабочего движения, ученик и соратник К. Маркса и Ф. Энгельса, один из основателей и руководителей Социал-демократической партии Германии 198
- Липинский 88
- Лихачев Владимир Сергеевич (1849—1910), поэт, драматург, переводчик 30
- Лобко Надежда Петровна, курсистка, знакомая членов «Братства» 232
- Локк (Locke) Джон (1632—1704), английский философ-просветитель и политический деятель 158
- Лоэнгрин, герой одноименной оперы Рихарда Вагнера 270
- Лукреций, Тит Лукреций Кар (Titus Lucretius Carus) (99—95—55 до н. э.), римский поэт и философ-материалист 21
- Любошинская Анна Егоровна, см. Старицкая А. Е.
- Любошинские, семья А. Е. и М. М. Любошинских 160, 162, 221
- Любошинский Марк Маркович, общественный и земский деятель Тамбовской губ., муж А. Е. Старицкой 149, 221—223
- Людвиг I Карл-Август (1786—1868), король Баварский (1825—48) 133
- Ляппаран, французский проф., с которым В. И. Вернадский познакомился в Лондоне в 1888 г. 182
- Майер, сотрудник П. Грота, с которым В. И. Вернадский работал в Мюнхене в 1889 г. 114, 124, 133
- Макаров Николай Петрович (1810—1890), лексикограф и беллетрист 245, 246
- Малляр (Mallard) Эрнст (1833—1894), французский кристаллограф, проф. минералогии в Ecole des mines в Париже, чл. Французской АН, чл.-кор. Петербург. АН, председатель Минералогического о-ва во Франции, членом которого состоял В. И. Вернадский 119, 136
- Маржеро, французский исследователь, с которым В. И. Вернадский познакомился на экскурсии в 1888 г. 152
- Мартиг (Martig) Эмануэль, швейцарский педагог 148, 149
- Мелиоранский М., переводчик с немецкого 89
- Мелиоранский, служащий Петербург. ун-та 118, 127, 130, 134, 168, 182, 199, 243, 246
- Менделеев Дмитрий Иванович (1834—1907), химик, открывший периодический закон химических элементов, разносторонний ученый, педагог и общественный деятель, чл.-кор. Петербург. АН (1876), проф. Петербург. технологического ин-та (1864—66), Петербург. ун-та (1865—90), где его лекции слушал В. И. Вернадский 80
- Менгер (Menger) Антон (1841—1906), австрийский юрист, засл. проф., рек-

- тор (с 1895) Венского ун-та 204, 218, 263, 264
- Меншуткин Николай Александрович (1842—1907), химик, проф. Петербург. ун-та (1869—1902), где у него учился В. И. Вернадский, и Петербург. политехнического ин-та (1902—07) 124, 126, 265
- Мертваго Александр Петрович, помещик Рославльского у., сосед А. Н. Энгельгардта 79, 84
- Мичурин А., автор книги «В защиту книги: „Что читать народу?“» (Тифлис, 1887) 77, 80
- Молевотт (Moleschott) Якоб (1822—1893), немецкий физиолог и философ, родом из Голландии, представитель вульгарного материализма, проф., преподавал в учебных заведениях Германии, Швейцарии и Италии 255
- Мольер (Molière) (наст. имя Жан Баптист Поклен, Poquelin) (1622—1673), французский драматург, актер, театральный деятель 75, 276
- Монтень (Montaigne) Мишель де (1533—1592), французский философ и писатель 154, 157, 159
- Мопассан (Maupassant) Ги (полное имя Анри Рене Альбер Ги) де (1850—1893), французский писатель 70
- Моро (Morgeau) Пауль, французский исследователь, автор книги «De la Folie chez les enfants» 125, 126, 218
- Моцарт (Mozart) Вольфганг Амадей (1756—1791), австрийский композитор 142, 252, 253
- Муассан (Moissan) Анри (1852—1907), французский химик, чл. Парижской АН (1891), проф. Парижской высшей фармацевтической школы (1887—1900) и Парижского ун-та (с 1900), лауреат Нобелевской премии (1906), иностранный чл.-кор. Петербург. АН (1904) 279
- Мутман (Muthmann) Фридрих Вильгельм (1861—1913), немецкий химик, проф. неорганической химии Ун-та (с 1895) и Технического высшего учебного заведения (с 1899) в Мюнхене, с ним В. И. Вернадский в 1889 г. работал в лаборатории у П. Грота в Мюнхене 118, 124, 127, 133, 199, 201, 202, 212, 214, 231, 237, 244, 259, 261, 268, 270, 272, 281
- Мясоедов Григорий Григорьевич (1834—1911), художник 88, 91, 92
- Мясоедов Константин Васильевич, помещик Рославльского у. Смоленской губ., введший фосфоритовую муку для удобрения почвы, чл. Смоленского о-ва сельского хозяйства, двоюродный брат Г. Г. Мясоедова 80, 84, 87, 94
- Нарышкин Дмитрий Львович 53
- Нарышкин Эммануил Дмитриевич (1813—?), обер-камергер, тамбовский землевладелец, земский деятель, известный крупными пожертвованиями (около 700 тыс. руб.) на дело народного просвещения в Тамбове. На его средства были открыты Учительский ин-т с ученическим общежитием, О-во для устроения народных чтений в Тамбове и Тамбовской губ. (1893) 49
- Нарышкина Наталия Кирилловна (1651—1694), вторая жена (с 1671) царя Алексея Михайловича 53
- Нарышкины, дворянский род, происходящий, по преданию, от крымского татарина Нарышка, выехавшего в Москву в 1463 г. 49, 53
- Науман (Naumann) Карл Фридрих (1797—1873), немецкий минералог и геолог, проф. Фрейбергской горной школы (с 1826), Лейпцигского ун-та (1842—71) 59
- Наше, специалист по оптическому оборудованию 259
- Неклюдова, знакомая семьи Старицких 209, 210, 221
- Никитин Сергей Николаевич (1850—1909), геолог и географ, старший геолог Геологического комитета (с 1882), председатель Гидрологического комитета при министерстве земледелия и государственных имуществ 181, 189, 198, 218
- Николай (отец), священник церкви в Петербурге, где крестили сына Вернадского 219
- Никонов, адмирал, помещик Рославльского у. 79
- Новгородцев Павел Иванович (1866—1924), юрист и философ, преподавал в Моск. ун-те (1896—1911), в Моск.

- высшем коммерческом ин-те (директор с 1906), чл. партии кадетов, депутат 1 Государственной думы (1906). В 1917 г. эмигрировал, сотрудничал в белоэмигрантском журнале «Русская мысль» (1921—1924) 122
- Оболенский~Леонид Егорович (1845—1906), писатель, критик, публицист, издатель журналов «Свет» (с 1878), переименованного в «Мысль» (с 1881), и «Русское богатство» (1889—91) 121, 178
- Обольянинов Лев Александрович, прогрессивный земский деятель в Гдовском у. Петербургской губ., друг В. И. Вернадского со студенческих лет, выпускник естественного отделения мат. фак. Петербург. ун-та 84—86, 159, 209, 210, 218, 229, 234, 235, 239—241, 246, 253, 254, 257, 258, 260—262, 264, 266—269
- Огарев Николай Платонович (1813—1877), революционер, публицист, поэт 31
- Ольденбург (девичья фамилия Тимофеева) Александра Павловна (1864—1892), жена С. Ф. Ольденбурга 76, 87, 88, 118, 160, 162, 169, 170, 181, 190, 193, 195, 196, 200, 204, 239—241, 246, 248, 255—258, 260—265, 267, 273
- Ольденбург (девичья фамилия Берг) Надежда Федоровна (1831—1909), выпускница Смольного ин-та, мать С. Ф. и Ф. Ф. Ольденбургов 195, 196
- Ольденбург Сергей Сергеевич (1888—1934), литератор и политический деятель, сын С. Ф. Ольденбурга 273
- Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934), востоковед, акад. Петербург. АН (1900), преподаватель (с 1889) и проф. (с 1894) Петербург. ун-та, непреременный секретарь АН СССР (1904—29), директор Ин-та востоковедения АН СССР (1930—34), друг В. И. Вернадского со студенческих лет 60, 62, 67, 85, 86, 121—124, 133—136, 155, 156, 159, 161, 162, 167—171, 173—176, 180—182, 185, 186, 188, 190, 193—196, 199, 200, 203, 204, 208, 212, 224, 225, 231, 235, 236, 239—241, 243—246, 248, 255, 258, 260—264, 267, 273—279
- Ольденбург Федор Федорович (1862—1914), общественный деятель и педагог, брат С. Ф. Ольденбурга и друг В. И. Вернадского со студенческих лет 46—48, 56, 57, 86, 98, 99, 170, 175, 195, 196, 222, 223, 235, 236, 243, 244, 246
- Ольденбурги, братья С. Ф. и Ф. Ф. 46, 178
- Ольденбурги, семья С. Ф. и А. П. Ольденбург 85, 104, 209
- Ону Александр Михайлович (1865—?), историк, чл. Студенческого научно-литературного о-ва Петербург. ун-та, пом. статс-секретаря Государственного совета (с 1889), приват-доцент Петрогр. ун-та (с 1916) 118 168, 217
- Островский Александр Николаевич (1823—1886), драматург 276
- Островский Михаил Николаевич (1827—1901), государственный деятель царской России, министр государственных имуществ (1881—93), председатель департамента законов Государственного совета (1893—99) 204, 219
- Отрыгальев, помещик Моршанского у. 56
- Павел, апостол, один из основателей христианства 124, 126, 128
- Павлов Алексей Петрович (1854—1929), геолог, акад. Петербург. АН (1916; чл.-кор.—1905), проф. Моск. ун-та (с 1886) 175, 179, 189
- Павлова Мария Васильевна (1854—1938), палеонтолог, почетный чл. АН СССР (1930; чл.-кор.—1925), акад. АН УССР (1921), проф. Моск. ун-та (1919—30); жена А. П. Павлова 176
- Павловы, семья А. П. и М. В. Павловых 178
- Панафидин А. Я. 121, 201
- Пассек Василий Богданович (1854—1889), дипломат и писатель, вице-консул в Рагузе (Дубровник) (1882—88) 270
- Паульсон Иосиф Иванович (1825—1898), педагог-методист, издатель журнала «Учитель» (с 1861), автор многих учебников 48

- Пенденнис, герой романа У Теккерея «История Пенденниса, его приключений и бедствий, его друзей и величайшего врага» 260, 261
- Пере (Perez) Бернард (1836—1903), французский психолог 160, 162, 197
- Перье (Périer) Элизэ (1856—?), французский исследователь 218
- Петискус (Petiscus) Август Генрих (1780—?), немецкий историк 30, 34
- Петр, апостол, один из основателей христианства 124, 126, 128, 252
- Петр I Великий (1672—1725), русский царь с 27 апреля 1682 г., российский император с 22 октября 1721 г. 115
- Пиквик, герой романа Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» 254
- Пиклер, минералог из Инсбрука 114
- Пиклер 148
- Пилецкий, глава кружка масонов в Киеве в начале XIX в. 18
- Питим С., крестьянин Моршанского у. 53
- Пит-Риверс А. Г. (1827—1900), археолог-любитель, генерал из Солсбери, к которому был приглашен В. И. Вернадский перед Международным геологическим конгрессом в 1888 г. 176, 177, 179
- Пиутти (Piutti) Арнольдо Теофило Петро (1857—1928), итальянский химик-фармацевт, экстраординарный проф. Ун-тов в Сассари (с 1886), Неаполе (с 1889) и ординарный проф. в Неаполе (с 1890) 124
- Победоносцев Константин Петрович (1827—1907), государственный деятель, юрист, сенатор (с 1868), чл. Государственного совета (с 1872), обер-прокурор Синода (1880—1905), вдохновитель крайней реакции и мракобесия 112
- Погодин Михаил Петрович (1800—1875), историк, писатель и журналист, проф. Моск. ун-та (1826—44), акад. Петербург. АН (1841), издавал журналы «Московский вестник» (1827—30) и «Москвитянин» (1841—56) 33
- Полевой Николай Алексеевич (1796—1846), писатель, критик, журналист и историк, издавал журнал «Московский телеграф» (1825—34) 33, 34
- Половцов Валериан Викторович (1862—1918), студент и чл. Студенческого научно-литературного о-ва Петербург. ун-та, ботаник, лаборант (с 1891) при Ботаническом кабинете Петербург. ун-та 122
- Понятовский Александр Николаевич, географ, преподаватель реального училища в Курске 33
- Попов Александр Иванович, мещанин, арендатор, а затем управляющий в имении В. И. Вернадского в Вернадовке 65, 66, 68, 69, 245, 257, 258, 260, 262, 266
- Поссе Владимир Алексеевич (1864—1940), журналист и общественный деятель. Редактор журналов «Легальных марксистов» «Новое слово» (1897) и «Жизнь» (1898—1901). После закрытия царским правительством журнала «Жизнь» издавал его в 1902 г. за границей. В 1906—1907 гг. выступал за создание независимых от социал-демократической партии рабочих кооперативных организаций в России. В 1909—1917 гг. издавал и редактировал журнал «Жизнь для всех». После Октябрьской революции занимался литературной деятельностью 229, 232, 239,
- Постель Эмиль, ботаник 88, 89
- Потапов Николай Гаврилович, помощник попечителя Казанского учебного округа в конце XIX в. 123
- Похитонов Николай Данилович (1857—1897), офицер, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг., чл. партии «Народная воля» и активнейший деятель ее военной организации (с 1880), узник Шлиссельбургской крепости, друг семьи Вернадских, оказал большое влияние на духовное развитие В. И. Вернадского 250, 251
- Прейер (Preyer) Вильям (1841—1897), английский физиолог, доцент Боппского (с 1865), проф. Йенского (с 1869) и приват-доцент Берлинского ун-тов 255
- Прейст 198, 259
- Прендель Ромул Александрович (1851—?), минералог, приват-доцент (с 1884), проф. (с 1890) Повороссийского ун-та 254

Пугачев Емельян Иванович (ок. 1742—1775), предводитель Крестьянской войны 1773—1775 гг. в России 20
 Путткаммер (Puttkammer) Роберт Виктор (1828—1900), прусский государственный деятель: чл. рейхстага (1873—91), министр народного просвещения (1879—81), министр внутренних дел (1881—91) 114, 115
 Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837), поэт, основатель новой русской литературы 43, 198, 201
 Пфафер, ученый, работал с В. И. Вернадским в лаборатории П. Грота в 1888 г. 212

Рабле (Rabelais) Франсуа (1494—1553), французский писатель 276
 Радецкий Иван Иванович (1834—?), врач, лечивший жену и сестер В. И. Вернадского 182, 183, 206

Радишев Александр Николаевич (1749—1802), писатель, философ, революционер 80

Разуваев, герой цикла «Убежище Монрепо» М. Е. Салтыкова-Щедрина 111

Райт, эсквайр из Челтнема, к которому был приглашен В. И. Вернадский перед Международным геологическим конгрессом в 1888 г. 176

Рамзай (Ramsay), швед из Стокгольма, работал с В. И. Вернадским в лаборатории П. Грота в 1888 г. 212

Рамзай (Ramsay) Вильгельм, финский минералог, проф. Гельсингфорсского ун-та 254

Ранке (Ranke) Леопольд (1795—1886), немецкий историк, проф. Берлинского ун-та, педагогическую деятельность начал с 1818 г., редактор журнала «Historisch-politische Zeitschrift», почетный чл. Петербург. ун-та (с 1867) 243, 244

Раскин (Ruskin) Джон (1819—1900), английский писатель, историк, искусствовед и публицист 201

Раскольников, герой романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866) 112

Ребиндер Саша 231

Резнер Ф. Ф педагог, чл. Петербургского комитета грамотности 48

Рейтлингер Николай Александрович, студент юрид. фак. Петербург. ун-та,

чл. Студенческого научно-литературного о-ва (с 1884) и кружка народной литературы, друг В. И. Вернадского со студенческих лет 105, 203, 217, 232, 239, 263

Реклю (Reclus) Жан Жак Элизе (1830—1905), французский географ, социолог, политический деятель, один из теоретиков анархизма 30, 33, 243, 244

Ремсен (Remsen) Ира (1846—1927), американский химик, проф. в Вильям-колледже (Филадельфия) (с 1872), проф. Школы Гопкинса (Балтимора), чл. (с 1882) и председатель (с 1907) Американской АН 124, 126

Ренан (Renan) Жозеф Эрнст (1823—1892), французский писатель, историк и филолог—востоковед 69, 71

Реневье (Renevier) Евгений (1831—1906), швейцарский геолог, проф. Лозаннского ун-та (с 1857) 187, 243, 247, 254, 255

Рибо (Ribot) Теодюль Арман (1839—1916), французский психолог, проф. Сорбонны (с 1885), Коллеж де Франс (с 1888), чл. Французской АН (с 1906) 16

Ригаллэ, хозяйка гостиницы в Сан-Ремо, где жила Н. Е. Вернадская в 1889 г. 249

Рихтер Виктор Юльевич (1841—1891), химик, приват-доцент Петербург. ун-та (1872), проф. Ин-та сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии (с 1873), приват-доцент (с 1875) и проф. (с 1879) Бреславльского ун-та, директор Бреславльского ин-та технологии и сельского хозяйства (с 1890) 279, 280
 Рокачевский Сергей Степанович, купец г. Рославля, чл. Рославльского податного присутствия, автор книги «Опыт собирания исторических записок о городе Рославле» (1885) 112, 143

Роско (Roscoe) Генри Энфильд (1833—1915), английский химик, чл. Лондонского королевского о-ва (1863), проф. Оуэнского колледжа в Манчестере (1857—87) 116, 117, 124, 126

Росси (Rossi) Мишель Стефано (1834—1898), итальянский геолог и

- минералог, проф. (с 1868) Ун-та в Риме 71
- Рот (Roth) Юстас Людвиг Адольф (1818—1892), немецкий геолог, экстраординарный проф. Берлинского ун-та (с 1861) 71
- Руффини (Ruffini) Джованни Доменико (1807—1881), итальянский писатель и политический деятель 243, 244
- Рымарев Алексей Иванович, купец, землевладелец в Моршанском у., сосед В. И. Вернадского по имению 50
- Сабо, венгерский минералог, с которым В. И. Вернадский познакомился в Англии в 1888 г. 177
- Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826—1889), писатель 112
- Самуил, в Библии пророк и судья Израила 25
- Саул, в Библии сын Киса (из колена Вениаминова), первый царь Израиля 25
- Свешников Митрофан Иванович (1862—?), юрист, выпускник Петербург. ун-та, чл. Студенческого научно-литературного о-ва Петербург. ун-та (с 1883), друг Вернадских 162, 191
- Сенкевич (Sienkiewicz) Генрик (1846—1916), польский писатель 70, 71
- Сен-Симон (Saint-Simon) Луи де Рувруа (1675—1755), французский политический деятель, писатель 31
- Серджи (Sergi) Джузеппе (1841—1936), итальянский антрополог, проф. Ун-тов в Болонье (1880) и Риме (1884—1916) 273
- Сеченов Иван Михайлович (1829—1905), естествоиспытатель-материалист, основоположник русской физиологической школы и естественно-научного направления в психологии, почетный акад. Петербург. АН (1904; чл.-кор.—1869). Преподавал в Медико-хирургической акад. в Петербурге (1860—70), Новороссийском (1871—76) и Петербург. (1876—88) ун-тах, на Бестужевских высших женских курсах, на Пречистенских курсах для рабочих (1903—04) 255
- Симонов Иван Иванович, студент филос. фак. и (с 1883) чл. Студенческого научно-литературного о-ва Петербург. ун-та, преподаватель Реального училища в Выборге 122
- Сиповский Василий Дмитриевич (1844—1895), педагог и писатель, с 1871 г. издатель-редактор журнала «Женское образование», преобразованного в 1892 г. в журнал «Образование» 95
- Сиротинина, см. Шаховская А. Н.
- Скакки (Scacchi) Арканджело (1810—1893), итальянский минералог, кристаллограф, проф. Ун-та в Неаполе (с 1842), директор Фармацевтической школы (с 1880), чл. Петербург. минералогического о-ва 113, 118
- Скакки (Scacchi) Евгению (1854—?), итальянский минералог, сын А. Скакки, ассистент (с 1880) и директор (1891) Минералогического музея, сверхштатный сотрудник Минералогической и фармацевтической школы Ун-та в Неаполе (с 1886), проф. Ун-тов в Генуе (1890) и Неаполе (с 1891) 114
- Скалон Василий Юрьевич (1846—1907), общественный деятель и публицист, гласный Московских губернского и земского собраний (1871), председатель уездной земской управы (1874—83), издатель-редактор еженедельной политической и общественной газеты «Земство» (1880—82), редактор «Трудов Вольного экономического общества» (1886—89), сотрудник центрального управления министерства финансов 168, 209
- Скловская-Кюри (Sklodowska-Curie) Мария (1867—1934), по национальности полька, училась и работала во Франции. Физик и химик; ей принадлежат основополагающие работы в области радиоактивности. Работала в Школе индустриальной физики и химии (с 1895), проф. и зав. кафедрой в Парижском ун-те (с 1906), директор Ин-та радия в Париже (1914), чл. Парижской медицинской академии (1922), почетный чл. АН СССР (1926), чл.-кор. Петербург. АН (с 1907) и других академий, лауреат Нобелевской премии (1903, 1911) 124
- Слонимская 266
- Слонимский Леонид-Людвиг Зиновьев

- вич (1850—1918), публицист, окончил юрид. фак. Киевского ун-та, сотрудник многих газет («Русский мир», «Слово», «Порядок», «Вестник Европы») 257, 258
- Смит (Smith) Уильям (1769—1839), английский геодезист и геолог, впервые составил геологическую карту Англии (1813—15) с разделением горных пород по возрасту 168
- Сократ (Sokrates) (470/469—399 до н. э.), древнегреческий философ 60
- Сорокин 88
- Соре (Soret), династия швейцарских ученых 146
- Соссюры (Saussure), династия швейцарских ученых, основателем которой был Николай Соссюр (1700—1790) 146
- Спенсер (Spencer) Герберт (1820—1903), английский философ, психолог и социолог 37, 84, 125
- Старицкая (в замужестве Любошинская) Анна Егоровна (1864—1930), сестра Н. Е. Вернадской 134, 148, 149, 159, 171, 176, 181, 183, 221—223, 229, 230, 260, 261, 266
- Старицкая Мария Егоровна (1870—1942), сестра Н. Е. Вернадской 105
- Старицкая (девичья фамилия Зарудная) Мария Ивановна (?—1914), мать Н. Е. Вернадской 67, 112—114, 117, 118, 122, 123, 129, 130, 171, 173, 175, 217, 218, 248, 263, 264, 266, 275, 276
- Старицкая (в замужестве Жедринская) Нина Егоровна (1871—1936), сестра Н. Е. Вернадской 179, 200, 222, 223
- Старицкие, семья Е. П. Старицкого 76, 180, 248
- Старицкий Георгий Егорович, брат Н. Е. Вернадской 99, 179, 200, 216—218, 264, 266
- Старицкий Егор Павлович (1825—1899), судебный деятель, председатель коммерческого суда в Тифлисе (с 1853), председатель межевой палаты (с 1862), чл. Государственного совета (с 1879), главноуправляющий кодификационного отдела, затем председатель департамента законов Государственного совета, отец Н. Е. Вернадской 134, 162, 163, 165, 166, 170—173, 175, 176, 190, 191, 193, 198, 201, 211, 221, 228, 248, 257, 258, 264, 266, 279
- Старицкий Павел Егорович (?—1942), брат Н. Е. Вернадской, инженер-технолог, выпускник Петербург. технологического ин-та (1887), зав. чертежной адмиралтейских Ижорских заводов (с 1888), механик заводов Мальцевского товарищества Орловской губ. (с 1890), механик заводов того же товарищества Калужской губ. (с 1891), директор Людимова машиностроительного и чугунолитейного завода и Сукресненского чугунолитейного завода Моск. акционерного о-ва Мальцевских заводов (1895—1901), главный мастер Невского механического и судостроительного завода (с 1902) 99, 105, 118, 120, 179, 200
- Стено, Стенон, Стенсон (Steensen, латинизированное Steno, Stenonius) Николаус (Нильс) (1638—1686), датский естествоиспытатель 59, 62
- Степовик О. см. Комаров А. Ф.
- Стефанеску (Stefănescu) Саба (1857—?), румынский геолог, директор Лицея святого Саввы в Бухаресте 177
- Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912), драматург, беллетрист, публицист, издатель газеты «Новое время» (с 1876) 30
- Таиров Василий Егорович (Георгиевич) (1859—?), специалист по виноградарству и виноделию, чл.-кор. Ученого комитета министерства земледелия, редактор-издатель журнала «Вестник виноделия» (с 1892) 203, 216
- Тартарен, герой романа Альфонса Доде «Удивительные приключения Тартарена из Тараскона» (1872) 256, 257, 259
- Тартюф, герой комедии Мольера «Тартюф» (1664) 73, 75
- Тарханов, Тархнишвили, Тархан-Моурави Иван Рамазович (1846—1908), физиолог, проф. Медико-хирургической акад. (1877—95), приват-доцент Петербург. ун-та (1895—1901) 255
- Твен (Twain) Марк (псевд., наст. имя Сэмюэл Ленгхорн Клеменс (Cle-

- mens)) (1835—1910), американский писатель 70, 71
- Теккерей (Thackeray) Уильям Мекпис (1811—1864), английский писатель 260, 261
- Тийнен, купец, член ратуши Сердоболя (Сортавала), с которым В. И. Вернадский встретился в поездке по Финляндии в 1886 г. 32, 33
- Тимофеева Ольга Павловна, сестра Александры Павловны Тимофеевой (см. Ольденбург А. П.) 117, 118, 194, 225, 226, 229, 230
- Тимофеевы, семья А. П. и О. П. Тимофеевых 209, 232, 236, 262
- Тиндаль (Tyndall) Джон (1820—1893), английский физик, чл. Лондонского королевского о-ва, преподаватель Куиндвуд-колледжа (Хемпшир) (1851—53), проф. (с 1853) и директор (с 1867) Королевского ин-та в Лондоне 81
- Толль Эдуард Васильевич (1858—1902), зоолог, геолог и полярный исследователь, участвовал в качестве помощника А. А. Бунге в экспедиции на Новосибирские острова (1885—86) 129
- Толстой Алексей Константинович (1817—1875), писатель 201
- Толстой Дмитрий Андреевич (1823—1889), реакционный государственный деятель царской России, обер-прокурор Синода (с 1865), одновременно министр народного просвещения (1866—80), министр внутренних дел (с 1882) 149, 203, 204, 219, 263, 266
- Толстой Лев Николаевич (1828—1910), писатель 43, 48, 58, 60, 61, 88, 201, 257, 258, 276
- Тун Альфонс (1853—1885), уроженец Лифляндии, экономист, проф. в Базеле (1881—83) и Фрейбурге (1883—85), автор книги «Geschichte der revolutionären Bewegungen in Russland» (Leipzig, 1883) 91
- Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883), писатель 48
- Тэн (Taine) Ипполит Адольф (1828—1893), французский философ, эстетик, писатель, историк 243, 244
- Уоткинс, владелец магазина английской книги и библиотеки для чтения в Петербурге 197
- Ушинский Николай Григорьевич (1863—1934), врач, доктор медицины, проф. Варшавского, Новороссийского ун-тов, друг В. И. Вернадского со студенческих лет 86, 168
- Фан-дер-Флит Петр Петрович (1839—1903), физик, консерватор Физического кабинета (с 1864), приват-доцент (с 1873), проф. (с 1880) и засл. проф. Петербург. ун-та 229
- Федоровский 23
- Феофилакт Константин Матвеевич (1818—1901), геолог, преподаватель (с 1845) и проф. (с 1852) Киевского ун-та, чл.-учредитель и председатель Киевского о-ва естествоиспытателей (1877—98) 181, 187, 189
- Ферхмин А. Р. (1858—1905), почвовед, ученик В. В. Докучаева 102, 229
- Фетов, знакомый В. И. Вернадского в Мюнхене, с которым он собирался экскурсировать в 1888 г. 112
- Фигаро, герой трех пьес П. О. Бомарше и оперы В. А. Моцарта «Свадьба Фигаро» 252
- Фигье (Figuier) Луис (1819—1894), французский литератор и естествоиспытатель, проф. естественных наук Училища фармацевтов в Монпелье (с 1846), в Тулузе (с 1850), в Париже (с 1853) 88
- Фостер (Foster) Майкл (1836—1907), английский физиолог 255
- Фотиева, хозяйка дачи в Павловске, которую снимала мать В. И. Вернадского в 1888 г. 121
- Фотий (в миру Петр Никитич Спаский) (1792—1838), архимандрит, церковный деятель эпохи Александра I 73, 75
- Франс (Frangé) Анатолий (1844—1924), французский писатель 70
- Францоз (Franzos) Карл Эмиль (1848—1904), австрийский писатель, журналист и критик 70
- Фрей Вильям (наст. имя Гейнс Владимир Константинович) (1839—1888), писатель, общественный деятель, выпускник Артиллерийской акад. и Акад. генерального штаба, эмигрировал (1868) в Северную Америку с целью найти форму жизни, которая обеспечивала бы бы-

- бедное существование наиболее обездоленной массе. Комуны, которые он создавал, распадались, и через 17 лет он переехал в Англию, превратившись из социалиста-коммуниста, каким он приехал в Америку, в ортодоксального позитивиста — последователя Огюста Конта 88, 186
- Фрейтаг (Freitag) Густав (1816—1895), немецкий писатель 218
- Фридрих III (1831—1888), король прусский и император германский 115, 120, 121, 123, 127
- Фриккен (Fricken) Вильгельм, немецкий зоолог 88, 89
- Фринкштейн, издатель «Zeitschrift für Agrarpolitik» 144, 159
- Фуггер (Fugger) Фридрих Эберхард (1842—после 1902), австрийский геолог, проф. в гимназии в Стокенау (Stockenau) (1864—70), в средней реальной школе в Зальцбурге (с 1870), корреспондент Государственного геологического учреждения в Вене (с 1878), чл. Центральной комиссии по истории искусства, памятников в Вене (1894), почетный чл. О-ва зальцбургских краеведов (1893), руководитель городского музея Carolina-Augusteum (с 1902) 141
- Фуке (Fouque) Фердинанд Андре (1828—1904), французский минералог, проф. естественной истории неорганических веществ Коллеж де Франс в Париже 119, 233, 247, 255, 258, 259, 262, 267, 274, 280
- Фурье (Fourier) Франсуа Мари Шарль (1772—1837), французский утопический социалист 17, 19, 20, 31
- Фусс (Fuss) Генрих Людвиг Рудольф (1838—1917), немецкий механик, изготовлявший научные приборы 249, 254, 259
- Хан, Ганн (Hann) Юлиус (1839—1921), австрийский метеоролог и климатолог, директор австрийского Метеорологического ин-та (1877—97), редактор журнала «Meteorologische Zeitschrift», проф. Ун-тов в Вене (с 1874) и Граце (с 1897) 122
- Харламов Николай Васильевич, юрист, член «Братства», после окончания Петербург. ун-та поступил кандидатом на судебные должности при Петербург. окружном суде, затем служил в канцелярии Варшавского генерал-губернатора 114, 118, 129, 130, 138, 151, 196, 229—231, 235, 236
- Харламова Татьяна Александровна (девичья фамилия Корнилова), жена Н. В. Харламова 230—232, 240
- Харламовы, семья Харламова Н. В. 235
- Хмельницкий Богдан (Зиновий) Михайлович (ок. 1595—1657), гетман, украинцы, полководец и дипломат, руководитель освободительной войны украинского народа против польско-шляхетского гнета, за воссоединение с Россией (1648—54) 18, 20
- Храповицкий Александр, студент Петербург. ун-та, земский деятель 122
- Храповицкий Владимир, студент Петербург. ун-та, впоследствии ученый-ботаник 122
- Цейс (Zeiss) Карл Фридрих (1816—1888), немецкий оптик-механик, основатель оптической фирмы в Йене 249
- Ценгерле (Zengerle) Иоганнс Непомуцен, немецкий химик и минералог 279, 280
- Циттель (Zittel) Карл Альфред (1839—1904), немецкий палеонтолог, проф. Мюнхенского ун-та (с 1866), с которым В. И. Вернадский совершал экскурсию в Баварские Альпы в 1888 г. 121, 124, 126, 128, 131
- Чаадаев Петр Яковлевич (1794—1856), мыслитель и публицист 80
- Чаславский Василий Иванович (1834—1878), экономист и статистик, сотрудник министерства государственных имуществ, автор почвенной карты Европейской России и ряда работ о хлебной торговле, отхожих промыслах и производительности труда в России 46, 48
- Чверульд, скандинавский геолог 150
- Чермак, Чермак-Зейзенегг (Tschermak-Seysenegg) Густав (1836—1927), австрийский минералог и петрограф, действительный чл. АН в Вене (1875), почетный чл. Петербург. АН (1912), преподавал в Венском ун-те (1861—1906), директор Минерало-

- гического кабинета Венского ун-та (1868—77) 119
- Чернышев Феодосий Николаевич (1856—1914), геолог, палеонтолог, акад. Петербург. АН (1909), сотрудник (с 1882), директор (с 1903) Геологического комитета, директор Геологического музея АН в Петербурге (с 1900) 189
- Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889), революционер и мыслитель, писатель, экономист, философ 20, 80
- Чертков Владимир Григорьевич (1854—1936), единомышленник и друг Л. Н. Толстого, издатель его сочинений, один из основателей издательства «Посредник» (1884) 43
- Чертораев Петр Семенович, лечащий врач семьи Старицких 179, 180, 205, 206
- Шалфеев Петр Петрович (1861—1893), зоолог, выпускник и сотрудник Петербург. ун-та (с 1885), ученый хранитель при Зоологическом музее Петербург. АН (с 1890) 229
- Шаховская Анна Дмитриевна (1889—1959), личный секретарь В. И. Вернадского (с 1938), впоследствии хранитель его Кабинета-музея в Ин-те геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского АН СССР, дочь Д. И. Шаховского 124, 127
- Шаховская Анна Николаевна (девичья фамилия Сиротинина), жена Д. И. Шаховского 98, 212—215, 262
- Шаховский Дмитрий Иванович (1861—1939), государственный и общественный деятель, внук декабриста Федора Петровича Ш., друг В. И. Вернадского со студенческих лет, земский деятель Ярославской губ., один из основателей и сотрудников журнала «Освобождение», чл. Совета «Союза освобождения», участник земских съездов (1904—05), чл. партии кадетов (с 1905), министр государственного призрения во Временном правительстве, в начале 1920-х годов служил в кооперации 41, 43, 46, 48, 72, 86, 94, 98, 100, 113, 117, 118, 120, 122, 127, 135, 137, 174, 180, 182, 190, 196, 203, 213—215, 217, 218, 221—223, 231, 232, 235, 236, 246, 258, 269
- Шенфельд, немецкий философ 247
- Шигаева, см. Вернадская М. Н.
- Шиллер (Schiller) Иоганн Кристоф Фридрих (1759—1805), немецкий поэт, драматург, теоретик искусства, историк 267
- Шмидт Федор Богданович (1832—1908), геолог, палеонтолог и ботаник, акад. Петербург. АН (1855; адъюнкт — 1872; экстраординарный акад. — 1874), директор Минералогического музея Петербург. АН (1873—1900) 189
- Шпильгаген (Spielhagen) Фридрих (1829—1911), немецкий писатель 70
- Штилер 181
- Штудер, профессор в Берне 154
- Шапов Афанасий Прокофьевич (1831—1876), историк и публицист, читал курс русской истории в Духовной акад. (1856—60) и Казанском ун-те (1860—61) 80
- Шербацкая Марья Ипполитовна, жена С. Е. Крыжановского 132, 133, 197, 198, 202
- Эберс (Ebers) Георг (1837—1898), немецкий юрист, египтолог, проф. Йенского (1865—70) и Лейпцигского (1870—89) ун-тов, автор романов из жизни древнего и греко-римского Египта и средневековой Германии 229
- Эдисон (Edison) Томас Алва (1847—1931), американский изобретатель в области электротехники и предприниматель, основатель крупных электротехнических компаний 177
- Эйлер (Euler) Леонард (1707—1783), математик, механик и физик, адъюнкт по физиологии (с 1726), проф. физики (с 1731), высшей математики (1733—41), иностр. почетный чл. (с 1742), вторично проф. (с 1766) Петербург. АН 72
- Энгельгардт Александр Николаевич (1832—1893), химик, агроном, публицист, редактор первого русского «Химического журнала» (1859—60), проф. химии Петербург. земледельческого ин-та (ныне Ленингр. лесотехническая акад. им. С. М. Кирова)

- (с 1866), за общественно-реформаторскую деятельность и распространение среди студентов демократических идей был арестован в 1870 г., заключен в Петропавловскую крепость, а в 1871 г. выслан под надзор полиции в свое имение Батишево (Смоленская губ.) 77—84, 87, 92, 93, 99—103, 109, 110
- Энгельгардт Михаил Александрович (1861—1915?), ботаник, сын А. Н. Энгельгардта 84, 87, 98, 110
- Энгельс (Engels) Фридрих (1820—1895), вождь и учитель международного пролетариата, соратник К. Маркса 120
- Эпикур (Epikuros) (342—341—271—270 до н. э.), древнегреческий философ-материалист 21
- Эрстед (Ørsted) Ханс Кристиан (1777—1851), датский физик, адъютант (с 1800) и проф. (с 1806) Копенгагенского ун-та, неприменный секретарь Датского королевского о-ва (с 1815), директор-организатор Политехнической школы в Копенгагене (с 1829) 108
- Юргенсон А., минералог из России, с которым В. И. Вернадский работал в 1889 г. в лаборатории П. Грота в Мюнхене, впоследствии научной работой не занимался 114, 115, 121, 124, 168, 209, 254
- Юринац, хорватский исследователь, с которым В. И. Вернадский познакомился в минералогической экскурсии по Европе в 1888 г. 116, 125, 129, 136, 269
- Янжул Иван Иванович (1846—1914), экономист и статистик, проф. Моск. ун-та (с 1876), акад. Петербург. АН (с 1895), фабричный инспектор Московского округа (1882—87) 46, 48
- Янсон Николай Кириллович, студент 3-го курса юрид. фак. Петербург. ун-та (1899) 232, 233, 241, 245, 251
- Янсон Юлий Эдуардович (1835—1893), статистик и экономист, чл.-кор. Петербург. АН (1892), проф. Петербург. ун-та, зав. статистическим отделением Петербург. городской управы (с 1881), председатель отделения статистики и эпидемиологии Русского о-ва охраны народного здоровья (с 1884), член Международного статистического ин-та (с 1885) 46, 48
- Яроцкий Василий Гаврилович (1855—1917), экономист, преподаватель (с 1883), позже ординарный проф. Александровского лицея, преподаватель Военно-юридической акад. (с 1855), приват-доцент Петербург. ун-та (с 1888) 46, 216, 222, 228, 229, 234, 235, 239

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3	Письмо № 49	123
Письмо № 1	13	Письмо № 50	124
Письмо № 2	13	Письмо № 51	126
Письмо № 3	14	Письмо № 52	127
Письмо № 4	20	Письмо № 53	128
Письмо № 5	24	Письмо № 54	128
Письмо № 6	27	Письмо № 55	129
Письмо № 7	34	Письмо № 56	129
Письмо № 8	39	Письмо № 57	130
Письмо № 9	40	Письмо № 58	130
Письмо № 10	43	Письмо № 59	131
Письмо № 11	49	Письмо № 60	132
Письмо № 12	53	Письмо № 61	133
Письмо № 13	55	Письмо № 62	133
Письмо № 14	57	Письмо № 63	134
Письмо № 15	62	Письмо № 64	135
Письмо № 16	62	Письмо № 65	135
Письмо № 17	64	Письмо № 66	136
Письмо № 18	65	Письмо № 67	137
Письмо № 19	67	Письмо № 68	138
Письмо № 20	71	Письмо № 69	138
Письмо № 21	75	Письмо № 70	138
Письмо № 22	76	Письмо № 71	139
Письмо № 23	76	Письмо № 72	144
Письмо № 24	80	Письмо № 73	149
Письмо № 25	84	Письмо № 74	151
Письмо № 26	85	Письмо № 75	151
Письмо № 27	87	Письмо № 76	152
Письмо № 28	89	Письмо № 77	152
Письмо № 29	91	Письмо № 78	154
Письмо № 30	92	Письмо № 79	155
Письмо № 31	92	Письмо № 80	156
Письмо № 32	93	Письмо № 81	157
Письмо № 33	96	Письмо № 82	159
Письмо № 34	97	Письмо № 83	160
Письмо № 35	99	Письмо № 84	163
Письмо № 36	100	Письмо № 85	163
Письмо № 37	103	Письмо № 86	165
Письмо № 38	105	Письмо № 87	167
Письмо № 39	110	Письмо № 88	167
Письмо № 40	112	Письмо № 89	168
Письмо № 41	113	Письмо № 90	169
Письмо № 42	115	Письмо № 91	170
Письмо № 43	116	Письмо № 92	173
Письмо № 44	117	Письмо № 93	173
Письмо № 45	118	Письмо № 94	174
Письмо № 46	120	Письмо № 95	176
Письмо № 47	121	Письмо № 96	177
Письмо № 48	122	Письмо № 97	178

Письмо № 98	180	Письмо № 133	231
Письмо № 99	182	Письмо № 134	232
Письмо № 100	183	Письмо № 135	234
Письмо № 101	184	Письмо № 136	234
Письмо № 102	185	Письмо № 137	235
Письмо № 103	186	Письмо № 138	236
Письмо № 104	188	Письмо № 139	237
Письмо № 105	190	Письмо № 140	238
Письмо № 106	193	Письмо № 141	240
Письмо № 107	195	Письмо № 142	241
Письмо № 108	197	Письмо № 143	243
Письмо № 109	199	Письмо № 144	244
Письмо № 110	200	Письмо № 145	245
Письмо № 111	202	Письмо № 146	246
Письмо № 112	204	Письмо № 147	249
Письмо № 113	205	Письмо № 148	250
Письмо № 114	206	Письмо № 149	251
Письмо № 115	208	Письмо № 150	253
Письмо № 116	210	Письмо № 151	254
Письмо № 117	211	Письмо № 152	255
Письмо № 118	213	Письмо № 153	256
Письмо № 119	214	Письмо № 154	258
Письмо № 120	215	Письмо № 155	261
Письмо № 121	217	Письмо № 156	262
Письмо № 122	219	Письмо № 157	264
Письмо № 123	220	Письмо № 158	267
Письмо № 124	221	Письмо № 159	269
Письмо № 125	222	Письмо № 160	271
Письмо № 126	223	Письмо № 161	273
Письмо № 127	225	Письмо № 162	274
Письмо № 128	227	Письмо № 163	275
Письмо № 129	228	Письмо № 164	277
Письмо № 130	229	Письмо № 165	280
Письмо № 131	230	Письмо № 166	281
Письмо № 132	230	Именной указатель	282

Научное издание

ВЕРНАДСКИЙ Владимир Иванович

ПИСЬМА Н.Е. ВЕРНАДСКОЙ
1886—1889

Составитель **Филиппова Надежда Владимировна**

Утверждено к печати Архивом АН СССР

Редактор *Т.А. Николаева*

Художник *А.Г. Кобрин*. Художественный редактор *М.Л. Храмцов*

Технический редактор *Г.И. Астахова*. Корректор *С.В. Дельвиг*

ИБ № 35629

Подписано к печати 16.10.87. Т—18626. Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная № 1
Гарнитура Литературная (фотонабор). Печать офсетная. Усл.печ.л. 19,0. Усл.кр.-отг. 19,3
Уч.-изд.л. 24,1. Тираж 6000 экз. Тип. зак. 596. Цена 1р. 70к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

2-я типография издательства "Наука" 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

Предлагаемое издание — начало публикации писем В. И. Вернадского Н. Е. Вернадской. Сохранилось около 1600 писем за 1886—1940 гг. В настоящее время готовится следующая книга, в которую вошли письма за 1889—1892 гг.

«Обыкновенно во время моих поездок я вел род дневника или летучих заметок о том, что приходилось видеть, теперь мне этого не хочется, а ужасно хочется передавать все это Вам, и я думаю (если Вы против этого ничего не имеете) излагать свой дневник к Вам в письмах, а другого не иметь. Все равно, скрывать от Вас ничего не могу».